

кх
Методический
вестник, 1889,
март №3

05 | 215643
1190 | Цейбригенский
Вестник 1889 года

13/1774

2680 2/8

20611 1347

15 11 88 м.

З

1 марта

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ИЗДАНО
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ

245643

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

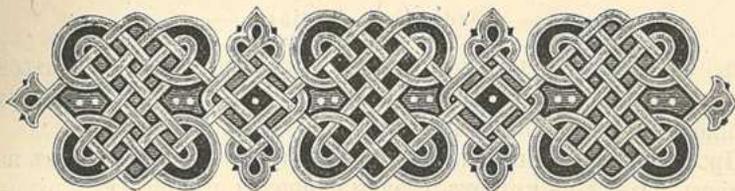
МАРТЪ, 1889

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. XI—XV. (Продолженіе). Графа Е. А. Сазіаса	521
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. VI—VII. (Продолженіе).	541
III. Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію. Гл. II. (Окончаніе). Д. И. Иловайскаго	577
Иллюстраціи: Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Съ гравюры того времени, сдѣланной въ Нюрнбергѣ).—Король польскій Стефанъ Баторій. (Съ гравюры того времени).—Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Съ гравюры Вѣнской Публичной Библіотеки—по снимку Д. А. Ровинскаго).—Современная карриатура на Ивана Грознаго. (Изъ книги Гоффа «Tuganau Jwan Wasilowitz», 1581 г.).	
IV. Потревоженные тѣни. (Изъ одной семейной хроники). Актриса. Гл. I—V. С. Н. Терпигорева	607
V. За кулисами стараго театра. V. Похожденія литавриста Муромцева. VI. Къ исторіи театральныхъ усобицъ. Е. Н. Опочинина	633
VI. Забытый Панинь. В. А. Вильбасова	645
VII. Воспоминанія о Д. Н. Вѣгичевѣ. Е. П. Соковниной	661
VIII. Новые отрывки и варианты сочиненій Пушкина. (Изъ рукописей Румянцевскаго музея). А. И. Нежеленова	674
IX. Подувѣковой юбилей воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. М. И. Городецкаго	693
X. Первый экархъ новой болгарской церкви. С. С. Бобчева	701
XI. Скисская жертвенная чаша. Д. И. Эварницкаго	720
Иллюстраціи: Рисунокъ скисской жертвенной чаши (изъ собранія А. Н. Поля).	
XII. Общественная жизнь въ Англїи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Ст. I. В. Р. Зотова	723
Иллюстраціи: Улица въ Сити, въ 1804 году.—Возвращеніе съ парада, въ 1800 году.—Расправа съ перекушникомъ хлѣба.—Парламентъ 1803 года.—Надзоръ за уплатою налога въ кухнѣ.—Смерть Нельсона.—Новости съ театра войны.	
XIII. Критика и библиографія: Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствїи специалистовъ. Томъ десятый; переваль Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторїи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. И. —Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторїи русскаго языка XVII и XVIII столѣтїй. Спб. 1889. Е. П. —Витебская Старина. Томъ V. Матеріалы для исторїи Полоцкой епархіи. Часть I. Составилъ и изд. А. Сапуновъ. Витебскъ. 1888. М. Г—цнаго. —С. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Спб. 1889. П. П. —Униатскіе церковные соборы съ конца XVI вѣка до воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Составилъ Иванъ Стрѣльбицкій. Вильна. 1888. М. Г—цнаго.	748
XIV. Заграничныя историческія новости.	760
XV. Смѣсь: Двадцатипятилѣтняя годовщина земскихъ учреждений.—Юбилей А. А. Фета.—25-лѣтіе ученой дѣятельности О. А. Федченко.—Памятникъ Н. М. Пржевальскому.—Сѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.—Церковно-археологическое общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1888 году.—Некрологи: П. П. Максимовича, Д. В. Разумовскаго, Н. И. Зеленаго, А. Я. Герда, В. А. Кипріянова, А. И. Жижиленко, В. В. Пассекъ, И. И. Красова.	769
XVI. Замѣтки и поправки: I. Зубовскій карликъ. Графа П. А. Зубова .—II. Къ исторіи добратинства. Свѣц. Г. И. Сорокина	781

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Іосифа Сѣмашко**. 2) Вальсъ, сочиненный **А. С. Грибоѣдовымъ** въ 1823 году. 3) **Мазаниелло**. Историческій романъ **Адольфа Глазера**. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. V и VI (съ тремя рисунками въ текстѣ). 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» **А. С. Суворина**.

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЬ. ¹⁾

Историческій романъ.

XI.

ШУМСКІЙ плохо спалъ ночь. Объясненіе съ Пашутой сильно взволновало его, и онъ сто разъ пожалѣлъ, что ранѣе, еще въ Петербургѣ, не видѣлся съ ней и не переговорилъ. Впрочемъ, онъ понималъ, что тогда подобнаго разговора и быть между ними не могло. Тамъ онъ былъ еще озлобленъ на дѣвушку и собирался въ наказаніе предать ее въ руки Настасьи. Если Пашута теперь заговорила, высказалась, то, разумѣется, потому что онъ ласково объяснился съ ней.

Когда-то въ Петербургѣ заявленіе 'Квашнина насчетъ баронессы, послѣ его визита къ Нейдшильдту, мало утѣшило Шумскаго. Мнѣніе Квашнина, что Ева любитъ его, основывалось лишь на одной фразѣ барона. Высказанное теперь Пашутой имѣло, конечно, гораздо большее значеніе. Дѣвушка была любимицей, почти пріятельницей Евы. Она не могла не знать истины, а должна была дѣйствительно знать больше, чѣмъ сама дѣтски-простодушная, наивная Ева.

Всю ночь Шумскій среди безпокойнаго сна, въ полудремотѣ, видѣлъ «Серебряную Царевну», и она говорила ему, что любитъ его. Приходя въ себя, Шумскій по нѣскольку разъ задавалъ себѣ во-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 265.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г., т. XXXV.

ЗВІРЕНО 1961 р.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

245643

прось: «неужели это правда? неужели все можетъ еще устроиться?» Подъ утро онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ отдохнушаго или нравственно умиротвореннаго человѣка.

Проснувшись очень поздно, предъ полуднемъ, Шумскій съ изумленіемъ оглядѣлся кругомъ себя и удивился, что онъ въ Грѹзинѣ. Онъ видѣлъ что-то во снѣ, чего вспомнить не могъ, но оно очевидно, уносило мысли его на край свѣта отъ Грѹзина. Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы вспомнить, зачѣмъ онъ здѣсь, что привело его въ «логовище звѣря», какъ иногда называлъ онъ Грѹзино.

Вспомнивъ, что онъ пріѣхалъ мстить, Шумскій задалъ себѣ вопросъ: «что же будетъ?» Неужели звѣрь проститъ эту проклятую бабу, а онъ самъ все потеряетъ, ничего не выигравши, даже не отомстивши.

Шумскій поднялся, напился чаю и вышелъ прогуляться, чтобы чѣмъ-нибудь себя развлечь. Разумѣется, онъ опросилъ тотчасъ трехъ попавшихся ему людей о здоровьѣ графа. Они отвѣчали все то же слово, что и лакей подававшій чай.

— Слава Богу.

И всѣмъ тремъ Шуйскій отвѣтилъ, или сурово, или усмѣхаясь: — Богъ тутъ ни при чемъ!

Конечно, изъ опрошенныхъ людей только одинъ понялъ этотъ отзывъ, смутился, заморгалъ глазами, и почти отскочилъ въ перепугѣ отъ молодого барина.

Едва только Шумскій вышелъ и прошелъ вдоль двухъ флигелей, какъ услышалъ впереди гулкій барабанный бой и вмѣстѣ съ нимъ сливающійся странный звукъ. Догадаться было бы нельзя, что все это значитъ, но Шумскій, какъ прежній обитатель Грѹзина, зналъ въ чемъ дѣло. На дѣловомъ дворѣ происходило наказаніе виновнаго. Барабанный бой изрѣдка покрывался стономъ. Не разъ слышалъ онъ это еще будучи юношей, но теперь сразу сильно смутился. Ему стало страшно, дрожь пробѣжала по спинѣ! Возникъ вопросъ.

— Кого?! Что, если наказываютъ...

Онъ не додумалъ, какъ бы испугавшись мысли, пришедшей въ голову.

Кого могъ наказывать Аракчеевъ черезъ день послѣ ихъ объясненія? Или кого-нибудь за прежнюю вину, или же... И Шумскій опять мысленно зашнулся.

Двинувшись быстро на барабанный бой, Шумскій почти побѣжалъ и произнесъ вслухъ нѣсколько разъ:

— Не можетъ быть!—Не можетъ быть!..

Въ ту минуту, когда онъ уже собирался войти на крыльцо флигеля, именуемаго «дѣловымъ дворомъ», ему навстрѣчу показался главный поварь, по имени Аванасій.

— Что это?—воскликнулъ Шумскій, тщетно стараясь быть спокойнымъ.

Поваръ снялъ свой бѣлый колпакъ, вытянулся въ струнку и, разинувъ ротъ для отвѣта, не зналъ, что отвѣчать, ибо не понималъ вопроса.

— Что это?—крикнулъ Шумскій отъ смущенья, снова задавая не тотъ вопросъ, который хотѣлъ.

— Барабанъ-съ. По болѣзни графа изъ библіотеки приказано перенести экзекуцію...

— Кого наказываютъ?—съ легкой дрожью въ голосѣ произнесъ Шумскій.

Поваръ замедлил отвѣтомъ; Шумскій схватилъ его за плечи и крикнулъ со всей силы:

— Кого? Болванъ!..

— Крестьянина... Не могу знать-съ... Въ беспорядкѣ уличень...—поспѣшно заговорилъ Аванасій.—За ночь украли у него лопату съ метелкой...

Шумскій подавилъ вздохъ отъ спавшаго съ души гнета, отвернулся и тихо пошелъ по двору.

— И я тоже сумасшедшій,—прошепталъ онъ.—Развѣ это возможно... Развѣ онъ посмѣлъ бы?.. Конечно, посмѣлъ бы! Но тогда что же бы съ нимъ было. Что я съ нимъ сдѣлалъ бы? Да, тогда бы, пожалуй, прямо подъ судъ и въ Сибирь.

Между тѣмъ барабанный бой длился, крикъ все явственнѣе слышался. Шумскій быстро пошелъ прочь.

Прежде случалось ему много разъ быть почти свидѣтелемъ подобной расправы Аракчеева въ его библіотекѣ, но это не производило на него никакого впечатлѣнія. Теперь внезапно ему стало и жаль наказываемаго и казалась гадкой обстановка.

— И зачѣмъ этотъ барабанъ?—вымолвилъ онъ вслухъ.—Скрыть отъ всѣхъ или заглушить крики нельзя. Да ему и не нужно укрываться. Даже не желательно. Стало быть для комедіи? Для чего-то иного?

Подумавъ, онъ согласился, что вопли, сливающіяся съ барабаннымъ боемъ, дѣйствительно, производятъ даже на него какое-то сугубое впечатлѣніе казни: чудилось что-то омерзительно-торжественное.

Удалясь отъ дома и дойдя до перевоза, Шумскій остановился на берегу Волхова и долго глядѣлъ на рѣку.

При видѣ парома, онъ вспомнилъ, что именно при переправѣ сюда, стоя на этомъ самомъ паромѣ, онъ окончательно рѣшилъ мысленно не предавать Пашуту. Теперь же послѣ вчерашняго разговора съ дѣвушкой, ему казалось даже дикимъ, какъ могъ онъ собираться предать «вотъ на этотъ барабанный бой»—любимицу той, которую онъ самъ боготворить.

Богъ вѣсть, почему, здѣсь, глядя на Волховъ, Шумскій вдругъ перенесся мыслію въ Петербургъ и вся исторія его любви ярко возстала въ его памяти. Однако, ясно и ярко возставали лишь факты, но ихъ внутренняя связь, ихъ причина и смыслъ, были покрыты какимъ-то туманомъ.

Шумскій, глядя на себя въ этомъ недалекомъ прошломъ, будто не узнавалъ самъ себя, не могъ уразумѣть, не только оправдать все, что творилъ этотъ Шумскій.

«Другой, а не тотъ, который вотъ стоитъ тутъ на берегу».

Если онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую внезапно цѣлюбилъ съ такой силой и впервые въ жизни, то какимъ образомъ онъ съ перваго же дня не пошелъ простымъ и прямымъ путемъ? Какимъ образомъ могла явиться мысль дѣйствовать злодѣйски-позорно и жестоко? Какъ рѣшился онъ войти злодѣемъ въ честную семью старика съ дочерью, чтобы нравственно убить обоихъ. И кто же явился ангеломъ-хранителемъ любимаго имъ существа? Дворовая дѣвушка!.. Правда, очень умная и развитая по своему, но все же таки простая горничная и крѣпостная холошка.

И вотъ, будто въ наказаніе, когда онъ очнулся отъ своего полубреда, созналъ свое бессмысленно-преступное поведеніе и ясно увидѣлъ, что слишкомъ искренно, глубоко любить Еву, чтобы рѣшиться губить ее, въ эти же почти мгновенія все перевернулось, запуталось и все рухнуло... Пашута спасла баронессу, но запутала все и погубила всѣхъ.

Да, всѣхъ! Никому нѣтъ выгоды отъ того, что онъ, считавшійся сыномъ Аракчеева, сталъ подкидышемъ, подброшеннымъ или купленнымъ—все равно.

Одному Фонъ-Энзе выгодно это. Но ни барону, ни Евѣ, если она любитъ его, ни Авдотѣ, ни Аракчееву съ Настасьей, ни самой наконецъ Пашутѣ, никому открытіе тайны не принесло, и не принесетъ счастья.

— Но какая путаница?—прошептала Шумскій, не спуская глазъ съ сѣрой волны широкой рѣки.—Какая путаница! И почему все это такъ было. Почему я могъ рѣшиться такъ дѣйствовать? Вѣдь я не злой, не подлый, не скверный человѣкъ? Я это чувствую. Вѣдь я это не другому кому, а себѣ самому говорю! Самъ себя я никогда не обманывалъ. Вотъ теперь я глубоко чувствую, что я не злой и не скверный, а, между тѣмъ, тогда я дѣйствовалъ отвратительно жестоко и злобно. Я приводилъ въ страхъ и ужасъ добраго Квашнина, привелъ въ ужасъ ту же крѣпостную дѣвку Пашуту. Въ ней оказалось больше чести, больше сердца и души, чѣмъ во мнѣ...

И Шумскій, стоя спиной къ Грузину, къ его каменнымъ выровненнымъ въ рядъ зданіямъ, къ дому, и къ собору, окинулъ взоромъ пустое и голое пространство.

Безлюдныя поля, кое-гдѣ покрытыя тонкимъ снѣгомъ, кое-гдѣ

желтѣющія померзлыми пажитями, темный лѣсъ на горизонтѣ подъ свинцовой тучкой, широкая рѣка, сѣрая и пустая, вьющаяся змѣей и уходящая вдаль—все миромъ повѣяло на него.

Ширь и тишь окрестной жизни заглянули въ душу петербургскаго блазня-гвардейца и будто шепнули ему что то... про себя или про него?

— Да не здѣсь... Да, правда. Это въ Петербургѣ возможно, а здѣсь никогда бы въ голову не пришло!—отвѣтилъ онъ.—Это дурная трава на подходящей землѣ. Живи я въ деревнѣ, я не сталъ бы такимъ. А тамъ, въ Пажскомъ корпусѣ и на службѣ среди товарищей-офицеровъ, окруженный лъстецами и ухаживаньемъ—я сталъ негодяемъ и несчастнымъ. Все дурное росло во мнѣ и крѣпло, пускало сильные корни, а все хорошее заглохло и я теперь еле-еле чую его въ себѣ. Я только себѣ самому могу теперь сказать и доказать, что есть во мнѣ хорошее. А будь я съ рожденія деревенскимъ парнишкой, а теперь крестьяниномъ, то, конечно, былъ бы славнымъ мужикомъ, ретивымъ, и счастливымъ, довольнымъ. И навѣрное ни разу бы не пришлось барину, изувѣру Алексѣю Андреевичу, наказать меня батагами подъ барабанный бой.

И Шумскій вдругъ воскликнулъ громко:

— Ахъ, матушка, матушка, не отдавать бы тебѣ меня лиходѣямъ! Будь я крестьянинъ, я былъ бы теперь, конечно, во сто кратъ счастливѣе. Теперь же я, будто, какой надломанный у большого дерева сукъ, желтый, засохшій, мертвый, но висящій, не отвалившійся еще и не упавшій на землю.

XII.

Шумскій тихо двинулся отъ рѣки и побрелъ, глубоко задумавшись и опустивъ голову, обратно въ усадьбу. И только когда онъ былъ въ домѣ, а лакей снималъ съ него шинель, снова мысли о дѣйствительности вернулись къ нему и ему пришло на умъ спросить объ Аракчеевѣ и, вообще, объ томъ нѣтъ ли чего новаго.

Передъ нимъ стоялъ его любимецъ, грузинскій швейцаръ.

— Что графъ, какъ себя чувствуетъ? — спросилъ Шумскій.

Пожилой дворовый, исправлявшій должность швейцара, по имени Григорій, считался въ Грузинѣ самымъ умнымъ изъ всей дворни.

— Ничего-съ,—отозвался Григорій, тихо, вѣжливо, безъ какого-либо оттѣнка въ голосѣ.

Это была его привычка разговаривать съ господами и въ особенности съ графомъ. О чемъ бы не зашла рѣчь, хотя бы о чрезвычайномъ событїи, Григорій отзывался однозвучно и говорилъ какъ журчащій ручей. Ни любви, ни злобы, ни хвалы или порицанія, досады или довольства, ни какой-либо тѣни какого-либо личнаго чувства, не проскальзывало въ звукъ его голоса. Григорій

быль самая воплощенная осторожность. Шумскій еще юношей часто подсмѣивался надъ Григоріемъ, называлъ его куклой, балалайкой, колокольчикомъ, и приравнивалъ звукъ его голоса ко всеѣмъ однообразнымъ звукамъ, но все-таки молодой баринъ относился къ швейцару всегда ласково и привѣтливо, ибо зналъ что онъ умнѣе и тоньше всеѣхъ остальныхъ.

— Новаго ничего нѣтъ?—спросилъ Шумскій.

— Докторъ изъ Новгорода пріѣхалъ-съ.

— Ну что же?

— Былъ у его сіятельства и, сказываютъ люди, просто бесѣдовалъ съ графомъ, такъ какъ его сіятельство чувствуетъ себя со всеѣмъ хорошо.

«Славно», хотѣлъ произнести Шумскій съ ядовитой усмѣшкой, но вспомнилъ, что съ Григоріемъ онъ никогда не позволялъ себѣ шутить объ Аракчеевѣ. Онъ не дѣлалъ этого потому, что Григорій каждый разъ на шутки, или злыя остроты, молодого барина насчетъ графа потуплялъ глаза и каждый разъ аккуратно выпускалъ протяжный вздохъ, говорившій ясно: «ты дѣлай, что хочешь, да другихъ-то зря не губи».

— Ну, а еще что новаго?—спросилъ Шумскій.

— Новый, сказываютъ, у насъ будетъ управительскій помощникъ.

— Вотъ какъ! Кто же такой?

— Аптекарь.

— Что-о? протянулъ Шумскій.

— Точно такъ-съ. Сегодня утромъ его сіятельство призвали его къ себѣ и приказали состоять въ домѣ сначала въ помощникахъ дворецкаго, а затѣмъ общали сдѣлать помощникомъ управителя.

— Почему же такъ? Чѣмъ онъ отличался?

— Неизвѣстно-съ.

— Да онъ свой крѣпостной?

— Никакъ нѣтъ-съ. Онъ всего недѣли съ двѣ, какъ въ Грүзинѣ, а откуда не могу доложить вамъ. Изъ Новгорода что ли? Кто говорить съ Москвы. Въ аптекѣ онъ больше все по ночамъ дежурилъ. Парень молодой и съ виду хорошій. Напужался только теперь—страсть!

— Чему?

— А какъ же можно. Помилуйте. Былъ онъ въ аптекѣ, а теперь будетъ здѣсь на глазахъ. Отвѣтъ будетъ большой. Какъ же не опасаться. Давай ему Богъ угодить графу. Давай Богъ и графу вѣрнаго слугу.

— Да какъ же онъ изъ аптеки-то вдругъ попалъ? Чѣмъ онъ отличился передъ графомъ?—спросилъ Шумскій.

— Намъ знать не полагается, Михаилъ Андреевичъ.—Его сія-

тельство, даже сказываютъ, никогда малаго этого и не видѣли, такъ какъ они въ аптекѣ не бывають.

— Ну, а Настасья Ѳедоровна была у графа?—спросилъ Шумскій.

Григорій, въ виду серьезности вопроса, тотчасъ опустил глаза и произнесъ однозвучно:

— Слыхалъ, что были, но утвердительно доложить не осмѣлось.

Шумскій пристально поглядѣлъ въ лицо швейцару, стараясь догадаться по немъ, что тотъ можетъ знать, но ошибся въ расчетѣ. По лицу пожилаго двороваго нельзя было никогда ничего узнать.

Шумскій приказалъ другому лакею послать къ нему Авдотью Лукьяновну, а самъ двинулся по лѣстницѣ наверхъ.

Григорій хитрымъ взоромъ проводилъ молодого барина. Швейцаръ былъ мало похожъ на дворовыхъ Грузина и отличіе его отъ другихъ было особенное. Онъ ни разу за всю жизнь не былъ наказанъ и поэтому считался любимцемъ графа. На дѣлѣ Аракчеевъ особенно ненавистно относился къ Григорію и всячески ловилъ его постоянно, но никогда не могъ поймать ни въ чемъ. Все у Григорія было въ порядкѣ. Но въ награду себѣ онъ видѣлъ постоянно непріязненный взглядъ своего барина и ясно читалъ въ его глазахъ, что тотъ не можетъ простить ему его невиновности.

И раздумывая объ этомъ, умный Григорій часто говорилъ себѣ, или женѣ.

«Уже если у него такая повадка — кровь пить, велѣлъ бы меня лучше наказать безъ вины, да не глядѣлъ бы такъ по дьявольскому. Другой бы баринъ похвалялъ и ласкалъ за то, что я порядивый, а ему обидно, что я еще не драный и не битый. Чудно, совѣмъ чудно», — размышлялъ Григорій.

Дѣйствительно, «чудно» подумалъ бы всякій другой.

Графъ Аракчеевъ ненавистно и подозрительно относился ко всѣмъ своимъ холопамъ, которыхъ не пришлось за какую-либо вину, хотя бы и малую, хоть разъ наказать. Ему казалось будто, что тамъ, гдѣ нѣтъ никогда никакой вины, дѣло нечисто. Быть можетъ тамъ кроется что-нибудь особенное, за что бы слѣдовало прямо голову съ плечъ снять. А что особенное? Нѣчто слагающееся изъ разума, воли, понятія о совѣсти, о долгѣ.

— А все это не приличествуетъ хаму! Хамъ долженъ быть скотъ! Когда хамъ не будетъ скотомъ, трудно будетъ жить на свѣтѣ!

Такъ думалъ и говорилъ графъ Аракчеевъ и находилъ много лицъ, сочувствовавшихъ ему. Болѣе ученые люди приводили графу, въ подтвержденіе его словъ, свѣжій примѣръ, недавнюю, всенародную бурю во Франціи, еще живо памятную многимъ. Современниковъ-очевидцевъ этой бури было не мало въ столицѣ и часто заходила рѣчь объ этой карѣ Господней.

Но одинъ только на всю Европу, а можетъ быть и на весь свѣтъ, графъ Аракчеевъ относился къ французской революціи вполне по своему, и своеобразно. Онъ былъ глубоко убѣжденъ и утверждалъ горячо, что «Господь тутъ ни при чемъ, все простой случай потрафился». И, если бы онъ былъ приближеннымъ короля Людовика XVI, то никакой такой революціи не было бы никогда. Графъ при этомъ поднималъ кулакъ и говорилъ:

— Вотъ этимъ я справляюсь со всякимъ человѣкомъ, который на меня полѣзеть, но дайте мнѣ въ этотъ кулакъ полную власть, я справлюсь съ милліонами враговъ. Знаете ли что такое Архимедовъ рычагъ—не ограниченная, единоличная власть.

ХІІІ.

Авдотья явилась къ Шумскому не тотчасъ. Онъ долго ждалъ ее, нетерпѣливо и досадливо бродя по своимъ горницамъ. Когда мать появилась въ дверяхъ, онъ не выдержалъ и выговорилъ сердито:

— Чего же ты не идешь! Я тебя часъ жду!

— Не могла, родной мой, какимъ образомъ не могла,—заговорила она, запыхавшись.—Да и теперь не держи меня, нехорошо. Настасья Федоровна знаетъ, что ты за мной присылалъ.

— Ну, и чортъ ее подери!—воскликнулъ Шумскій, топнувъ ногой.

— Охъ, полно. Ты все свое. А ты вотъ скажи-ка лучше, что было. Вѣдь графъ вызывалъ ее. Она у него два раза была. Утромъ часа три сидѣла у него, да куда ты гулять изволилъ, опять сидѣла.

— Ну, — выговорилъ Шумскій нетерпѣливо и съ изумленіемъ, ясно написанномъ на лицѣ,—что же?

— То-то... Ты вотъ все свое, а онъ-то свое. Ты вотъ думалъ,—повизгивъ голосъ почти до шопота прибавила Авдотья,—полагалъ все, онъ ее шаркнетъ изъ Грузина, во вѣки вѣчные на глаза не пустить, а оно вонъ что...

— Да что? Что?

— А то, что просидѣвши у него долгое время, пришла она къ себѣ на половину, — рукой не достанешь. Правда лицо, малость, красное, глаза вздутые, видать, что ревѣла, видать что въ ногахъ валялась. Два пятнышка на черномъ платѣ. На колѣнкахъ стояла, да забыла обтереть. А полы-то у графа чистые, черезъ день моютъ. Стало, посуди ты, сколько же она елозила предъ нимъ по полу, коли платышко протерла. Да, вонъ оно что!—говорила Авдотья, совершенно серьезно, перерывая слова вздохами.

— Стало быть, онъ простилъ ее,—выговорилъ Шумскій, однозвучно, глухо, будто не слыша собственного голоса, будто занятый какой-то другой поразившей его мыслью.

А мысль эта была о томъ, что, неужели же мечь не удалась, и будетъ одно пострадавшее лицо—онъ же самъ.

— По твоему, матушка, они примирились?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ, наконецъ.

— Понятное дѣло, родной мой. Да, посуди ты, нешто можетъ онъ съ ней раскинуться на двѣ стороны. Вѣдь онъ двадцать семь лѣтъ на нее дышетъ. Шутка ли? Ты одинъ въ толкъ взять не можешь, что за барыня Настасья Федоровна. Вѣдь ты одинъ только не вѣришь, что она не простая женщина, какъ мы грѣшные. Тебѣ никто не сказывалъ о ней ничего, считая тебя ея сыномъ роднымъ, а теперь я тебѣ скажу. Обойди ты все Грузино, все деревни и поселки наши, пройди ты весь городъ Новгородъ и все дѣ ты умные люди скажутъ, что она—колдунья.

Шумскій махнулъ рукой, отвернулся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Да вотъ маши, не маши,—отозвалась съ упрекомъ Авдотья,— а умѣе умныхъ не будешь. Нѣтъ человѣчка на свѣтѣ, который бы не зналъ, что Настасья Федоровна колдунья. Она разными приворотами графа взяла и держитъ. Не мало я тутъ видѣла диковиныхъ отъ нея примѣровъ. Знаешь ли ты, что было разъ. Бѣхалъ разъ графъ въ Старую Руссу по важнѣющему дѣлу, она заперлась у себя, шептала, шуршила, бормотала, что-то такое пакостное творила. А тамъ вышла изъ горницы, пошла къ нему, да при всѣхъ, при господахъ и при разныхъ секретаряхъ и при офицерахъ и объявила: «Не ѣздите, графъ, въ Руссу, тамъ вотъ что и вотъ что нехорошее будетъ съ вами». Все такъ и ахнули. Графъ не поѣхалъ, а все туда поскакали какъ угорѣлые отъ страху отвѣта. Ну, и что же? Какъ они туда приѣхали, такъ и накрыли солдата, что изъ заряжаннаго ружья собирался въ графа палить. Это тебѣ здѣсь все скажутъ и въ Руссѣ все скажутъ. Да и мало ли было такого. Говорю тебѣ, ты одинъ на свѣтѣ не зналъ этого, и вотъ рукой машешь. А нѣтъ такого ребеночка на селѣ, который бы ее свято не почиталъ за колдунью и вѣдму.

— Вотъ-те, здравствуйте!—сказалъ Шумскій.—Къ тому же еще и свято!—разсмѣялся онъ, но смѣхъ молодого человѣка былъ далеко не веселый.

Онъ долженъ былъ теперь сознаться, что если все, что говоритъ Авдотья сущій вздоръ, то въ иномъ смыслѣ она права. Эта отвратительная женщина, которую онъ и ненавидитъ и презираетъ, дѣйствительно, околдовала этого лиходѣя и дуболома. Она одна на всю Россію властвуетъ надъ нимъ. Но чѣмъ? Какъ? Понять это совершенно невозможно. Такъ же невозможно, какъ понять чѣмъ властвуетъ Аракчеевъ надъ государемъ. Какъ царь слѣпъ насчетъ своего фаворита, такъ точно онъ въ свою очередь слѣпъ насчетъ своей сожигательницы.

Возможно ли было подумать, что этотъ человѣкъ, обманутый въ

самоѣ кровномъ и важномъ дѣлѣ и обманываемый въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, все сразу, въ часъ времени, простить этой женщиѣ.

Она увѣрила его, что была беременна, что у нея и у него есть родной имъ сынъ, а теперь должна была сознаться въ гробомъ и подломъ двадцати пяти лѣтнемъ обманѣ и притворствѣ. Долженъ же онъ сообразить, что если на такое дѣло пошла она, то на что же способна эта же женщина въ мелочахъ ежедневной жизни. Вотъ что должно бы было поразить Аракчеева. Но онъ, очевидно, ничего не сообразилъ и ни о чемъ не спросилъ себя, ни о чемъ подумать не захотѣлъ. Онъ захотѣлъ только одного: скорѣй, во что бы то ни стало, простить эту женщину, потому что безъ нея онъ жить не можетъ.

Шумскій уже не ходилъ по комнатѣ, а стоялъ предъ Авдотьей, опустивъ голову, и злоба бушевала въ немъ. Его мечь не удалась. Онъ надѣялся заставить ихъ разойтись, надѣялся отравить имъ ихъ существованіе. И этого не будетъ, потому что подобное невозможно. Эти два звѣря живутъ душа въ душу, которыхъ у нихъ нѣтъ.

— Что же теперь дѣлать?—прошпталь, наконецъ, Шумскій, какъ бы потерявшись.

Авдотья, вообразившая, что этотъ вопросъ обращенъ къ ней отозвалась тотчасъ и ласково:

— Послушайся, поди, родной, повинись, попроси прощенія. А то еще того лучше, скажи: все припуталь, привралъ, что слышать слыхаль, а правда ли все это, самъ не знаешь. Вѣдь ты не говорилъ отъ кого все узналъ. Скажи въ Петербурхѣ офицеры тебѣ сбрехнули... Повинись и опять будешь счастливъ.

Шумскій вдругъ озлобился, почти остервенѣлъ и глянулъ на мать неприязненнымъ взглядомъ. Губы его дрогнули и онъ произнесъ какимъ-то металлическимъ голосомъ:

— Ты баба... Я не только предъ кровопійцей Аракчеевымъ, а и на страшномъ суду Господнемъ не повинюсь ни въ чемъ.

Авдотья опустила глаза, она не переносила никогда этого знакомаго ей взгляда, котораго она будто боялась.

— Ну, поди къ себѣ, оставь меня. Я что-нибудь да надумаю,—пробормоталь Шумскій, и отвернувшись отошелъ къ окну.

Авдотья вышла смущенная... Когда дверь заперлась, Шумскій взялъ себя за голову и произнесъ тихо:

— Хотъ бы дьяволъ помогъ, если Господь Богъ отъ меня отступился. А то что же это?.. Одного потерялъ, а другого не прибрѣлъ.

XIV.

Шумскій тщетно ждалъ, что графъ его вызоветъ къ себѣ для объясненій. Прошло уже четыре дня послѣ первой роковой бесѣды между ними, и графъ, по словамъ людей, прохворавъ цѣлыя сутки, выздоровѣлъ прежде, чѣмъ успѣлъ пріѣхать главный докторъ. Затѣмъ чрезъ сутки онъ объяснился съ Настасьей и, очевидно, примирился съ ней. Дѣло приближалось къ развязкѣ, къ эпилогу, а, между тѣмъ, виновника всего онъ не вытребывалъ къ себѣ.

Въ ожиданіи объясненія, молодой человѣкъ дошелъ до послѣдней степени нетерпѣнія и раздражительности. Привыкнувъ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ внутреннихъ движеніяхъ, Шумскій рѣшилъ, что его, главнымъ образомъ, томить теперь неизвѣстность его собственной судьбы. Злоба на то, что месть не удалась, была давно уже на второмъ планѣ. Теперь жгучая мысль была о томъ, что будетъ съ нимъ? Какъ разрѣшится вопросъ о собственномъ его существованіи.

Судьба, баловавшая его всегда, и теперь, казалось, слагала обстоятельства въ его пользу. Два или три лишнихъ дня, которые молодой человѣкъ просидѣлъ въ своихъ горницахъ, послужили ему на пользу. За это время Шумскій, обдумывая всячески свой послѣдній, роковой шагъ, понемногу сталъ спокойнѣе и здравымъ теченіемъ мысли пришелъ къ убѣжденію, что онъ очертя голову поступалъ и дѣйствовалъ.

— Я дуриль... Дурь, все дурь!— часто повторялъ онъ вслухъ, бродя съ трубкой въ рукѣ по своимъ горницамъ.

И теперь вдругъ явилось въ немъ нѣчто въ родѣ раскаянія. Онъ конечно соглашался мысленно, что внезапнымъ и грубымъ образомъ узнавъ тайну своего рожденія отъ соперника-узана, онъ долженъ былъ тотчасъ ѣхать сюда, въ Грузіино, для объясненія, но надо было сдѣлать все, что онъ сдѣлалъ, въ иной формѣ. Надо было изъ любви къ себѣ постараться поправить дѣло, а не стараться, изъ дикой злобы, разрушить все окончательно.

Теперь, найдя въ себѣ это чувство, если не полного раскаянія, то все-таки сожалѣнія и, сознавъ необдуманность своего шага, Шумскій объяснилъ эту переменъ, вдругъ происшедшую въ немъ, просто, и вѣрно: все сдѣлала бесѣда его съ Пашутой.

Да, еслибъ онъ переговорилъ съ дѣвушкой въ Петербургѣ и узналъ отъ нея давно то, что онъ узналъ только здѣсь, то, конечно, онъ не поѣхалъ бы для мщенія въ Грузіино, а если бы и поѣхалъ, то повелъ бы дѣло совершенно иначе. Въ Петербургѣ ни на одну минуту не приходила въ его голову мысль, что дѣло его женитбы еще поправимо. Онъ не зналъ, что Ева любитъ его.

Онъ не повѣрилъ когда-то увѣреніямъ Квашнина, но словамъ Пашуты онъ долженъ былъ вѣрить. Слова Пашуты: «Я знаю ба-

ронессу больше, чѣмъ она сама себя знаетъ!» не выходили у него изъ головы.

Онъ спрашивалъ себя теперь, что ему было бы дороже: личное счастье, т. е. женитьба на Евѣ, или удачное мщеніе, полный разрывъ между Аракчеевымъ и Настасьей и, разумѣется, прибавлялъ, досадливо смѣясь:

— Чорта мнѣ! Живи они сто лѣтъ вмѣстѣ. Какое мнѣ дѣло, если я буду самъ счастливъ.

И чѣмъ больше думалъ молодой человѣкъ о томъ, какъ онъ нелѣпо поступилъ, явившись сюда мстителемъ, тѣмъ болѣе поведеніе его казалось ему какимъ-то простымъ мальчишествомъ.

И вдругъ ему пришелъ на память случай, бывшій въ Грузинѣ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ. Въ дворнѣ былъ мальчуганъ, по имени Егорка: дерзкій, умный, но отъ природы злой до бѣшенства. Вся дворня забавлялась тѣмъ, что дразнила мальчишку и онъ, дѣйствительно, сталъ всеобщимъ *souffre-douleur*.

Озлобленный мальчуганъ отмщалъ всю накопившуюся въ немъ злобу на дѣтяхъ моложе себя, на животныхъ, и на чемъ только могъ, даже на птицахъ.

Какъ ни было закалено население грузинское въ мучительствахъ и страданіяхъ, все-таки многіе въ дворнѣ, когда имъ навстрѣчу попался Егорка съ окровавленной пташкой въ рукахъ, возмущались душой.

Однажды Егорку нашли рано утромъ около барскаго дома мертвымъ. Оказалось, что мальчишка влѣзъ на крышу, гдѣ ставилъ, не смотря на запрещеніе графа, какіе-то капканы для ловли галокъ и воронъ. Главный фореиторъ случайно видѣлъ, какъ Егорка долго возился на крышѣ съ какой-то галкой, попавшей въ капканъ. Она вырвалась у него изъ рукъ, и, хромя, запрыгала по крышѣ. Мальчишка стремительно бросился за ней на самый край, снова поймалъ и съ остервѣненіемъ швырнулъ ее отъ себя. Хромя галка улетѣла чрезъ дворъ, но самъ мальчишка, со злости, не соразмѣрившій взмаха руки, свернулся съ края крыши и расшибся до смерти объ каменные плиты двора.

Теперь этотъ простой случай вспомнился Шумскому, и ему поудилось нѣчто общее между нимъ и Егоркой.

«То же самое! Я озлобился на всѣхъ невѣдомо почему,—думалъ онъ теперь.—И швыряясь со злости на всѣхъ, кончилъ тѣмъ, что самъ приладилъ все, чтобы свалиться и разбиться до смерти, вмѣсто того, чтобы рассказать графу всю правду и, передавъ свою неудачу по отношенію къ баронессѣ, просить его помощи. Онъ все-силенъ, онъ многое можетъ, если не все. Но во всякомъ случаѣ, если онъ захочетъ, то онъ уломаетъ барона. Никакіе родовые предразсудки аристократа-финляндца не устоятъ противъ его же немовѣрнаго тщеславія и честолюбія. Да, если бы графъ Аракчеевъ

захотѣлъ, то онъ можетъ все устроить. А я, пугая и мучая разныхъ петербургскихъ и грузинскихъ галокъ и воронъ, кончилъ тѣмъ, что почти свалился и расшибся, какъ Егорка. Почти, или совсѣмъ,—вотъ вопросъ?!»

И нетерпѣніе узнать скорѣе свою судьбу истомило Шумскаго. Переставъ злостствовать на то, что Аракчеевъ примирился съ Настасьей и простилъ ей все, онъ думалъ исключительно о себѣ о томъ, что самъ себя погубилъ. И теперь ему казалось удивительнымъ, что простая крестьянка, его мать, и простая дворовая дѣвушка, умнѣе все дѣло разсудили, чѣмъ онъ самъ, умнѣе, потому что проще. Онъ обѣ не мудрствовали, а онъ мудрствовалъ и поэтому мудрилъ.

«Заварилъ теперь кашу, — думалось Шумскому, — которую расхлебывать буду одинъ-одинехонекъ. Приглашалъ кушать вмѣстѣ съ собой и его сіятельство и его пьяную сожительстволицу, да они вотъ не пожелали, и ты изволь теперь одинъ давиться этой кашей».

И покуда графъ Аракчеевъ, собираясь вызвать къ себѣ строптиваго молодого человѣка, готовился къ объясненію съ нимъ, онъ самъ того не зная, давалъ время Шумскому одуматься, успокоиться и давалъ возможность возникнуть въ немъ неожиданному чувству раскаянія.

Однажды, въ ту минуту, когда молодой человѣкъ наименѣе ожидалъ быть позваннымъ къ графу, т. е. въ сумерки, явился къ нему въ комнату совершенно незнакомый человѣкъ. Съ любопытствомъ оглядывая Шумскаго, котораго онъ видѣлъ тоже въ первый разъ, молодой малый не похожій на лакея почтительно доложилъ:

— Васъ его сіятельство проситъ пожаловать къ нимъ.

Шумскій вздрогнулъ, подавилъ въ себѣ глубокой вздохъ и, волнуясь, двинулся анфиладой горницъ на другой край дома. Такъ какъ молодой малый шелъ за нимъ, то онъ, ради того, чтобы нѣсколько успокоиться, а отчасти, провѣрить себя насколько твердымъ его голосъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Кто ты такой? Я тебя не знаю, никогда не видалъ.

— Я былъ въ аптекѣ-съ, помощникомъ.

— А! знаю, слышалъ. Тебя графъ въ другую должность поставилъ. Чѣмъ ты?

— Покуда состою при дворецкомъ.

— Какъ же ты угодилъ графу, когда онъ тебя, говорятъ, и не видѣлъ ни разу?

Молодой малый молчалъ.

— Вѣдь ты пріѣзжій, вольнонаемный, и изъ аптеки никуда не выходилъ. А графъ тамъ не бываетъ. Какъ же ты могъ отличиться?!

— Простите, баринъ,—тихо отозвался малый,—не могу ничего

сказать. Я всё въ дворѣ отвѣчаю, что не знаю самъ, а вамъ лгать не стану и прямо доложу. Его сіятельство не приказали объяснять, по какому случаю я взята въ домъ.

Шумскій не настаивалъ и замолчалъ. Его нисколько все это и не интересовало. Ему хотѣлось заговорить, чтобы услышать свой собственный голосъ. Узнать, дрожить ли онъ? Замѣтны ли его смущеніе и волненіе? Видна ли та буря, которая происходитъ въ немъ? Не смотря на всё усилія, которыя онъ дѣлалъ надъ собой, кровь бурлила въ немъ и сердце стучало молотомъ.

Покуда аптекарь отвѣчалъ ему, Шумскій мысленно повторялъ себѣ:

— Падай! И самъ на себя пеняй! Да, сущій Егорка!

Молодой малый близъ дверей кабинета опередилъ Шумскаго, заявивъ, что графъ приказывалъ привести его, но доложить о немъ прежде, чѣмъ впускать.

— Ступай,—проговорилъ Шумскій и оставшись одинъ подумалъ: «это новость. Стало быть теперь господинъ военный министръ приметъ артиллерійскаго поручика Шумскаго. Да и по дѣломъ!»

Шумскій сталъ передъ запертыми дверями, понурился и вздохнулъ. Онъ простоялъ очень долго, но не замѣтилъ этого. Онъ былъ слишкомъ полонъ мыслями о томъ, чѣмъ кончится теперешнее последнее объясненіе съ человѣкомъ, котораго онъ съ дѣтства считалъ своимъ отцомъ, но съ дѣтства привыкъ ненавидѣть, вследствие какого-то невольнаго и необъяснимаго отвращенія, хотя все имѣлъ отъ него, воспитаніе, средства, карьеру.

Теперь, сейчасъ, этотъ дуболомъ, этотъ солдафонъ, этотъ изувѣрь, какъ называлъ онъ его всегда, станетъ для него официально чужимъ человѣкомъ. Онъ будетъ для него военнымъ министромъ, любимцемъ государя и временщикомъ. А самъ онъ обратится въ простаго артиллерійскаго поручика, безъ всякихъ средствъ, да съ новымъ клеймомъ на лбу, не ужаснымъ, а лишь смѣшнымъ.

Если до сихъ поръ на него показывали пальцемъ, какъ на подкидыша графа Аракчеева, котораго тотъ ошибочно считаетъ роднымъ сыномъ, то теперь на него, улыбаясь, покажутъ тоже пальцемъ, но, усмѣхаясь, съострятъ...

Его прозовутъ Аракчеевскій «откидышъ».

А между тѣмъ, человѣкъ, сидящій за этой запертой дверью, предъ которой стоитъ Шумскій, всемогущъ: захоти онъ и Шумскій будетъ вполне счастливъ. Онъ не только властенъ надъ своими подчиненными, офицерами и чиновниками, но даже надъ всѣми въ Россіи, онъ властенъ даже надъ чувствами независимыхъ отъ него частныхъ лицъ. Поѣзжай онъ въ Петербургъ на Васильевскій островъ, къ барону Нейдшильду, скажи ему нѣсколько ласковыхъ,

но вѣскихъ словъ и никакіе Густавы Вазы ничего не подѣлають. Какіе бы загробные голоса предковъ барона Цуръ-Олау-Абра-Кадабра не раздались, голосъ графа Аракчеева заставитъ ихъ всѣхъ замолчать. И баронъ Нейдшильдъ будетъ повиноваться не предкамъ, не вымышленному и дѣланному аристократическому долгу чувства или принципу, а ясно, осязаемому, могучему и властному чувству честолюбія, пошлomu, но всеильному чувству тщеславія.

И вдругъ Шумскому представилось, какъ черезъ часъ или два, ему подадутъ крестьянскую телѣгу въ одну лошадь... Онъ зналъ Аракчеева хорошо!—Въ телѣгу посадятъ парнишку лѣтъ 14-ти, на лошадь нацѣпятъ драную сбрую, веревочныя возжи... Быть можетъ, дадутъ и другую телѣгу для его вещей. И онъ выѣдетъ въ Петербургъ, какъ простой дворовый, дѣлая по сорока верстъ въ день съ привалами для корма по деревнямъ, и пріѣдетъ въ Петербургъ на четвертыя сутки. Тамъ придется тотчасъ же разсчитаться съ хозяиномъ дома; нанять гдѣ-нибудь двѣ горницы и аккуратно ходить на службу. Останется ли при немъ его. флигель-адъютанство? Богъ вѣсть? Онъ получилъ это почетное званіе, какъ сынъ графа.

Теперь легко быть можетъ, что черезъ мѣсяцъ флигель-адъютанскій мундиръ снимутъ съ него и онъ сдѣлается почти тѣмъ, чѣмъ пожелалъ быть когда-то въ шутку. Между бѣднякомъ живописцемъ господиномъ Андреевымъ и бѣднымъ столичнымъ офицеромъ—почти нѣтъ никакой разницы.

«Но вѣдь Пашута увѣряетъ, что Ева любила Андреева»...

Шумскій грустно улыбнулся при этой мысли, поднялъ голову и пришелъ въ себя.

— Однако, онъ меня долго держитъ,—проворчалъ онъ, вспоминая, что уже очень давно стоитъ передъ дверями.—Неужели онъ такъ мелоченъ, что хочетъ мнѣ мстить даже эдакъ, глупо, ничтожно... Что мнѣ стоитъ простоять часъ передъ дверью, когда мнѣ всю жизнь предстоитъ промучиться несравненно хуже.

Шумскій вздохнулъ и началъ тихо шагать взадъ и впередъ предъ дверями.

Между тѣмъ, на дворѣ окончательно смерклось. Передъ домомъ, на дворѣ уже появился красноватый свѣтъ. Засвѣтились два фонаря предъ подъѣздомъ, которые швейцаръ зажигалъ всегда раньше всѣхъ, ибо они служили сигналомъ для всего Грузіна. Всякій послѣ этого получалъ право тоже зажечь свою свѣчку.

Стараясь объяснить, зачѣмъ графъ такъ долго заставляетъ его дожидаться, Шумскій все-таки не догадался. Онъ не могъ конечно представить себѣ, что происходитъ въ эту минуту въ кабинетъ Аракчеева, чѣмъ можетъ онъ быть занятъ и куда дѣвался малый, который его привелъ.

А между тѣмъ, въ эту минуту графъ сидѣлъ задумавшись въ

креслѣ, близъ окна, положивъ руки на бочка кресла, молчалъ и ждалъ. Въ углу кабинета стоялъ у стѣны истуканомъ, вытянувши руки по швамъ, молодой аптекаръ, поавшій неожиданно въ число дворни. Еще менѣе, чѣмъ Шумскій, понималъ онъ теперь все происходящее, когда онъ доложилъ о молодомъ баринѣ, графъ приказалъ ему стать къ стѣнѣ и стоять. Онъ сталъ и стоитъ...

«Зачѣмъ? Съ какой цѣлью? Кто же его знаетъ, самодура! Заставляетъ его невѣдомо зачѣмъ стоять въ углу, какъ на часахъ, а барина стоять и ждать предъ дверями. А зачѣмъ? Конечно, самъ чудесникъ не знаетъ. Просто потѣшается, надругивается!»

На этотъ разъ и аптекаръ, и Шумскій, оба ошибались и были неправы.

Аракчеевъ, вызвавшій къ себѣ для объясненія Шумскаго, спохватился, что вызвалъ его слишкомъ рано. Ему не хотѣлось показывать Шумскому своего лица. Ему не хотѣлось, чтобы умный и проницательный молодой человекъ могъ читать по его лицу и прочесть то, что было у него на душѣ.

Поэтому онъ и оттягивалъ это объясненіе, ждалъ, чтобы наступилъ полусумракъ въ горницѣ, а чтобы свѣчи было якобы рано зажигать.

Прождавъ около четверти часа, Аракчеевъ пересѣлъ на свое обычное мѣсто за большимъ письменнымъ столомъ, подозвалъ молодого малаго и, приглядѣвшись къ нему, убѣдился, что при блѣдномъ, умирающемъ свѣтѣ, падавшемъ въ большія окна, невозможно разглядѣть выраженіе лица.

— Позови Михаила Андреевича,—вымолвилъ онъ сухо.

Молодой малый бросился съ мѣста исполнять приказаніе.

— Тише!—крикнулъ графъ.—Четвертый разъ тебѣ сказываю, не швыряйся, какъ заяцъ изъ-подъ гончихъ. Ходи человекомъ, степенно и почтительно. Ежечасно помни, кому служишь, предъ кѣмъ стоишь, и около кого ходишь.

Аптекаръ, который замеръ на мѣстѣ при окрикѣ, двинулся къ двери какимъ-то смѣшнымъ, неуверенно правильнымъ шагомъ, какъ если бы онъ шелъ по канату, или по жердочкѣ, а зачѣмъ отперъ дверь съ величайшей осторожностью, какъ бы боясь разбудить кого.

XV.

Шумскій вошелъ, сдѣлалъ два шага и остановился. Дверь затворилась за нимъ. Такъ какъ онъ долго ждалъ въ комнатѣ, которая была на западъ, и тамъ было нѣсколько свѣтлѣе, то здѣсь онъ съ трудомъ осмотрѣлся. Можно было только различить мебель и кое-какіе предметы и видѣть человека въ мундирѣ, сидящаго за столомъ. Разглядѣть же лицо его было невозможно. И въ эту

только минуту Шумскій понялъ, почему именно въ такую пору дня вызвалъ его къ себѣ графъ.

«Коли не зажгешь ты тотчасъ свѣчей, подумалось ему, то, стало быть, хочешь спрятать отъ меня свою рожу. Ну, и чортъ съ тобой! Не это мнѣ важно».

Между тѣмъ, Шумскій уже съ минуту стоялъ молча въ двухъ шагахъ отъ двери, а графъ сидѣлъ и тоже молчалъ. Наконецъ, повернувшись медленно, но не къ Шумскому, а въ противоположную сторону, гдѣ висѣлъ большой во всю стѣну портретъ государя Александра Павловича, работы Дау, графъ выговорилъ:

— Иди, крапивное сѣмя, якобинець! Садись!..

Шумскій, молча, двинулся и сѣлъ на то же мѣсто около стола, гдѣ сидѣлъ при первомъ ихъ объясненіи послѣ его пріѣзда.

— Отвѣчай, что будешь спрашивать,—заговорилъ графъ глухо, но рѣзко и съ особенной неприязнью,—не юли, не фиглярничай, не якобинствуй, а то послѣ первой же штуки выгоню вонъ, разжалую въ солдаты и сотру въ прахъ... Говори: чей ты сынъ?

— Вамъ извѣстно, что я объяснилъ въ прошлый...

— Чей ты сынъ?!—вскрикнулъ Аракчеевъ.

— Авдотьи Лукьяновны, отъ ея законнаго мужа, вашего крестьянина,—тихо, но твердо произнесъ Шумскій.

— Кто тебѣ это сказалъ?..

— Всѣ въ столицѣ знаютъ это... Мнѣ сказалъ это уланъ Фонъ-Энзе. Я сталъ спрашивать Авдотью Лукьяновну, пригрозился, что застрѣлюсь, она испугалась... Я заставилъ ее сознаться во всемъ ради страха, который напустилъ на нее... Она поэтому не виновна...

— Тебѣ сказалъ офицеръ питерскую сплетню, а дура-баба со страху подтвердила. Такъ?

— Да-съ. Но это все не...

— Не разсуждай... Отвѣчай на вопросы. Мнѣ наплевать на твои разсужденія. Зачѣмъ ты почелъ нужнымъ сейчасъ же примчать сюда и мнѣ разсказывать все?..

— Я почелъ долгомъ раскрыть обманъ, объяснить вамъ, что вы напрасно почитаете меня своимъ сыномъ отъ Настасьи Федоровны.

— Ты присутствовалъ при своемъ рожденіи, видѣлъ обманъ своими глазами? Свидѣтель ты этого обмана? Ну, чего молчишь?

Шумскій невольно развелъ руками, не найдяся, что сказать.

— Отвѣчай! Нечего махать, да пальцами разговаривать! Не глухонѣмой!

— Авдотья Лукьяновна, полагаю, знаетъ лучше всѣхъ, ея ли я сынъ, или Настасьи Федоровны.

— Полагательно! И коли она теперь сказываетъ, что ты пистолетомъ изъ нея вынудилъ клеветническое сочинительство, грозясь и себя и ее застрѣлить—а что она со страху наврала цѣлый ко-

215743

робъ... то ей вѣстимо слѣдъ вѣрить. Ей, да Настасья Федоровнѣ ближе всѣхъ знать—чей ты сынъ. Ну, вотъ и посуди теперь—кому мнѣ вѣрить. Тебѣ съ жиру и спяна врущему, или имъ обѣимъ, матери и кормилицѣ?

— Да развѣ Авдотья Лукьяновна отказывается теперь отъ своихъ словъ?—воскликнулъ Шумскій.

— А то нѣтъ?! Она женщина богобоязная...

— Со страху!.. Отъ вашихъ угрозъ!.. Но я все-таки остаюсь увѣреннымъ, что она въ Петербургѣ не лгала мнѣ.

— Дури, коли умъ за разумъ зашелъ отъ праздноштанія и пьянства. Дури. Можетъ быть и до дома умалишенныхъ допрыгаешься... Вообразишь себя зеленымъ змиемъ—еще любопытнѣе будетъ. Но это мнѣ все равно, что собственно съ тобой будетъ. А не позволю я тебѣ, щенку, позорить женщину, голубицу... Особу почитаемую, можно сказать, всѣми россиянами, кои только приближались къ ней. Самъ монархъ нашъ съ уваженіемъ и пріязнью относится къ этой особѣ, украшающей мое земное существованіе, облегающей мой государственный подвигъ. Еслибъ не Настасья Федоровна я не снесъ бы бремя на меня соизволеніемъ монарха наложенное. Это святая женщина! А ты, щенокъ, поносишь и позоришь ее, ты, ея сынъ родной! Да что же это! Развѣ это не якобинство! Развѣ за это не достоинъ ты сѣсть на вѣки въ крѣпость или идти въ Сибирь на поселеніе. А?.. Зачѣмъ тебѣ понадобилась, наконецъ, вся эта комедія, всѣ эти клеветническія сочинительства? Чего ты хочешь? А? Очумѣлъ ты отъ вина и лѣности, съ ума спятилъ? А? Говори! Куда тебя теперь запрягать? Въ желтый домъ или въ крѣпость? Безумный ты, аль якобинецъ!

Аракчеевъ смолкъ и тяжело дышалъ.

Шумскій, совершенно озадаченный, даже ошеломленный, сидѣлъ, вытараща глаза въ мракъ комнаты. Онъ всего ждалъ отъ графа, но не этого... А между тѣмъ, уже два чувства успѣли молніей скользнуть по его душѣ... Радость и стыдъ.

Невольное чувство радости, что все разрѣшается неожиданно и внезапно въ его пользу. Все можетъ снова быть поправлено. Снова «она» будетъ его невѣстой... И ѣдкое, горькое чувство стыда за эту радость, въ которой онъ не воленъ, которая сама ворвалась въ душу. Шумскій поникъ головой и задумался.

«Дрянъ! Такая же дрянъ, какъ и всѣ... говорилъ ему внутренней голосъ. Ненавидишь и презираешь ихъ обоихъ. И радъ, что останешься съ званіемъ ихъ сына—обманывать честныхъ людей. Да вѣдь это все ради нея, ради любви къ ней... Вѣдь это отъ бесѣды съ Пашутой, отъ увѣренности, что она любитъ меня. Иначе я не смолчалъ бы теперь. Я бы сказалъ: я не сынъ вашъ и не хочу имъ быть, я васъ презираю»...

Громкій голосъ Аракчеева привелъ его въ себя. Графъ очевидно уже не въ первый разъ говорилъ что-то и спрашивалъ.

— Отвѣчай, или одервенѣлъ совсѣмъ?!..

— Виноватъ, — заговорилъ Шумскій тихо. — Я такъ пораженъ всѣмъ, что мысли путаются. Что прикажете?.. Я не дослышалъ.

— Что мнѣ съ тобой дѣлать?!

— Я не знаю... Я не понимаю, что вамъ угодно.

— Что мнѣ теперь съ тобой дѣлать? Какъ ты намѣренъ себя вести?.. Скоморошествовать, вольнодумствовать и срамно путаться не въ свое дѣло, или вести себя благоприлично.

— Какъ, не въ свое дѣло... Въ какое дѣло? — изумляясь, выговорилъ Шумскій.

— Размышлять объ своемъ рожденіи!.. Измышлять всякія мерзости! Позорить Настасью Ѳедоровну и меня на всю Россію выдумками и клеветой. Развѣ тебѣ, а не намъ разсуждать и знать: чей ты сынъ! Ты ничего не знаешь и не можешь знать, но твоимъ словамъ дураки повѣрятъ. Дуракъ скажетъ: какъ же, молъ, не правда, когда-де онъ самъ говоритъ, что сынъ крестьянскій. Стало бытъ, графа Аракчеева его подруга жизни дерзостно обманула и болѣе двадцати лѣтъ обманывала. Что, мнѣ это допускать по твоему и глядѣть. Нѣтъ, врешь, я этого не допущу. Въ дураки радить себя никому не дамъ. Меня за всю мою жизнь никто въ пустяковинѣ грошевой не обманулъ и не провелъ. И государю это вѣдомо! И вся Россія это знаетъ! И не тебѣ, щенку, съ первымъ вельможей въ государствѣ дурачиться и облыжно срамить на весь свѣтъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева. Осчастливленный частымъ лицедрѣніемъ моей особы — ты забылъ кто передъ тобой, кого ты зришь во мнѣ... Забылъ все... Забылъ страхъ Божій и родительскій! Да. Вижу теперь... Мало ты принялъ побой съ дѣтства. Мало тебя драли! Воспитай я тебя въ постоянномъ учительствѣ разсоломъ, ты не дерзнулъ бы теперь якобинствовать и мѣшаться не въ свое дѣло, пытатъ отъ кого ты родился. Ступай къ себѣ. Сиди три дня и размышляй. А затѣмъ приди ко мнѣ и скажи, что мнѣ съ тобой дѣлать, что себѣ избралъ: крѣпость, Сибирь, сумасшедшій домъ... Или, остепенясь и бросивъ вольнодумничанье французское, приходи молить прощеніе у меня и у матери. Тогда я и Авдотью (не трону, баба не виновата, что ты ее застрацалъ. А если ты опять придешь ко мнѣ съ продерзостными мыслями — я тебя сотру съ лица земли, но позорить себя на всю Россію не дамъ. Ну, уходи... прокаженный!

Шумскій быстрыми шагами прошелъ къ себѣ въ комнаты, опустился въ кресло и заговорилъ вслухъ:

— Стыдно. Горько и стыдно. Не будь тебя Ева, — никогда бы я на эту сдѣлку не пошелъ. Нѣтъ. Я бы наслаждался, тиранствуя... Я бы этого изувѣра до бѣла раскалилъ. А-а? Такъ ты не желаешь,

чтобы всё знали какъ тебя, дурака Емелю, баба надула подушкой. Ты чуешь изувѣръ, какъ всякій человекъ посудить это дѣло. Коли простая пьяная экономка можетъ, молъ, его въ шуты нарядить — стало быть чучело гороховое, стало быть глупъ и тупъ, скажетъ всякій. Пигалица съ самолюбившкѣмъ пятчковымъ. Ты щенокъ, а не я. Ты щенокъ разумомъ и душой. Мелкота! Тля! Да, тля, мразь... Букашка вонючая и вредная...

Шумскій не скоро успокоился и когда излилъ страстнымъ потокомъ всю горечь, весь стыдъ, который чувствовалъ въ себѣ, отъ невольнаго принятаго рѣшенія согласиться на сдѣлку—то ему вдругъ стало невыразимо грустно.

До этого дня онъ поступалъ всегда—хорошо ли, дурно ли,—но руководимый независимой ни отъ чего и ни отъ кого волей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, презирая все и всѣхъ не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ. Отсюда явилось сознание—ошибочное и ложное—своего превосходства надъ окружающими его людьми. Они рабы всего и всѣхъ! А онъ только рабъ своихъ страстей, но и то сознательно... Онъ изъ-за прихоти человека убьетъ, въ Сибирь пойдеть и не раскается, не оглянется.

А теперь онъ въ полной зависимости у Аракчеева и Настасьи, у двухъ презрѣнныхъ существъ. Что они ни захотятъ, онъ будетъ повиноваться, потому что «она» его любить. А надругавшись надъ ними—онъ потеряетъ ее. И они даже не знаютъ въ чемъ ихъ сила и власть надъ нимъ. Они, подья твари, воображаютъ, что ему деньги нужны, общественное положеніе, флигель-адъютанство и всякая мишура, доступная сынку временщика.

— Что жъ? Будь по вашему поддѣльные папаша, и мамаша, гадкія твари-родители!—грустно улыбаясь, рѣшилъ Шумскій уже ввечеру.—Я буду молчать. Весь свѣтъ знаетъ и вѣрить, что я подкидышь, но я буду разыгрывать роль незнайки. Да. Но только не думайте, что надолго. Какъ только все устроится и Ева станетъ моею — такъ я на всѣхъ перекресткахъ буду кричать, что я крестьянскій мальчишка, обманнымъ образомъ подброшенный Аракчееву его канальей-сожигательницей. Моя мать будетъ у меня въ домѣ жить и не только Ева, но весь Петербургъ будетъ съ ней обращаться какъ съ моею матерью. Только пособи мнѣ, изувѣръ, Еву отвоевать у Фонъ-Энзе, а тамъ я тебя отблагодарю. Ты у меня изъ скомороховъ не выйдешь. Всѣмъ состояніемъ своимъ ты не купишь моего молчанія. Идолъ!

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ).¹⁾

VI.

«Піонерка» Пешель, ея обѣды и вечера.—Примадонна итальянской оперы Виардо.—Наказанная жадность Виардо.—Пѣвица Бозіо и ея поклонники.—Отвращеніе Бѣлинскаго къ займамъ денегъ.—Моя поѣздка съ Панаевымъ за границу.—Лѣто передъ отъѣздомъ за границу.—«Фестиваль» у Тургенева на дачѣ въ Парголовѣ.—Гуманный помѣщикъ и Бѣлинскій.—Наше пребываніе въ Берлинѣ.—Огаревы и Ветина, другъ Гёте.—Знакомство съ Гарибальди въ вагонѣ, по дорогѣ въ Парижъ.—Сазоновъ, Вакуининъ и мученикъ Воткинъ.—Проектъ Бакунина о колоніи русскихъ въ Парижѣ и мнѣніе объ этомъ проектѣ Бѣлинскаго.—Наше неожиданное возвращеніе изъ-за границы.

В Сороковыхъ годахъ, составъ итальянской оперы въ Петербургѣ былъ замѣчательный; въ ней пѣли знаменитые европейскіе пѣвцы: Рубини, Тамбурини, Лаблашъ; хотя ихъ блестящее сценическое поприще уже было на закатѣ, но все-таки они своимъ пѣніемъ доставляли большое наслажденіе. Тогда въ партеръ не ходили женщины; но наплась одна піонерка, которая своимъ появленіемъ производила большое волненіе въ театрѣ: изъ ложъ и въ партерѣ все смотрѣли на нее въ бинокли и даже гуль пробѣгаль по зрительной залѣ, такъ какъ каждый дѣлалъ свое замѣчаніе о смѣлой особѣ. Это была барышня Пешель, бывшая институтка Смольнаго института, генеральская дочь. Пешель величаво проходила къ своему креслу третьяго ряда, какъ бы гордясь своей храбростью.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 291.

Наружность ея шла къ роли піонерки: она была высокаго роста, довольно полная, съ рѣзкими чертами лица и сильная брюнетка. Она была русская, но типъ ея лица былъ иностранный. Вообще Пешель проявила себя піонеркой не въ одномъ партерѣ итальянской оперы, а и въ образѣ своей жизни. Тогда русскія женщины боялись афишировать себя дамами полусвѣта и всегда старались заpastись мужемъ. Пешель хотя жила съ матерью, но вдова-генеральша играла такую ничтожную роль въ салонѣ своей дочери, что все равно какъ бы ея не было. Пешель задавала обѣды, вечера съ итальянскими второстепенными пѣвцами и пѣвицами. На ея обѣды и вечера собиралось много свѣтскаго мужскаго общества. Всѣхъ интересовало знать: кто даетъ ей средства жить такъ богато? Кромѣ пенсіи, вдова и ея дочь ничего не имѣли. Но Пешель умѣла скрывать имя своего покровителя. Когда она начала сходить съума отъ запутанныхъ своихъ денежныхъ дѣлъ, то и высказала имя своего покровителя, удививъ всѣхъ, потому что онъ былъ важное чиновное лицо, уже имѣвшее внучатъ и постоянно проповѣдывавшее строгую нравственность въ семейной жизни. Панаевъ познакомился съ ней черезъ своихъ пріятелей и В. П. Боткинъ приставалъ къ Панаеву, чтобы онъ познакомилъ и его съ Пешель.

Пріѣхавъ съ обѣда Пешель, которая угостила ихъ трюфелями и шампанскимъ, Боткинъ находился въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, а это всегда выражалось тѣмъ, что онъ склонялъ свою лысую голову на бокъ и умильнымъ тономъ говорилъ:

— Милая женственная натура! Общество такой женщины доставляетъ эстетическое наслажденіе, какъ-то освѣжаетъ тебя, нѣтъ этой сухоты, прозы, какую выносишь послѣ общества добродѣтельныхъ женщинъ. Ты, Панаевъ, счастливчикъ, что она оказываетъ тебѣ особенное вниманіе.

Тогда писатели выказывали большое сочувствіе къ женскому вопросу тѣмъ, что старались опоэтизировать падшихъ женщинъ, «Магдалинъ XIX вѣка», какъ они выражались.

Появилась въ итальянской оперѣ примадонна Віардо, которая сдѣлалась любимицей публики. Такого крикливаго влюбленнаго, какъ Тургеневъ, я думаю, трудно было найти другого. Онъ громко всюду и всѣхъ оповѣщалъ о своей любви къ Віардо, а въ кружкѣ своихъ пріятелей ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ о Віардо, съ которой онъ познакомился. Но въ первый годъ знакомства Тургенева съ Віардо изъ разказовъ его и другихъ лицъ, которые бывали у Віардо, видно было, что она не особенно была внимательна къ Тургеневу. Въ тѣ дни, когда Віардо знала, что у нея будутъ съ визитомъ аристократическіе посѣтители, Тургеневъ долженъ былъ сидѣть у мужа въ кабинетѣ, бесѣдовать съ нимъ объ охотѣ и посвящать его въ русскую литературу. На званые вечера къ Віардо его тоже не приглашали. Послѣ полученія наслѣдства,

Тургеневъ приобрѣлъ право равенства съ другими гостями въ салонѣ у Віардо. За то, сначала, какъ дорожилъ Тургеневъ малѣйшимъ вниманіемъ Віардо. Я помню разъ, вечеромъ, Тургеневъ явился къ намъ въ какомъ-то экстазѣ.

— Господа, я такъ счастливъ сегодня, что не можетъ быть другого на свѣтѣ счастливѣе меня человѣка!—говорилъ онъ.

Приходъ Тургенева остановилъ игру въ преферансъ, за которымъ сидѣли: Бѣлинскій, Боткинъ и другіе. Боткинъ сталъ приставать къ Тургеневу, чтобы онъ поскорѣй разсказалъ о своемъ счастьѣ, да и другіе очень заинтересовались. Оказалось, что у Тургенева очень болѣла голова и сама Віардо потеряла ему виски одеколономъ. Тургеневъ описывалъ свои ощущенія, когда почувствовалъ прикосновеніе ея пальчиковъ къ своимъ вискамъ. Бѣлинскій не любилъ, когда прерывали его игру, бросалъ сердитые взгляды на оратора и его слушателей и, наконецъ, воскликнулъ нетерпѣливо:

— Хотите, господа, продолжать игру или смѣшать карты?

Игру стали продолжать, а Тургеневъ, расхаживая по комнатѣ, продолжалъ еще говорить о своемъ счастьѣ. Бѣлинскій поставилъ ремизъ и съ сердцемъ сказалъ Тургеневу:

— Ну, можно ли вѣрять въ такую трескучую любовь, какъ ваша?

Любовь Тургенева къ Віардо мнѣ тоже надоѣдала, потому что онъ, не имѣя денегъ абонироваться въ кресла, безъ приглашенія являлся въ ложу, на которую я абонировалась въ складчину съ своими знакомыми. Наша ложа въ третьемъ ярусѣ и такъ была набита биткомъ, а колоссальной фигурѣ Тургенева требовалось много мѣста. Онъ безцеремонно садился въ ложѣ, тогда какъ тѣ, кто заплатилъ деньги, стояли за его широкой спиной и не видали ничего, происходившаго на сценѣ. Но этого мало; Тургеневъ такъ неистово аплодировалъ и вслухъ восторгался пѣніемъ Віардо, что возбуждалъ ропотъ въ сосѣдяхъ нашей ложи.

Віардо отлично пѣла и играла, но была очень некрасива, особенно непріятенъ былъ ея огромный ротъ; въ типѣ ея лица было что-то еврейское; хотя Тургеневъ клялся въ томъ, что она родомъ испанка, но жадность къ деньгамъ въ Віардо выдавала ея происхожденіе. За кулисами очень скоро сдѣлалось это извѣстно. Умерла одна бѣдная хористка; послѣ нея осталась мать-старушка и маленькія дѣти, которыхъ умершая кормила своимъ трудомъ. Вѣ итальянскіе пѣвцы и пѣвицы пожертвовали на похороны несчастной труженицы, даже хористы и хористки изъ своего скуднаго жалованья дали денегъ, сколько кто могъ—одна Віардо не дала ни гроша. Она также отказалась даромъ пѣть въ спектаклѣ или концертѣ, не помню хорошо, который давался въ пользу хора и въ которыхъ всегда первые итальянскіе пѣвцы и пѣвицы считали какъ бы обязанностью принять участіе, чтобы сдѣлать полный

сборъ. Жадность Віардо сдѣлалась извѣстной всей публикѣ, посѣщавшей итальянскую оперу. Князь В. Д. давалъ у себя вечеръ и пригласилъ итальянскихъ пѣвцовъ; тогда была мода давать вечера съ итальянскими пѣвцами. Князь В. Д. былъ между аристократами самымъ виднымъ лицомъ. Никто изъ итальянскихъ пѣвцовъ не подумалъ, принимая приглашеніе, предъявлять ему условія, одна Віардо письменно заявила, что не будетъ пѣть менѣе, какъ за 500 рублей, и получила отвѣтъ, что князь согласенъ заплатить ей эти деньги. Хозяинъ и хозяйка очень любезно разговаривали со всѣми итальянскими пѣвцами; но съ Віардо ограничились поклономъ; какъ только она окончила свое пѣніе, то лакей поднесъ ей на подносѣ пакетъ съ деньгами и ее не пригласили остаться на вечерѣ, какъ другихъ артистовъ. Это происшествіе быстро разнеслось по Петербургу, всѣ удивлялись безтактности Віардо, да, я думаю, и она сама очень досадовала, потому что всѣ, кто пѣлъ на вечерѣ у князя В. Д. получили подарки тысячи по двѣ. Тургеневъ божился, клялся, что виноватъ во всемъ мужъ Віардо, забывая, что прежде самъ восхищался, какъ Віардо умѣла поставить себя въ такую независимость относительно мужа, что онъ побаивался ее и не смѣлъ вмѣшиваться въ ея денежные дѣла.

Не припомню чрезъ сколько лѣтъ Віардо опять пріѣхала пѣть въ итальянской оперѣ. Но она уже потеряла свѣжесть своего голоса, а о наружности нечего и говорить: съ лѣтами ея лицо сдѣлалось еще некрасивѣе. Публика принимала ее холодно. Тургеневъ находилъ, что Віардо гораздо лучше стала пѣть и играть, чѣмъ прежде, а что петербургская публика на столько глупа и невѣжественна въ музыкѣ, что не умѣетъ цѣнить такую замѣчательную артистку.

Другая итальянская пѣвица Бозіо даже заплатилась жизнью за свою скупость. Она также производила большой фуроръ въ итальянской оперѣ; ей также подносили цѣнные подарки. Кромѣ того, она получила множество брилліантовъ и всякихъ драгоценностей отъ одного важнаго старика, графа О., который влюбился въ нее и велъ себя какъ мальчишка. Если Бозіо сидѣла въ театрѣ въ ложѣ, то старикъ не смотрѣлъ на сцену, а не сводилъ глазъ съ своего кумира, дѣлалъ ей мистическіе знаки, прикладывалъ руку къ губамъ, посылая ей поцѣлу. т. п. Бозіо кокетливо ему улыбалась. Впрочемъ, какъ ей было не улыбаться такому важному и щедрому старичку, который почти каждое утро, посѣщая ее, преподносилъ ей большую коробку конфетъ, гдѣ только сверху были конфеты, а внизу лежало много русскаго золота, или нитка жемчуга, или нитка брилліантовъ. Для Бозіо ничего не значило потерять 5 или 6 тысячъ, но она ни за что не хотѣла лишиться ихъ и больная, постомъ, поѣхала въ Москву въ сильный морозъ, чтобъ дать тамъ два или три концерта. Докторъ предупреждалъ ее, что она рис-

куеть заболѣть, но она не послушалась и поплатилась жизнью, получивъ во время поѣздки воспаленіе въ легкихъ. Послѣ смерти Бозіо, ея супругъ сдѣлалъ выгодную аферу, распродавъ всѣ ея вещи по дорогой цѣнѣ. Поклонники Бозіо раскупали ея имущество на расхватъ, и одинъ мой знакомый, большой ея поклонникъ, но небогатый человекъ, купилъ сломанную гребенку Бозіо за десять рублей и очень сердился, когда я доказывала ему, что аферистъ мужъ Бозіо продалъ ему сломанную свою гребенку или ея горничной.

Какъ-то разъ, я сказала Бѣлинскому, въ критическую минуту его денежнаго затрудненія, отчего онъ не займетъ денегъ у своего пріятеля Ан..., у котораго былъ капиталъ. Бѣлинскій улыбнулся и отвѣтилъ:

— Какая вы наивная, право, развѣ не видите, что онъ русскій кулакъ.

Тогда я указала на В. П. Б...

— Покорно благодарю, тоже придумали; душу всю вымотаетъ своими разговорами, что онъ нуждается въ деньгахъ. Нѣтъ, ужъ я лучше буду имѣть дѣло съ ростовщикомъ, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Ростовщику далъ жидовскіе проценты и конецъ, а тутъ еще считай себя обязаннымъ.

— Хотите, я какъ бы отъ себя скажу имъ, что вы нуждаетесь въ деньгахъ?—спросила я Бѣлинскаго.

— Сохрани васъ Богъ!—я тогда разсорюсь съ вами на вѣкъ!— Не надо, я извернусь какъ-нибудь.

Я все-таки не послушалась Бѣлинскаго и въ присутствіи А... и В. П. Б. сказала, что Бѣлинскій очень нуждается въ деньгахъ. «Ахъ бѣдный! тяжело ему теперь жить съ семействомъ!» замѣтили сочувственно одинъ, а другой нашель, что Бѣлинскому вовсе не слѣдовало жениться. Я все-таки надѣялась, что кто-нибудь изъ нихъ предложитъ денегъ Бѣлинскому, но ошиблась. Панаевъ сидѣлъ безъ гроша, но занялъ для Бѣлинскаго сто рублей; надо было хитрить, чтобъ Бѣлинскій не узналъ, что для него заняты деньги. Я наврала ему, что Панаевъ получилъ изъ деревни деньги, и если Бѣлинскій займетъ у него, то еще сдѣлаетъ этимъ одолженіе, потому что Панаевъ разстратитъ ихъ и когда придется платить за квартиру, то денегъ навѣрно у него не окажется.

— Я слышалъ, Панаевъ, что вы разбогатѣли деньгами?—спросилъ Бѣлинскій.

— Разбогатѣлъ, да боюсь за себя, что скоро ихъ истрочу.

— Что значить русскій помѣщикъ! жгутъ имъ руки деньги,—дайте мнѣ займы сто рублей на три мѣсяца, я по частямъ вамъ уплачу.

Вотъ къ какимъ хитростямъ надо было прибѣгать, чтобы дать Бѣлинскому займы сто рублей, и какъ обрадовался онъ, когда уплатилъ свой долгъ Панаеву.

Въ 40-хъ годахъ наложена была плата на заграничный паспортъ въ 500 руб., съ цѣлью ограничить число уѣзжающихъ русскихъ, стремившихся пожить въ Европѣ. Только тѣ освобождались отъ этой платы, кто представлялъ свидѣтельство отъ авторитетныхъ докторовъ, что болѣзнь ихъ паціента безотлагательно требуетъ леченія заграничными водами. Понятно, что всѣ богатые люди добывали себѣ легко такія свидѣтельства и даромъ получали паспорта. Панаевъ мечталъ давно о путешествіи за границу, тѣмъ болѣе, что его пріятели, бывшіе въ Парижѣ, описывали парижскую жизнь, какъ магометовъ рай.

Въ то время, всѣ русскіе помѣщики, когда имъ нужны были деньги, закладывали въ Опекунскій Совѣтъ своихъ мужиковъ; тоже сдѣлалъ и Панаевъ для своей поѣздки за границу. Программу путешествія онъ составилъ обширную: ему хотѣлось побывать во всѣхъ замѣчательныхъ городахъ Франціи, Италіи, Германіи и Англій.

Пока совершалась формальная процедура заклада крестьянскихъ душъ, нѣкоторые знакомые изъ кружка уже поѣхали за границу: Огаревъ, В. П. Боткинъ, два знакомыхъ помѣщика, которые также ѣхали на деньги заложенныхъ своихъ крестьянъ. Оба помѣщика не знали ни одного иностраннаго языка и, какъ маленькія дѣти, заучивали французскія фразы, самыя необходимыя для разговоровъ съ отельной прислугой. Впрочемъ, они ѣхали съ В. П. Б., передъ которымъ до смѣшнаго благоговѣли и каждое его слово для нихъ было закономъ. Бѣлинскій, слушая толки о поѣздкахъ за границу, сказалъ:

— Счастливыцы, а нашему брату-батраку развѣ во снѣ придется видѣть Европу! А что, господа, если бы какого-нибудь иностраннаго литератора переселить въ мою шкуру, хотя бы на мѣсяць — интересно было бы посмотрѣть, чтобы онъ написалъ? Ужъ на что я привыкъ подъ обухомъ писать, а и то иногда перо выпадаетъ изъ рукъ отъ мучительнаго недоумѣнія какъ затемнить свою мысль, чтобы она избѣгла инквизиціонной пытки цензора; чуть увлечешься, распишешься, какъ вдругъ извѣстная тебѣ фізіономія злорадно шепчетъ на ухо: «строчи, голубчикъ, строчи, какъ попадется мнѣ корректура твоей статьи, я вотъ тутъ и поставлю красный крестъ, и обезображу до неузнаваемости твою мысль». Злость беретъ, дѣлаешь вопросъ самому себѣ: и какой же ты писатель, что не смѣешь ясно излагать своей мысли на бумагѣ? Лучше иди рубить дрова, таскай кули на пристани! Послѣ такого физическаго труда хоть спать бы мертвымъ сномъ, а послѣ своей работы до изнеможенія силъ, ляжешь и цѣлую ночь глазъ не сомкнешь отъ разныхъ скверныхъ мыслей. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какую пользу можешь принести своимъ писаньемъ, если уподобляешься бѣлкѣ въ клѣткѣ, скачущей на колесѣ.

Передъ отъѣздомъ за границу, лѣто мы проводили въ Петер-

бургъ и Бѣлинскій также. Тургеневъ жилъ на дачѣ въ Парголово, часто прїѣзжалъ въ городъ и останавливался у насъ, такъ какъ не имѣлъ городской квартиры.

Тургеневъ восхищался своимъ поваромъ, котораго нанялъ на лѣто, описывалъ какіе тонкіе обѣды онъ готовилъ, когда Тургеневъ приглашалъ къ себѣ на дачу своихъ знакомыхъ.

— Не бось, графовъ и бароновъ угощаете тонкими обѣдами, а своихъ прїятелей-литераторовъ не приглашаете къ себѣ,—шутя замѣтилъ Бѣлинскій.

Тургеневъ обрадовался этой мысли и пригласилъ всѣхъ къ себѣ на дачу на обѣдъ, говоря, что онъ сдѣлаетъ такой фестиваль, какого мы не ожидаемъ. День онъ назначилъ самъ и требовалъ отъ всѣхъ честнаго слова, что прїѣдутъ къ нему.

— Мы-то прїѣдемъ, а вотъ вы-то не удерите съ нами такую штуку, какъ зимой, созвали насъ всѣхъ на вечеръ, а сами не явились домой,—сказалъ Бѣлинскій.

Съ Тургеновымъ не разъ случалось, что онъ пригласитъ прїятелей къ себѣ и по разсѣянности забудетъ и не окажется дома.

Бѣлинскій сказалъ, прощаясь, Тургенову: «я, за день до нашего прїѣзда, напишу вамъ, чтобы вы не забыли своего приглашенія».

День былъ жаркій, когда мы, въ 11 часовъ утра, всѣ шесть чело-вѣкъ приглашенныхъ, отправились въ коляскѣ въ Парголово. Всѣ были утомлены отъ жары и пыли въ дорогѣ. Подъѣхавъ къ дачѣ Тургенева, всѣ радостно вздохнули и стали выходить изъ коляски; но всѣхъ поразило, что Тургеневъ не вышелъ насъ встрѣтить. Мы вошли въ палисадникъ и стали стучаться въ двери стеклянной террасы. Мертвая тишина царила въ домѣ. У всѣхъ лица повытннулись; Бѣлинскій воскликнулъ: «неужели Тургеневъ опять сыгралъ съ нами такую мерзкую штуку, какъ зимой?»

Но его успокоивали, предполагая, что Тургеневъ, вѣроятно, не ожидалъ такъ рано нашего прїѣзда.

— Да я писалъ ему, что мы въ часъ будемъ у него. Это чортъ знаетъ, что такое! Хоть бы въ комнату насъ впустили, а то жарились въ дорогѣ на солнцѣ и стой теперь на припекѣ,—горячился Бѣлинскій.

Наконецъ, выскочилъ изъ воротъ какой-то мальчикъ и всѣ на него набросились съ вопросами. Оказалось, что баринъ ушелъ, а его поваръ сидитъ въ трактирѣ. Дали мальчику денегъ, чтобы онъ сбѣгалъ за поваромъ и привелъ его отворить дверь. Мальчикъ убѣждалъ, а мы въ ожиданіи усѣлись на ступенькахъ террасы. Поваръ не являлся. Бѣлинскій настаивалъ ѣхать домой. Мы уѣхали бы, но кучеръ нашей коляски не соглашался везти насъ обратно, пока не отдохнутъ его измученныя лошади. Поневоля надо было сидѣть у запертой дачи. Всѣ проголодались; Панаевъ и двое изъ прїѣхавшихъ отправились въ трактиръ посмотреть нельзя ли достать чего-

нибудь поѣсть. Тогда Парголово было настоящей деревней, ѣды трудно было достать. Панаевъ вернулся и объявилъ, что въ трактирѣ никакой ѣды нѣтъ, да и такая грязь, что противно кусокъ хлѣба взять въ ротъ. Всѣ еще питали надежду, что Тургеневъ вернется домой. Я не рассчитывала на обѣдъ, понимая, что если повара нѣтъ дома, такъ какой же можно приготовить обѣдъ, когда уже былъ второй часъ, да и провизіи негдѣ достать; въ Парголовѣ только рано утромъ запасались всѣмъ у разносчиковъ, объѣзжавшихъ дачи. Я пошла въ избу къ хозяйкѣ дачи, купила у нея яицъ, молока, хлѣба. Въ это время явился поваръ. Бѣлинскій накинулся на него съ вопросомъ «гдѣ его баринъ?» поваръ отвѣчалъ, что не знаетъ.

— А обѣдъ тебѣ сегодня заказанъ бариномъ?—допрашивалъ Бѣлинскій.

— Никакъ нѣтъ-съ!

Изумленіе и испугъ выразились на всѣхъ лицахъ. Бѣлинскій весь вспыхнулъ, многозначительно посмотрѣлъ на всѣхъ и неожиданно разразился смѣхомъ, воскликнувъ:

— Вотъ такъ задалъ же намъ фестиваль Тургеневъ!

Всѣ тоже разсмѣялись надъ комическимъ своимъ положеніемъ.

— Я-то дуракъ!—говорилъ Бѣлинскій,—хотѣлъ провести пріятно день на дачѣ,—и, обратясь къ повару, продолжалъ:—иди, любезный, отыщи своего барина, гдѣ хочешь, и приведи его домой.

Панаевъ и другіе послали повара къ священнику, такъ какъ Тургеневъ уже сообщилъ имъ, что онъ ухаживаетъ не безъ успѣха за хорошенькой дочерью священника и постоянно тамъ сидитъ.

Мы пошли на берегъ озера, въ ожиданіи прихода Тургенева, усѣлись въ тѣни подъ деревомъ и любовались природой. Бѣлинскій лежалъ на травѣ и вдругъ произнесъ:

— Какъ легко мнѣ дышется, не то что въ городѣ. Какая обида, что и одного дня не могъ провести какъ добрые люди; чтѣ-нибудь да взбѣситъ тебя.

Вскорѣ пришелъ Тургеневъ и сталъ божиться, что мы сами виноваты, что онъ ждалъ насъ завтра. Его спросили о письмѣ Бѣлинскаго. Тургеневъ увѣрялъ, что никакого письма не получилъ.

— Хорошо, — сказалъ Бѣлинскій, — безъ оправданій обойдемся. Благодарите Бога, что вы мнѣ не попались на глаза въ первую минуту, я бы васъ раскостилъ на всѣ корки. Теперь нервы мои успокоились и я не хочу вновь ихъ раздражать. Сейчасъ уѣдемъ въ городъ.

Тургеневъ началъ упрасивать остаться и сказалъ, что обѣдъ уже заказанъ.

— А въ которомъ часу вы насъ накормите, чай, вечеромъ? — спросилъ Бѣлинскій шутливымъ тономъ.

Тургеневъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, что его поваръ всемогу-

щій и обѣдъ будетъ готовъ къ 5-ти часамъ. Тургеневъ употребилъ всѣ усилія, чтобы занять гостей и успѣлъ въ этомъ; между прочимъ, онъ предложилъ стрѣлять въ цѣль. Всѣ пошли на его дачу и Тургеневъ нарисовалъ углемъ на задахъ стараго сарая человѣка и обозначилъ точкой сердце. Никто изъ его гостей не умѣлъ стрѣлять; Бѣлинскій какимъ-то образомъ съ перваго выстрѣла попалъ въ самую точку, гдѣ было обозначено сердце. Онъ какъ ребенокъ обрадовался и воскликнулъ: «Я теперь едѣлаюсь бретеромъ, господа!» Но затѣмъ стрѣлялъ такъ неудачно, что даже ни разу не попадалъ въ фигуру. Стрѣльба продолжалась долго; легкій завтракъ далъ себя почувствовать и всѣ ждали нетерпѣливо обѣда. Въ 6 часовъ Бѣлинскій обратился къ Тургеневу съ вопросомъ:

— Что же вашъ всемогущій поваръ не подаетъ обѣдъ, мы голодны какъ волки.

По обѣду, приготовленному на скорую руку исключительно изъ старыхъ, тощихъ куриць, нельзя было судить о кулинарномъ талантѣ повара. Тургеневъ, сознавая это, сказалъ:

— Господа, въ воскресенье пріѣзжайте ко...

Но ему не дали окончить фразы, всѣ покатались со смѣху и самъ Тургеневъ присоединился къ общему смѣху. Бѣлинскій едва могъ отдышаться отъ хохота, воскликнувъ:

— Тургеневъ, вы наивны, какъ младенецъ! Нѣтъ, ужъ стараго воровъ на мякинѣ не надуете.

Новое приглашеніе Тургенева всѣхъ развеселило и шуткамъ не было конца. Тургеневъ смѣшилъ, рассказывая свое положеніе, когда его поваръ въ испугѣ прибѣжалъ и объявилъ, что гости пріѣхали къ нему на обѣдъ, и въ какомъ онъ страхѣ шелъ къ озеру.

Погулявъ по парку, выпивъ чаю, мы поѣхали въ городъ и продолжали смѣяться надъ фестивалемъ, который намъ задалъ Тургеневъ.

Передъ отъѣздомъ за границу, Панаевъ находился въ очень затруднительномъ положеніи съ крѣпостной прислугой, которая энергически протестовала, когда онъ хотѣлъ имъ дать паспорта съ тѣмъ, чтобы она шла на мѣста, пока онъ будетъ находиться за границей; оброка съ нихъ онъ не требовалъ. Я упрашивала Панаева дать имъ всѣмъ волю. На меня раздѣлъ дворовыхъ произвелъ такое неприятное впечатлѣніе, что я тяготилась видѣть около себя крѣпостныхъ, да и эгоистическое чувство подсказывало мнѣ—избавиться отъ грубой, лѣнивой и пьющей прислуги, которая вѣчно была недовольна, вѣчно заявляла массу требованій. Панаевъ отпустилъ на волю всю свою прислугу. Бѣлинскій, узнавъ объ этомъ, сказалъ Панаеву:

— За это, Панаевъ, вамъ отпустится много грѣховъ. Признаюсь вамъ, всякій разъ, какъ вашъ мрачный Андрей отворялъ мнѣ дверь, я опускалъ свои глаза долу, чтобы не видѣть его озлобленнаго, протестующаго взгляда на свое рабство.

Въ нашемъ кружкѣ всѣ считали крѣпостное право безчеловѣчнымъ съ гуманной точки зрѣнія, но относились къ помѣщичьей власти пассивно, такъ какъ большинство состояло изъ помѣщиковъ. Впрочемъ, и въ интеллигентномъ обществѣ Россіи сороковыхъ годовъ тоже преобладалъ элементъ помѣщиковъ. Гуманные помѣщики старались не входить въ близкія отношенія съ своими крѣпостными мужиками и имѣли дѣло съ ними черезъ посредство своихъ управляющихъ и старостъ. Въ кружкѣ же писателей всѣ были поглощены литературными интересами и общечеловѣческими вопросами. Встрѣчались и такіе помѣщики въ кружкѣ, которые изъ гуманности своихъ воззрѣній считали долгомъ имѣть непосредственныя сношенія съ своими крѣпостными мужиками и жили въ своихъ имѣніяхъ, наѣзжая только зимой въ Петербургъ. Одинъ изъ такихъ гуманныхъ помѣщиковъ бывалъ въ кружкѣ литераторовъ и всегда докторальнымъ тономъ ораторствовалъ о своихъ многотрудныхъ обязанностяхъ, о невѣжествѣ мужика и не безъ гордости разсказывалъ свои столкновенія съ губернской администраціей, которая вмѣшивалась въ его помѣщичьи права и мѣшала ему въ его предпріятіяхъ для блага своихъ крестьянъ.

Разъ гуманный помѣщикъ долго ораторствовалъ о своей борьбѣ съ чиновниками и сказалъ:

— Меня утѣшаетъ одно, что на меня мои мужики смотрятъ, какъ на родного ихъ отца, видя, какъ я пекусь о нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ.

— А я не вѣрю въ возможность чelовѣческихъ отношеній раба, съ рабовладѣльцемъ!—возразилъ Бѣлинскій.—Рабство такая безчеловѣчная и безобразная вещь и такое имѣетъ развращающее вліяніе на людей, что смѣшно слушать тѣхъ, кто идеальничаетъ, стоя лицомъ къ лицу съ нимъ. Этотъ злокачественный нарывъ въ Россіи похищаетъ всѣ лучшія силы для ея развитія. Повѣрьте мнѣ, какъ ни невѣжественъ русскій народъ, но онъ отлично понимаетъ, что для того, чтобы прекратить свои страданія, нужно вскрыть этотъ нарывъ, очистить заражающій, скопившійся въ немъ гной. Конечно, можетъ наши внуки или правнуки будутъ свидѣтелями, какъ исчезнетъ этотъ злокачественный нарывъ:—или народъ самъ грубо проткнетъ его, или умѣлая рука сдѣлаетъ эту операцію. Когда это совершится, мои кости въ землѣ отъ радости зашевелиятся!

Лицо Бѣлинскаго имѣло при этомъ какое-то вдохновенное выраженіе.

Гуманный помѣщикъ замѣтилъ ему:

— Вы говорите о будущемъ, а я—о настоящемъ и считаю себя болѣе компетентнымъ судьей, такъ какъ посвятилъ себя для защиты безпомощнаго мужика, находящагося въ совершенно дикомъ невѣжествѣ, иначе изъ него высосало бы всю кровь уѣздное крапивное имя.

— А вы не высасываете потъ и кровь изъ своихъ крѣпостныхъ? Да что объ этомъ толковать, позорное рабство ни какими красками не прикрасишь.

Гуманный помѣщикъ разгорячился и возразилъ:

— Сейчасъ видно, что вы, сидя въ Петербургѣ, съ плеча рубите всѣ самые сложные общественные вопросы. Безъ подготовки нельзя дать свободу русскому мужику, это все равно, что дать ножъ въ руки ребенку, который едва умѣетъ стоять на ногахъ, онъ самъ себя порѣжетъ.

— Пусть его порѣжется самъ, чѣмъ другіе пытаются его, вырѣзывая по куску мяса изъ его тѣла, да еще хвастаютъ, что эту пытку дѣлаютъ для его же блага!

Гуманный помѣщикъ быстро всталъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Вы сегодня въ такомъ раздраженномъ состояніи, что съ вами невозможно ни о чемъ говорить.

Затѣмъ, онъ взявъ шляпу, простился со всѣми и ушелъ. По его уходѣ всѣ набросились на Бѣлинскаго, обвиняя его въ рѣзкости. В. П. Б. началъ читать Бѣлинскому нотацию о приличіи и увѣрялъ, что онъ не знаетъ русскаго мужика такъ хорошо, какъ его знаетъ гуманный помѣщикъ.

Бѣлинскій расхаживалъ по комнатѣ и, вдругъ остановившись, произнесъ:

- «А глядишь нашъ Лафазтъ
- «Мужиковъ кладетъ подъ прессъ.
- «Вмѣстѣ съ свекловицей!»

— Давно меня мучило слушать этого краснобая-помѣщика и я вовсе не сожалѣю, что оборвалъ его нахальное хвастовство. Пусть знаетъ, что не всѣхъ можно дурачить! Свѣтскости во мнѣ нѣтъ, такъ нечего объ этомъ и разговаривать, господа!

По уходѣ Бѣлинскаго, пріятели долго еще разсуждали о его рѣзкости и В. П. Б. предложилъ завтра же всѣмъ сдѣлать визитъ гуманному помѣщику.

Я не буду описывать нашего продолжительнаго путешествія отъ Петербурга до Берлина. Тогда желѣзныхъ дорогъ не было и надо было совершить долгій путь на лошадяхъ. Была осень и Берлинъ очень походилъ на Петербургъ; на улицахъ, да и вездѣ, большинство публики состояло изъ военныхъ; за табльд-отомъ въ гостиницѣ, гдѣ мы остановились, обѣдало много прусскихъ офицеровъ и меня удивило, что всѣ они были точно деревянные, игрушечные солдаты, всѣ на одно лицо: рыжіе, рослые, съ неподвижнымъ гордымъ воинственнымъ выженіемъ въ лицѣ. Всѣ сидѣли молча.

Въ Берлинѣ мы нашли русскихъ знакомыхъ: Огарева и злосчастнаго помѣщика З... пріятеля В. П. Б. Я потомъ объясню—почему его я назвала «злосчастливымъ».

Они оба пришли обѣдать съ нами. Тогда русскіе не могли обойтись безъ шампанскаго и выискивали всякій предлогъ выпить его. Наши соотечественники нашли, что надо поздравить насъ съ благополучнымъ прїѣздомъ въ Берлинъ. Рыжіе офицеры бросали гордые взгляды на наше общество, которое нарушило молчаніе за столомъ и оживленно разговаривало.

Помѣщикъ З. имѣлъ несчастіе попасть въ непріятное дѣло въ Берлинѣ, его не выпускала полиція изъ города, а попутчикъ его В. П. Б. не захотѣлъ ждать его и уѣхалъ въ Парижъ. Не зная ни слова ни по-нѣмецки, ни по-французски, злосчастный помѣщикъ находился въ очень затруднительномъ положеніи. Онъ при первой встрѣчѣ съ Панаевымъ жаловался на В. П. Б., который самъ его подбилъ ѣхать изучать Европу и бросилъ въ самую критическую минуту. На первомъ шагу своего изученія Европы З. долженъ былъ заплатить за свою любознательность 400 талеровъ. Дѣло въ томъ, что, не зная прусскихъ законовъ, помѣщикъ пригласилъ къ себѣ съ улицы женщину и она прожила у него въ номеръ съ недѣлю. Онъ думалъ, что за глаза довольно заплатить ей 25 талеровъ, но она потребовала сто. Нахальство нѣмки озлило З. и онъ выгналъ ее вонъ, а она принесла жалобу полиціи, требуя уже по закону себѣ 400 талеровъ, представивъ свидѣтелей, что прожила въ номерѣ у русскаго путешественника съ недѣлю. Эти 400 талеровъ обеспечивали прокормленіе будущаго ребенка, который могъ родиться у этой женщины. Помѣщикъ не хотѣлъ платить, но все-таки съ него взыскали 400 талеровъ, да 100 талеровъ ему стоилъ адвокатъ и переводчикъ.

— Другу и недругу буду отсовѣтывать ступать ногой въ этотъ Берлинъ, — говорилъ злосчастный помѣщикъ. — Это дневной грабежъ, какая это Европа, да у насъ въ Москвѣ ничего подобнаго нѣтъ! Да мнѣ не такъ жалко 500 талеровъ, какъ жалко то, что я такъ вѣрилъ въ гуманность В. П. Б., передъ которымъ преклонялся, а онъ бросилъ меня, сиѣша въ Парижъ, куда мы вмѣстѣ должны были ѣхать; это не гуманно-съ!

Въ Берлинѣ лежалъ въ постели поэтъ В..., ему дѣлали операцію въ ногѣ, которая у него давно болѣла. Черезъ Огарева, онъ просилъ насъ навѣстить его и мы поѣхали къ нему. У больного мы застали сидящихъ двухъ дамъ, съ которыми онъ насъ познакомилъ. Молодая дама — была жена Огарева, а худенькая, маленькая, живая старушка, еще съ блестящими глазами и съ коротенькими, полусѣдыми волосами — была знаменитая Бетина, другъ Гёте. Бетина мнѣ сказала, что она очень рада познакомиться еще съ одной русской женщиной, которыхъ она очень полюбила, узнавъ ихъ теплоту сердца и отзывчивость къ добрымъ дѣламъ. Бетина безъ умолку говорила о своемъ благотворительномъ обществѣ, которое она учредила въ Берлинѣ. Она говорила очень скоро, мѣшая

французскій языкъ съ нѣмецкими фразами и пересышая ихъ словами: баронесса, графиня и принцесса, которыя состояли членами ея благотворительнаго общества. Она передавала намъ, какъ представлялась прусскою королевѣ, прося ее быть покровительницей ея общества, и восхваляла щедрость Огаревой, которая пожертвовала на лотерею ея общества дорогую свою турецкую шаль и бриллиантовую брошь. Изъ словъ Бетиной было видно, что берлинскія баронессы и принцессы не очень-то разщедрились на пожертвованіе вещей для лотереи и что щедрость русской барыни всѣхъ поразила. Бетина нѣсколько разъ вставляла фразу: «мой другъ Гёте». Бетина съ Огаревой торопились въ засѣданіе благотворительнаго общества, и Бетина приглашала меня ѣхать съ ними; когда я замѣтила, что не членъ этого общества, то она на это мнѣ отвѣтила:—это ничего не значитъ, вы пожертвуйте какую-нибудь изъ вашихъ бижу для нашей лотереи и будете имѣть право находиться въ нашемъ засѣданіи.—Но я не имѣла никакихъ бижу для пожертвованія, да и для меня не могло быть интереснымъ сидѣть въ обществѣ берлинской аристократіи.

В. . . восхищался щедростью Огаревой и говорилъ, что она дѣлаетъ большой фуроръ въ аристократическихъ берлинскихъ салонахъ своимъ умнымъ и живымъ разговоромъ, что Бетина въ восторгѣ отъ нея и удивляется какъ многосторонне образованы русскія женщины.

Огарева не была красива, но въ ея глазахъ было какое-то особенное выраженіе пытливости и пылкости, когда она разговаривала.

Огарева на другой день мнѣ сдѣлала визитъ, но не застала меня дома. Я сочла за лучшее оказаться невѣжливой, чѣмъ заводить знакомство съ свѣтской барыней, и не отдала ей визита. Однако, мнѣ пришлось все-таки еще разъ встрѣтиться съ ней въ театрѣ.

Въ иностранныхъ театрахъ можно брать по два мѣста въ ложѣ, и случилось такъ, что другія два мѣста заняла Огарева и ея кавалеръ, какой-то прусскій баронъ, который указывалъ намъ на сидящихъ въ ложахъ берлинскихъ аристократовъ и знакомилъ съ ихъ біографіями. Огарева разсказывала мнѣ, какъ она познакомилась съ Бетиной и какъ не можетъ добиться отъ этой болтливой старушки никакихъ свѣдѣній о ея дружбѣ съ Гёте, до такой степени она вся отдалась своему благотворительному обществу.—«Пріѣзжайте завтра вечеромъ ко мнѣ,—сказала Огарева,—у меня будетъ Бетина и кстати увидите высшее берлинское общество»,—но я на другой день уѣхала изъ Берлина.

Пробывъ немного въ Дрезденѣ и Брюсселѣ, мы отправились въ Парижъ, куда тянуло Панаева. Въ нашемъ вагонѣ помѣстился какой-то высокій молодой итальянецъ. Черты его лица были неправильны, но очень выразительны; его черные глаза сидѣли глубоко и имѣли мягкое выраженіе. Мы разговорились съ нимъ и онъ,

узнавъ о нашемъ намѣреніи ѣхать въ Италію, сталъ описывать эту страну и глаза его зажглись огнемъ. Панаевъ коснулся политическаго положенія Италіи; тогда итальянецъ преобразился, его лицо дышало гнѣвомъ, глаза метали искры и онъ сказалъ:

— Вся Европа заключила, что итальянскій народъ до того развращенъ, что никогда не освободится отъ иноземнаго тиранства; но она ошибается; Италію продали патеры и развращенный классъ сановниковъ, но какъ они не стараются поработить въ народѣ любовь къ своей родинѣ подкупомъ и тиранствомъ, онъ еще покажетъ всѣмъ, что въ немъ есть сила сбросить съ себя иноземное и патерское иго!

Панаевъ его спросилъ, — какой городъ его родина?

— Вся Италія! Я не имѣю постояннаго пребыванія, а кочую по всей Италіи, да и повсюду въ Европѣ. — Я недавно вернулся изъ далекаго путешествія и ѣду на короткое время въ Парижъ, и еще не знаю, гдѣ буду черезъ мѣсяць.

Мнѣ попала, по моей неосторожности, въ глазъ искра; я высовывалась изъ окна вагона смотрѣть на мелькавшія деревни. Мы ѣхали въ экстренномъ поѣздѣ съ минутными остановками, такъ что намъ почти не было времени поѣсть. Итальянецъ ухитрился все-таки достать на первой станціи, гдѣ мы простояли не болѣе двухъ минутъ, воды, чтобы я примачивала глазъ. Приѣхавъ вечеромъ въ Парижъ, мы дружески простились съ итальянцемъ; онъ усадилъ насъ въ омнибусъ отеля, гдѣ мы намѣривались остановиться.

Панаевъ на другое же утро отправился разыскивать В. П. Б., а мнѣ сдѣлалъ визитъ итальянецъ и принесъ какую-то примочку для глаза, который почти прошелъ у меня. Итальянецъ торопился на свиданіе съ своими соотечественниками въ кафе, куда собирались завтракать итальянскіе эмигранты. Итальянецъ оставилъ мнѣ свой адресъ; онъ остановился на частной квартирѣ у своего знакомаго.

Панаевъ вернулся домой къ 6-ти часамъ вечера, вмѣстѣ съ В. П. Б., который повелъ насъ обѣдать въ дешевенкій ресторанъ, гдѣ мы нашли Огарева, Бакунина, злополучнаго помѣщика З. и другого пріятеля Б-на тоже помѣщика К.... Б-нъ училъ насъ и помѣщиковъ, какъ надо заказывать обѣдъ, чтобы онъ обошелся дешевле. Но первый обѣдъ все-таки стоилъ дорого, потому что Огаревъ потребовалъ бутылку шампанскаго, помѣщики тоже спросили бутылку, чтобы отплатить Огареву; Панаеву также надо было потребовать бутылку. В. П. Б. сердился на такую роскошь, хотя пилъ шампанское, которымъ его угощали.

В. П. Б. и Огаревъ повели Панаева и помѣщиковъ смотрѣть на какой-то балъ, гдѣ веселятся гризетки, а Бакунинъ пошелъ проводить меня домой, и мы провели вечеръ за чаемъ. Бакунинъ раз-

спрашивала меня о Бѣлинекомъ, о Петербургѣ, и, уходя, обѣщала принести мнѣ книгъ. Итальянецъ еще разъ заходилъ къ намъ съ визитомъ, но опять не могъ застать Панаева, которымъ завладѣлъ В. П. Б., знакомя его съ Парижемъ. Черезъ недѣлю итальянецъ пришелъ ко мнѣ проститься. Онъ имѣлъ очень печальный видъ и я спросила его, — что съ нимъ?

— Я ѣхалъ въ Парижъ, — отвѣчалъ онъ, — съ большими надеждами, но мои соотечественники интересуются теперь больше парижской политикой, чѣмъ своей несчастной Италиі. Утопистомъ меня нашли! Напрасно я рисковалъ многимъ, чтобы поговорить съ ними о своей родинѣ.

Въ это время пришелъ Бакунинъ и я была въ затрудненіи, потому что забыла фамилію итальянца. На сколько я была памятна на лица, на столько же забывчива на имена и фамиліи. Но дѣло обошлось и Бакунинъ заговорилъ о политическомъ положеніи Италиі. Итальянецъ былъ удивленъ, что русскій такъ хорошо знаетъ современное социальное и политическое состояніе Италиі; онъ пожалѣлъ, что ему надо спѣшить по дѣламъ и раскланялся. Бакунинъ заинтересовался молодымъ итальянцемъ, сталъ разспрашивать меня, гдѣ я познакомилась съ нимъ? и полюбопытствовалъ узнать его фамилію. Я принесла ему адресъ, оставленный мнѣ итальянцемъ. Бакунинъ прочелъ: «Жозефъ Гарибальди». Пока я не увидала портрета Гарибальди, когда онъ уже сражался за свободу Италиі, до тѣхъ поръ я никакъ не воображала, что это былъ знакомый мнѣ итальянецъ въ Парижѣ, фамилію котораго я позабыла.

Гарибальди на портретѣ, конечно, былъ уже возмужалымъ чело-вѣкомъ, но характерныя черты его лица не измѣнились.

Дешевый ресторанъ, куда мы ходили обѣдать, сдѣлался сборнымъ пунктомъ русскихъ путешественниковъ. Часто удостоивалъ являться туда Сазоновъ, уже четыре года какъ поселившійся въ Парижѣ. Онъ корчилъ аристократа, брюзжалъ на то, что невозможно обѣдать въ такомъ кабакѣ, сердился на гарсона за то, что тотъ плохо ему сервируетъ обѣдъ, заказывалъ всегда себѣ дорогія блюда. Между Сазоновымъ и Бакунинымъ происходили горячіе споры о французской политикѣ. В. П. Б. былъ мученикомъ въ это время, ему всюду мерещились шпионы, которые будто бы слѣдятъ за русскими въ Парижѣ и въ каждомъ посѣтителѣ, обѣдающемъ одиноко за столомъ, онъ видѣлъ шпиона и страшно сердился на спорящихъ. Его воображеніе разыгрывалось иногда до того, что онъ отъ страха убѣгалъ изъ ресторана.

В. П. Б. до смѣшного претендовалъ казаться парижаниномъ; онъ удивилъ меня, спрятавъ въ карманъ два куска сахара, который остался у него отъ поданнаго ему кофе. Я спросила для чего онъ это дѣлаетъ? и получила въ отвѣтъ, что настоящіе парижане всегда такъ дѣлаютъ, одни русскіе стыдятся экономіи. Я провѣряла его

слова, но не замѣтила парижанъ, прячущихъ кусочки сахара въ карманы.

В. П. Б. сердился на меня за то, что я говорю порусски на улицѣ и въ ресторанахъ, доказывая, что этого нельзя дѣлать, потому что русскихъ считаютъ дикими, татарами и вездѣ берутъ съ нихъ дороже, чѣмъ съ другихъ иностранцевъ. Но эти аргументы меня не пугали и я продолжала говорить порусски къ его огорченію. За то, два его пріятели помѣщики раболѣпно исполняли всѣ его требованія и въ публичкѣ адресовались къ нему съ смѣшными французскими заученными фразами. Для практики французскаго языка помѣщики свели знакомство съ гризетками и восторгались, какъ ихъ веселостью, такъ и своими успѣхами во французскомъ языкѣ.

Мнѣ надоѣло ходить обѣдать въ ресторанъ, тѣмъ болѣе, что я иногда должна была оставаться безъ обѣда до 8 часовъ вечера, потому что Панаевъ съ В. П. Б. нерѣдко пропадали съ утра на весь день и запаздывали придти за мной. Я стоворилась съ квартирной хозяйкой, чтобы она готовила намъ обѣдъ, но этимъ только надѣлала себѣ хлопотъ, потому что къ нашему обѣду, какъ въ Петербургѣ, стали неожиданно являться гости, по два, по три человѣка. В. П. Б. восхищался моею мыслью имѣть домашній столъ въ Парижѣ. Онъ являлся къ обѣду съ хрѣномъ для вареной говядины, потому что хрѣнъ продавался только въ аптекѣ. Онъ потиралъ отъ удовольствія руки, если, придя къ обѣду, узнавалъ, что будутъ свѣжія щи или уха, которыя я научила готовить квартирную хозяйку. Кушая щи или уху, онъ восхвалялъ мои кулинарныя способности, но я испортила его благоволеніе къ себѣ. Разъ, за обѣдомъ, онъ сталъ укорять въ попрошайствѣ Бакунина, который, не получая денегъ изъ Россіи, сидѣлъ безъ копѣйки и занялъ у него 50 франковъ. Меня это страшно возмутило и я высказала, что пріятелямъ Бакунина стыдно не помочь ему, когда они сами тратятъ по сто рублей на ужины и обѣды для первой встрѣчной на улицѣ французенки. Всѣ пришли въ изумленіе отъ моихъ словъ, привыкнувъ, что я всегда молчала; но мое терпѣніе лопнуло.

На каждомъ шагѣ я видѣла краснорѣчивое противорѣчіе ихъ поступковъ съ проповѣдываемыми ими возвышенными, гуманными воззрѣніями на вещи. Но, главное, всѣ присутствующіе знали, что Бакунинъ потому сидѣлъ безъ копѣйки, что спасъ одно русское семейство отъ голодной смерти; онъ заплатилъ долгъ соотечественника, который давно уже жилъ въ Парижѣ на трудовые гроши, но заболѣлъ, пролежалъ больной два мѣсяца, вслѣдствіе чего задолжалъ и его хотѣли посадить въ тюрьму; тогда жена и дѣти должны были бы идти просить милостыню.

Я не намѣрена описывать здѣсь всѣ подробности моего пребыванія въ Парижѣ. Скажу только, что постоянныя сплетни и дразги,

господствовавшия въ средѣ пріятелей, окружавших Панаева, надѣли и опротивѣли мнѣ страшнымъ образомъ. Я была очень рада, что могла отъ нихъ удалиться, познакомившись черезъ Бакунина съ двумя братьями Т., казанскими помѣщиками, людьми очень образованными и чуждавшимися тѣхъ парижскихъ развлеченій, до которыхъ такъ падко большинство русскихъ путешественниковъ. Я часто проводила вечера въ обществѣ Бакунина и братьевъ Т. и за чаемъ съ наслажденіемъ слушала ихъ бесѣды, всегда интересныя и для меня совершенно новыя.

Въ одно прекрасное утро, Панаевъ былъ пораженъ неожиданнымъ сюрпризомъ: оказалось, что онъ уже забралъ и истратилъ почти все свои деньги, хранившіяся у парижскаго банкира. Нечего было и думать объ исполненіи задуманной программы путешествія, т. е. о посѣщеніи Швейцаріи и Италіи, и намъ пришлось поспѣшить возвращеніемъ въ Россію.

Бакунинъ, при прощаніи, просилъ меня сообщить Бѣлинскому объ одномъ проектѣ, который онъ задумалъ. Онъ часто говорилъ со мной о Бѣлинскомъ и сожалѣлъ, что тотъ напрасно тратитъ свои силы и способности, пытаясь втиснуть въ узкую рамку литературы свою дѣятельность, что его могутъ удовлетворять односторонніе литературные интересы.

— Онъ жестоко ошибается,—говорилъ Бакунинъ,—въ немъ клочать самыя живогрешущіе общечеловѣческіе вопросы. Онъ преждевременно ислѣбеть отъ внутренняго огня, который постоянно долженъ гушить въ себѣ. Непростительно такому даровитому человѣку, подобно безпутному моту, расточать свое духовное богатство безъ пользы. Возможно ли человѣку свободно излагать свои мысли, убѣжденія, когда его мозгъ сдавленъ тисками, когда онъ можетъ каждую минуту ожидать, что къ нему явится будочникъ, схватить его за шиворотъ и посадить въ будку. Право, смѣшно и даже обидно смотрѣть, что человѣкъ при такой обстановкѣ лѣзетъ изъ кожи, дурачить самого себя надеждами, что можетъ что-нибудь сдѣлать для общей пользы. Ужасная минута ожидаетъ Бѣлинскаго, когда онъ, искалѣченный физически и нравственно, вдругъ прозреть, что его дѣятельность, надъ которой онъ столько лѣтъ медленно изнывалъ, гроша не стоитъ!

Когда мы вернулись въ Петербургъ, Бѣлинскій пришелъ къ намъ въ тотъ же вечеръ.

Я нашла въ немъ большую перемѣну; онъ похудѣлъ, сторбился и сильно кашлялъ; какая-то апатія появилась въ немъ. Мнѣ удалось только на другое утро сообщить ему то, что просилъ меня передать Бакунинъ. Бѣлинскій выслушалъ меня и сказалъ:

— Я знаю безъ него, что ислѣбю преждевременно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нахожусь; но все-таки не намѣренъ осуществитъ его планъ. Между имъ и мной огромная разница: во-пер-

выхъ, онъ космополитъ въ душѣ; во-вторыхъ, съ своимъ знаніемъ языковъ и энциклопедическимъ образованіемъ, онъ можетъ чувствовать твердую почву подъ своими ногами, гдѣ бы онъ не очутился. А что же я-то буду дѣлать, если меня оторвать отъ моей почвы и отъ моей дѣятельности, въ которую я вложилъ свою душу? Я также прекрасно вижу, что не могу принести той пользы, къ которой порываюсь, но лучше сдѣлать мало, чѣмъ ничего!.. Это онъ зафантазировался! Вѣдь это было бы одно и то же,—что захотѣтъ развести въ Италіи березовую рощу; привести отсюда съ корнями большія деревья и посадить на плодотворную почву. Ну, что бы вышло? Завяли бы всѣ деревья! Такова и его фантазія о колоніи русскихъ въ Парижѣ. Бакунинъ блестящій теоретикъ и слишкомъ увлекается своими отвлеченными фантазіями. Онъ воображаетъ, что все дѣлается какъ въ сказкѣ: окунулъ Ванька-дуракъ въ чанъ и вынырнулъ оттуда красавцемъ, весь въ золотѣ и зажилъ царемъ!

Бѣлинскій круто измѣнилъ разговоръ и началъ спрашивать объ общихъ знакомыхъ русскихъ, которые проживали въ Парижѣ.

Бѣлинскій приходилъ каждый день и мы подолгу бесѣдовали, такъ какъ накопилося много разныхъ предметовъ для разговоровъ. На мое замѣчаніе, откуда у него появилась такая апатія, онъ отвѣтилъ:

— Вы молоды, здоровы, у васъ надежды есть, а у меня впереди нѣтъ просвѣта, да еще никуда негоднымъ калѣжкой становлюсь!

Бѣлинскій, узнавъ, что мы скоро опять уѣзжаемъ изъ Петербурга на лѣто въ Казанскую губернію, такъ какъ Панаеву непременно нужно было ѣхать въ свою деревню, съ завистью сказалъ:

— Экъ васъ носить—изъ Европы къ татарамъ, а я такъ привинченъ къ Петербургу, что даже лѣтомъ долженъ задыхаться отъ духоты, вони и глотать пыль, потому что нанялъ попросторнѣе квартиру и о дачѣ нечего думать. Неужели я никогда не выбьюсь изъ этой каторжной жизни батрака?.. Тьфу пропасть! изъ-за этихъ пакостныхъ денегъ, какихъ только гадостей не испытываетъ чело-
вѣкъ!..

VII.

Знакомство съ Грановскимъ и его женой.—Семейство Герценьхъ.—Кетчеръ, Е. О. Коршъ, Рѣдкинъ и Кавелинъ въ гостяхъ у А. И. Герцена.—Моя дружба съ Грановскимъ.—Грановскій въ своей семьѣ.—Характеристика его жены.—Споръ Кетчера съ Грановскимъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—П. В. Аннековъ.—«Петербургскій Сборникъ» Некрасова.—Тургеневъ на обѣдахъ аристократической молодежи у Дюссо.—Займы Тургенева у Некрасова и нотации Вѣлинскаго.—«Бѣдные люди» Достоевскаго.—Споры Тургенева съ Достоевскимъ.—Размовка нашего кружка съ послѣднимъ.—Успѣхъ «Петербургскаго Сборника» и предложенія Вѣлинскому издать «Альманахъ».—Вторая поѣздка въ Москву и публичныя лекціи Грановскаго.—Вечера у Грановскаго и Герцена.

Проѣздомъ въ Казань, мы остановились въ Москвѣ и я познакомилась съ Грановскимъ; онъ пріѣхалъ пригласить насъ обѣдать къ себѣ. Я много уже слышала о немъ, о Герценѣ, и объ ихъ женахъ, отъ ихъ пріятелей. Жену Герцена возносили до небесъ, а о женѣ Грановскаго говорили, что она «тупица», даже удивлялись, какъ могъ Грановскій жениться на такой неуклюжей нѣмкѣ, которая, кромѣ хозяйства, ничѣмъ не интересовалась.

Заводить новое дамское знакомство мнѣ вовсе не хотѣлось, но самъ Грановскій такъ мнѣ понравился и такъ мило сказалъ, что ему очень хотѣлось бы, чтобы я познакомилась съ его женой, что я не могла отказаться. Въ взглядѣ и въ манерахъ Грановскаго было столько мягкости, что онъ мгновенно располагалъ къ себѣ человѣка.

Жена Грановскаго не отличалась красотой; она была необычайно застѣнчива, но за то въ каждомъ ея словѣ чувствовалась искренняя простота. Съ перваго же разу мы такъ сошлись, точно давно уже были знакомы. У насъ оказалось много общаго во взглядахъ на вещи; я очень пріятно провела съ ней время и дала слово на другой день опять пріѣхать.

Семейство Щепкиныхъ было на дачѣ, Аксаковы уѣхали въ свое имѣніе, такъ что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ и Грановскіе уговорили меня пріѣзжать къ нимъ обѣдать всякій разъ, когда Панаевъ былъ приглашенъ куда-нибудь. Бывая почти цѣлый день у Грановскихъ, я могла узнать ихъ домашнюю жизнь. Пріятно было видѣть согласіе между мужемъ и женой; безъ всякихъ особенныхъ нѣжностей они оба искренно любили другъ друга. Жена Грановскаго не говорила мнѣ о своей любви къ мужу, но она выражалась въ ея заботахъ, чтобы ему было спокойно, чтобы никакія хозяйственныя дразги не доходили до него. Грановскій очень любилъ чистоту въ домѣ и хорошій столъ, и жена усердно заботилась объ этомъ. Доходы Грановскаго ограничивались профессорскимъ жалованьемъ, а потому женѣ его поневолѣ нужно

было самой входить въ хозяйство. Оказалось, что жена Грановскаго отлично знала нѣмецкую литературу, читала много, была хорошая музыкантша, такъ что по своему образованію и развитію выдѣлялась между другими женщинами, но, по скромности характера, ей и въ голову не приходило, что слѣдовало заявлять объ этомъ въ кружкѣ, куда она попала, выйдя замужъ за Грановскаго.

Съ Герценомъ я познакомилась у Грановскихъ.

— Мы старые знакомые, хоть не видали другъ друга въ лицо, — сказалъ мнѣ Герцень. — Вы забыли, можетъ быть, а я нѣтъ, что по вашей инициативѣ мнѣ разрѣшили снова жить въ Москвѣ.

Я отвѣтила, что это была скорѣе случайность, нежели моя инициатива.

— Скромность одна изъ добродѣтелей, которая украшаетъ человѣка, — банальнымъ тономъ замѣтилъ Герцень.

— А я изъ наблюденія вывела заключеніе, что скромность причислена къ восьмому смертному грѣху.

Герцень пріѣхалъ передъ обѣдомъ приглашать къ себѣ Грановскихъ вечеромъ, такъ какъ у него намѣревались собраться общіе ихъ знакомые; онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Надѣюсь, мы можемъ обойтись и безъ официальныхъ визитовъ и вы пріѣдете съ Грановскими къ намъ. Панаевъ у меня обѣдаетъ и просилъ меня передать вамъ, чтобы вы непременно пріѣзжали. Помните, что сказано: «жена должна слѣдовать всюду за мужемъ!»

— Я помню и гражданскій законъ, что мужъ имѣетъ право требовать по этапу къ себѣ жену.

— Грановскій и Лизавета Богдановна, — повелительно провозгласилъ Герцень, — предписывается вамъ конвоировать жену казанскаго дворянина Панаева и доставить ее на мѣсто нахождения ея мужа, сегодня же вечеромъ!

Въ продолженіе своего визита, онъ поражалъ меня блескомъ остроумія и неожиданными парадоксами въ своемъ разговорѣ. Смотри на него и на Грановскаго, я не знала кому отдать преимущество: кипучей живости и блеску остроумія Герцена, или спокойной задумчивости и ясному уму Грановскаго. Выраженія ихъ лицъ рѣзко отличались одно отъ другого. Герцень былъ ниже Грановскаго, съ блестящими, живыми, большими, пронизательными сѣрыми глазами, съ подвижными манерами, говорилъ скоро, звонкимъ голосомъ. Въ карихъ же глазахъ Грановскаго просвѣчивала необычайная мягкость, всѣ движенія его были спокойны, а негромкій голосъ, какъ говорится, былъ бархатный. Грановскій иногда какъ будто заикался слегка, но это пропадало, если онъ одушевлялся въ разговорѣ. За обѣдомъ жена Грановскаго стала отговариваться отъ поѣздки къ Герценамъ. Грановскій обратился ко мнѣ:

— Посмотрите на что похожа ея застѣнчивость? — сказалъ онъ. —

Нигдѣ не хотеть бывать, даже неловко за нее. Каролина Павловна ¹⁾ три раза была у нея съ визитомъ, чтобы поближе сойтись съ ней. Такая дѣтская робость даже смѣшна въ взрослой женщинѣ и вредна; ты одичаешь,—продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ,—сидя все одна, да и это очень не хорошо для здоровья твоего; оттого всякіе страхи тебѣ приходятъ въ голову, если меня нѣтъ дома... Надо вамъ выдать ее и пристыдить; она вѣдь перетрусилась, что я васъ пригласилъ на обѣдъ.

Мы обѣ разсмѣялись, потому что сообщили уже другъ другу наше обоюдное нежеланіе знакомиться, и я серьезнымъ тономъ сказала, что и я также боюсь ѣхать къ женѣ Герцена, потому что она, по рассказамъ, такая возвышенная женщина, что я не знаю о чемъ мнѣ, прозаической женщинѣ, и говорить съ ней.

— Вы шутите, а я серьезно говорю,—сказала Грановскій,—и надѣюсь, что вы будете на моей сторонѣ и уговорите жену сбросить съ себя смѣшную застѣнчивость.

— Не надѣйтесь, я всегда противъ деспотовъ мужей.

Грановскій разсмѣлся и отвѣтилъ:

— Хорошо, что высказались, я буду при васъ умѣрять свой деспотизмъ.

Я однако уговорила жену Грановскаго ѣхать къ Герценамъ, не смотря на то, что она призналась мнѣ, что ей тяжело находиться въ обществѣ, гдѣ присутствіе ея переносятъ только потому, что она жена Грановскаго.

Герцены жили въ домѣ своего отца, но совершенно отдѣльно; комнаты были большія, домъ старинной постройки, простору было много, обстановка помѣщичья, прислуги много. Я слышала изъ рассказовъ Грановскаго о причудахъ старика отца Герцена и его нѣмки-матери, забытой женщины. Мать Герцена имѣла отдаленную половину въ домѣ, гдѣ помѣщалась съ глухонѣмымъ трехлѣтнимъ внукомъ. Старшій сынъ Герцена, 7-милѣтній мальчикъ, былъ хорошенькій, умный, но страшно избалованный. Старикъ отецъ Герцена никуда не выходилъ изъ комнаты, вѣчно лечился и брюзжалъ на окружающихъ, деспотически распоряжался всею и поминутно жаловался, что онъ больной человекъ, брошенный всею, что все нетерпѣливо ждуть его смерти. Мать Герцена была предобродушная женщина и, должно быть, была смолоду красавица; но она была необразованная женщина, забытая такъ, что не имѣла никакого значенія въ семьѣ, даже я нашла, что съ ней обходились слишкомъ пренебрежительно и не давали ей промолвить слова. Если она дѣлала какое-нибудь очень разумное замѣчаніе по хозяйству или по воспитанію дѣтей, то съ какой-то насмѣшливой снисходительностію ей отвѣчали: «хорошо, хорошо, замолчите».

¹⁾ Павлова.

Въ домѣ жила еще бѣдная вдова съ молоденькой дочерью, которыя обязаны были ухаживать за своимъ больнымъ благодѣтелемъ.

Раздѣваясь въ передней, мы слышали изъ столовой крики Кетчера, покрывавшіе голоса другихъ гостей. Кетчера, переводчика Шекспира, я знала коротко; онъ года два жилъ въ Петербургѣ.

Когда собирались вмѣстѣ общіе знакомые, то Кетчеръ на этихъ вечерахъ самъ себѣ избралъ должность разливателя шампанскаго, безъ котораго онъ не могъ обойтись. Чуть сходились нѣсколько человѣкъ, онъ овладѣвалъ бутылкой и съ наслажденіемъ разливалъ вино и наблюдалъ, чтобы его пили. Только-что мы переступили порогъ, какъ Кетчеръ уже встрѣтилъ насъ съ бокалами вина, крича: «берите и пейте, успѣете продѣлать китайскія церемоніи».

За длиннымъ столомъ сидѣло много гостей; пили чай. Хозяйка дома не разливала; эту обязанность исполняла за нее молоденькая дочь бѣдной вдовы.

Жена Герцена была хорошенькая, но въ ея лицѣ не было жизни; она говорила плавно, не возвышая и не понижая голоса. Сначала меня познакомили съ дамами, а потомъ съ мужчинами.

Знакома меня съ послѣдними, Герценъ говорилъ:

— Е. О. Коршъ, соперникъ Іакова по многочисленности своего потомства, а сей ученый мужъ, указывая на профессора Рѣдкина, мянущій каждую минуту, что умереть, доживетъ до Маусаиловыхъ лѣтъ и все будетъ мнить, что онъ умереть во цвѣтѣ лѣтъ. (Рѣдкинъ страшно былъ мнителенъ). Представляя мнѣ Кавелина, Герценъ сказалъ:—это трижды молодой, какъ по своимъ лѣтамъ, какъ профессоръ и какъ человѣкъ, который только-что связалъ себя узами Гименея.

— Прибавь къ несчастью и по глупости!—заикаясь, проговорилъ Е. О. Коршъ.

Кавелинъ женился на младшей сестрѣ его.

Хозяйка дома не заботилась занимать дамъ разговорами. Когда кончился чай, то всѣ перешли въ гостиную. Кетчеръ захватилъ бутылку и покрикивалъ на всѣхъ, чтобы брали свои стаканы.

— Какъ жаль, что Кетчеръ не генералъ, какъ бы на мѣстѣ былъ его голосъ на смотру при командованіи полкомъ,—замѣтилъ Коршъ.

Его коробили рѣзкости въ Кетчерѣ, особенно возмущало, что тотъ дозволяетъ себѣ читать нотации всѣмъ, какъ какой-нибудь менторъ, и словно неумолимый судья изрекаетъ свои приговоры о поступкахъ другихъ. Кетчеръ пользовался особеннымъ благоволеніемъ жены Герцена, и съ своей стороны восхвалялъ ее до небесъ и часто говорилъ при всѣхъ Герцену: «ты дрянъ передъ своей женой».

Когда перешли въ гостиную, то хозяйка дома пригласила меня сѣсть возлѣ себя въ укромномъ уголкѣ, вдали отъ всѣхъ и своимъ

плавнымъ, тихимъ голосомъ заведя разговоръ о возвышенныхъ предметахъ, точно экзаменуя меня. Она прочитала мнѣ цѣлую лекцію о высокомъ назначеніи женщины.

Мы бесѣдовали подъ страшный шумъ спорящихъ голосовъ мужчинъ. За ужиномъ все сидѣли очень долго, шли горячіе споры о положеніи Франціи, такъ какъ на нее обращено было общее вниманіе, какъ на лабораторію, въ которой совершались химическіе опыты надъ разными современными общественными и политическими вопросами.

На другой день, за обѣдомъ, Грановскій спросилъ меня: какъ понравилась мнѣ жена Герцена?

Я откровенно созналась, что нашла въ ней что-то не естественное и мнѣ не понравилось слишкомъ явное ея самолюбіе, будто она стоитъ выше всехъ ея окружающихъ женщинъ. Я пошутила, прибавивъ, что должно быть провалилась на сдѣланномъ ею мнѣ экзаменѣ и получила единицу за свои прозаическіе взгляды на жизнь.

— Она хорошая женщина, это все ей искусственно привито, — замѣтилъ Грановскій, — чрезмѣрными похвалами ея окружающихъ. Все это она сброситъ съ себя, когда будетъ имѣть столкновеніе съ людьми вмѣ своего маленькаго кружка. Понятно, что она считаетъ себя выше другихъ женщинъ, если все крутомъ стараются доказать ей, что она непогрѣшима во всехъ своихъ поступкахъ. А вѣдь это мѣшаетъ человѣку анализировать свои поступки. Мы знаемъ фактъ, гдѣ она поступила далеко не такъ, какъ рѣшились бы поступить многія женщины съ менѣе идеальнымъ взглядомъ на жизнь, а между тѣмъ окружающіе старались изъ этого факта выставить ее въ какомъ-то возвышенномъ свѣтѣ. Какъ же можно требовать отъ нея, чтобы она была естественна; скорѣе другіе виноваты въ этомъ недостаткѣ въ ней. Ей самой будетъ тяжело, когда жизнь ей покажетъ ложную сторону ея заблужденія.

Черезъ недѣлю послѣ вечера у Герцена, поэтъ С. съ удивленіемъ спросилъ меня, почему я не ѣду къ женѣ Герцена и неужели я предпочитаю ей общество жены Грановскаго. Я не скрыла предпочтеніе, питаемое мной къ Грановской. Онъ передалъ это Кетчеру, который явился ко мнѣ съ рѣзкими наставленіями, но я также рѣзко отвѣчала ему, что мнѣ болѣе симпатична жена Грановскаго; что я не намѣрена подчиняться чужому мнѣнію; что, можетъ быть, жена Герцена стоитъ во всехъ отношеніяхъ выше всехъ женщинъ по своему развитію, уму и высокимъ дарованіямъ, но я все-таки нахожу болѣе пріятнымъ проводить время съ женой Грановскаго.

Кетчеръ нашелъ, что я оригинальничую.

Еще болѣе удивило всехъ, что я переѣхала къ Грановскимъ жить, когда Панаевъ поѣхалъ въ деревню одинъ, оставивъ меня

въ Москвѣ. Грановскій, узнавъ, что мнѣ очень не хочется ѣхать въ Казанскую губернію, сталъ упрашивать меня, чтобы я, на время отсутствія Панаева, переѣхала къ нимъ; у нихъ была свободная комната на верху и я ихъ не могла стѣснить.

— Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, если переѣдете къ намъ. Вы гораздо лучше сдѣлали въ короткое время повліять на застѣнчивость моей жены, чѣмъ я бесполезно трудился надъ этимъ такъ долго. У меня мало времени быть около нея. Такую робкую натуру, какъ у нея, скорѣе запугаютъ въ нашемъ кружкѣ, чѣмъ ободрятъ.

И Грановскій разсказалъ при этомъ о воспитаніи своей жены и о деспотизмѣ своего тестя, который доходилъ просто до тиранства въ обращеніи съ своими дѣтьми. Онъ отдавалъ справедливость тестю, что тотъ заботился объ образованіи дѣтей, но за то нелѣпыми строгостями испортилъ ихъ здоровье.

Старшій братъ жены Грановскаго умеръ отъ чахотки, только что окончивъ курсъ въ университетѣ.

— Вѣдь Лиза до смѣшного боится своего отца до сихъ поръ, — говорилъ Грановскій, — она скрываетъ отъ меня, что онъ попрежнему мудритъ надъ нею и распекаетъ ее, какъ дѣвочку, за всякіе пустяки, которые найдетъ въ нашемъ хозяйствѣ. Волненіе и слезы очень вредны для ея слабой груди, а онъ всегда доведетъ ее до слезъ; на другой день послѣ его посѣщенія, у нея кровь идетъ горломъ. Мое положеніе ужасное; попросить старика прекратить дѣлать выговоры дочери, — обидится, перестанетъ бывать у насъ; это Лизу еще хуже будетъ мучить, да и жаль ея младшую сестру, которой запретятъ бывать у насъ, гдѣ она отдыхаетъ отъ деспотизма отца и гдѣ видитъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ, когда я переѣхала къ Грановскимъ, то увидѣла до чего волновалась жена Грановскаго въ ожиданіи посѣщенія своего отца, который аккуратно два раза въ недѣлю въ извѣстный часъ являлся къ ней утромъ завтракать и потомъ пилъ чай. У нея руки дрожали, когда она наливала ему чай, потому что отецъ бросалъ на нее грозные взгляды, если она нечаянно стукнула ложечкой о чашку, или случайно капала на блюдечко. Сохрани Боже, если происходило замедленіе въ завтракѣ, или онъ былъ приготовленъ не по вкусу; отецъ даже дѣлалъ ей выговоры за то, если стулъ стоялъ не спинкой къ окну. Послѣ завтрака, когда старикъ допекалъ дочь строжайшими выговорами, она должна была стоять передъ нимъ цѣлый часъ. Когда я переѣхала жить къ Грановскимъ и нѣсколько разъ замѣтила у нея заплаканные глаза послѣ продолжительной аудіенціи съ отцомъ, я начала стыдить ее, что она придаетъ такую важность причудамъ старика и увѣряла, что онъ броситъ дѣлать ей выговоры, если она въ его присутствіи не будетъ дрожать передъ нимъ. Старикъ терпѣть не могъ, чтобы смѣялись и говорили, когда

онъ ѣсть, а я нарочно шутила, болтала все время. Сначала онъ бросалъ на меня удивленные, строгіе взгляды, а я дѣлала видъ, что не замѣчаю ихъ и продолжала свое. Черезъ нѣсколько времени старикъ уже улыбался на мои шутки и даже удостоилъ меня пригласить обѣдать къ себѣ. Это было такое чудо, что Грановскій потѣшался надъ моей побѣдой.

У Грановскихъ я встрѣтила Каролину Павловну Павлову и слышала ея чтеніе стиховъ, которые она только-что сочинила и наизусть прочла во время своего визита. Въ разговорѣ она вставляла постоянно строфы стиховъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ Гёте, изъ Байрона—на англійскомъ, изъ Данте—на итальянскомъ, а по-испански привела какую-то пословицу. Она больше говорила съ Грановскимъ, нежели съ нами. Павлова была уже не молода и некрасива, очень худенькая, но съ величественными манерами. Я познакомилась также съ женой Кавелина и съ женой профессора Крылова, тоже сестрой Корша. Крыловъ былъ не симпатиченъ, худой, съ желтовато-блѣднымъ цвѣтомъ лица; онъ съ какой-то злой улыбочкой смотрѣлъ на свою жену, когда она говорила.

У Грановскаго часто обѣдали: Перевошиковъ, Рѣдкинъ, Кавелинъ.

Надъ Рѣдкинымъ я съ женой Грановскаго много потѣшалась; мы нарочно заводили разговоръ о болѣзняхъ и о покойникахъ, и всякій разъ, когда онъ приходилъ, говорили ему, будто онъ страшно измѣнился и имѣеть болѣзненный видъ.

Нѣсколько разъ я видѣла Чичерина въ студенческомъ мундирѣ; онъ вмѣстѣ съ своей матерью пріѣзжалъ съ визитомъ къ Грановскимъ. Грановскій руководилъ подготовленіемъ Чичерина къ поступленію въ университетъ.

Впрочемъ, къ Грановскому являлось много студентовъ, кто за совѣтами по занятіямъ, кто по личнымъ своимъ дѣламъ; ко всемъ онъ относился съ участіемъ; нуждающійся студентъ всегда находилъ у него помощь.

У Грановскаго постоянно жили въ домѣ одинъ или два безпріютные бѣдные студенты. Онъ былъ необыкновенно внимателенъ къ нимъ, за столомъ разговаривалъ, шутилъ съ ними и постоянно спрашивалъ жену,—позаботилась ли она напоить и накормить ихъ передъ уходомъ на лекціи. Помимо расположенія студентовъ къ Грановскому, какъ отличному профессору, они еще цѣнили его, какъ человѣка, относящагося съ отцовской любовью къ студентамъ.

Мнѣ жилось хорошо у Грановскихъ, пріятно было видѣть такое согласіе между мужемъ и женой. По утрамъ, если Грановскій не былъ на лекціи, то читалъ и работалъ у себя въ кабинетѣ, а я съ его женой тоже занималась чтеніемъ или шитьемъ. По вечерамъ, если Грановскій не уѣзжалъ въ гости или въ клубъ, то приходилъ въ залу и слушалъ игру жены на фортепьяно; онъ очень любилъ

Бетховена. Надо было видѣть—какимъ счастьемъ озарилось лицо жены, когда Грановскій подходилъ къ ней, гладилъ по головѣ и напоминалъ, что докторъ запретилъ ей долго заниматься музыкой.

Жена Грановскаго всегда страшно волновалась, если мужъ запаздывалъ возвращеніемъ домой и какъ бы онъ поздно не вернулся, она не ложилась въ постель. Она мнѣ говорила, что ея овладѣваетъ какой-то безотчетный страхъ, и она не въ силахъ уничтожить въ своей головѣ мрачныхъ картинъ, которыя рисуются ей передъ глазами при мысли о разныхъ несчастіяхъ, какія бываютъ отъ паденія изъ экипажа. Точно она предчувствовала заранѣе, что Грановскій за два года до своей смерти, будетъ разбитъ при паденіи изъ экипажа, и его безъ чувствъ принесутъ домой. На одной щекѣ у него была повреждена челюсть и осталась впадина, которая впрочемъ нисколько его не обезобразила.

Иногда Грановскій, пріѣхавъ изъ клуба, долго сидѣлъ съ нами, рассказывая о своей студенческой жизни, о поѣздкѣ за границу, о своемъ отцѣ, котораго онъ очень любилъ. Отецъ Грановскаго имѣлъ страсть къ картамъ и проигралъ все свое состояніе. Грановскій говорилъ, что онъ чувствуетъ и въ себѣ наслѣдственную страсть къ игрѣ, но никогда не дозволяетъ себѣ играть въ азартныя игры.

Въ концѣ августа, Панаевъ вернулся изъ деревни и я перебралась отъ Грановскихъ.

Я нашла большую перемѣну въ женѣ Щепкина; она сильно постарѣла отъ горя; потерявъ недавно младшую дочь, она ожидала новой потери: старшій сынъ ея доживалъ послѣдніе дни своей жизни, тоже умирая отъ чахотки.

Каждый день у кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ собирались гости и намъ не приходилось сидѣть дома.

Разъ всѣ собрались къ Грановскимъ вечеромъ. Кетчеръ не могъ покойно сидѣть, потому что не было шампанскаго; онъ тихонько отъ Грановскаго собралъ отъ всѣхъ гостей денегъ, исчезъ, вернулся сіяющій съ полдюжиной шампанскаго, съ хохотомъ выставилъ на столъ батарею бутылокъ и сталъ разливать вино. Замѣтно было по лицу Грановскаго, что выходка Кетчера покорила его. Изъ этого вышла исторія. На другое же утро Грановскій отдалъ послѣднія свои деньги за шампанское Кетчеру, потребовалъ, чтобы онъ ихъ раздалъ всѣмъ, у кого ихъ набралъ, и просилъ его впредь не распорядиться въ его домѣ подобнымъ образомъ. Кетчеръ обидѣлся, за него заступились пріятели, находя смѣшной такую щепетильность Грановскаго. Послѣдній объяснялъ, что находитъ вообще страннымъ вкоренившійся обычай, какъ только всѣ соберутся вмѣстѣ, непременно пить безъ мѣры шампанское, что и такъ въ Москвѣ распространяютъ слухи о безобразныхъ попойкахъ въ ихъ кружкѣ.

— Когда ѣхали ко мнѣ,—говорилъ Грановскій,—то всѣ знали,

что у меня нѣтъ денегъ на угощеніе шампанскимъ, и потому со стороны Кетчера было глупо и неделикатно заставлять меня смотрѣть, какъ мои гости пьютъ вино, купленное на свои же деньги.

Кетчеръ кричалъ, бранился и его едва помирили съ Грановскимъ.

Вскорѣ между ними произошла новая стычка изъ-за Бѣлинскаго, котораго Кетчеръ началъ бранить за ужиномъ у Герцена: зачѣмъ Бѣлинскій остается въ подломъ Петербургѣ, гдѣ только могутъ жить одни чиновники, да эксплуататоры, что Бѣлинскій унижаетъ себя, имѣя дѣло со всякой дрянью, получаетъ гроши за то, что изъ него тянутъ жилы, и что онъ долженъ вернуться въ Москву.

— А вы гарантируете ему, Кетчеръ, хоть эти гроши, когда онъ броситъ Петербургъ и переселится въ Москву?—спросила я Кетчера.

Онъ раскричался на меня, что я защищаю мерзско-пакостный Петербургъ, пропитанный эгоизмомъ и бюрократіей, что всякій порядочный человѣкъ долженъ бѣжать изъ него, что позорно Бѣлинскому дышать даже петербургскимъ воздухомъ, что это непременно отзовется на его нравственныхъ принципахъ, что его не цѣнять въ Петербургѣ и т. п.

— А въ Москвѣ его оцѣнили?—опять спросила я.

Кетчеръ опять набросился было на меня, крича, что я, не понимая вещей, беру смѣлость судить о нихъ, но Грановскій вступился за меня и сталъ доказывать, что я совершенно права, и что Бѣлинскій прекрасно сдѣлалъ, что переселился въ Петербургъ, потому что въ Москвѣ для него нѣтъ дѣятельности, что онъ самъ москвичъ и любитъ Москву, но сознаетъ преимущество Петербурга передъ Москвой, потому что тамъ жизненный пульсъ сильнѣе бьется у людей, а въ Москвѣ осталось еще слишкомъ много снотворныхъ элементовъ отъ стараго времени.

— Такъ уѣзжай изъ Москвы, зачѣмъ здѣсь сидишь, поѣзжай въ подлый Петербургъ!—заоралъ Кетчеръ.

Грановскій своимъ мягкимъ голосомъ покойно отвѣчалъ:

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, когда я имѣю здѣсь дѣятельность, безъ которой для меня уже не мыслимо мое существованіе. Московскій университетъ такъ мнѣ дорогъ, что нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы ему. Вы все это знаете, а также и мою любовь къ Москвѣ, но все-таки это мнѣ не мѣшаетъ видѣть смѣшную сторону въ нѣкоторыхъ москвичахъ, которые отрицаютъ, что въ Петербургѣ могутъ только жить одни подлецы и чиновники. Къ чему поддерживать нелѣпный антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ, тогда какъ слѣдовало бы уничтожать его, потому что у интеллигентныхъ людей обѣихъ столицъ одинаковая цѣль—трудиться для просвѣщенія Россіи.

Надо было удерживать Кетчера, чтобы онъ не мѣшалъ говорить Грановскому. Но за то, когда тотъ замолчалъ, Кетчеръ разразился

страшною бранью на защитниковъ Петербурга. Его старались остановить возраженіями, но онъ пришелъ въ такой азартъ, что огуломъ началъ бранить всѣхъ окружающихъ. Коршъ воскликнулъ:

— Господа, оставьте его, пусть кричитъ и ругается, онъ какъ дровишъ, пока самъ не упадетъ отъ головокруженія, его намъ не остановить.

Всѣ засмѣялись. Кетчеръ обидѣлся, схватилъ свою фуражку и хотѣлъ уйти, но жена Герцена остановила его, увела въ другую комнату и насилу успокоила. Послѣ этого вечера, Кетчеръ почему-то считалъ меня виновной въ происшедшемъ, дулся на меня и постоянно дѣлалъ мнѣ шпильки. Грановскій совѣтовалъ мнѣ не обращать вниманія на него, говоря, что Кетчеръ и на него сердится, что онъ всегда дуется на тѣхъ, кто противорѣчитъ его мнѣнію или сдѣлаетъ ему замѣчаніе, а самъ позволяетъ себѣ дѣлать неумѣстныя и даже грубыя замѣчанія всѣмъ, что онъ усвоилъ себѣ такую привычку и трудно растолковать ему, что она вовсе некрасива въ развитомъ человѣкѣ.

Мы вернулись въ Петербургъ и у насъ почти каждый вечеръ собирались литераторы и не литераторы. Въ числѣ первыхъ появились начинающіе свое литературное поприще: Григоровичъ, совсѣмъ еще юный не столько годами, сколько своимъ характеромъ, Некрасовъ, который уже сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ Бѣлинскому и былъ непремѣннымъ его партнеромъ въ преферансъ, П. В. Анненковъ, который тогда еще не былъ литераторомъ, но очень ухаживалъ за всѣми литераторами.

Въ Анненковѣ была одна замѣчательная черта: въ спорахъ о чемъ бы то ни было нельзя было никакъ понять съ кѣмъ онъ согласенъ изъ авторитетныхъ лицъ; онъ поддакивалъ то одному, то другому, и если съ кѣмъ находился глазъ на глазъ, то оказывалось, что онъ раздѣляетъ мнѣніе собесѣдника.

Анненковъ имѣлъ обезпеченное состояніе, не служилъ, но былъ очень расчетливъ. Бѣлинскій говорилъ:

— Я желалъ бы имѣть въ своемъ характерѣ голубиную кротость А. Майкова и расчетливость Анненкова, которому, если попадетъ грошъ въ руку, то онъ его не выпуститъ, да еще изъ этого гроша сдѣлаетъ алтынъ.

Некрасовъ задумалъ издать «Петербургскій Сборникъ». У него уже были куплены статьи у нѣкоторыхъ литераторовъ. Бѣлинскій принялъ горячее участіе въ этомъ изданіи, упробилъ Панаева написать что-нибудь для сборника и Панаевъ написалъ «Парижскіи увеселенія».

Бѣлинскій находилъ, что тѣмъ литераторамъ, которые имѣютъ средства, не слѣдуетъ брать денегъ съ Некрасова. Онъ проповѣдовалъ, что обязанность каждаго писателя помочь нуждающемуся

собрату выкарабкаться изъ затруднительнаго положенія, дать ему средство свободно вздохнуть и работать—что ему по душѣ. Онъ написалъ въ Москву Герцену и просилъ его прислать что-нибудь въ «Петербургскій Сборникъ». Герценъ, Панаевъ, Одоевскій и даже Сологубъ отдали свои статьи безъ денегъ. Кронебергъ и другіе литераторы сами очень нуждались; имъ Некрасовъ заплатилъ; Тургеневъ тоже отдалъ даромъ своего «Помѣщика» въ стихахъ, но Некрасову обошлось это гораздо дороже, потому что Тургеневъ, по обыкновенію истративъ деньги, присланныя ему изъ дому, сидѣлъ безъ гроша и поминутно занималъ у Некрасова деньги. Объ этихъ займахъ передали Бѣлинскому; онъ, придя къ намъ, какъ нарочно встрѣтилъ Тургенева, поджидавшаго возвращенія Панаева домой, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти обѣдать къ Дюссо. Бѣлинскій звалъ, что обыкновенно, по четвергамъ, въ этотъ модный ресторанъ собиралось много аристократической молодежи обѣдать, и накинулъ на Тургенева.

— Къ чему вы разыграли барича? Гораздо было бы проще взять деньги за свою работу, чѣмъ, сдѣлавъ одолженіе человѣку, обращаться сейчасъ же къ нему съ займами денегъ. Понятно, что Некрасову неловко вамъ отказывать и онъ самъ занимаетъ для васъ деньги, платя жидовскіе проценты. Добро бы вамъ нужны были деньги на что-нибудь путное, а то пошкарить у Дюссо! Непостижимо! какъ человѣкъ съ такимъ анализомъ разбирающій неумовимые штрихи въ поступкахъ другихъ людей, не можетъ анализировать такихъ крупныхъ, безтактныхъ своихъ отношеній къ людямъ. Эта распущенность непростительна въ такомъ умномъ человѣкѣ, какъ вы. Вѣдь васъ заслушаешься, не нарадуешься, какъ вы разсуждаете о нравственныхъ принципахъ, которыми обязаны руководиться развитой человѣкъ, а сами вдругъ выкидываете такія колѣнцы, которыя въ пору ремонтѣру. Подтяните, ради Христа, свою распущенность, вѣдь можно сдѣлаться нравственнымъ уродомъ. Мальчишество какое-то у васъ, какъ бы тихонько напроказить, зная, что дѣлаете скверно. Сколько разъ васъ уличали въ разныхъ пошлыхъ продѣлкахъ на сторонѣ, когда вы думали, что избѣжали надзора. Вичуете въ другихъ фанфаронство, а сами не хотите его бросить. Другіе фанфаронятъ безсознательно, у нихъ не хватаетъ ума; а вамъ-то развѣ можно позволять себѣ такую распущенность!

Тургеневъ очень походилъ на провинившагося школьника и возразилъ:

— Да вѣдь не преступленіе я сдѣлалъ, я вѣдь отдамъ Некрасову эти деньги!.. Просто необдуманно поступилъ.

— Такъ впередъ и обдумывайте хорошенько, что дѣлаете, я для этого и говорю вамъ такъ рѣзко, чтобы вы позорче слѣдили за собой.

Бѣлинскій сильно привязывался къ молодымъ даровитымъ людямъ; ему хотѣлось, чтобы они заслуживали общее уваженіе помимо своего таланта, какъ безукоризненные, хорошіе и честные люди, чтобы никто не могъ упрекнуть ихъ въ какомъ-нибудь нравственномъ недостаткѣ. Онъ говорилъ:—«Господа, человѣческія слабости веѣмъ присущи и прощаются, а съ насъ взыщутъ съ неумолимой строгостью за нихъ, да и имѣютъ право относиться такъ къ намъ, потому что мы обличаемъ печатно пошлость, развращеніе, эгоизмъ общественной жизни, значить, мы объявили себя не причастными къ этимъ недостаткамъ, такъ и надо быть осмотрительными въ своихъ поступкахъ, иначе,—какой прокъ выйдетъ изъ того, что мы пишемъ?—мы сами будемъ подрывать вѣру въ наши слова!»

Тургеневъ не простилъ лицу, выболтавшему Бѣлинскому о его займахъ у Некрасова, и отплатилъ болтливому господину той же монетой, да еще съ ростовщичьими процентами, разгласивъ одинъ его некрасивый поступокъ внѣ кружка. Меня удивляло, какъ подобныя сплетни другъ на друга не мѣшали ихъ наружнымъ приятельскимъ отношеніямъ. Къ чему было это лицемеріе?

Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» рассказываетъ объ эффектѣ, произведенномъ «Бѣдными людьми» Достоевскаго, и я объ этомъ не буду распространяться. Достоевскій пришелъ къ намъ въ первый разъ вечеромъ съ Некрасовымъ и Григоровичемъ, который только-что вступалъ на литературное поприще. Съ перваго взгляда на Достоевскаго видно было, что это страшно нервный и впечатлительный молодой человѣкъ. Онъ былъ худенькій; маленькій, бѣлокурый, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица; небольшіе сѣрые глаза его какъ-то тревожно переходили съ предмета на предметъ, а блѣдныя губы нервно передергивались. Почти все присутствовавшіе тогда у насъ уже были ему знакомы, но онъ видимо былъ сконфуженъ и не вмѣшивался въ общій разговоръ. Все старались занять его, чтобы уничтожить его застѣнчивость и показать ему, что онъ членъ кружка. Съ этого вечера Достоевскій часто приходилъ вечеромъ къ намъ; застѣнчивость его прошла, онъ даже выказывалъ какую-то задорность, со всемі заводилъ споры, очевидно изъ одного упрямства противорѣчилъ другимъ. По молодости и нервности, онъ не умѣлъ владѣть собой и слишкомъ явно высказывалъ свое авторское самолюбіе и самомнѣніе о своемъ писательскомъ талантѣ. Ошеломленный неожиданнымъ, блистательнымъ, первымъ своимъ шагомъ на литературномъ поприщѣ и засыпанный похвалами компетентныхъ людей въ литературѣ, онъ, какъ впечатлительный человѣкъ, не могъ скрыть своей гордости передъ другими молодыми литераторами, которые скромно выступили на это поприще съ своими произведеніями. Съ появленіемъ молодыхъ литераторовъ въ кружкѣ, бѣда была попасть имъ на зубокъ, а Достоевскій какъ нарочно давалъ къ этому поводъ своею раздражительностію и вы-

сокомѣрнымъ тономъ, что онъ несравненно выше ихъ по своему таланту. И пошли перемывать ему косточки, раздражать его самолюбіе уколами въ разговорахъ; особенно на это былъ мастеръ Тургеневъ,—онъ нарочно втягивалъ въ споръ Достоевскаго и доводилъ его до высшей степени раздраженія. Тотъ лѣзъ на стѣну и защищалъ съ азартомъ иногда нелѣпыя взгляды на вещи, которые сболтнулъ въ горячности, а Тургеневъ ихъ подхватывалъ и потѣшался. У Достоевскаго явилась страшная подозрительность вслѣдствіе того, что одинъ пріятель передавалъ ему все, что говорилось въ кружкѣ лично о немъ и о его «Бѣдныхъ людяхъ». Пріятель Достоевскаго, какъ говорятъ, изъ любви къ искусству, передавалъ всѣмъ, кто о комъ что сказалъ. Достоевскій заподозрилъ всѣхъ въ зависти къ его таланту и почти въ каждомъ словѣ, сказанномъ безъ всякаго умысла, находилъ, что желаютъ умалить его произведеніе, нанести ему обиду; онъ приходилъ уже къ намъ съ накипавшей злобой, придирался къ словамъ, чтобы излить на завистниковъ всю желчь, душившую его. вмѣсто того, чтобы снисходительнѣе смотрѣть на больного нервнаго человѣка, его еще сильнѣе раздражали насмѣшками. Достоевскій претендовалъ на Бѣлинскаго за то, что онъ играетъ въ преферансъ, а не говорить съ нимъ о его «Бѣдныхъ людяхъ».

— Какъ можно умному человѣку просидѣть даже десять минутъ за такимъ идиотскимъ занятіемъ, какъ карты, а онъ сидитъ по два и по три часа!—говорилъ Достоевскій съ какимъ-то озлобленіемъ.—Право, ничѣмъ не отличишь общества чиновниковъ отъ литераторовъ, то же тупоумное препровожденіе времени.

Бѣлинскій избѣгалъ всякихъ серьезныхъ разговоровъ, чтобы не волноваться. Достоевскій приписывалъ это охлажденію къ нему Бѣлинскаго, который иногда, слыша разгорячившагося Достоевскаго въ спорѣ съ Тургеневымъ, потихоньку говорилъ Некрасову, игравшему съ нимъ въ карты:—«Что это съ Достоевскимъ, говорить какую-то бессмыслицу, да еще съ такимъ азартомъ». Когда Тургеневъ, по уходѣ Достоевскаго, рассказывалъ Бѣлинскому о рѣзкихъ и неправильныхъ сужденіяхъ Достоевскаго о какомъ-нибудь русскомъ писателѣ, то Бѣлинскій ему замѣчалъ:

— Ну, да вы хороши, сѣвшились съ больнымъ человѣкомъ, подзадориваете его, точно не видите, что онъ въ раздраженіи, самъ не понимаетъ, что говорить.

Когда Бѣлинскому передавали, что Достоевскій считаетъ себя уже гениемъ, то онъ пожималъ плечами и съ грустью говорилъ:

— Что за несчастье, вѣдь несомнѣнный у Достоевскаго талантъ, а если онъ, вмѣсто того, чтобы разработать его, вообразить уже себя гениемъ, то вѣдь не пойдетъ впередъ. Ему непремѣнно надо лечиться, все это происходитъ отъ страшнаго раздраженія нервовъ. Должно быть потрепала его бѣднаго жизнь! Тяжелое настало время,

надо имѣть воловьи нервы, чтобы они выдержали всѣ условія нынѣшней жизни. Если не будетъ просвѣта, такъ чего добраго всѣ поголовно будутъ психически больны!

Разъ Тургеневъ при Достоевскомъ описывалъ свою встрѣчу въ провинціи съ одной личностью, которая вообразила себя гніальнымъ человѣкомъ и мастерски изобразилъ смѣшную сторону этой личности. Достоевскій былъ блѣденъ, какъ полотно, весь дрожалъ и убѣжалъ, не дослушавъ разсказа Тургенева. Я замѣтила всѣмъ:—къ чему изводить такъ Достоевскаго?—но Тургеневъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, увлекъ и другихъ, такъ что никто не придалъ значенія быстрому уходу Достоевскаго. Тургеневъ сталъ сочинять юмористическіе стихи на Дѣвушкина, героя «Бѣдныхъ людей», будто бы тотъ написалъ благодарственные стихи Достоевскому, что онъ оповѣстилъ всю Россію объ его существованіи и въ стихахъ повторялось часто «мамочка».

Съ этого вечера Достоевскій болѣе уже не показывался къ намъ и даже избѣгалъ встрѣчи на улицѣ съ кѣмъ-нибудь изъ кружка. Разъ, встрѣтивъ его на улицѣ, Панаевъ хотѣлъ остановиться и спросить, почему его давно не видно, но Достоевскій быстро перебѣжалъ на другую сторону. Онъ видѣлся только съ однимъ своимъ пріятелемъ, бывшемъ въ кружкѣ, и тотъ сообщалъ, что Достоевскій страшно бранить всѣхъ и не хочетъ ни съ кѣмъ изъ кружка продолжать знакомства, что онъ разочаровался во всѣхъ, что это все завистники, безсердечные и ничтожные люди.

«Петербургскій Сборникъ», изданный Некрасовымъ быстро разошелся и онъ очень сожалѣлъ, что не рискнулъ напечатать его въ большомъ числѣ экземпляровъ.

Бѣлинскій очень радовался, что, благодаря этому, Некрасовъ можетъ освободиться на нѣсколько мѣсяцевъ отъ поденщины и писать стихи. Я спросила Бѣлинскаго, почему онъ также не издастъ подобнаго сборника, что навѣрно всѣ московскіе и петербургскіе писатели, его друзья, съ готовностію дадутъ матеріалъ для его изданія.

— Вотъ что придумали,—отвѣчалъ Бѣлинскій,—развѣ я способенъ на такія дѣла; тутъ надо умѣнье; безъ кредита, типографіи и бумаги нельзя приступить къ дѣлу, надо вести съ разными лицами разговоры и коммерческіе переговоры. Я вотъ до сихъ поръ не сумѣлъ и съ однимъ-то сладить, чтобы за свой трудъ получить прибавку въ мѣсяць. Да и я буду мученикомъ отъ мысли: вдругъ изданіе не окупится и у меня на шеѣ очутятся долги! Благодарю покорно, не доставало еще, чтобы я испыталъ эту пытку. Кому что на роду написано, то и будетъ; мнѣ, вѣроятно, выпала доля весь вѣкъ остаться батракомъ въ литературѣ и работать на хозяевъ, чтобы они разживались, да подемѣивались надо мной:—ишь какой

вахлакъ: жарить каштаны, а мы у него изъ-подъ носу тащимъ, оставляемъ ему одну шелуху.

Однако, я сказала Некрасову, — почему бы Бѣлинскому тоже не заняться изданіемъ книги. Некрасовъ горячо ухватился за эту мысль, сталъ угаваривать Бѣлинскаго, долго его уламывалъ, наконецъ уломалъ. Я догадывалась, что Бѣлинскому не хотѣлось обращаться къ своимъ пріятелямъ за одолженіемъ лично себѣ, для другихъ же онъ охотно это дѣлалъ. Некрасовъ взялъ на себя все хлопоты по изданію и переговоры о кредитѣ.

— Ну, смотрите, Некрасовъ, если только окажутся у меня долги отъ этого изданія, то я васъ прокляну, умирать буду, но не прощу васъ.

Некрасовъ предлагалъ, что будетъ кредитоваться на свое имя въ типографіи и за бумагу, такъ онъ увѣренъ, что убытка не будетъ. Бѣлинскій вѣрилъ, какъ онъ выражался, «въ спекулятивную жилку Некрасова», и замѣтно приободрился, когда получилъ извѣстіе изъ Москвы, что все пишущіе его пріятели съ радостію дадутъ ему статьи. Некрасовъ подбивалъ Бѣлинскаго издать книгу какъ можно объемистѣе и придумалъ уже названіе «Альманахъ Ливіа-еванъ». Разъ, находясь у насъ, Некрасовъ высчитывалъ расходы по изданію альманаха, а Бѣлинскій расхаживалъ по комнатѣ и слушалъ; когда же Некрасовъ высчиталъ—сколько за всеми расходами можетъ остаться барыша, Бѣлинскій остановился и воскликнулъ:

— Да я буду Крезъ!—О, тогда, имѣя обезпеченное существованіе на годъ, я не позволю держать себя въ черномъ тѣлѣ, предложу свои условія:—Не угодно?—Прощайте! Господи, да неужели настанетъ такая счастливая минута въ моей жизни, что я сброшу съ себя ярмо батрака.

Бѣлинскій уже торопиль Панаева засѣсть за повѣсть для его альманаха, говоря:

— Полно вамъ шляться безъ дѣла, пишите.—Не забудьте, весь матеріалъ мнѣ нуженъ къ началу сентября, надо чтобы не было задержки въ типографіи. Боюсь, чтобы въ Москвѣ не было задержки, здѣсь-то я васъ всехъ, какъ школьникова засажу работать, а тамъ за глазами начнутъ откладывать, завтра, да завтра, и выйдетъ задержка.

Бѣлинскій уже волновался и, когда Тургеневъ уѣзжалъ въ деревню, то говорилъ ему:

— Вы ужъ, пожалуйста, это лѣто не увлекайтесь такъ охотой, а пишите, чтобы рассказъ вашъ не былъ съ куриный носокъ, а напишите какъ слѣдуетъ; слава Богу, времени у васъ будетъ много, достаточно пошалберничали въ Петербургѣ... Ахъ, еслибъ васъ всехъ судьба посадила въ мою шкуру?

Онъ размѣялся отъ мысли, что бы было съ ними.

— Сознайтесь, господа, — продолжалъ Бѣлинскій, — что еслибы хорошенько васъ засадить за работу, то вы бы проклинали всю литературу! Испробуйте-ка хоть на короткое время—я поѣду за васъ въ деревню, а вы останьтесь въ Петербургѣ, да работайте за меня, а я буду наслаждаться и пописывать какъ дилетантъ.

Панаевъ хлопоталъ, чтобы набрать побольше петербургскихъ литераторовъ, которые бы дали свои статьи въ «Альманахъ» Бѣлинскаго и съ радостью объявлялъ, получивъ отъ кого-нибудь изъ нихъ обѣщаніе. Когда Панаевъ сказалъ, что Сологубъ обѣщанъ тоже написать что-нибудь для «Альманаха», то Бѣлинскій замѣтилъ:

— Навѣрно съ ножемъ къ горлу къ нему пристали, ну, и обѣщаль, чтобы отвязаться отъ васъ!.. Вотъ въ Одоевскомъ я увѣренъ, что онъ отъ чистаго сердца пообѣщаль написать для меня.

Панаевъ божился, что Сологубъ также охотно пообѣщаль написать.

— Ну, хорошо, вѣрю вамъ!.. если все сдержатъ обѣщаніе, то мой альманахъ оправдаетъ свое чудовищное названіе.

Весной я торопила Панаева скорѣе уѣхать въ Москву, такъ какъ мнѣ очень хотѣлось попасть хоть на одну публичную лекцію, которыя читалъ Грановскій. Эти лекціи, по извѣстіямъ изъ Москвы, производили фуроръ и среди студентовъ, и среди публики. Я попала лишь на послѣднюю лекцію Грановскаго. Онъ читалъ въ университетѣ. Публики въ залѣ была такая масса, что положительно нельзя было шевельнуться. Конечно, присутствовали и все его пріятели. Герценъ указалъ мнѣ на Погодина, на Шевырева, на Хомякова, который былъ въ суконной поддевкѣ, красной рубашкѣ, съ волосами остриженными въ кружокъ.

Хомяковъ вовсе не походилъ на русскаго мужика, типъ его лица былъ чисто цыганскій.

Когда Грановскій вошелъ на кафедру, то долго не могъ приступить къ чтенію отъ шумныхъ аплодисментовъ; при началѣ замѣтно было, что онъ взволнованъ, но потомъ онъ одушевился и блистательно читалъ. Голосъ у него былъ не сильный, но необыкновенно гармоничный и его симпатичное лицо озарено было вдохновеніемъ. Я боялась за его жену; она судорожно сжимала мою руку, вся дрожала, слезы текли изъ ея глазъ, устремленныхъ на мужа, и столько счастья и любви свѣтилось на ея лицѣ.

По окончаніи лекціи поднялся страшный и продолжительный шумъ аплодисментовъ. Студенты бросились къ Грановскому, жали ему руки, подняли его и на рукахъ понесли по залѣ къ выходу; на университетскомъ дворѣ они спустили его на землю, окружили и стали говорить ему рѣчи. Герценъ посоветовалъ намъ ѣхать домой, потому что студенты не скоро отпустятъ Грановскаго.

На другой день, вечеромъ, все собрались къ Грановскому. Огаревъ вернулся изъ-за границы, но одинъ, его жена осталась въ

Италіи, поэтому я могла заключить, что примиреніе супругов не состоялось. Кетчеръ прїѣхалъ съ Огаревымъ и корзиной шампанскаго. Герценъ предупредилъ Грановскаго объ этомъ, сказавъ ему: «Ты, братъ, сегодня предоставь намъ право похозяйничать у тебя въ домѣ и выпить за твое здоровье». Но, оказалось, что Грановскій самъ распорядился, чтобы гости выпили за его здоровье. Кетчеръ отъ восторга захохоталъ, узнавъ про такой большой запас шампанскаго. Всѣ какъ-то особенно были одушевлены. Герценъ сыпалъ остротами, точно блестящимъ фейерверкомъ. Щепкинъ за ужиномъ рассказывалъ забавные малороссійскіе анекдоты. Кетчеръ, противъ своего обыкновенія, никому не прочиталъ нотаціи, такъ что Коршъ предложилъ тостъ за его кротость и сказалъ: «Еслибы, ты, Кетчеръ, побрился, да причесался, то былъ бы похожъ на ангела, такую кротость ты проявилъ сегодня»...

Разошлись отъ Грановскихъ, когда уже разсвѣло. Огаревъ, Герценъ, Кетчеръ, пошли провожать насъ до гостинницы, въ которой мы остановились. Мы шли очень долго, потому что на бульварахъ останавливались, Огаревъ читалъ свои стихи, Герценъ отъ серьезныхъ вопросовъ перескакивалъ къ шарадамъ. Хохотъ Кетчера въ утреннемъ воздухѣ казался еще громче. Герценъ останавливалъ его, говоря, что отъ его смѣха у всѣхъ младенцевъ сдѣлается родимчикъ.

Проводивъ насъ до гостинницы, Огаревъ предложилъ Панаеву и остальнымъ товарищамъ погулять еще немного, а потомъ идти пить чай въ трактиръ, что и было ими исполнено.

Почти каждый вечеръ всѣ собирались вмѣстѣ большею частью у Герцена. Щепкинъ былъ постояннымъ собесѣдникомъ въ этомъ кружкѣ. Разъ онъ не явился къ Герцену и Кетчеръ отправился за нимъ; оказалось, что Щепкинъ поѣхалъ въ баню; Кетчеръ притащилъ его изъ бани, краснаго, какъ ракъ. Щепкинъ любилъ париться на полкѣ и зимой на дворѣ обливался холодной водой. Коршъ укоризненно сказалъ Щепкину:

— Ахъ, Михаилъ Семеновичъ, какъ это вы не воспользовались случаемъ, что Кетчеръ, чуть ли не послѣ двадцатипятилѣтія очутился въ банѣ; ну, что бы вамъ было приказать банщикамъ помыть его, ужъ вмѣстѣ съ его сюртукомъ. Какую бы вы заслужили благодарность отъ насъ всѣхъ!

Всѣ знали, что Кетчеръ не любилъ ходить въ баню и, конечно, разсмѣялись.

За ужиномъ Щепкина всегда просили рассказать что-нибудь изъ его молодости, когда онъ еще былъ провинціальнымъ актеромъ и служилъ у антрепренеровъ. Между прочимъ, Щепкинъ рассказалъ однажды печальную исторію одной молоденькой актрисы и этотъ рассказъ послужилъ Герцену сюжетомъ для повѣсти «Сорока воровка». На этихъ собраніяхъ часто разсуждали о затруднительномъ денежномъ положеніи Бѣлинскаго и эксплуатаціи его

труда. Меня раздражало это бесполезное участіе къ человѣку, когда многіе изъ соболѣзновавшихъ имѣли полную возможность давнымъ давно помочь ему. Я спросила Грановскаго, почему тѣ личности, которыя имѣють средства, не хотятъ сами издавать журналъ и этимъ дать возможность Бѣлинскому выйти изъ его сквернаго положенія?

Грановскій отвѣтилъ на это, что никто изъ нихъ не способенъ на такое хлопотливое дѣло, да и не захочетъ рисковать деньгами.

— Пусть нѣсколько человѣкъ сложатся и дадутъ возможность Бѣлинскому самому издавать журналъ,—замѣтила я.

— Бѣлинскій менѣе, чѣмъ кто-нибудь можетъ вести хозяйственную часть журнала; развѣ онъ способенъ будетъ отказать кому-нибудь изъ своихъ сотрудниковъ,—раздастъ деньги впередъ и самъ останется безъ гроша; да и врядъ ли онъ взялся бы за дѣло, съ отвѣтственностью за чужія деньги.

— Значить, для Бѣлинскаго нѣтъ выхода?—задала я вопросъ.

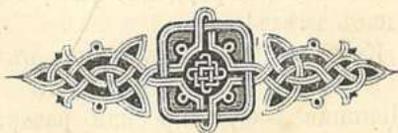
— Нѣтъ, нѣтъ!—въ испугѣ отвѣтилъ Грановскій,—непремѣнно надо придумать что-нибудь.

— Такъ придумывайте скорѣе,—закончила я разговоръ,—потому что здоровье Бѣлинскаго замѣтно ухудшается.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву Некрасовъ, чтобы вмѣстѣ съ нами ѣхать въ Казанскую губернію, въ имѣніе Т. Московскій кружекъ былъ въ восторгѣ отъ его стихотвореній. По просьбѣ всѣхъ присутствующихъ, онъ читалъ свои новыя произведенія. У Некрасова была манера читать стихи слегка заунывнымъ тономъ, но этотъ тонъ не портилъ впечатлѣніе, какое стихи производили на слушателей.

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И СТЕФАНЪ БАТОРІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЛИВОНІЮ¹⁾

II.

Третій походъ Баторія. — Осада Пскова. — Отбитый приступъ. — Геройская оборона. — Твердость Замойскаго. — Нападеніе на Псково-Печерскій монастырь. — Успѣхи шведовъ. — Обращеніе Ивана IV къ папскому посредничеству. — Миссія Антонія Поссевина. — Отъѣздъ Баторія и блокада Пскова. — Переговоры въ Киверовой Горкѣ. — Десятилѣтнее перемиріе съ потерей всей Ливоніи. — Виновость Ивана IV. — Антоній Поссевинъ въ Москвѣ и его преніе съ царемъ о вѣрѣ. — Сыноубійство. — Сватовство въ Англій. — Смерть Ивана IV. — Историческій приговоръ.

А ВАРШАВСКОМЪ сеймѣ, въ февралѣ 1581 года, Стефанъ Баторій съ большимъ трудомъ добился согласія чиновъ произвести двухлѣтній поборъ съ земельныхъ имуществъ на военныя издержки. Паны и шляхта уже тяготились продолжительностью войны и выражали неудовольствіе на то, что король не достигъ всего въ два предыдущіе похода. Только благодаря ловкости и краснорѣчію великаго канцлера Замойскаго, дѣло было улажено и сеймъ согласился на новые поборы, получивъ обѣщаніе, что третьимъ походомъ война будетъ доведена до конечныхъ своихъ результатовъ. Кромѣ того, опять сдѣланы займы у герцога прусскаго, курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго. Король и любимецъ его великій канцлеръ употребляли всѣ усилія, чтобы приготовить большія силы и средства для этого третьяго похода. Между прочимъ, датчанинъ полковникъ Фаренсбахъ, находившійся прежде въ московской

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ». т. XXXV, стр. 334.

службѣ, но перешедшій въ польскую, былъ посланъ въ Германію, откуда привелъ новые наемные отряды нѣмецкой пѣхоты или ландскнехтовъ; наняты были также новые отряды пѣхоты въ Венгріи, и даже составлены нѣкоторыя пѣхотныя дружины изъ бѣднѣйшей польской шляхты; литовскіе и польскіе вельможи выставили значительное конное ополченіе. И дѣйствительно, королю удалось теперь выставить въ поле такія силы, которыхъ давно не видали Польша и Литва; говорятъ, будто численность ихъ простиралась до 100,000 человекъ. Но обширныя приготовленія все-таки замедлили движеніе. И на сей разъ Баторій выступилъ въ походъ только въ августѣ мѣсяцѣ, надѣясь, впрочемъ, какъ и въ предыдущіе оба раза, покончить дѣло до наступленія зимы. Когда на военномъ совѣтѣ поставленъ былъ вопросъ, куда направить походъ, только немногіе голоса называли Новгородъ, но большинство указывало на Псковъ, который служилъ главнымъ оплотомъ Руси со стороны Ливоніи; опасно было бы оставить его въ тылу у себя, тогда какъ завоеваніе сего города отдавало всю Ливонію въ руки поляковъ. Рѣшено было идти на Псковъ. По дорогѣ къ нему Баторій взялъ нѣсколько русскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ Островъ, котораго каменные стѣны не устояли противъ королевскихъ пушекъ. Затѣмъ польскія войска подошли къ Пскову, который не мало привлекалъ ихъ славою своего богатства; непріятели горѣли нетерпѣніемъ овладѣть этимъ городомъ, рассчитывая найти въ немъ великую добычу. Передовой полкъ вель Николая Радивиль, воевода виленскій и великій гетманъ литовскій. Товарищемъ у него былъ Евстафій Воловичъ. Правой рукой предводительствовали жмудскій староста Янъ Тышко; а лѣвой Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ минскій и литовскій подскарбій, и Николай Сапѣга, воевода минскій. Сторожевымъ полкомъ начальствовали Кристофъ Радивиль, трокскій каштелянъ, и Филонъ Кмита, староста Оршанскій. Во главѣ большого полку стоялъ великій канцлеръ Янъ Замойскій, уже во время похода пожалованный въ должность великаго гетмана польскаго. Во главѣ угорскихъ отрядовъ находился племянникъ короля Андрей Баторій. Около того времени въ лагерь Стефана прибылъ посоль турецкаго султана. Смотра на многочисленность войска и особенно любуясь убранствомъ польской и западно-русской конницы, онъ воскликнулъ: «Если бы наши государи соединились вмѣстѣ, то побѣдили бы всю вселенную».

Нападеніе на сей разъ не было неожиданнымъ. Царь имѣлъ полную возможность заранѣе узнать о грозившей Пскову опасности и приготовить его къ оборонѣ. Пришедшіе кое-гдѣ въ ветхость каменные массивныя стѣны и башни его были обновлены и усилены новыми укрѣпленіями, каменными, деревянными и земляными; снабжены какъ ручницами (ружьями), такъ и тяжелымъ нарядомъ, т. е. пушками и пищалями, для которыхъ въ изобиліи

приготовлены порохъ и ядра. Собственно военный гарнизонъ состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ конницы, преимущественно боярскихъ дѣтей, и нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ; но и всѣ граждане, способные носить оружіе, составили ополченіе, такъ что число всѣхъ защитниковъ города простиралось отъ 30 до 40 тысячъ (а по словамъ непріятелей будто бы до 50,000). Главными воеводами здѣсь поставлены были два князя Шуйскіе, Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ; подъ ними начальствовали: Никита Ивановичъ Очинъ-Плещевъ, князя Ив. Анд. Хворостининъ, Влад. Ив. Бахтеяровъ-Ростовскій, Вас. Мих. Лобановъ-Ростовскій и др. Князь И. П. Шуйскій, хотя въ старшинствѣ уступалъ В. Ѳ. Шуйскому, но по своей ратной славі, по уму и энергіи, занялъ первое мѣсто; самъ Иванъ Васильевичъ объявлялъ ему, что на его мужество возлагаетъ особую надежду. Отпуская воеводъ во Псковъ, царь взялъ съ нихъ торжественную клятву въ Успенскомъ соборѣ передъ иконою Владимірской Божьей Матери, что они не сдадутъ города Баторію, пока живы. А воеводы въ свою очередь привели къ такой же присягѣ войско и гражданъ. По ихъ приказу окрестные сельчане тоже собрались въ городъ съ своими семьями и хлѣбными запасами и «сѣли въ осадѣ»; а подгородныя слободы и селенія были по обычаю выжжены, чтобы ими не пользовались непріятели. Воеводы назначили свое мѣсто каждому начальнику съ его отдѣломъ по всѣмъ городскимъ стѣнамъ, которыя тянулись въ окружности на семь или восемь верстъ, обнимая всѣ четыре части города: Кремль, Средній городъ, Большой или Окольный и Запсковье. Духовенство непрестанно служило молебны, всенародно совершало вокругъ города крестные ходы, поднимая наиболѣе чтимыя иконы и даже мощи св. князя Всеволода-Гавріила и одушевляя защитниковъ ревностію постоять за православную вѣру противъ короля-латынянина. Во главѣ псковскаго духовенства въ эту минуту находились: протоіерей Троицкаго собора Лука и игумень Псково-Печерскаго монастыря Тихонъ, прибывшій въ городъ изъ своей обители. Новгородскій архіепископъ Александръ прислалъ къ своей псковской паствѣ увѣщательную грамоту о крѣпкой оборонѣ противъ враговъ. Значительныя московскія силы въ то же время расположены были частью въ Новгородѣ, частью въ Ржевѣ и Волокѣ Ламскомъ; на Окѣ стояли съ войскомъ Василій Ивановичъ Шуйскій и Шестуновъ, на случай вторженія крымцевъ. Самъ Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Александровской слободы съ своимъ дворовымъ полкомъ, какъ бы намѣреваясь принять личное участіе въ войнѣ. Но онъ дошелъ до Старицы, и здѣсь остановился.

26 августа, во Псковъ прискакала конная застава изъ боярскихъ дѣтей, которая держала стражу за пять верстъ отъ города на берегу рѣки Черехи, впадающей въ Великую съ восточной сто-

роны; въ виду наступавшихъ многочисленныхъ силъ, она послѣ небольшой стычки побѣжала въ городъ и возвѣстила о приближеніи непріятеля. Воеводы тотчасъ велѣли звонить въ осадный колоколь и зажечь Завеличье, т. е. посадъ на другой сторонѣ рѣки Великой, чтобы врагъ не нашелъ тамъ готовыхъ для себя жилищъ. Съ городскихъ стѣнъ наблюдали они, какъ темныя массы непріятелей окружали городъ и каждый отрядъ занималъ мѣсто, назначенное ему для осады. Чтобы помѣшать слишкомъ тѣсному обложенію, воеводы велѣли дѣлать вылазки и въ то же время открыть пальбу изъ большого наряда. Тогда много непріятелей было поито; это заставило ихъ держаться подалѣе отъ стѣнъ, а также заслоняться рощами и пригорками. Между русскими пушками были двѣ, носившія названіе трескотухи и барса, которыя бросали каменныя глыбы до самого королевскаго стана; послѣдній расположился было на московской дорогѣ, на мѣстѣ села Люботова, подлѣ храма Николая Чудотворца. Если вѣрить одному русскому сказанію, король не ожидалъ найти во Псковѣ такой большой нарядъ и такихъ опытныхъ пушкарей; удивленный и разсерженный, онъ велѣлъ отнести свои шатры далѣе къ рѣкѣ Черехѣ и поставить ихъ за холмами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней непріятель устроивалъ свои лагери, укрѣпляя ихъ обозами и окопами. Угры стали подлѣ рѣки Великой, въ которую уперлись своимъ лѣвымъ бокомъ; рядомъ съ ними расположились поляки; далѣе помѣстились наемныя нѣмцы, а за ними, на правомъ крылѣ осаждающаго войска, стали литвины. Баторій и его правая рука Замойскій, осмотрѣвъ ближе обширность и прочность городскихъ стѣнъ и башенъ, убѣдились, что Псковомъ овладѣть очень нелегко, и тѣмъ болѣе, что въ осаждавшемъ войскѣ чувствовался недостатокъ пороху, такъ какъ большее его количество, заготовленное для похода, вслѣдствіе небрежности стражи подверглось взрыву. Поэтому рѣшили сосредоточить усилія на одномъ пунктѣ города, т. е. немедля разбить его артиллеріей и затѣмъ попытаться взять приступомъ. Для этого избрали тотъ южный уголъ, который примыкалъ къ рѣкѣ Великой, а именно часть стѣны, ограниченной съ одной стороны башней Покровской, съ другой такъ называемыми Великими воротами; въ серединѣ этого пространства находилась башня Свинская (или Свиноерская). Противъ Покровской башни должны были дѣйствовать угры, а противъ Свинской поляки.

1-го сентября новаго 1582 года (по русскому численію того времени) непріятели начали копать «великія борозды» (шанцы) отъ своихъ лагерей къ городу, конечно не прямо, а зигзагами, такъ что выкопанная земля ложилась валомъ вдоль рововъ и защищала ихъ отъ выстрѣловъ изъ города. Не смотря на всю трудность работы по причинѣ каменистой почвы, въ пять дней и ночей они успѣли довести свои траншеи почти до городского рва; прикатили

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Съ гравюры того времени, сдѣланной въ Нюрнбергѣ.

туры или плетенки из хвороста, набили их землею; на удобных мѣстахъ устроили пять окоповъ съ амбразурами и приволокли въ нихъ пушки. Эти приготовленія были легко замѣчены осажденными. Русскіе воеводы съ своей стороны не дремали; стараясь пальбою по возможности мѣшать непріятельскимъ работамъ, они въ то же время усилили укрѣпленія, а именно позади каменной стѣны поставили другую стѣну, деревянную; умножили здѣсь нарядъ, а также число боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ. Частью стѣны или такъ называемымъ «прясломъ», заключеннымъ между Покровскою башнею и Великими воротами, начальствовалъ князь Андрей Ивановичъ Хворостининъ, отличавшійся великимъ ростомъ и мужествомъ. А къ нему на совѣтъ часто пріѣзжалъ сюда и самъ Иванъ Петровичъ Шуйскій съ своими товарищами воеводами и съ двумя государевыми псковскими дьяками, Булгаковымъ и Малыгинымъ, да съ третьимъ Лихачевымъ, дьякомъ Пушечнаго приказа. Когда начальникъ выдвинутой впередъ непріятельской артиллеріи, панъ Юрій Зиновьевъ Угровецкій, извѣстилъ короля, что все готово, то получилъ приказъ начать бомбардировку. 7-го числа съ ранняго утра открылась непрерывная пальба изъ 20 орудій; она продолжалась цѣлый день, и возобновилась на слѣдующее утро. Покровская башня была сбита почти вся до земли, а Свинская на половину; 24 сажени городской стѣны обвалилось, а въ сосѣднихъ мѣстахъ ея образовались многіе проломы. Король спѣшилъ пользоваться минутою, и велѣлъ немедленно сдѣлать приступъ. Русское сказаніе прибавляетъ, что отправляемыхъ на приступъ военныхъ начальниковъ и ротмистровъ онъ угостилъ веселымъ обѣдомъ; а они изъявили увѣренность, что ужинать будутъ у него въ тотъ же день уже въ городѣ Псковѣ. Обрадованный этою увѣренностію, король обѣщаль раздѣлить съ ними все псковскія богатства.

Съ распущенными знаменами и трубными звуками, утры и поляки вышли изъ своихъ траншей и окоповъ и устремились на приступъ. Король наблюдалъ за ними съ одного холма на берегу рѣки Великой. Распоряжавшійся приступомъ, гетманъ Замоискій на помощь полякамъ двинулъ сосѣднихъ съ ними нѣмцевъ. Въ запасъ поставлена была польская конница, въ числѣ предводителей которой находился и Юрій Мнишекъ; она должна была охранять штурмующіе отряды отъ нападений съ праваго крыла, а съ лѣваго ихъ защищаль высокій берегъ рѣки Великой. Русскіе воеводы съ своими частями уже были наготовѣ. Они велѣли звонить въ осадный колоколь, который висѣлъ въ Среднемъ городѣ на городской стѣнѣ у церкви Василія Великаго на Горкѣ, и открыли пальбу изъ наряда по наступающимъ непріятелямъ. Не смотря на большія потери отъ сей пальбы, послѣдніе, закрываясь щитами, дружно и храбро полѣзли въ проломы, которые вскорѣ и заняли; равно овладѣли Покровскою и Свинскою башнями. Но тутъ

и кончились ихъ успѣхи, ибо за разрушенной каменной стѣной они встрѣтили другой ровъ и другую вновь изготовленную деревянную стѣну, мужественно обороняемую осажденными, почему и не могли проникнуть въ городъ. Однако, они упорно продолжали приступы, лѣзли на стѣны, стрѣляя изъ занятыхъ ими башенъ почти въ упоръ осажденнымъ. Были моменты, когда защитники падали духомъ, и едва устояли. Но тутъ Иванъ Петровичъ Шуйскій употребилъ чрезвычайныя усилія; онъ на конѣ перебѣзжалъ отъ одного опаснаго мѣста къ другому, и дѣйствовалъ, гдѣ угрозами, а гдѣ слезными мольбами, чтобы укрѣпить и одушевить сражающихся. Пѣшіе ратники стояли у подножья стѣны и отражали наступавшихъ копытами, рогатинами и саблями, а со стѣны поражали ихъ стрѣльцы изъ пищалей и ручницъ, дѣти боярскія изъ луковъ, другіе метали на нихъ камни. По звону осаднаго колокола псковскіе граждане, простившись съ женами и дѣтьми, съ разныхъ сторонъ бѣжали къ проломленнымъ стѣнамъ, чтобы подкрѣпить изнемогшихъ въ битвѣ. Большой нарядъ гремѣлъ непрестанно; удачнымъ выстрѣломъ одной изъ тѣхъ пушекъ, которыя назывались барсами, удалось побить множество непріятелей, занимавшихъ Свинскую башню; затѣмъ воеводы велѣли подкатить подъ эту башню значительное количество пороха, и зажечь его. Остатокъ башни былъ взорванъ вмѣстѣ съ непріателемъ, который трупами своими устлалъ ея мѣсто и завалилъ сосѣдніе рвы.

Межъ тѣмъ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ духовенство, вмѣстѣ съ стариками, женщинами и дѣтьми, слезно молилось объ избавленіи города отъ плѣненія. Вдругъ, въ самую трудную минуту для осажденныхъ, приходитъ отъ воеводъ просьба, чтобы несли Печерскую икону Успенія Богородицы вмѣстѣ съ другими чудотворными иконами и мощи Всеволода - Гавріила къ проломному мѣсту. Когда процессія духовенства и монаховъ съ сими святынями, въ сопровожденіи народной толпы, приблизилась къ пролomu, ратники одушевились вѣрою въ помощь и заступничество свыше, и съ такой энергіей ударили на враговъ, что побѣда вскорѣ склонилась на ихъ сторону. Одушевленіе овладѣло и самыми женщинами, такъ что многія изъ нихъ поспѣшили къ мѣсту боя, однѣ съ веревками, чтобы тащить въ городъ орудія, отбитыя у непріятелей, другія катили камни, для избіенія сихъ послѣднихъ, третьи несли воду, чтобы освѣжить воиновъ, изнемогавшихъ отъ жажды. Поляки и нѣмцы были выбиты изъ проломовъ; только угры, засѣвши въ Покровской башнѣ, еще держались и отстрѣливались. Но осажденнымъ удалось, наконецъ, зажечь эту башню, послѣ чего и угры обратились въ бѣгство. Русскіе преслѣдовали непріятелей, многихъ побили и взяли въ плѣнъ, особенно тѣхъ, которые застряли въ крѣпостномъ рву. Въ добычу побѣдителей досталось

много доспѣховъ и оружія, въ томъ числѣ самопаловъ и разныхъ огнестрѣльныхъ ручницъ. Была уже ночь, когда окончилась битва. Велика была радость псковичей по случаю этой побѣды; горячіе благодарственные молебны шѣлись въ церквахъ. Убитыхъ хоронили они какъ мучениковъ, павшихъ за православную вѣру; а раненныхъ начали лечить «изъ государевой казны». Число первыхъ простиралось за 860 человекъ, а вторыхъ за 1600; тогда какъ непріятелей легло на этомъ приступѣ около 5000. Въ числѣ павшихъ находился храбрый венгерскій воевода Гавріилъ Бекенъ.

Король былъ сильно огорченъ. Однако, на слѣдующій день, скрывъ свою досаду, онъ созвалъ военный совѣтъ, и объявилъ, что намѣренъ взять Псковъ во что бы ни стало. За порохомъ немедленно отправлены гонцы во Ригу, къ герцогу Курляндскому и въ нѣкоторые другія мѣста; а въ ожиданіи его начали вести къ городу подкопы въ разныхъ мѣстахъ; къ осажденнымъ воеводамъ посылались льстивыя грамоты, склонявшія ихъ къ сдачѣ. Но воеводы бодрствовали неутомимо. Они укрѣпили проломы деревянными стѣнами, острымъ дубовымъ частоколомъ и рвомъ, и приготовили все нужное для отраженія новыхъ приступовъ: котлы для кипяченія воды, чтобы этимъ кипяткомъ обдавать непріятелей, кувшины съ порохомъ (гранаты), чтобы бросать на нихъ же, сухую сѣяную известь, чтобы ослѣплять имъ глаза и т. п. На льстивыя грамоты, они отписывались изъявленіемъ готовности умереть за вѣру и своего государя. Нерѣдко, особенно въ ночное время, осажденные дѣлали вылазки, и не давали покою непріятелю. Во время одной удачной вылазки они захватили нѣсколько «литовскихъ языковъ» (т. е. западнорусскихъ), и отъ нихъ узнали о подкопахъ, которыми непріятель надѣется взять городъ: каждый отдѣлъ войска ведетъ свой подкопъ, т. е. поляки, угры, литва, нѣмцы и прочіе; такъ что всѣхъ девять подкоповъ; но гдѣ именно они велись, плѣнные не могли указать. Свѣдавъ о такой опасности, воеводы повели противъ подкоповъ свои подземныя работы или слухи; однако, вначалѣ они не могли открыть подкопы и очень печалились о томъ; поручили духовенству день и ночь молиться объ избавленіи града отъ угрожавшаго бѣдствія и совершать крестные ходы къ наиболѣе опаснымъ мѣстамъ. Молитвы были услышаны. Изъ литовскаго войска перебѣжалъ во Псковъ одинъ бывший полоцкій стрѣлецъ, по имени Игнашь. Онъ съ городской стѣны указалъ воеводамъ на тѣ мѣста, гдѣ велись подкопы. Тогда слухи направились къ указаннымъ мѣстамъ, и скоро сошлись съ подкопами, которые оказались преимущественно между Покровскими и Свинскими воротами и въ другихъ ближнихъ пунктахъ; слѣдовательно, непріятель вновь готовилъ приступъ на ту же часть города. Русскіе переняли главные подкопы, т. е. обрушили ихъ; остальные обрушились сами или остановились, встрѣтивъ на своемъ пути каменныя глыбы.

Король польскій Стефанъ Ваторій.
Съ гравированнаго портрета того времени.

Такимъ образомъ и эта опасность миновала городъ Псковъ. Послѣ того непріятели еще нѣсколько разъ предпринимали внезапные приступы, стараясь ворваться въ городъ, но всегда встрѣчали готовый отпоръ. Пытались они изъ пушекъ, поставленныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Великой, бросать каленныя ядра, чтобы произвести пожары въ городъ; но и эта попытка осталась безуспѣшна. 28-го октября непріятельскіе гайдуки и каменьщики скрытно подошли къ стѣнѣ, заключавшейся между Покровской башней и Покровскими водяными воротами (со стороны рѣки Великой), и, закрываясь особо устроенными щитами, начали кирками и ломами подѣлывать основаніе стѣны. Вскорѣ часть этой каменной стѣны обвалилась въ рѣку Великую; но за нею оказалась еще деревянная стѣна; послѣднюю непріятели хотѣли поджечь, между тѣмъ какъ орудія изъ Завеличья направляли свои ядра въ то же мѣсто. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, гайдуки упорно продолжали подрубать стѣны. Воеводы велѣли провертѣть окна въ деревянной стѣнѣ и стрѣлять въ нихъ изъ ручницъ, лить на нихъ горячую смолу, деготь и кипятокъ, бросать зажженный осмоленный ленъ и гранаты съ порохомъ. Тогда гайдуки, не стерпя ожоговъ и удушливаго дыму, побѣжали прочь. Но часть ихъ такъ подрубилась подъ стѣны, что невозможно было ихъ достать выстрѣлами или горючими снарядами. Воеводы, по чьему-то хитрому совѣту, велѣли устроить длинные шесты, а къ нимъ привязать кнуты или ремни и веревки съ желѣзными крюками на концахъ; забрасывая эти крюки, осажденные хватали ими гайдуковъ за одежду и затѣмъ выдергивали изъ-подъ стѣны, а стрѣльцы тотчасъ поражали ихъ изъ самопаловъ. Устрашенные тѣмъ, и остальные гайдуки обратились въ бѣгство. Раздраженный неудачею, Баторій велѣлъ усилить пальбу по городу и спустя нѣсколько дней (2-го ноября) сдѣлать новый приступъ отъ рѣки Великой, которая уже покрылась льдомъ; но и этотъ приступъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Извѣщая царя о своихъ успѣхахъ и потеряхъ, воеводы просили о присылкѣ подкрѣпленій. Царь исполнилъ ихъ просьбу. Но отряды, пытавшіеся проникнуть въ городъ на лодкахъ по Великой, большею частію были перехватываемы непріятелемъ. Такъ въ концѣ сентября или началѣ октября мѣсяца, Никита Хвостовъ, высаживаясь на берегъ, пытался незамѣченнымъ проникнуть въ городъ съ 600 стрѣльцовъ. Но изъ нихъ только одной сотнѣ удалось пробраться сквозь непріятельскую цѣпь, а остальные безъ успѣха воротились на лодки. При этомъ самъ Хвостовъ попался въ плѣнъ. «Я невидывалъ такого красиваго и статнаго мужчины, какъ этотъ Хвостовъ, — говорится въ одномъ польскомъ дневникѣ, веденномъ во время осады. — Онъ могъ бы поспорить со львомъ; еще молодой, лѣтъ подл 30. Все войско ходитъ на него дивиться». Удачнѣе оказалась попытка проникнуть въ городъ сухимъ путемъ между непріятельскими лагерями;

такая попытка удалась стрѣльцкому головѣ Мясоѣдову; хотя при семъ онъ и потерялъ часть людей, однако, успѣлъ привести нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, и это подкрѣпленіе оживило бодрость осажденныхъ, а осаждающихъ привело еще въ большее уныніе. Наступала уже суровая зима; непріатели терпѣли стужу, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и частыя тревоги отъ русскихъ вылазокъ. Войско роптало. Поляки и литовцы выражали сильное желаніе воротиться домой, а наемные отряды требовали еще уплаты жалованья. Главное неудовольствіе обратилось на гетмана Замоискаго; его обвиняли въ томъ, что онъ, много лѣтъ потративъ на ученіе въ итальянскихъ школахъ, отсталъ отъ воинской науки и своимъ упрямствомъ только губить войско. На него писали пасквили въ прозѣ и стихахъ. Но Замоискій въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ обнаружилъ замѣчательную твердость духа и силу воли. Строгими наказаніями онъ старался поддержать дисциплину, и склонялъ короля къ продолженію осады. Такъ какъ въ порохѣ ощущался большой недостатокъ (изъ Риги подвезли его небольшое количество), то пришлось отказаться отъ надежды взять городъ бомбардировкой и приступами, и король измѣнилъ осаду въ обложеніе или блокаду, для чего отвелъ войско далѣе отъ стѣны и расположилъ его въ наскоро построенныхъ избахъ и баракахъ.

Во время псковской осады совершались любопытныя дѣйствія и на другихъ театрахъ войны. Во-первыхъ, предпріятіе поляковъ противъ Псково-Печерской обители. Сія обитель, какъ мы видѣли, обновленная дякомъ Мунехинымъ, расположенная верстахъ въ пятидесяти къ западу отъ Пскова, находилась тогда на дорогѣ въ Лифляндію и потому много мѣшала сообщеніямъ королевскаго войска съ этимъ краемъ. Ея каменные стѣны и башни были снабжены пушками; кромѣ вооружившихся монаховъ, ее обороняли стрѣльцы и дѣти боярскіе, подъ начальствомъ Юрія Нечаева. Высылаемые имъ отряды перенимали обозы, шедшіе изъ Риги съ разными припасами подъ Псковъ, и били появлявшихся въ окрестностяхъ польскихъ фуражировъ. Чтобы положить конецъ такимъ подвигамъ, Баторій послалъ Фаренсбаха съ нѣмцами и Борнемису съ уграми, далъ имъ пушки и велѣлъ взять монастырь. Но тщетно эти начальники водили своихъ людей на приступы. Всѣ ихъ попытки окончились полнымъ пораженіемъ, и они со стыдомъ ушли назадъ. Съ другой стороны король послалъ особое войско подъ начальствомъ Кристофа Радивила и Филона Кмиты въ глубь московскаго государства, чтобы отвлечь москвитянъ отъ вторженія въ литовскіе предѣлы. Радивиль разбилъ нѣсколько встрѣчныхъ московскихъ отрядовъ и дошелъ до города Ржева, т. е. до береговъ Волги, откуда уже недалело было до Старицы, гдѣ пребывалъ тогда Иванъ Васильевичъ со своей придворной дружиной. Но обманутый ложными вѣстями о многочисленности войскъ, окружавшихъ царя, Ра-

дивиль повернулъ назадъ. А Иванъ Васильевичъ, узнавъ¹ о томъ, что опасность была такъ близка, перепугался, и съ своимъ дворомъ бѣжалъ въ Александровскую Слободу. Наконецъ, важныя военныя дѣйствія совершались въ это время со стороны шведовъ. Пользуясь тѣмъ, что русскія силы были заняты борьбою съ польскимъ королемъ и что для этой борьбы пришлось ослабить русскіе гарнизоны въ ливонскихъ городахъ, шведы, предводимые Понтусомъ де-ла-Гарди, продолжали свои завоеванія въ Эстоніи. Тутъ самую чувствительною для насъ утратою была Нарва; съ ея завоеваніемъ прекратилась и наша непосредственная балтійская морская торговля съ западной Европой. Послѣ Нарвы, де-ла-Гарди овладѣлъ сосѣднимъ Ивангородомъ и далѣе на востокъ нашими городами Ямомъ и Копорье; потомъ обратился опять на западъ, взявъ Вейсенштейнъ и осадилъ Перновъ, т. е. вторгся уже въ самую Ливонію, чѣмъ причинилъ досаду своимъ союзникамъ полякамъ, которые смотрѣли на Ливонію какъ на свою добычу. Когда осада Пскова пошла неудачно и замедлилась, шведы предложили Баторію придти къ нему на помощь; но предложеніе этихъ союзниковъ было отклонено.

Въ такихъ печальныхъ для Россіи обстоятельствахъ, навлеченныхъ на нее близорукою политикою, тиранствомъ и трусостью Ивана Грознаго, сей послѣдній какъ бы забылъ о многочисленной оставшейся у него рати, и все свои надежды возлагалъ на переговоры, на иноземное посредничество. Такъ какъ обращенія за содѣйствіемъ къ преемнику Максимилиана II, воображаемому союзнику нашему германскому императору Рудольфу II, оставались бесполезны, то при московскомъ дворѣ вспомнили о римской куріи, и постарались возобновить съ ней сношенія, прерванныя послѣ Василія III. Хотя со стороны папъ за это время и было сдѣлано нѣсколько попытокъ вновь завязать сношенія съ московскимъ государемъ и даже расположить его въ пользу церковнаго единенія предложеніемъ королевскаго титула; но эти попытки обыкновенно разбивались о враждебность къ Россіи польскихъ королей Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, которые постоянно препятствовали такому сношеніямъ и прямо не пропускали папскихъ пословъ черезъ свои владѣнія. Въ Москву, вѣроятно, доходили вѣсти объ этихъ попыткахъ, и вотъ, теперь, въ трудную минуту тамъ рѣшили ими воспользоваться. Еще во время второго, т. е. великолукцаго похода Баторія, Иванъ Васильевичъ «приговорилъ» съ сыномъ своимъ царевичемъ Иваномъ и съ боярами послать гонцомъ Истому Шевригина, въ сопровожденіи толмача, съ грамотами къ цесарю Рудольфу и къ римскому папѣ. Истома былъ отпущенъ изъ Москвы 6-го сентября 1581 года и отправился кружнымъ путемъ черезъ Ливонію и Перновъ, потомъ моремъ и черезъ Данію въ Германію, а оттуда въ Римъ. Грамоты, написанныя Рудольфу, и на сей разъ вызвали дружескіе, но

уклончивые отвѣты, въ которыхъ, однако, настойчиво повторялись прежніе намеки, что царь напрасно воюетъ Ливонію, ибо она составляетъ ленную имперскую землю. Въ Римѣ же наоборотъ отнеслись весьма сочувственно къ просьбѣ царя о посредничествѣ въ мирныхъ переговорахъ между нимъ и Баторіемъ; гонца нашего обласкали, и очевидно были очень рады случаю возобновить свои старыя попытки къ соединенію церквей. Папа Григорій XIII назначилъ своимъ посланникомъ къ Баторію и царю Ивану члена іезуитскаго ордена, Антонія Поссевина, котораго и отправилъ въ Россію вмѣстѣ съ московскимъ гонцомъ. Не ранѣе іюля того же 1581 года воротился Истома Шевригинъ къ царю съ отвѣтными грамотами, а, спустя мѣсяць, прибылъ къ нему и Антоній Посевинъ.

Въ Римѣ, очевидно, возлагали большія надежды на посольство Поссевина. И дѣйствительно, трудно было найти въ то время болѣе искуснаго и опытнаго дипломата. Онъ уже былъ знакомъ съ европейскимъ сѣверо-востокомъ, ибо не за долго совершилъ путешествіе въ Польшу и Швецію, при чемъ убѣдилъ шведскаго короля Іоанна III тайно воротиться въ католицизмъ. Не довольствуясь симъ знакомствомъ, Посевинъ внимательно просмотрѣлъ въ папской канцеляріи всѣ важныя документы, относившіеся къ прежнимъ сношеніямъ римской куріи съ Москвою, а также и нѣкоторыя записки о ней европейскихъ пословъ и путешественниковъ. При своемъ отъѣздѣ онъ снабженъ былъ отъ куріи ясно опредѣленной инструкціей, которая предписывала ему при заключеніи мира между королемъ и царемъ выставить послѣднему все участіе къ нему папы, и склонить его какъ къ союзу противъ турокъ, такъ и къ соединенію церквей, при чемъ поставить ему на видъ, что гораздо почетнѣе будетъ для него признать главою своей церкви римскаго первосвященника, нежели слугу турокъ патріарха Константинопольскаго. Поручалось ему также устроить торговыя сношенія Руси съ Венеціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ предлогомъ пріѣзда въ Москву купцовъ-католиковъ, испросить дозволеніе на постройку въ ней католическихъ храмовъ. Кромѣ того, поручалось собрать всевозможныя свѣдѣнія о дѣлахъ, касающихся вѣры, а также о сосѣдяхъ и военныхъ силахъ москвитянъ. Въ Прагѣ, послѣ посѣщенія цесарскаго двора, Посевинъ разстался съ Шевригинымъ; послѣдній поѣхалъ въ Москву опять кружнымъ путемъ черезъ Балтійское море, а посоль-іезуитъ направился къ Баторію, котораго нашелъ въ Вильнѣ, въ іюнѣ 1581 года, во время его приготовленій къ псковскому походу. Король сначала недовѣрчиво отнесся къ миссіи іезуита; но скоро поддался его искуснымъ внушеніямъ, раскрылъ ему свои виды и планы, и взялъ его съ собой въ походъ. Въ Полоцкѣ они разстались: король двинулся къ Пскову, а Посевинъ направился къ царю, который тогда находился въ Старицѣ.

Дѣятельный іезуитъ не терялъ времени даромъ и на самомъ пути своемъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ доносилъ въ Римъ о томъ, какъ совратилъ въ католичество начальника конвоя, даннаго ему королемъ (начальникъ этотъ былъ православный русинъ), какъ потомъ совратилъ туда же одного русскаго переводчика. На московской границѣ Поссевина принялъ высланный царемъ русскій конвой, состоявшій изъ отряда всадниковъ, одѣтыхъ въ шелковые кафтаны съ золотыми позументами. Но царь, очевидно, догадывался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и потому въ наказѣ назначенному при послѣ приставу (Залѣшанину-Волкову) поручалось на вопросы о войнѣ съ Баторіемъ отвѣчать обстоятельно, но если посольство начнетъ «задирать» и говорить о вѣрѣ, то сказать, что «грамотѣ не учился», и ничего про вѣру не говорить. Въ Старицѣ папскому посольству былъ оказанъ весьма почетный приемъ; тутъ между разными дарами, присланными папою, посольство привезъ царю печатную книгу о Флорентійскомъ соборѣ на греческомъ языкѣ. 20-го августа дана была ему первая аудіенція, за которою послѣдовало роскошное угощеніе. Посольство прогостило въ Старицѣ болѣе трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ часто вело переговоры съ самимъ царемъ или съ его боярами о торговыхъ сношеніяхъ москвитянъ съ Венеціей, а, главное, объ условіяхъ перемирія съ польскимъ королемъ и объ общемъ союзѣ противъ турокъ. Но разговоры о церковномъ вопросѣ постоянно отклонялись царемъ впередъ до замиренія съ Польшею. Чтобы ускорить это замиреніе, Поссевинъ отправленъ былъ въ королевскій лагерь подъ Псковомъ; при царскомъ дворѣ остались два патера изъ его товарищей. Послѣ того обоюдные гонцы съ письмами нерѣдко скакали между Псковомъ и Александровскою Слободою (куда царь бѣжалъ изъ Старицы); но мирные переговоры плохо подвигались впередъ, потому что король желалъ прежде овладѣть Псковомъ и потомъ уже предписать миръ Іоанну; а послѣдній съ своей стороны никакъ не могъ помириться съ мыслию о потерѣ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, на чемъ прежде всего настаивалъ Баторій. Въ этихъ переговорахъ, какъ и слѣдовало ожидать, іезуитъ-посредникъ уже съ самаго начала повелъ себя пристрастно, т. е. держалъ сторону короля-католика противъ православнаго царя, хотя постоянно ставилъ на видъ послѣднему свое яко бы радѣніе о его пользахъ¹⁾. Поссевинъ, очевидно, желалъ, чтобы вся Ливонія сосредоточилась въ польскихъ рукахъ, надѣясь съ ихъ помощью возстановить тамъ католицизмъ; по этому въ своихъ письмахъ Ивану Васильевичу онъ явно старался запугать его могуществомъ Баторія и предрасположить къ уступкѣ Ливоніи.

¹⁾ Точь въ точь какъ три вѣка спустя дѣйствовала по отношенію къ Россіи «честный» маклеръ.

Съ одной стороны запугиванія подѣйствовали на Иоанна; а съ другой неудачная и надолго затянувшаяся осада Пскова побудила и Баторія къ открытію непосредственныхъ переговоровъ о перемиріи. Изъ Москвы отправлены уполномоченными для сего князь Дмитрій Елецкій и печатникъ Романъ Алферьевъ; а изъ королевскаго стана Янушъ Збаражскій, воевода брацлавскій, Альбрехтъ Радивиль, надворный литовскій маршалокъ, оба католики, и Михаилъ Гарабурда, секретарь великаго княжества Литовскаго, православный. Въ декабрь 1582 года уполномоченные той и другой стороны вмѣстѣ съ папскимъ посломъ съѣхались между Порховымъ и Запольскимъ Ямомъ и расположились въ деревнѣ Киверова Горка. Мѣстность была разорена и опустошена войною, такъ что папскому послу и польскимъ сановникамъ пришлось жить въ курныхъ избахъ и терпѣть всякаго рода лишенія; но русскіе послы и ихъ свита, по словамъ Поссевина, щеголяли своими нарядами и конскими приборами и имѣли съ собою обильные запасы; кромѣ того, снабжались съѣстными припасами изъ Новгорода, такъ что имѣли возможность ежедневно угощать сего посредника. Впрочемъ, холодъ и другія лишенія не особенно вредили Поссевину, ибо онъ отличался крѣпкимъ, закаленнымъ организмомъ. Подъ его собственнымъ предѣдательствомъ и происходили мирные переговоры, открывшіеся засѣданіемъ 13-го декабря: по правую отъ него руку садились польскіе послы, по лѣвую русскіе; подлѣ стоялъ переводчикъ, родомъ русинъ (котораго іезуитъ, повидимому, также успѣлъ совратить въ католичество). На этомъ первомъ засѣданіи прочитаны были вѣрительныя грамоты обѣихъ сторонъ.

Межъ тѣмъ Баторій уступилъ ропоту польскихъ и литовскихъ пановъ, и увелъ ихъ изъ псковскаго лагеря, а самъ отправился въ Вильну; онъ намѣренъ былъ убѣждать сеймъ къ новымъ пожертвованіямъ на продолженіе войны. Подъ Псковомъ осталася Замоискій только съ наемными отрядами; онъ терпѣлъ всѣ невзгоды, ропотъ войска, частыя русскія вылазки, однако продолжалъ блокаду города, чтобы совершеннымъ отступленіемъ отъ него не дать москвитянамъ повода къ торжеству и къ требованію болѣе выгодныхъ мирныхъ условий. Но свою славу искуснаго политика и мужественнаго воеводы Замоискій омрачилъ слѣдующимъ гнуснымъ поступкомъ. Изъ польскаго лагеря явился въ городъ одинъ русскій плѣнникъ съ ларцомъ и запискою къ князю Ивану Петровичу Шуйскому. Записка была составлена отъ имени нѣмца Моллера, который прежде вмѣстѣ съ Фаренсбахомъ находился въ царской службѣ и теперь будто бы хотѣлъ вновь перейти на русскую сторону, а напередъ посылалъ ящикъ съ своей казной и драгоценностями. Шуйскій, однако, по совѣту другихъ воеводъ, остерегся самъ открывать ящикъ и поручилъ это сдѣлать слесарю; оказалось, что ящикъ былъ наполненъ порохомъ и заряженнымъ огнестрѣльнымъ

оружіемъ. Возмущенный такимъ коварствомъ, Шуйскій, какъ разсказываютъ, послалъ Замоискому вызовъ на поединокъ, который, однако, не состоялся.

Засѣданія уполномоченныхъ въ Киверовой Горкѣ происходили почти ежедневно; всѣхъ засѣданій насчитывали болѣе двадцати. Уже отсюда видно, какъ медленно подвигались впередъ мирные переговоры, и какъ упорно обѣ стороны отстаивали свои условія. Главнымъ препятствіемъ для соглашенія попрежнему служила Ливонія. Московскіе послы пытались удержать хотя небольшую ея часть, одинъ только Дерптскій округъ; но польскіе уполномоченные требовали уступки всѣхъ занятыхъ русскими ливонскихъ городовъ и замковъ; требовали еще и денежнаго вознагражденія за военныя издержки. Москвитяне затаили переговоры и потому, что знали о трудномъ положеніи польскаго войска, осаждавшаго Псковъ, ждали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны московскихъ воеводъ и снятія осады. Но эти воеводы сидѣли по городамъ или стояли въ полѣ и бездѣйствовали, какъ, напримѣръ, князь Юрій Голицынъ въ Новгородѣ, Мстиславскій въ Волокѣ и т. д. Одинъ Шуйскій ратоборствовалъ во Псковѣ. 4-го января 1582 года онъ сдѣлалъ сильную вылазку, сорокъ шестую по счету, побилъ много неприятелей и взялъ знатное количество плѣнныхъ. Послѣ сей вылазки одинъ изъ королевскихъ дворянъ, Станиславъ Жолкѣвскій (родственникъ гетмана Замоискаго и самъ знаменитый впоследствии польскій гетманъ), прискакалъ на мѣсто посольскаго съѣзда съ донесеніемъ отъ Замоискаго; послѣдній извѣщалъ польско-литовскихъ пословъ, чтобы они поспѣшили какъ можно скорѣе заключить перемиріе, ибо ему сдѣлалось почти невозможнымъ поддерживать долѣе свою блокаду.

Тогда князь Збаражскій сообщилъ русскимъ посламъ, чтобы они немедленно объявили свои послѣднія условія, такъ какъ отъ короля будто бы полученъ приказъ прервать переговоры; затѣмъ далъ имъ сроку три дня. Антоній Поссевинъ, хотя и возбуждалъ противъ себя неудовольствіе самихъ поляковъ тѣмъ, что болѣе заботился объ обращеніи московскаго государя въ католицизмъ, чѣмъ о польскихъ интересахъ; однако, онъ неизмѣнно держалъ ихъ сторону, подтверждалъ ихъ требованія и также торопилъ русскихъ. Напрасно москвичи повторяли ему, что если царь уступитъ всю Ливонію, то у него не будетъ пристаней морскихъ, и нельзя будетъ ему сылаться съ папою, цесаремъ и другими государями, нельзя будетъ войти съ ними въ союзъ противъ бусурманъ. Ничто не помогало. Въ польскомъ лагерѣ гетманъ Замоискій и его приближенные, по словамъ очевидца, разсуждали такимъ образомъ: «Согласись мы оставить за великимъ княземъ московскимъ только часть ливонской страны, онъ усилится отъ морской торговли и можетъ вернуть прежнее могущество; тогда придется вести новую

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Съ единственнаго извѣстнаго экземпляра гравюры, находящейся въ Вѣнской Публичной Библиотекѣ (по снимку Д. А. Ровинскаго).

войну. Гораздо же лучше теперь доканать его. Иезуитъ-посредникъ усердно дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ. Испуганные угрозами, наши послы, наконецъ, согласились объявить самое послѣднее условіе, заранѣе разрѣшенное царемъ и его думою, т. е. уступку всей Ливоніи, кромѣ того, отступились отъ возврата Полоцка и Велика. Поляки съ своей стороны возвратили намъ все занятыя ими псковскіе пригороды, т. е. Великіе Луки, Заволочье, Холмъ, Островъ и пр. На этихъ условіяхъ въ Киверовой Горкѣ заключено было десятилѣтнее перемиріе, начинавшееся отъ 6-го января 1582 года. Когда дошло дѣло до написанія договорныхъ грамотъ, то возникли сильныя пререканія по поводу царскаго титула и выраженій насчетъ уступки ливонскихъ городовъ. Во время этихъ споровъ, Поссевинъ, отъ природы человѣкъ вспыльчивый и довольно сварливый, бранился и кричалъ на русскихъ пословъ и однажды до того вышелъ изъ себя, что вырвалъ изъ рукъ князя Елецкаго черновую договорную записку и бросилъ ее, а самого князя схватилъ за воротникъ его шубы, оборвалъ застежки, и, повернувшись лицомъ къ двери, выгналъ его изъ своей избы. Наконецъ, согласились на томъ, чтобы написать Ивана Васильевича царемъ и государемъ лифляндскимъ и смоленскимъ только въ московскомъ договорномъ спискѣ; согласились также написать уступку не только ливонскихъ городовъ, завоеванныхъ поляками, но и тѣхъ, которые были еще заняты русскими.

17-го января защитники Пскова увидали со своихъ стѣнъ большое движеніе въ неприятельскихъ лагерьяхъ и приближавшуюся толпу конныхъ и пѣшихъ людей. Воеводы думали, что поляки затѣваютъ новый приступъ. Но отъ толпы отдѣлился русскій боярскій сынъ, по имени Александръ Хрущовъ; впущенный въ городъ, онъ вручилъ воеводамъ перемирную грамоту отъ русскихъ пословъ. Велика была въ Псковѣ радость гражданъ, освободившихся отъ тягостной осады. Еще болѣе радовались поляки столь выгодному для нихъ миру. Замойскій устроилъ въ своемъ станѣ пиръ, и звалъ на него русскихъ воеводъ. Шуйскій отпустилъ своихъ товарищей, но самъ не поѣхалъ. Въ первыхъ числахъ февраля польскій гетманъ снялся съ лагерей, и двинулся въ Ливонію отбирать у русскихъ уступленные ими города и замки. Особенно чувствительна была для насъ потеря Дерпта или Юрьева Ливонскаго, который 24-го февраля перешелъ въ руки поляковъ. Въ этомъ городѣ издревле находилась значительная русская колонія, а со времени русскаго завоеванія въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ онъ успѣлъ до нѣкоторой степени обрусѣть; въ немъ основалась православная епископія и появились многіе православные храмы. Здѣсь уже успѣло смѣниться цѣлое поколѣніе русскихъ гражданъ. Выселяемые отсюда въ Новгородъ и Псковъ, граждане эти и ихъ семьи прощались съ Юрьевымъ какъ съ сво-

имъ роднымъ городомъ, въ послѣдній разъ молились въ своихъ приходскихъ храмахъ, и со слезами причитали надъ могилами своихъ родственниковъ ¹⁾.

Уступая ливонскіе города Баторію, въ Москвѣ питали надежду, отдѣлавшись отъ сильнѣйшаго врага, потомъ ударить всѣми силами на болѣе слабаго, т. е. на шведовъ, чтобы отнять у нихъ обратно Нарву и другіе эстонскіе города, взятые ими у русскихъ. По сему московская дипломатія во время мирныхъ переговоровъ съ Польшею старательно отклоняла предложенное Поссевиномъ посредничество для заключенія мира со шведами. Надежда отобрать у нихъ взятые города особенно усилилась, послѣ того какъ де-ла-Гарди двинулся было къ берегамъ Невы и осадилъ Орѣшекъ, но здѣсь потерпѣлъ пораженіе и со стыдомъ ушелъ назадъ. Около этого времени, именно въ іюнѣ 1582 года, въ Москву прибыли тѣ же польско-литовскіе уполномоченные, князь Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора. При семъ они потребовали, чтобы царь оставилъ Эстонию въ покоѣ и не воевалъ ее во все время десятилѣтняго перемирія. Поляки не только не желали допустить русскихъ вновь утвердиться на эстонскомъ побережьѣ, но они сами надѣялись отнять это побережье у шведовъ, чтобы всѣ бывшія ливонскія владѣнія сосредоточить въ своихъ рукахъ. Царь принужденъ былъ согласиться на новое требованіе. Со шведами завязались переговоры, которые окончились въ слѣдующемъ 1583 году заключеніемъ трехлѣтняго перемирія на рѣкѣ Плосѣ. Не только Ругодивъ или Нарва, но и русскіе города Ямъ, Ивангородъ и Копорье, остались въ рукахъ шведовъ. Кромѣ вмѣшательства поляковъ, на заключеніе этого перемирія повліяло также происходившее тогда возстаніе, вновь поднятое въ Казанской области луговыми черемисами.

Бѣдственно для Россіи окончились усилія царя Ивана, направленные на завоеваніе Ливоніи и приобрѣтеніе балтійскихъ береговъ. Почти двадцатипятилѣтняя непрерывная война съ западными сосѣдями крайне разстроила и разорила московское государство; она стоила ему огромныхъ матеріальныхъ жертвъ; многія тысячи людей погибли въ битвахъ, въ плѣну, отъ болѣзней и голода; множество городовъ и сель было выжжено и въ конецъ опустошено. Одинъ современный лѣтописецъ (псковскій) съ горечью замѣтилъ: «царь Иванъ не на велико время чужую землю взялъ, а по малѣ и своей не удержалъ, а людей вдвое погубилъ». Напрасно

¹⁾ Замѣчательно это до нѣкоторой степени обрусѣніе Юрьева Ливонскаго, совершенное въ какія-нибудь 20 лѣтъ, при строго-національномъ, традиціонномъ направленіи московской политики, если сравнить съ нимъ настоящее состояніе Дерпта, какъ средоточія балтійскаго германизма, послѣ едва не двухъ-вѣковой принадлежности его россійской державѣ.

нѣкоторые новые историки пытаются оправдать ливонскія войны Ивана широкими политическими замыслами, а его неудачу военными талантами Баторія и отсталостію русскихъ въ ратномъ искусствѣ сравнительно съ западными европейцами. Напротивъ, чѣмъ ближе всматриваемся мы въ эту эпоху, тѣмъ яснѣе выступаетъ вся политическая недалководность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ по притязаніямъ на Ливонію, его неумѣнье ихъ раздѣлить и воспользоваться ихъ слабыми сторонами. Первые успѣхи совершенно его ослѣпили: вмѣсто того, чтобы вовремя остановиться и упрочить за Россіей обладаніе ближайшимъ и нужнѣйшимъ краемъ, т. е. Дерптско-Нарвскимъ, онъ съ тупымъ упрямствомъ продолжалъ стремиться къ завоеванію цѣлой Ливоніи и тогда, когда обстоятельства уже явно повернулись противъ него. Властящіе успѣхи Баторія можно только отчасти объяснять его талантами и отсталостію москвитянъ въ ратномъ искусствѣ. Послѣднее обстоятельство не мѣшало имъ, однако, при дѣдѣ и отцѣ Ивана и въ первую половину его собственнаго царствованія наносить иногда пораженія западнымъ сосѣдямъ, отвоевывать у нихъ города и цѣлыя области. Если на сторонѣ Баторія было превосходство его личныхъ военныхъ способностей, то на сторонѣ Ивана находилось важное, подавляющее преимущество: его неограниченное самодержавіе, которое могло двигать всѣми русскими силами и средствами какъ однимъ человѣкомъ, тогда какъ Баторій принужденъ былъ постоянно бороться съ разными противодѣйствіями и препятствіями въ собственномъ государствѣ. Обстоятельства благоприятствовали Ивану и въ томъ отношеніи, что во время его борьбы съ Баторіемъ южные предѣлы Россіи не требовали большихъ усилій для своей обороны; ибо крымскіе татары были отвлечены происходившею между турками и персами войной, въ которой ханъ участвовалъ какъ вассалъ султана. Но дѣло въ томъ, что ливонская война тогда не пользовалась въ Россіи сочувствіемъ народнымъ (была малопонятна для народа, непопулярна), что тиранъ собственными руками истребилъ своихъ лучшихъ воеводъ и совѣтниковъ, и остался при худшихъ, а самъ онъ въ минуты наибольшей опасности только обнаружилъ свою ратную неспособность и недостатокъ личнаго мужества. Его тиранство вмѣстѣ съ этой неспособностью, очевидно, отвратили отъ него сердца многихъ русскихъ людей. Это важное обстоятельство во время войны съ Баторіемъ особенно сказалось множествомъ перебѣжчиковъ изъ служивыхъ людей. Въ числѣ ихъ находились и знатные люди; такъ Давидъ Бѣльскій, подобно Курбскому, ушелъ къ королю, и потомъ давалъ ему гибельные для русскихъ совѣты во время послѣдней войны. Грозный даже не сумѣлъ воспользоваться геройской обороной Пскова, и, когда надобно было энергически дѣйствовать всѣми силами для полного отраженія не-

пріятеля, ждалъ своего спасенія отъ иноземнаго вмѣшательства и лукаваго посредничества іезуита Поссевина.

Если въ чемъ Иванъ и былъ лично силенъ, такъ это въ словесныхъ препирательствахъ, что не замедлил испытать на себѣ тотъ же Поссевинъ.

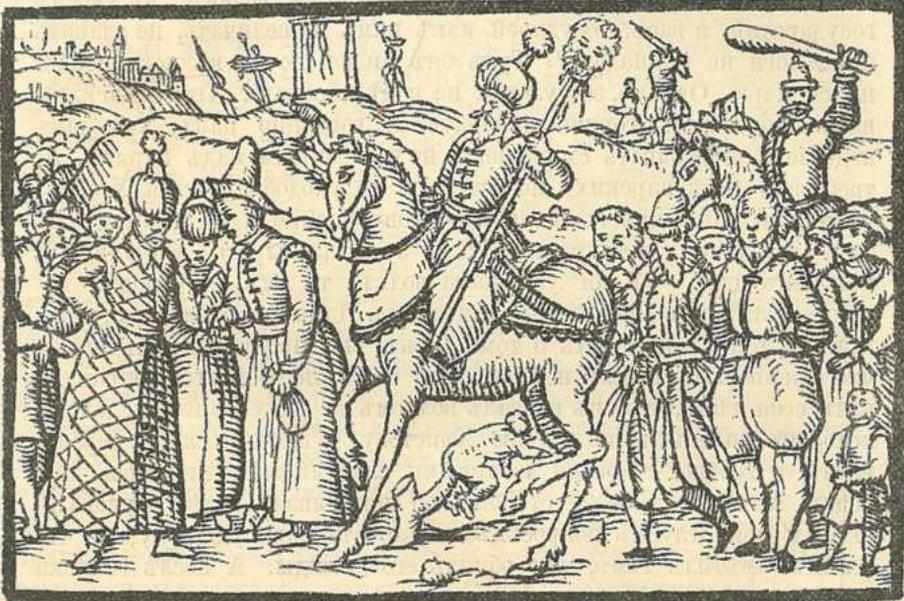
По заключеніи Запольскаго мира, Антоній вмѣстѣ съ русскими уполномоченными отправился въ Москву, одушевленный явною надеждою пожать здѣсь плоды своихъ трудовъ и приступить къ осуществленію обѣщаній царя относительно христіанскаго союза противъ турокъ, а главное относительно хотя и не обѣщаннаго, но подразумѣваемаго соединенія церквей. Антоній прибылъ 14-го февраля и нашелъ московскій дворъ облеченнымъ въ «смирныя» (траурныя) одежды, по случаю смерти царевича Ивана Ивановича. Іезуита съ его свитою помѣстили въ Китай-городѣ въ домѣ Ивана Сѣркова. Вообще, папскаго посла приняли попрежнему съ почетомъ и учтивостью; для переговоровъ съ нимъ былъ назначенъ новгородскій намѣстникъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарыинъ съ товарищами. Но іезуитъ долженъ былъ тотчасъ почувствовать, что въ немъ не только болѣе не нуждаются, но что и благодарности къ нему особой не питаютъ. Да оно и естественно. Въ Москвѣ теперь очень хорошо понимали, что папское посредничество не принесло намъ существенной пользы въ войнѣ съ Баторіемъ, что Поссевинъ держалъ его сторону, и помогъ ему оттягать у насъ все ливонскія владѣнія и что согласіемъ его на перемиріе мы болѣе всего обязаны не Поссевину, а стойкости осажденнаго Пекова. Поэтому на переданное іезуитомъ предложеніе Баторія послать совместно съ нимъ войска противъ крымскихъ татаръ, царь отвѣчалъ, что онъ находится въ мирѣ съ ханомъ. На ходатайство о дозволеніи венеціанамъ пріѣзжать въ московское государство для торговли, имѣя при себѣ священниковъ, дано согласіе, но съ условіемъ: ученія своего не распространять и церквей своихъ не строить. Точно также на предложеніе послать въ Римъ русскихъ мальчиковъ для науки, отвѣчали, что скоро такихъ мальчиковъ набрать нельзя, а когда наберутъ, то пришлютъ. Когда же Поссевинъ началъ домогаться, чтобы царь удостоилъ его бесѣдою наединѣ о церковномъ вопросѣ, то получилъ въ отвѣтъ, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ думныхъ людей и что, вообще, подобный разговоръ повлечетъ за собою споры, изъ споровъ можетъ возникнуть вражда; а потому лучше разговоры о вѣрѣ оставить. Но іезуитъ настаивалъ и соглашался вести бесѣду въ присутствіи бояръ. Царь уступилъ, и назначилъ для сей бесѣды 21-е февраля.

Очевидно, Поссевинъ надѣялся чего-то достигнуть помощію своихъ богословскихъ познаній и ловкости въ діалектикѣ. Наивная надежда и слишкомъ малое знакомство какъ съ религіознымъ рус-

скимъ строемъ, такъ и съ личностію Ивана Васильевича! Царь уже имѣлъ случай и прежде показать свою начитанность и свои полемическія способности въ церковныхъ вопросахъ. А именно, въ 1570 году, въ Москву пріѣзжали для заключенія перемирія послы короля Сигизмунда Августа, Кротовскій, Лещинскій и Тальвошъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, состоявшей изъ протестантскаго и католическаго священниковъ. Въ качествѣ перваго священника состоялъ Иванъ Рокита, родомъ чехъ, принадлежавшій собственно къ сектѣ чешскихъ братьевъ, которая съ одной стороны примыкала къ старому гусситству, съ другою къ новому лютеранству. Рокита возмѣнилъ намѣреніе склонить къ своему ученію русскаго царя, и добился его согласія на торжественное съ нимъ преніе о вѣрѣ, въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи королевскихъ пословъ, русскихъ бояръ и духовенства. Царь сидѣлъ на тронѣ, а Рокита противъ него на скамьѣ, покрытой ковромъ. Иванъ Васильевичъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ ливонскими плѣбниками и ихъ пасторами, довольно хорошо былъ знакомъ съ лютеранскимъ вѣроисповѣданіемъ и, не обращая вниманія на нѣкоторыя отличія отъ него секты чешскихъ братьевъ, въ сильныхъ выраженіяхъ напалъ на послѣдователей этого вѣроисповѣданія, называя отступниками отъ древней Церкви и Св. Писанія, уподобилъ ихъ свиньямъ по причинѣ невоздержной жизни, отрицанія постовъ, иконъ, святыхъ и монашества, а молитвы ихъ обозвалъ пустымъ бормотаньемъ. Въ своемъ высокопарномъ и пространномъ отвѣтѣ Рокита пытался защищать протестантское ученіе и напалъ на католичество (о православіи онъ умолчалъ), называлъ его монаховъ, одѣтыхъ въ капишоны, волками въ овечьей шкурѣ, а иконопочитаніе обозвалъ идолопоклонствомъ. На эту рѣчь Иванъ Васильевичъ ничего не сказалъ, а велѣлъ доставить ему письменное ея изложеніе; потомъ въ свою очередь написалъ или велѣлъ написать на нее подробное и горячее письменное опроверженіе, которое и передалъ Рокитѣ передъ отпускомъ пословъ. Бесѣды Ивана Васильевича съ лютеранскими пасторами о вѣрѣ иногда оканчивались для нихъ несовсѣмъ пріятнымъ образомъ. Такъ во время своего ливонскаго похода въ 1577 году царь, проѣзжая по улицамъ Кокенгаузена, встрѣтилъ одного пастора, и спросилъ его, чему онъ учитъ. Тотъ началъ излагать ученіе Лютера, котораго приравнялъ апостолу Павлу. Царь вспылилъ, ударилъ кнутомъ пастора по головѣ, и отъѣхалъ отъ него со словами: «Пошелъ ты къ чорту съ твоимъ Лютеромъ».

Преніе царя съ Поссевиномъ происходило почти при такой же торжественной обстановкѣ, какъ и съ Рокитой, въ Тронной палатѣ, въ присутствіи бояръ и высшихъ придворныхъ чиновъ (низшіе были высланы). Царь вновь повторилъ, что лучше бы не начинать преній о вѣрѣ, и прибавилъ, что ему уже 51-й годъ и что

при концѣ жизни онъ не измѣнитъ греческой вѣрѣ, въ которой родился; впрочемъ, разрѣшилъ послу говорить все, что онъ сочтетъ нужнымъ. На сіе Антоній ловко отвѣтилъ, что римскій первосвященникъ вовсе не предлагаетъ русскому государю перемѣнить старую греческую вѣру, а только убѣждаетъ возстановить ее въ древней чистотѣ и признать то единство церквей, которое было признано на Флорентійскомъ соборѣ самимъ греческимъ императоромъ и русскимъ митрополитомъ Исидоромъ. Иезуитъ сослался при этомъ на ту книгу, которую папа прислалъ царю и приба-

Современная карикатура на Ивана Грознаго.

Изъ книги Юганна Гоффа «Tyranney Jwan Wasilowitz», изданной въ 1581 году.

вилъ, что послѣ соединенія царя съ папою и другими государями онъ не только возсядетъ на своей древней отчинѣ — Кіевѣ, но и въ самомъ Царьградѣ. На такую заманчивую перспективу Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что русскіе вѣруютъ не въ грековъ, а во Христа; что ему довольно своего государства, а другихъ онъ не желаетъ и что безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора ему говорить о вѣрѣ не пригоже.

Споръ о вѣрѣ готовъ былъ на этомъ прекратиться. Но Антоній умолялъ царя высказать свои мысли о предметѣ. Тотъ согласился и повелѣлъ рѣчь не о различіи въ догматахъ, а о различіяхъ такъ сказать внѣшнихъ; при чемъ, подчиняясь своему страстному нраву,

скоро увлекся пренієм до крайне рѣзкихъ выраженій; между прочимъ, упрекнулъ іезуита за то, что онъ будучи попомъ подсекаеть бороду; а, главное, не замедлилъ свести вопросъ на его самую чувствительную сторону, то есть на папство или собственно на папскую гордыню, въ которой отражались непомѣрные папскія притязанія. Съ особымъ негодованіемъ указалъ онъ на то, что папу носятъ на престолѣ, цѣлуютъ его въ сапогъ, а на сапогѣ крестъ съ распятіемъ Господа. Хитрый іезуитъ, думая смягчить царя, отвѣтилъ, что папѣ воздается честь какъ сопрестольнику апостоловъ Петра и Павла, сопрестольниковъ самого Христа, какъ отцу и главѣ всѣхъ государей. «Вотъ и ты государь великій въ своемъ государствѣ, и васъ, государей, какъ намъ не величать, не славить и въ ноги не припадать?» Тутъ онъ низко, почти въ ноги поклонился царю. Однако, эта уловка не подѣйствовала. Иванъ Васильевичъ продолжалъ горячо нападать на гордыню папъ, которымъ подобаеть показывать смиреніе, а не возноситься надъ царями, не требовать себѣ царскихъ почестей, и не уподоблять себя Христу. «Который папа живетъ не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь!»—воскликнулъ наконецъ царь.—«Коли уже папа волкъ, то мнѣ и говорить нечего!»—замѣтилъ Поссевинъ и замолчалъ. Царь спохватился, и, перемѣнивъ тонъ, напомнилъ о томъ, какъ онъ предупреждалъ посла, что преніе о вѣрѣ безъ непріятныхъ словъ не обойдется; оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ назвалъ волкомъ не папу Григорія, а того, который живетъ не по ученію Христову и апостольскимъ преданіямъ, и вообще старался ласковыми словами загладить свою выходку. Антоній съ своей стороны не показывалъ болѣе неудовольствія и при отпускѣ попросилъ поцѣловать царскую руку; на что Іоаннъ отвѣтилъ тѣмъ, что обнялъ его дважды. А послѣ отпуску послалъ ему лучшія блюда съ царскаго стола.

Спустя два дня, происходила вторая бесѣда. Испуганный крайней нервностью и раздражительностью царя, Антоній, отправляясь во дворецъ, пріобщилъ своихъ спутниковъ Святыхъ Таинъ и убѣждалъ ихъ въ случаѣ нужды пострадать за вѣру. Но на сей разъ царь не пожелалъ входить въ какія-либо пренія о вѣрѣ, а встрѣтилъ Антонія ласково и просилъ его не писать папѣ о томъ, что было имъ сказано непріятнаго въ прошлый разъ. Затѣмъ по порученію царя бояре просили Антонія письменно изложить отличія вѣры латинской отъ русской, такъ какъ присланную папою греческую книгу о Флорентійскомъ соборѣ будто бы при дворѣ никто не умѣетъ перевести на русскій языкъ. 4-го марта Антоній имѣлъ еще третью краткую бесѣду съ царемъ, при чемъ вручилъ ему свою рукопись о различіи вѣръ католической и греческой. Послѣ этой бесѣды царь, отправляясь въ Успенскій соборъ, пригласилъ Анто-

нія иди туда же и посмотри́ть русское митрополи́че богослуженіе. Но тотъ уклонился, и въ православный соборъ не пошелъ.

Затѣмъ Антоній Поссеви́нъ былъ отпущенъ изъ Москвы и съ нимъ отправленъ къ папѣ гонцомъ Яковъ Молвѣяниновъ съ подъячимъ Тишиной Васильевымъ; они повезли папѣ отвѣтную грамоту и подарки, состоявшіе изъ дорогихъ соборей. Они же были снабжены грамотами къ королю польскому, цесарю, австрійскимъ герцогамъ и венеціанскому дожу. Въ грамотѣ Григорію XIII царь, между прочимъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилъ о заключеніи съ нимъ и другими государями союза противъ мусульманъ. А въ наказѣ, данномъ гонцу, любопытны слѣдующія слова: «Если папа или его совѣтники будутъ говорить, что государь вашъ называлъ папу волкомъ и хищникомъ, то отвѣчайте, что о томъ не слыхали». Ясно, что Иванъ Васильевичъ пока не желалъ ссориться съ папою, такъ какъ перемиріе съ поляками въ то время еще не было формально подтверждено, а со шведами война еще продолжалась: очевидно, онъ старался замаять вопросъ о произнесенныхъ имъ въ запальчивости рѣзкихъ выраженіяхъ. Во всякомъ случаѣ неутѣшительныя впечатлѣнія увозилъ съ собою изъ Москвы іезуитъ Поссеви́нъ: всѣ его хлопоты и дипломатическія способности разбились о непоколебимую преданность русскихъ своему православію и сильную нелюбовь къ латинству, въ чемъ Иванъ Васильевичъ явился вѣрнымъ представителемъ своего народа. Сюда присоединились еще старанія иноземныхъ торговцевъ-протестантовъ, которые доставляли московскому царю разныя обличительныя сочиненія противъ католичества и папства. Преувеличивая ихъ вліяніе, Поссеви́нъ неудачу своей московской миссіи главнымъ образомъ приписывалъ проискамъ англійскимъ и другихъ иноземныхъ купцовъ, исповѣдывавшихъ лютеранство или кальвинизмъ.

Печаленъ и мраченъ былъ конецъ Іоаннова царствованія. Только одно счастливое событіе бросаетъ свѣтлый лучъ въ это мрачное время: то было завоеваніе Сибири Ермакомъ. Но Іоаннъ лично является почти не при чемъ въ этомъ завоеваніи. Онъ до конца и неуклонно продолжалъ свою разрушительную дѣятельность внутри государства. Одновременно съ тяжкими пораженіями отъ внѣшнихъ враговъ и другими бѣдствіями, произошло роковое событіе въ самой царской семьѣ, событіе, нанесшее смертельный ударъ династіи Владиміра Великаго и послужившее однимъ изъ главныхъ источниковъ слѣдующаго смутнаго времени на Руси. Впрочемъ, ничего другого и невозможно было ожидать отъ безумнаго тирана, который такъ привыкъ предаваться необузданнымъ порывамъ своихъ страстей, для котораго не было ничего святого въ этомъ мірѣ. Мы говоримъ о сыноубійствѣ..

Истребленіе государевыхъ родственниковъ, которое совершалось въ эпоху Василія III и Ивана IV, принесло свои плоды: царская семья сдѣлалась малочисленна. Историческая Немезида какъ бы мстила за сіе истребленіе относительнымъ безплодіемъ этихъ послѣднихъ государей и вырожденіемъ ихъ семьи. Василій III, послѣ бездѣтной Соломоніи, едва успѣлъ оставить отъ Елены Глинской двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Юрій, оказался малоумнымъ и умеръ бездѣтнымъ. Почти тоже повторилось съ Иваномъ IV. Его разнообразныя браки отличались или безплодіемъ или раннею смертностію дѣтей. Только отъ первой супруги, Анастасіи Романовны, онъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, Ивана и Ѳедора. Но младшій изъ нихъ, Ѳедоръ, подобно дядѣ своему Юрію, былъ малоуменъ и неспособенъ къ правительственнымъ дѣламъ. Всѣ надежды русскихъ людей на продолженіе царскаго рода сосредоточивались теперь на старшемъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, который достигъ уже двадцатисемилѣтняго возраста и былъ какъ бы царскимъ соправителемъ, по примѣру Ивана Ивановича Молодого въ княженіе Ивана III; такъ что на ряду съ государемъ присутствовалъ въ боярской думѣ, при приѣмѣ пословъ и т. п.; имена ихъ уже вмѣстѣ упоминались въ правительственныхъ актахъ. (Этотъ обычай соцарствія сына отцу водворился, конечно, не безъ вліянія Византіи). Отецъ очевидно питалъ привязанность къ старшему сыну, по скольку могъ питать ее такой безсердечный себлюбоецъ. Но отцовское расположеніе пріобрѣтено со стороны сына и поддерживалось дорогою цѣною: одинаковыми привычками и вкусами, которые были усвоены, конечно, въ той же отцовской школѣ. Во-первыхъ, по свидѣтельству современниковъ, Иванъ Ивановичъ обнаруживалъ жестокосердіе и привыкъ не только безъ трепета, но съ глумленіемъ смотрѣть на лютыя казни, производимыя его отцомъ. Во-вторыхъ, онъ усердно раздѣлялъ отцовскія оргіи, и привыкъ не отставать отъ него въ пьянствѣ и развратѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подражалъ отцу и въ наклонности къ книжнымъ занятіямъ. Напримѣръ, извѣстно, что онъ написалъ Житіе и Похвальное слово св. Антонію Сійскому. Подобно отцу и съ его поощренія, царевичъ Иванъ, не смотря на молодые годы, успѣлъ уже перемѣнить нѣсколькихъ женъ. Первая его супруга, Евдокія Сабурова, была пострижена въ монахини, вторая Параскева, Соловая, подверглась той же участи; повидимому обѣ онѣ были бездѣтны. Въ третій разъ собраны были для него красивѣйшія дѣвицы, и выборъ палъ на Елену Ивановну Шереметеву, племянницу Ивана Васильевича Большого (въ монашествѣ Іоны), дочь Ивана Васильевича Меньшого, павшаго геройскою смертію при осадѣ Кольвани или Ревеля въ 1578 году. Эта третья супруга, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и послужила случайною причиною гибели самого царевича Ивана. Однажды, въ ноябрѣ 1582 года, въ

Александровской слободѣ Иванъ Грозный вошелъ въ комнату своей снохи и нашель ее лежащую на скамьѣ въ одномъ исподнемъ платьѣ, что считалось неприличнымъ для знатныхъ женщинъ. Она находилась тогда въ послѣднемъ періодѣ беременности; тѣмъ не менѣе царь разгнѣвался и началъ ее бить. На шумъ прибѣжалъ царевичъ Иванъ, и сталъ упрекать отца въ томъ, что онъ сослалъ въ монастырь двухъ первыхъ его женъ, а теперь не щадитъ и третью вмѣстѣ съ будущимъ ея младенцемъ. Разъяренный этими упреками, царь бросился на сына и ударилъ его острымъ желѣзнымъ наконечникомъ своего посоха въ високъ такъ сильно, что кровь хлынула ручьемъ, и царевичъ упалъ замертво. При видѣ крови, тиранъ опомнился и молилъ сына о прощеніи. Дядя царевича, Никита Романовичъ, и дьякъ Щелкаловъ привезли изъ Москвы врачей. Но уже ничто не помогло: черезъ четыре дня царевичъ скончался. Между тѣмъ его супруга отъ понесенныхъ побоевъ выкинула мертвого младенца. По смерти мужа она пострижена въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ Леониды. По другому извѣстію, царь разгнѣвался на сына и поразилъ его своимъ посохомъ за то, что царевичъ горячо началъ говорить ему о необходимости выручить осажденный Псковъ. Какъ бы то ни было, тиранъ первые дни послѣ смерти сына предавался сильной скорби и тоскѣ. Онъ устроилъ ему торжественное погребеніе въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, служилъ панихиды, послалъ большую сумму на поминъ его души къ восточнымъ патріархамъ. Даже прибѣгъ къ обычной своей уловкѣ: объявилъ боярамъ, что по неспособности его второго сына Феодора пусть они изберутъ себѣ другого государя, а что самъ онъ намѣренъ удалиться въ монастырь. Не вѣря его искренности, бояре, конечно, отвѣчали мольбою не покидать царства, и Грозный, какъ бы снисходя на эти мольбы, остался на престолѣ. Иванъ Васильевичъ не долго скорбѣлъ о потерѣ сына и воздерживался отъ обычныхъ своихъ дѣяній и порочнаго образа жизни. Самымъ крупнымъ изъ его дѣяній въ эту эпоху были многочисленныя казни ратныхъ людей, взятыхъ въ плѣнъ Баторіемъ при завоеваніи русскихъ городовъ и теперь возвращенныхъ послѣ заключенія перемирія. Обвиняя ихъ въ малодушіи, царь вымѣщаль на нихъ свою злобу за претерпѣнныя имъ потери и пораженія. Въ то же время онъ возобновилъ еще одну старую свою привычку: исканіе себѣ новой жены!

Не смотря на то, что его пятая супруга, Марія Нагая, жила при немъ и здравствовала, царь въ августѣ 1582 года отправилъ въ Англію посломъ дворянина Феодора Писемскаго съ порученіемъ переговорить о тѣсномъ политическомъ союзѣ съ Елизаветою и посватать ея родственницу, графиню Марію Гастингсъ. На сію дѣвицу указалъ Ивану его врачъ-англичанинъ Робертъ Яковъ (русскіе окрестили его въ Романа Елизарова), который былъ по его просьбѣ

присланъ Елизаветою, и по вліянію на царя скоро замѣнилъ своего предшественника Бомелія. Елизавета ласково приняла Писемскаго, и даже не удивилась затѣянному сватовству, ибо примѣръ ея отца шестижоннаго Генриха VIII былъ еще у всѣхъ въ памяти. Только послу пришлось долго ждать, пока ему удалось лично видѣть невѣсту, которая оправлялась тогда послѣ бывшей у нея оспы. Писемскій привезъ царю ея персону (портретъ). Вмѣстѣ съ Писемскимъ прибылъ новый посоль Елизаветы къ Ивану IV, Геронимъ Боусъ. Изъ переговоровъ съ симъ посломъ московскіе бояре и царь убѣдились, что на предложеніе тѣснаго союза противъ враговъ Россіи, поляковъ и шведовъ, англійское правительство по обыкновенію отвѣчало уклончиво, а болѣе всего хлопотало объ исключительныхъ привилегіяхъ для своихъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей. Хотя около этого времени Марія Нагая разрѣшилась отъ бремени и родила Ивану сына Димитрія, однако, переговоры о новомъ бракѣ продолжались. Но на вопросы о невѣстѣ англійскій посоль также отвѣчало уклончиво, говорилъ, что она слаба здоровьемъ и недовольно хороша собою, а потому и не понравится царю, какъ извѣстному любителю женской красоты. Онъ предлагалъ выбрать какую-либо другую дѣвицу изъ родственницъ королевы; но отказывался назвать ихъ имена. Царь сердился на эти уклончивые отвѣты о союзѣ и сватовствѣ и на требованіе исключительныхъ торговыхъ правъ. Но при помощи своего соотечественника, врача Роберта Якова, упрямый, сварливый Боусъ получалъ отъ царя разныя милости; онъ надѣялся добиться подтвержденія англійскихъ привилегій и устраненія отъ бѣломорской торговли французскихъ и нидерландскихъ купцовъ, которые соперничали въ этой торговлѣ съ англичанами. Затянувшіеся переговоры были прерваны внезапною смертію царя.

Чрезвычайно невоздержный образъ жизни и постоянно тревожное состояніе духа принесли неизбѣжныя послѣдствія. Въ пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ Иванъ IV уже вполне состарился, и его крѣпкое отъ природы здоровье совершенно разстроилось. Зимой 1584 года у него открылась страшная болѣзнь: его тѣло стало гнить внутри и пухнуть снаружи. По монастырямъ разослали грамоту, въ которой отъ имени царя просили молиться о прощеніи ему грѣховъ и исцѣленіи отъ болѣзни. Больной царь распорядился судьбою государства. Наслѣдникомъ своимъ онъ объявилъ царевича Феодора; но, зная его неспособность, назначилъ особую правительственную думу, которую составили пять бояръ, а именно: Иванъ Петровичъ Шуйскій, знаменитый защитникъ Пскова; Иванъ Федоровичъ Мстиславскій, по матери своей троюродный братъ Ивана IV; Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ первой супруги Грознаго Анастасіи, единственный изъ близкихъ къ царю людей съумѣвшій отъ начала и до конца сохранить его уваженіе и ми-

лость; рядомъ съ этими знатнѣйшими боярами въ особую высшую Думу назначены сравнительно молодые люди: Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Оба они были царскими любимцами въ послѣднюю эпоху Іоаннова царствованія. Годуновъ, женатый на дочери Малюты Скуратова, очевидно счумѣлъ наследовать и царское къ нему расположеніе; а Бѣльскій болѣе десяти лѣтъ находился при особѣ государя и спалъ у его постели. Того же Богдана Бѣльскаго Иванъ IV назначилъ дядькою или воспитателемъ своего маленькаго сына Дмитрія, которому вмѣстѣ съ матерью далъ въ удѣлъ Угличъ. Кромѣ пяти помянутыхъ бояръ, выдающееся положеніе въ это время занимали думные дяки Щелкаловы, братья Андрей и Василій.

Иванъ IV до конца остался вѣренъ своимъ привычкамъ: такъ, въ минуты облегченія отъ болѣзни онъ развлекался созерцаніемъ своихъ сокровищъ, особенно драгоцѣнныхъ камней, а также игрою въ шахматы, собиралъ знахарей или колдуновъ, и допрашивалъ ихъ о своемъ смертномъ часѣ; не прочь былъ и отъ любострастныхъ попойзновеній. 18-го марта, послѣ трехчасовой теплой ванны, онъ сидѣлъ на постели, спросилъ шахматную доску и собирался играть въ шашки съ Бѣльскимъ. Вдругъ онъ упалъ. Межъ тѣмъ какъ врачи тщетно старались привести его въ чувство, митрополитъ Діонисій, конечно, заранѣе предупрежденный о желаніи умирающаго, спѣшилъ совершить надъ нимъ обрядъ постриженія, и нарекъ его инокомъ Іоною.

Такъ окончилось это долгое царствованіе, исполненное громкихъ событій и превратностей судьбы, въ первой половинѣ своей возвеличившее Россію, а потомъ доведшее ее до великаго истощенія и униженія. Иванъ IV представляетъ въ исторіи рѣзкій образецъ государя, щедро одареннаго отъ природы умственными силами и обнаружившаго недоженныя правительственныя способности, но нравственно глубоко испорченнаго, вполне поработченнаго своимъ страстямъ и потому обратившаго наследованную имъ отъ предковъ сильную власть въ орудіе жестокой и нерѣдко безмысленной тираніи, имѣвшей разрушительное дѣйствіе на нѣкоторыя стороны русской жизни. Казалось бы московское самодержавіе сдѣлало при немъ еще дальнѣйшіе шаги впередъ; но оно получило до извѣстной степени характеръ азіатской деспотіи, трудно совмѣстимой съ разностороннимъ развитіемъ государственной и народной жизни; а въ концѣ концовъ вызвало бурное воздѣйствіе со стороны подавленныхъ имъ на время сословныхъ и областныхъ преданій и стремленій. Собственными руками уничтоживъ продолженіе своей династіи, Иванъ Васильевичъ самъ приготовилъ и облегчилъ тотъ взрывъ народныхъ движеній и всякой розни, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «Смутнаго времени» и который едва не привелъ государство на край гибели. Хотя русскій народъ прозвалъ Ива-

на IV только «Грознымъ» и даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ поминаетъ его въ своихъ пѣсняхъ; однако, историкъ въ своей оцѣнкѣ государственнаго дѣятеля не можетъ опереться на это обстоятельство. Во-первыхъ, простонародье всегда болѣе или менѣе сочувственно относится къ уравнильнымъ дѣйствіямъ власти, хотя бы это уравненіе выражалось только въ безпощадныхъ казняхъ. Во-вторыхъ, оно съ гордостью вспоминаетъ такія славныя дѣянія, какъ взятіе Казани и Астрахани и покореніе Сибири; а насколько эти дѣянія принадлежали личному почину и участию Грознаго, о томъ простой народъ не вѣдаетъ. Въ третьихъ, то же простонародье въ своихъ пѣсняхъ сочувственно относится и къ удалымъ разбойничьимъ атаманамъ. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ государственныхъ заслугъ это сочувствіе является мѣриломъ весьма ненадежнымъ. У нѣкоторыхъ нашихъ старыхъ книжниковъ проглядываетъ воззрѣніе на Ивана Грознаго, какъ на одно изъ бѣдствій, свыше ниспосланныхъ русскому народу для его испытанія, для его закала въ терпѣнн и благочестивой преданности Промыслу. И это воззрѣніе далеко не такъ наивно, какъ оно представляется многимъ въ наше время—время разносторонней исторической критики.

Д. Иловайскій.

ПОТРЕВОЖЕННЯ ТЪНИ¹⁾.

(Изъ одной семейной хроники).

Актриса.

I.

АЧИНАЯ съ февраля, когда бываютъ ужъ пригрѣвы, насъ обыкновенно каждый день отпускали кататься. Запрягались для этого большія троечныя сани съ ковромъ; а на козлы садился сѣдой, борадатый кучеръ Ермиль съ большимъ животомъ и страшно широкими и толстыми плечами: въ рукахъ у него возки казались какими-то шнурочками, а самыя лошади—большія, воронья—смирными и послушными телятами. Ермиль ѣздилъ всегда съ матушкой и вотъ съ нами, когда насъ отпускали кататься: у отца былъ другой кучеръ—Евтропъ—высокій, красивый брюнетъ; но онъ былъ сравнительно молодъ и потому, какъ не столь опытному, ему не довѣряли: насъ съ нимъ никогда не отпускали кататься. Я помню, только однажды, когда отецъ возвратился откуда-то не далеко отъ сосѣдей и я сталъ проситься, чтобы меня, — ну, хоть одного, безъ сестры, — отпустили немного прокатиться на его лошадахъ, то матушка посмотрѣла на это такъ, какъ если бы я сталъ просить, чтобы мнѣ дали заряженное ружье, или пустили

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ авторомъ издана недавно книжка его рассказовъ. Въ настоящее время имъ готовится къ печати вторая книжка подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ которую войдетъ, между прочимъ, и печатаемый здѣсь рассказъ.

одного ночью въ поле и т. п.; но отецъ любилъ Евтропа и, я думаю, больше для поддержанія или лучше сказать для поднятiя его кредита въ глазахъ матушки, сейчасъ же опять одѣлся и взялъ меня съ собою. Мы прокатились въ нимъ вдоль деревни, проѣхали еще съ версту далѣе и вернулись домой. Я помню, эта полузапрещенная, соединенная съ кажущеюся опасностью поѣздка, заставляла мое сердце часто-часто биться, я все смотрѣлъ на Евтропа, какъ онъ красиво, статно и свободно сидѣлъ, на пристяжныхъ, которыя у него не бѣжали рысью, какъ у Ермила, а скакали, загибая шею, фыркали и поводили глазами; а когда мы съ отцомъ вернулись съ этой поѣздки домой, я почувствовалъ, что я точно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ: былъ въ опасности и... ничего... Мнѣ, я помню, даже не стало потомъ доставлять никакого почти удовольствiя кататься съ Ермиломъ:

— Ну, это чтó! какiя-то коровы, — кисло говорилъ я сестрѣ, когда мы ѣхали съ Ермиломъ на его лошадахъ.

Сестра смотрѣла на меня и улыбалась. Она кажется съ этого раза тоже стала смотрѣть на меня и не только какъ на болѣе опытнаго, но и какъ на «отчаяннаго»...

Но это было только разъ, а все время и потомъ послѣ этого раза, мы катались все на матушкиныхъ лошадахъ и съ ея кучеромъ Ермиломъ. Эти выѣзды наши были степенны, важны, представлялись господскимъ достоинствомъ, торжественностью. Ермилъ одѣвался въ парадную кучерскую форму; ливрейный лакей Никифоръ не садился какъ обыкновенно на козлы, а становился на запятки, позади саней, и ѣхалъ такъ все время стоя, держась за басонныя поручни. Насъ, т. е. меня и сестру Соню, сажали въ середину саней, а по бокамъ садились съ одной стороны нянька—съ другой гувернантка. Укутаны мы были такъ, что даже жарко намъ было. Говорить дорогой, чтобы не простудили горло, запрещалось: можно было только отдѣльныя замѣчанiя дѣлать.

Такъ доѣзжали мы обыкновенно до «Прудковъ», имѣнiя дяди Петра Васильевича Скурлятова, огибали усадьбу, проѣзжая мимо самого его дома, что называется подъ самыми окнами, и тѣмъ же порядкомъ возвращались домой, гдѣ насъ уже дожидались, не вдругъ снимали для чего-то съ насъ теплое платье, разспрашивали о томъ, что мы видѣли, кого встрѣтили и спрашивали также няньку и гувернантку, не говорили ли мы много дорогой и, вообще, не шалили ли, какъ слѣдуетъ ли вели себя?

«Прудки» эти, до которыхъ мы доѣзжали, катаясь, было одно изъ имѣнiй дяди Петра Васильевича, человѣка очень богатаго, жившаго постоянно въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ самомъ блестящемъ гвардейскомъ кавалерiйскомъ полку. У насъ въ домѣ былъ, подаренный имъ, портретъ его, масляными красками, въ мундирѣ, каскѣ и верхомъ. Онъ былъ очень красивъ на лошади и я

всегда съ завистью въ душѣ посматриваль на него—когда-то и я буду такой, въ такой же формѣ и верхомъ... Обь этомъ, кажется, мечтала и матушка, въ концѣ концовъ, скрѣпя сердце, и мирясь съ опасностями вообще военной службы и верховой для меня ѣзды: я почему-то считался «слабымъ мальчикомъ»... Дядя въ Прудкахъ никогда не жилъ, даже и не заѣзжалъ туда, когда бралъ отпускъ и являлся на мѣсяцъ или на два изъ Петербурга. Домъ въ Прудкахъ стоялъ поэтому всегда и зиму и лѣто съ заколоченными окнами, и что это былъ за домъ внутри, никто изъ насъ—ни я, ни сестра—и понятія обь этомъ не имѣли. Мы знали только изъ рассказовъ матушки и отца, а также и няньки, что и это очень хорошій домъ, и мебель и все убранство тамъ тоже очень хороши, хотя, конечно, не то, что въ Покровскомъ, главномъ его имѣніи, гдѣ онъ всегда жилъ, когда пріѣзжалъ изъ Петербурга, и которое отъ насъ отстояло на семьдесятъ, если не больше верстъ, хотя и было въ томъ же самомъ уѣздѣ, только на другомъ его концѣ. Но тѣмъ не менѣе и домъ, и вся усадьба въ Прудкахъ вовсе не представляли ничего унылаго и выморочнаго на видъ, какъ это бываетъ съ усадьбами въ которыхъ никогда, ни зимой ни лѣтомъ, господа не живутъ. Напротивъ, въ Прудкахъ все поражало строгимъ порядкомъ и благообразіемъ. Дворъ весь прибранъ и подметенъ; зимою снѣгъ сгребали въ кучи и куда-то увозили; всѣ флигеля, конюшни, сараи, амбары—все въ самомъ изысканномъ порядкѣ. И если, что поражало—такъ это безмолвіе и мертвая тишина на дворѣ: точно во всѣхъ этихъ флигеляхъ, людскихъ, конюшняхъ никого не жило и не было во всей усадьбѣ ни одной живой души. Когда мы проѣзжали, катаясь, черезъ дворъ, рѣдко-рѣдко когда мы видѣли въ окнѣ чье-нибудь лицо: единственный признакъ, что тутъ живутъ люди—это былъ дымокъ, которой иногда струился гдѣ-нибудь изъ трубы.

А между тѣмъ тамъ жили, мы это знали навѣрно и доподлинно. Тамъ, на примѣръ, жилъ управляющій «Прудковъ», Максимъ Ефимовъ, необыкновенно серьезный и вѣжливый человѣкъ, который иногда зачѣмъ-то пріѣзжалъ къ отцу и разговаривалъ съ нимъ, все время стоя у притолки въ кабинетѣ. Онъ привозилъ матушкѣ какія-то деньги, которыя пересчитывали, и матушка потомъ садилась къ письменному столу и что-то писала. Онъ даже и чай пилъ стоя: нальютъ ему въ передней, человѣкъ принесетъ на подносѣ стаканъ, онъ возьметъ его, а пить стоя, на томъ же мѣстѣ, у притолки.

— Ну, такъ такъ-то, Максимъ Ефимовъ,—скажетъ отецъ,—хорошо, значить все въ порядкѣ? я такъ и напишу Петру Васильевичу.

— Слушаю-съ,—отвѣчаетъ онъ, и откланявшись отцу, матушкѣ, намъ, если мы были здѣсь, уходилъ, осторожно ступая по полу, въ переднюю. Тамъ онъ пробывалъ еще нѣкоторое время и уѣзжалъ.

— Отличный человѣкъ, золотой человѣкъ. Счастье брату Пе-

тру Васильевичу,—говорила про него матушка, оставшись съ отцомъ вдвоемъ.

— Да, но только ужъ очень... онъ звѣрски съ людьми обращается.

Матушка при этомъ вздыхала и ничего не говорила.

— Онъ когда-нибудь плохо кончить,—продолжалъ отецъ: хоть и крѣпостные, а вѣдь и ихъ терпѣнію бываетъ конецъ...

— Онъ чѣмъ же виноватъ—Петръ Васильевичъ требуетъ,—возражала матушка.

— Да, но того, что онъ дѣлаетъ, этого позволять нельзя и никто не позволить. Это только при Александрѣ Павловичѣ (предводителѣ) можно дѣлать; другой предводитель давно бы потребовалъ, чтобы помѣщикъ его смѣнилъ. Онъ можетъ волненіе вызвать: это еще народъ тихій, слава Богу, попался на его счастье... А будь это осиноскіе или сосновскіе...

Мы съ сестрой слушали все это, соображали, замѣчали, что-то такое понимали, но смутно, неопредѣленно.—Да, впрочемъ, тогда про всѣхъ такъ говорили...

Но и его, этого дядина управляющаго, когда мы проѣзжали, катаясь, черезъ усадьбу, никогда не видали. Никогда никого, ни души.

И вдругъ однажды—это было ранней весной, по «последнему пути», значить, въ концѣ марта — помнится на послѣдней недѣлѣ великаго поста, когда матушка всегда говѣла, насъ отпустили на тѣхъ же лошадахъ, на которыхъ она ѣздила въ церковь къ обѣднѣ, прокатиться до Прудковъ. Это было не въ обычное для катанья время, но уже за одно, не запрягать же второй разъ лошадей. Мы проѣхали деревню свою, повернули направо, по берегу рѣчки, по дорогѣ къ Прудкамъ, и только-что выбрались въ чистое ровное поле, оттуда, отъ Прудковъ, на встрѣчу намъ, мы увидали скачетъ какой-то человекъ верхомъ. Поровнявшись съ нами, онъ своротилъ съ дороги, отчего лошадь его увязла задними ногами въ таломъ, непрочномъ весеннемъ снѣгу и все карабкалась опять на дорогу, «танцевала» подъ нимъ, а онъ сидѣлъ на ней безъ шапки и что-то спрашивалъ кучера. Мы приостановились.

— Дома, у себя,—услыхали мы голосъ нашего выѣзднаго человека Никифора, стоявшаго на запяткахъ, и велѣдъ затѣмъ, уже обращаясь очевидно къ намъ, Никифоръ сказалъ:—дяденька Петръ Васильевичъ приѣхали.

Затѣмъ, посланный поѣхалъ дальше, а мы своей дорогой тоже дальше, къ Прудкамъ. Я помню, съ какимъ волненіемъ мы съ сестрой продолжали эту дорогу.

— Мы заѣдемъ къ дядѣ?—спрашивали мы гувернантку нашу Анну Карловну. Но она сама была поставлена этимъ не только неожиданнымъ, но необыкновеннымъ событіемъ въ крайне неизвѣст-

ное и затруднительное положеніе и отвѣчала намъ только, чтобы мы не говорили на воздухѣ...

— А если дядя насъ позоветъ къ себѣ?

— Сидите и не говорите, а то я маменькѣ скажу и васъ больше пускать не будутъ кататься.

Когда же мы доѣхали почти ужъ до самой дядиной усадьбы и до нея ужъ было, что называется, рукой подать, Анна Карловна вдругъ неожиданно сказала своимъ ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— Ермилъ, поверни назадъ.

Мы съ сестрой такъ и усталились на нее:

— Зачѣмъ же?—Отчего же мы не поѣдемъ въ Прудки?

Но она ничего не отвѣчала; Ермилъ повернулъ лошадей, мы проѣхали нѣкоторое время шагомъ, а когда только тронулись рысью и стали подъѣзжать къ нашей деревнѣ, намъ попался на встрѣчу опять тотъ же дядинъ посланный, ужъ скакавшій назадъ.

Дома, когда мы пріѣхали, мы узнали, что сейчасъ къ обѣду, къ намъ будетъ дядя, что онъ присылалъ узнать о здоровьѣ и дома ли мы все. Въ домѣ у насъ было замѣтно то движеніе и то настроеніе, которое всегда бываетъ, когда ждутъ важнаго и рѣдкаго гостя, заставшаго извѣстіемъ о своемъ прибытіи всехъ врасплохъ, неприготовленными и никакъ неожиданными его пріѣзда.

Черезъ часъ мы увидали въ окно дядю, въ саняхъ, на тройкѣ въ черной медвѣжьей шубѣ и бѣлой военной фуражкѣ, съ краснымъ околышемъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ взошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла мамушка и съ нею мы все, — высокій, красивый, въ нѣсколько длинномъ, форменномъ военномъ сюртукѣ, какіе тогда носили, ловко сидѣвшемъ на немъ; ступая, онъ мягкимъ, серебрянымъ звономъ звенѣлъ шпорами. Онъ подошелъ къ матушкѣ—она встала ему на встрѣчу — поцѣловаль ее: они обнялись для этого; потомъ приподнялъ и поцѣловаль сестру Соню, свою крестницу, а потомъ меня, влюбленнаго въ него, смотрѣвшаго на него съ восторгомъ, съ замираніемъ сердца.

— Неожиданный совѣтъ гость,—говорилъ отецъ.

— Да-а,—покачивая головой, отвѣчала матушка:—Петръ Васильевичъ, а ты надолго, сюда-то, въ Прудки?

— А, не знаю еще, сестра, ничего,—отвѣтилъ ей дядя:—Во всякомъ случаѣ нѣсколько дней проживу здѣсь.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть какъ разъ противъ дяди и я все смотрѣлъ на него съ тѣмъ же чувствомъ радостной къ нему зависти и въ то же время беззавѣтной ему преданности. Онъ должно быть понималъ это и нѣсколько разъ, посмотрѣвъ на меня, переводилъ глаза потомъ на отца или матушку и улыбался; они тоже улыбались, а мнѣ почему-то становилось отъ этого совѣтно, и я краснѣлъ.

Матушка все извинялась за обѣдомъ, что у насъ столъ постный, а она знаетъ, что онъ привыкъ ѣсть и постомъ скоромное, но дядя нѣсколько разъ принимался увѣрять ее, что онъ, напротивъ, очень радъ этому, такъ какъ давно ужъ не ѣлъ постнаго и при томъ такъ вкусно приготовленнаго. У насъ дѣйствительно былъ хорошій поварь.

— А, кстати,—сказалъ онъ вдругъ,—нѣтъ ли у васъ лишняго повара, я бы съ удовольствіемъ купилъ.

Матушка съ грустной улыбкой посмотрѣла на него, покачала головой и вздохнула, а отецъ коротко и какъ-то нервно отвѣтилъ:— нѣтъ.

— Мой Василій умеръ,—продолжалъ дядя.—А въ Прудкахъ, я и забылъ, у меня никакого повара нѣтъ.

— Такъ, на время, пожалуй, пока ты здѣсь, возьми нашего Степана. Онъ тоже очень хорошо готовить,—сказалъ отецъ.

Степанъ былъ второй поварь, но ужъ старикъ, часто чѣмъ-то хворалъ и призывалъ на кухню только въ экстренныхъ случаяхъ, когда пріѣзжало много гостей и Андрею съ поваренкомъ было трудно управиться. Обыкновенно же онъ жилъ на покоѣ и мы видали его только лѣтомъ, когда онъ въ бѣломъ парусиномъ широкомъ пальто съ большими костяными пуговицами, съ Трезоркой, съ ружьемъ черезъ плечо и съ огромнымъ яхташемъ ходилъ на охоту или возвращался съ нея, неся какую-нибудь одну утку, двухъ бекасовъ, трехъ дупелей.

— Если онъ здоровъ только, съ удовольствіемъ,—повторилъ отецъ.—Да что тебѣ за фантазія была пріѣхать въ Прудки и жить тамъ?—продолжалъ онъ.—Переѣзжай къ намъ и живи у насъ, а если дѣло какое у тебя, всегда можешь съѣздить туда или велѣтъ Максиму сюда пріѣхать.

— Нѣтъ, у меня тамъ... послѣ объ этомъ поговоримъ,—скороговоркой отвѣтилъ дядя.

Они говорили все время пофранцузски, такъ что прислуга все равно ихъ не могла понять, но тутъ сидѣли мы, дѣти, и потомъ гувернантка и онъ очевидно не хотѣлъ сказать чего-то при насъ.

Матушка съ отцомъ многозначительно переглянулись.

Затѣмъ заговорили о чемъ-то совсѣмъ другомъ—о Петербургѣ, о смотрахъ, о парадахъ, о войнѣ, которую всѣ ожидали тогда и которой всѣ волновались и у насъ.

Когда обѣдъ кончился, и всѣ встали, отецъ съ дядей ушли въ кабинетъ; вскорѣ за ними пошла туда и матушка, а насъ гувернантка увела играть въ нашу дѣтскую.

II.

Обыкновенно, какъ я сказалъ, послѣ обѣда, если погода была хорошая, насъ сейчасъ же отпускали кататься; если дурная—часъ или два мы играли въ дѣтской, бѣгали въ залѣ, и потомъ садились учиться. Но такъ какъ въ этотъ день мы уже катались, а прїѣздъ дяди, носившій на себѣ какой-то особенный, несомнѣнно таинственный характеръ, требовалъ для матушки и отца, а также и для дяди, ничѣмъ не нарушаемаго покоя во время ихъ уединенной и секретной бесѣды, то насъ ни кататься послѣ обѣда не пустили, ни бѣгать и играть въ залѣ. Гувернантка Анна Карловна, обладавшая въ этихъ случаяхъ необыкновенной сообразительностью и тактомъ, безповоротно и рѣшительно объявила, чтобы мы сидѣли въ дѣтской и смирно играли: въ залѣ идти бѣгать сегодня нельзя. Мы понимали, что всякіе протесты въ такихъ случаяхъ ни къ чему не ведутъ и безмолвно покорились. Я боялся только одного, какъ бы не уѣхалъ дядя, не протрившись съ нами: очень я ужъ былъ тогда исполненъ восторженными чувствами къ нему.

— Нѣтъ, не уѣдетъ, сидите спокойно,—нѣсколько разъ говорила мнѣ Анна Карловна, когда я ей выражалъ мои опасенія.

— Почему вы это знаете?

— Да ужъ знаю, когда говорю.

Къ чаю, т. е. къ восьми часамъ, мы ужъ «отучились», за нами, звать насъ, пришелъ посланный отъ матушки казачекъ Гришка и мы отправились въ «угольную», гдѣ обыкновенно подавался вечеромъ самоваръ.

— А дядя не уѣхалъ?—спросилъ я «Гришку»:— гдѣ онъ, въ угольной?

— Точно такъ-съ.

Анна Карловна только посмотрѣла на меня и повела плечами: она терпѣть не могла никакихъ нашихъ обращеній съ разспросами къ прислугѣ. Но разъ мы ужъ «отучились» вечеромъ и насъ позвали пить чай, Анна Карловна съ своимъ авторитетомъ обыкновенно отходила у насъ въ соображеніяхъ на задній планъ: мы вступали въ непосредственное, такъ сказать, общеніе съ матушкой и отцомъ — положеніе несравненно болѣе пріятное и удобное для насъ. А тутъ еще дядя прїѣхалъ, стало быть еще вольготнѣй было. Я поэтому, какъ только вышелъ изъ дѣтской, побѣжалъ, бросивъ и сестру и Анну Карловну. Но только я показался въ столовой, какъ сейчасъ же замѣтилъ по лицамъ отца, матушки и по странной улыбкѣ дяди чтò-то неладное. Матушка, когда говѣла, обыкновенно ходила всегда съ постной физиономіей, дѣлалась не то чтобы не въ духѣ, а какъ бы переносящей какую-то несправедливость, сдѣланную къ-мъ-то въ отношеніи ея, или ниспосланную ей свыше, и вотъ она теперь «этотъ крестъ» съ терпѣніемъ несетъ; часто удалялась къ

себѣ въ спальню, кажется, молилась тамъ передъ огромнымъ кіотомъ съ образами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ; часто и съ грустнымъ отгѣнкомъ вздыхала, говорила ни къ кому не обращаясь, какъ бы сама себѣ: «да», «да...» и проч.; но теперь къ этому состоянію ея очевидно было примѣшано еще какое-то житейское, очень близкое для нея, тревожное и непріятное чувство. Отецъ сидѣлъ на турецкомъ диванѣ, рядомъ съ дядей, и посматривалъ какъ-то неопредѣленно по стѣнамъ, на потолокъ. Одинъ только дядя сидѣлъ, казалось, молодцомъ, красиво, ловко опершись одной рукой о колѣно и съ нѣскольکو иронической улыбкой помѣшивая ложечкой чай въ стаканѣ. Они, очевидно, ужъ давно здѣсь сидѣли. Передъ отцомъ стояла пустая его огромная чашка—онъ пилъ чай всегда изъ чашки; передъ матушкой тоже ея пустая чашка. Я взошелъ и почувствовалъ тягость напряженныхъ отношеній сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ. Матушка сейчасъ же стала наливать мнѣ въ чашку чай и сказала:—Садись, какія у тебя манеры... Но я никакихъ «манеръ» не проявлялъ, только вбѣгалъ въ комнату, что я дѣлалъ почти всегда и что не вызывало никогда никакихъ съ ея стороны замѣчаній. Очевидно, это она сказала потому, что была не въ духѣ и ей сразу же захотѣлось осадить меня. Я взялъ стулъ и присѣлъ къ столу. Позвякивая шпорой, дядя съ улыбкой посматривалъ на меня. Потомъ взялъ съ дивана лежавшую съ нимъ рядомъ свою бѣлую съ краснымъ околышемъ фуражку, мотнулъ мнѣ пальцемъ, и, когда я подошелъ къ нему, надѣлъ мнѣ ее на голову, повернулъ меня лицомъ къ матушкѣ, и спросилъ:—идеть?.. Матушка кисло улыбнулась. Отецъ разсмѣялся веселѣй, но какъ-то дѣлanno, точно обрадовавшись случаю разсмѣяться, который наконецъ-то представился... Въ комнату вошли сестра Соня и съ ней Анна Карловна. Матушка и ихъ встрѣтила съ такой же миной человѣка удрученнаго, но терпѣливо несущаго свой крестъ. Дядя объ чемъ-то спросилъ понѣмецки Анну Карловну, разсмѣялся и сказалъ, что понѣмецки онъ ужъ теперь, кажется, лѣтъ десять не говорилъ. Потомъ пошутить съ Соней, еще разъ подмигнулъ мнѣ; потомъ вынулъ вдругъ часы, взглянулъ, всталъ и началъ прощаться съ матушкой. Когда онъ прощался съ отцомъ, мы услышали, онъ спросилъ его:—Такъ пріѣдешь? Пріѣзжай къ обѣду—что-нибудь ужъ сготовимъ. Да, если можно, пришли, пожалуйста, не забудь, этого второго вашего повара. Мнѣ на недѣльку, на двѣ, я къ этой порѣ гдѣ-нибудь куплю себѣ... Потомъ простился съ нами и стройный, высокій, позвякивая шпорами, пошелъ въ залъ. Отецъ и матушка пошли за нимъ. Я тоже было хотѣлъ пойти провожать его, но матушка движеніемъ руки меня остановила и, обращаясь къ гувернанткѣ, проговорила:—Анна Карловна... Та поняла, что ей надо, и сказала:—Сидите, пожалуйста, это вовсе не ваше дѣло...

Проводивъ дядю, матушка одна вернулась въ столовую; отецъ остался въ передней толковать о завтрашнихъ работахъ съ «начальниками», т. е. съ конюшимъ, бурмистромъ, старостой и проч., которые около этого времени обыкновенно приходили «къ докладу». Матушка вернулась къ намъ такая же разстроенная и унылая. Она какъ-то умѣла безъ словъ говорить съ Анной Карловной, одними вздохами, взглядами, повтореніемъ «да-да», и та ее понимала... т. е. она не понимала можетъ быть подробностей дѣла, но самую суть и, главное, отношеніе къ этой сути матушки она понимала отлично...

— Да, вѣдь мы и не доѣзжали до Прудковъ сегодня,—сказала Анна Карловна,—я велѣла Ермилу повернуть.

— И хорошо сдѣлали,—отвѣтила ей матушка.

Онѣ многозначительно при этомъ переглянулись и матушка, кивая ей утвердительно головой, проговорила:

— Да... это сюрпризъ, котораго я отъ Петра Васильевича ужъ ни въ какомъ случаѣ не ожидала...

Мы съ сестрой смотрѣли на нихъ и равно ничего не понимали. Вернулся, наконецъ, отецъ, отпустивъ начальниковъ.

— А узналъ ты: поваръ Степанъ здоровъ, можетъ пожить это время у Петра Васильевича?—спросила его матушка.

— Я послалъ за нимъ. Здоровъ. Онъ сейчасъ придетъ.—И добавилъ, какъ бы тоже ни къ кому не обращаясь:—Да, сюрпризъ это...

Вскорѣ пришелъ лакей и доложилъ, что поваръ Степанъ дожидается въ передней.

— Сюда его позвать?—спросилъ отецъ у матушки и сказалъ лакею, чтобъ онъ послалъ Степана въ столовую.

Степанъ, какъ не служащій уже, живущій почти что на кокоѣ, и при томъ въ качествѣ больного, отпустилъ себѣ довольно большую сѣдую бороду, длинные волосы, и одѣтъ былъ, какъ одѣвались всѣ такого рода дворовые, въ желтомъ дубленомъ полушубкѣ. Когда онъ, поклонившись, остановился у притолоки, матушка ласково обратилась къ нему, спрашивая его о здоровьѣ.

— Ничего, сударыня, теперь легче.

— Вотъ что, Степанушка,—сказала она:—Петръ Васильевичъ пріѣхалъ, былъ сегодня у насъ. У него повара нѣтъ въ Прудкахъ. Ему нужно недѣли на двѣ, пока онъ достанетъ себѣ...

Степанъ молчалъ.

— Такъ ты можешь пока послужить ему?

— Воля ваша-съ.

— Да нѣтъ, тебя не принуждаемъ мы. Если можешь и хочешь—послужи.

— Воля ваша-съ, какъ прикажете,—повторилъ Степанъ.

— Да не какъ прикажете, а хочешь ты?

— Отчего-же-съ,—какъ-то не рѣшительно и какъ бы не договоривши чего, сказалъ онъ.

— Такъ вотъ...

Степанъ вздохнулъ, кашлянулъ въ ладонь.

— Да ты что?—спросилъ его отецъ.

— Ничего-съ... Вы ужъ только, сдѣлаете милость, защитите, если что... отъ Петра Васильевича гнѣвъ какой будетъ, или отъ Максима Ефимова, или... вотъ... отъ мадамы... можетъ по питерскому будутъ требовать что, а я не знаю...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ отецъ: этого ты не бойся. Этого я не позволю, да Петръ Васильевичъ и самъ хорошо это понимаетъ.

— А то отчего не послужить—готовъ стараться,—сказалъ Степанъ, повеселѣй ужъ.

Дальше, въ разговорѣ, онъ спросилъ еще что-то и освѣдомился, кто тамъ будетъ у Петра Васильевича завѣдывать столомъ и назвалъ при этомъ опять «мадаму».

Кто это такая? соображалъ я, и въ умѣ у себя перебиралъ, кто бы это могла быть? про кого это онъ говорить все: «мадама», и матушка и отецъ его понимаютъ, по крайней мѣрѣ ничего ему на это слово не возражаютъ—значить, они знаютъ, и это слово, въ видѣ дѣйствительнаго существа, живетъ въ Прудкахъ. Но кто эта личность? Она, эта мадама? До сихъ поръ ни о какой «мадамѣ» въ Прудкахъ мы не слыхивали.

И вдругъ, подѣ впечатлѣніемъ этихъ соображеній и заключеній, не подумавъ хорошенько, кстати это будетъ или не кстати, я брякнулъ:

— Мама, а какъ эту дядину «мадаму» зовутъ?

Она оглянулась вдругъ на меня, сдѣлала большіе глаза:

— Что ты сказалъ?

Я повторилъ, смущаясь.

— Имъ спать пора... Анна Карловна, уведите ихъ,—сказала матушка вмѣсто отвѣта мнѣ. А когда я подошелъ прощаться къ ней она добавила:—Никогда ты не въ свое дѣло не суйся. Никакого тебѣ дѣла до этого нѣтъ. И пожалуйста ни къ кому съ такими глупыми вопросами не обращайся...

Я понялъ изъ этого, что если не это, т. е. не эта «мадама», то что-нибудь къ этому очень близкое, и было главной причиной того страннаго, натянутаго отношенія между матушкой и отцомъ съ одной стороны и дядей съ другой, которое я засталъ въ угольной, когда пришли пить чай. И, разумѣется, эта «мадама» съ тѣхъ поръ не выходила у меня изъ головы; я вспоминалъ про «мадаму» всякій разъ какъ вспоминалъ и дядю, а не вспоминать его каждый день я не могъ, уже по одному тому, что въ гостиной у насъ висѣлъ его портретъ и я зналъ, что самъ онъ, оригиналъ этого портрета, находится отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ, въ своихъ Прудкахъ.

На слѣдующій день, отпуская насъ кататься, матушка сказала Аннѣ Карловнѣ:

— Такъ пожалуйста же.

— Да, да,—отвѣчала Анна Карловна:—Мы поѣдемъ по Козловской дорогѣ...

— А отчего же... развѣ не въ Прудки?—живо спросилъ я.

— Нѣтъ, не въ Прудки,—коротко и сухо отвѣтила матушка и добавила:—А если не хочешь, то и никуда не поѣдешь.

Мнѣ оставалось только замолчать и покориться, что я и сдѣлалъ. Убѣжденіе въ дѣйствительной причинѣ всего этого, въ той причинѣ, которую я предполагалъ, т. е., что всему виною «мадамъ», во мнѣ окончательно окрѣпло.

III.

Послѣдняя недѣля великаго поста, т. е. страстная, для насъ всегда бывала самой любимой недѣлей въ году: ее мы ждали, къ ней готовились всѣ, и не одни мы, дѣти, а и большіе: торжественность Святой не была бы такъ полна и велика, если бы ей не предшествовала недѣля приготовленій, хлопотливой суеты, пачкати—недѣля знакомыхъ и все-таки невѣдомыхъ, радостныхъ ожиданій... Въ домѣ у насъ, съ середины, начиналась эта особенная жизнь, которая все усиливалась, какъ пульсъ въ своемъ біеніи, продолжаясь до самой заутрени свѣтлаго праздника: тутъ только, отпавивъ куличи и пасхи святить въ церковь—это была цѣлая экспедиція—всѣ, наконецъ, на короткое время давали себѣ сладостный роздыхъ, чтобы собраться съ послѣдними силами для уборки лично ужъ себя самихъ, причесаться, умыться, одѣться въ праздничное платье и въ такомъ видѣ ѣхать тоже въ церковь или дома ожидать возвращенія поѣхавшихъ туда съ куличами и пасхами: это все совершенно знакомо и понятно людямъ, прошедшимъ свое дѣтство въ деревнѣ и мертвый, ничего невыражающій звукъ для тѣхъ, кто выросъ въ городѣ...

Въ среду, когда всѣ уже успѣли устать, потому что съ утра снимали гардины, шторки, обметали потолки, выносили ковры, выставляли изъ шкафовъ посуду, хрусталь, серебро, чтобы это все завтра чистить и мыть—приходили подъ вечеръ изъ дѣвичьей къ матушкѣ съ извѣстіемъ, что пришла ключница Арина и принесла творогъ, яйца и сметану. Такъ какъ это повторялось изъ года въ годъ, то мы этого прихода Арины уже давно дожидались.

— Ахъ, ужъ пришла,—говорила матушка, сидя гдѣ-нибудь въ креслѣ передъ снятыми гардинами, передъ свернутымъ въ трубку и тутъ же лежавшимъ пока еще ковромъ. Она тоже устала и отдыхала въ мленіи, хотя собственными руками ничего не дѣлала, а только распоряжалась: распоряженія тоже утомляютъ.

— Пришли-сь,—повторительно говорили Евпраксіюшки, Авдотьюшки, Дарьюшки.

Матушка съ усталымъ, утомленнымъ видомъ поднималась и шла въ дѣвичью, а за нею и мы, т. е. я съ сестрой и Анна Карловна, всю эту недѣлю ходившая почему-то съ утраченнымъ авторитетомъ: она вновь вступить въ свои права и получить снова свой авторитетъ съ обѣда перваго дня праздника, когда начнутъ приѣзжать знакомые изъ города и гости-сосѣди изъ деревень и за нами надо будетъ усиленно слѣдить, чтобы мы при гостяхъ не шалили. Въ дѣвичьей теперь на первомъ планѣ Арина съ огромными рѣшетами, наполненными самымъ свѣжимъ, еще теплымъ творогомъ. Ихъ разставили одно возлѣ другого на длинной, широкой лавкѣ, что идетъ вдоль всей стѣны; на столѣ стоитъ въ липовой бѣлой, чистой кадочкѣ самое свѣжее сливочное масло въ крупныхъ комкахъ съ слѣдами пальцевъ, какъ они остались, когда масло мыли и катали въ комья. Въ глиняныхъ, поливаныхъ, огромныхъ горшкахъ—сметана.

— А гдѣ же поварь?—спрашиваетъ матушка.

— Сейчасъ, сударыня.

Пока идутъ и призвать повара, матушка бесѣдуетъ съ Ариной, она рассказываетъ ей о коровахъ, а мы смотримъ на творогъ въ рѣшетахъ, заглядываемъ въ кадочку съ масломъ, въ горшки со сметаной.

Дверь отворилась—вошелъ Андрей,—полный, среднихъ лѣтъ человекъ съ гладко-выбритымъ, краснымъ лосящимся лицомъ и толстыми бѣлыми, пухлыми, какъ у архіереевъ пальцами—поварь, краса и гордость «дома». За него предводитель Александръ Павловичъ давалъ три тысячи, но отецъ не отдалъ его. И самъ онъ и всѣ это знаютъ и потому онъ держитъ себя почтительно, но и съ достоинствомъ.

— Ну, что, Андрей, посмотри-ка, что творогъ?—говоритъ матушка.

Андрей съ авторитетнымъ видомъ пробуетъ чистой серебряной ложечкой, которая лежитъ тутъ, и творогъ, и сметану, и масло, смакуетъ, оттопыриваетъ губы, поднимаетъ брови съ апломбомъ знатока и говоритъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою:—ничего... ничего, хорошъ, хорошъ...

— А довольно этого будетъ?—спрашиваетъ матушка.

Андрей окидываетъ взоромъ, озираетъ припасы и, спрашивая, сколько будутъ нынѣшній годъ дѣлать куличей и пасхъ, говоритъ: довольно, и добавляетъ очень резонно, что если чего не хватить, то вѣдь можно будетъ тогда спросить еще.

— Нѣтъ ужъ тогда некогда будетъ; ты, Андрей, говори теперь.

— Вотъ сметаны какъ будто прибавить надобно бы...

— Такъ вотъ, Арина, слышишь?—говоритъ матушка.

— Слушаю-сь, сколько же?

— А яйца, завтра ужъ?—спрашиваетъ Андрей.

— Да, Арина, и пожалуйста ты сама на свѣчкѣ ихъ всѣ перемотри,—съ заботливостью говоритъ матушка.

— Господи!—Да какъ же, сударыня,—почти обидчиво возражаетъ ей Арина.

— Вѣдь, ты знаешь, попадетъ одно яйцо...

— Да какъ же это можно!..

— Ну, значить, только...—смотря на всѣхъ, говоритъ матушка и хочетъ уйти.

— Цукаты, кардамонъ, изюмъ... это ужъ все... начинается Андрей.

— Это ужъ завтра все,—говоритъ матушка:—Ну, идите теперь съ Богомъ. Только сейчасъ же вынесите это все на холодъ,—оборачиваясь, замѣчаетъ она.

Арина и другія съ ней женщины берутъ кто творогъ, кто сметану, кто масло, и уносятъ.

Сегодня былъ только смотръ; всѣ эти припасы понадобятся завтра передъ вечеромъ, когда опять придетъ въ дѣвичью поваръ Андрей въ бѣлой курткѣ, въ бѣломъ, высокомъ, съ буфами, колпакѣ и съ двумя тоже въ бѣломъ поварятами и будутъ дѣлать пасхи и мѣсить тѣсто для куличей. Но надо приготовить все это сегодня. Завтра ужъ четвергъ и некогда будетъ, завтра матушка съ утра уѣдетъ въ церковь—она будетъ завтра причащаться, потомъ прѣдетъ, нѣкоторое время будетъ ходить ничѣмъ не занимаясь, въ качествѣ причастницы, не распоряджаясь, не отдавая никакихъ приказаній... Да и мало ли вообще и безъ этого завтра дѣла. Съ утра, какъ она уѣдетъ къ обѣднѣ, мы будемъ завертывать въ шелкъ и въ шелковыя разноцвѣтныя тряпочки яйца и ихъ будутъ носить на кухню, тамъ варить, а потомъ будутъ студить и мы ихъ будемъ развертывать. Завтра будутъ красить и для людей и такъ вообще яйца въ красный, синій сандалъ, въ луковую шелуху, чтобы которыя были желтыя. Завтра нянька будетъ завязывать въ узелочки и жечь въ печкѣ четверговую соль—помогаетъ отъ зубоу. Завтра будутъ мѣломъ чистить серебро, серебряныя и золотыя ризы на образахъ: отворять большой образной шкафъ, что стоитъ въ спальнѣ у матушки, вынуть ихъ оттуда, выдержаютъ гвоздики, которыми прибиты ризы къ образамъ, и понесутъ ихъ въ угольную, а тамъ ужъ стоитъ и кипитъ самоваръ, лежатъ куски казанскаго мыла и чистыя, достойныя и степенныя дворовыя женщины, жены приближенныхъ, будутъ ихъ сперва мыть горячей водой съ мыломъ, а потомъ чистить мѣломъ. Завтра будутъ отпирать безчисленное количество ящичковъ въ шкафахъ и комодахъ и вынимать оттуда все, что нужно для праздника и къ празднику. Уѣзжая въ церковь, чтобы не останавливать дѣла, матушка отдастъ ключи Аннѣ Карловнѣ и она

станеть отъ этого еще важнѣе: къ ней будутъ чуть не каждую минуту приходять за ключами, а она будетъ вставать и при себѣ будетъ приказывать отпирать и запираеть потому. Это отчасти намъ на руку, потому она насъ оставитъ въ покоѣ, не будетъ совѣтовать, вмѣшиваться: «такого-то шелку или такихъ-то шелковыхъ кусочковъ прибавьте въ эту тряпочку, а такого-то въ эту, а то яйца мраморныя выйдутъ блѣдны или очень темны», или: «не трогайте, не развязывайте, погодите», когда ихъ принесутъ послѣ выкрашенія и сваренія изъ кухни... Все это будетъ продолжаться и въ пятницу и даже въ субботу утромъ, потому что много надо сдѣлать и поспѣть. Но послѣ обѣда въ субботу, въ сумерки, ужъ будутъ все только приносить въ домъ готовое. Принесутъ горячіе еще, душистые, аппетитные куличи изъ кухни и поставятъ ихъ въ залѣ на блюдахъ на большой, накрытый чистый скатертью банкетный столъ. Принесутъ пасхи и тоже поставятъ въ залѣ на тотъ же столъ. Принесутъ окорока ветчины, телятины, жареныхъ поросятъ, индѣекъ и въ большихъ мискахъ красныя, синія яйца. Въ сумерки же придетъ и садовникъ Михай, братъ кучера Ермила, и принесетъ въ рѣшетахъ салатъ изъ парниковъ и свѣжіе огурчики, которые такіе душистые, когда ихъ первый разъ разрѣжутъ въ комнатѣ. Утромъ некогда ужъ все это приготавливать и разстанивливать: прямо, изъ церкви, какъ пріѣдутъ, надо разговляться, а черезъ два-три часа пріѣдутъ попы, придутъ дворовые, не такъ близкіе—близкіе будутъ разговляться вмѣстѣ съ нами—придутъ мужики и бабы съ деревни: въ передней, въ корридорѣ и особенно въ залѣ постланы для этого бѣлые чистые холстяные половики, а то «народъ» затопчетъ ногами полъ. Но это еще все впереди, до этого еще три дня надо подождать...

Въ четвергъ, по обыкновенію, матушка уѣхала къ обѣднѣ въ церковь, когда мы еще спали, или, по крайней мѣрѣ, еще не вставали и не выходили къ чаю. Въ домѣ все шло своимъ порядкомъ, по заведенной программѣ: въ угольной ужъ приготавливались чистить образа и пришли для этого женщины; Анна Карловна, отрываясь то и дѣло съ ключами, чтобы что-нибудь отпереть и потомъ запереть, напоила насъ чаемъ, при чемъ вмѣсто сливокъ, намъ дали малиноваго варенья; отецъ, по обыкновенію, ушелъ куда-то—онъ уходилъ всегда въ это время, когда въ домѣ поднималась уборка и чистка—на гумно или на конюшню. Наконецъ, пріѣхала матушка изъ церкви и мы сразу замѣтили по ея лицу, по ея минѣ и по ея голосу—она въ такихъ случаяхъ говорила совсѣмъ ужъ какъ убитая страданіями—что что-то такое случилось тамъ, въ церкви или дорогой, когда она туда или оттуда ѣхала, на возвратномъ пути. По обыкновенію, мы ея поздравили съ причащеніемъ, она поцѣловала насъ, вздохнула, что-то сказала Аннѣ Карловнѣ, и прошла къ себѣ въ спальню. Но что-то такое съ ней случилось,

что-то такое она узнала—это было несомнѣнно. Это было замѣтно и на Аннѣ Карловнѣ,—у нея въ этихъ случаяхъ дѣлалось тоже такое же почти выраженіе въ лицѣ и, кромѣ того, поглядывая и наблюдая, всегда собирала насъ прежде всего вокругъ себя и никуда не отпускала, точно, чтобы мы не узнали чего, не услышали, не спросили бы кого-нибудь о томъ, что намъ знать вовсе не нужно.

Вскорѣ послѣ ея приѣзда пришелъ и отецъ; матушка вышла изъ спальни въ гостиную, гдѣ были и мы съ Анной Карловной, и мы услышали ихъ разговоръ.

— Ермилъ сказывалъ «эта» была тамъ?—сказалъ отецъ.

— Да-а, была,—отвѣчала матушка и вздохнула.

— Ну, и что же?

— Разодѣтая... На Петра Васильевича лошадахъ, парой въ дышловыхъ саняхъ, съ лакеемъ.

— Одна?

— Одна... А съ кѣмъ же еще? Этого вотъ только не доставало, чтобы съ Петромъ Васильевичемъ.

— Ну, и...

— Она стояла, знаешь, направо, гдѣ кружка, за клиросомъ. Я не смотрѣла на нее; такъ взглянула только и сейчасъ же догадалась.

— Видная, красивая? понравилась она тебѣ?

— Глаза хорошіе...

— Держала себя прилично?

— Да. Все молилась. Нѣсколько разъ на колѣни становилась. Дьяконъ просвиру ей вынесъ.

— Ну, это...

Отецъ кивнулъ головой: дескать: это, что же, понятно...

Матушка и отецъ, заинтересованные разговоромъ, не замѣтили, вѣроятно, что мы слушаемъ, а Анна Карловна сама была вся настолько поглощена тоже тѣмъ, что слышала, что забыла на это время про насъ, и мы все отъ слова до слова услышали и догадались, конечно, о комъ они говорятъ.

— Ты поѣдешь?—сказала матушка.

— Просиль. Надо,—отвѣтилъ отецъ.

— Послѣ обѣда?

— Да, конечно... хотя онъ и просиль къ обѣду.

«Я попрошу, чтобы онъ меня взялъ съ собой»,—догадался я, но сейчасъ же сообразилъ, что объ этомъ и думать нечего.

За обѣдомъ отецъ сказалъ, чтобы ему запрягли лошадей, онъ поѣдетъ къ Петру Васильевичу въ Прудки. Я, какъ ни былъ увѣренъ, что меня не возьмутъ, притворился, что ничего не знаю и не понимаю и сказалъ:

— Возьми меня. Вѣдь ты не надолго, ты скоро назадъ?

Но ни отецъ, ни матушка, ничего мнѣ не отвѣтили.

— Вѣдь все равно мы кататься поѣдемъ,—сказалъ я.

— Нѣтъ, сегодня вы не поѣдете: не когда и не съ кѣмъ—Ермилъ отпросился сегодня,—сказала матушка.

— Ну, вотъ я бы съ папой...

Но меня точно никто не слышалъ. Я понялъ, что никакая моя попытка ни къ чему не приведетъ и оставилъ это, замолчалъ.

Отецъ вернулся поздно домой, когда мы ужъ спали и что онъ въ этотъ день рассказывалъ матушкѣ мы ничего не узнали. Но на завтра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни намъ удалось услышать нѣсколько отрывковъ изъ ихъ разговора и изъ этихъ отрывковъ я узналъ, что «она» очень красивая, что «держитъ себя необыкновенно скромно», «понимаетъ каждый взглядъ Петра Васильевича», «никѣмъ не командуетъ», «въ домѣ совсѣмъ какъ чужая», «должно быть получила кое-какое образованіе» и «одно непріятно, что она ходитъ точно виноватая». — Это изъ рассказовъ отца матушкѣ. А изъ разговоровъ матушки съ Анной Карловной, разговоры которыхъ сейчасъ же прекращались, какъ только замѣчали, что мы слушаемъ ихъ съ сестрой, и оттого не изъ разговоровъ собственно, а изъ коротенькихъ отрывковъ, отдѣльныхъ фразъ, намековъ, поняли, т. е. я, по крайней мѣрѣ, понялъ «что при характерѣ Петра Васильевича это долго не продолжится и, вообще, она несчастная», «хотя онъ и бросаетъ на нее деньги теперь и показываетъ видъ, что ее любить»...

Утромъ, на второй день праздника, вдругъ проявился совершенно неожиданно изъ Прудковъ нашъ поваръ Степанъ: онъ пришелъ похристоваться. Мы пили чай въ столовой, куда его и позвали, какъ только доложили о его приходѣ, и я услышалъ, какъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ матушки, хорошо ли ему тамъ жить, отвѣчалъ: «Ничего пока, сударыня-барыня: только «она», мадама ихняя, хоть и приказываютъ, но ничего въ дѣлѣ не понимаютъ. Можетъ современемъ что...»

Да еще въ дѣвичьей, куда послали Степана чай пить и куда вслѣдъ за чѣмъ-то и я прибѣжалъ, я услышалъ, какъ онъ рассказывалъ дѣвушкамъ:—«И такая-то смиренная, такая-то смиренная: говорить, приказываетъ, а сама точно стыдится: знаетъ себя... И дана «ей» власть большая, только «она» ничего не разыскиваетъ и ничего не понимаетъ: все только: пожалуйста, пожалуйста!..»

— Это кто же?—спросилъ я.

Степанъ съ сомнѣніемъ и нерѣшительно посмотрѣлъ на меня, дескать, хорошо ли это, если я скажу? и отвѣтилъ, вѣроятно приди къ заключенію, что не слѣдуетъ говорить:

— Это, сударикъ, мы тутъ такъ, промежъ себя говоримъ...

Но я, недовольный такимъ отвѣтомъ, чувствуя себя почти оби-

женнымъ, сдѣлалъ равнодушный видъ и, какъ будто я ужъ все знаю, проговорилъ:

— Это вѣдь, это все равно, недолго продолжится...

— Чего-съ это?—глупо и не кстати спросилъ Степанъ.

— Да, вотъ все это и она... отвѣтилъ я.

Я хотѣлъ спросить, какъ «ея» зовутъ, но не рѣшился на это, у меня не хватило духу, да и что же бы онъ подумалъ обо мнѣ говорю такъ увѣренно, а самъ не знаю даже какъ «ея» зовутъ...

Но въ это время кто-то вошелъ въ дѣвичью, позвали меня—разспрашивать и выпытывать мнѣ дальше ужъ нельзя было.

IV.

Было одно мѣсто, куда отецъ бралъ меня одного съ собой довольно часто, особенно въ хорошую весеннюю солнечную погоду—на конюшню. Меня одѣвали въ крытый синимъ сукномъ полушубчикъ и я шелъ съ отцомъ вдвоемъ, довольный уже тѣмъ, что я внѣ домашняго присмотра, никто меня не останавливаетъ, могу говорить съ кѣмъ хочу.

Въ то время конюшни были совсѣмъ не то, чѣмъ онѣ стали теперь. Тогда это былъ клубъ, куда съѣзжались сосѣди. Бывало иные прїѣдутъ, проведутъ на конюшнѣ въ осмотрѣ лошадей часа три, четыре и пять и уѣдутъ, не заходя въ домъ. Въ мало-мальски порядочныхъ конюшняхъ бывали для такихъ собраній прїѣзжавшихъ сосѣдей особая теплая помѣщенія, которыя были такъ приспособлены, что въ случаѣ какого-нибудь спора, недоразумѣнія, возникшаго въ разговорѣ о какой-нибудь лошади, ее можно бывало ввести туда, а не выходить самимъ, опять одѣваться въ теплое платье. Устроены были диваны турецкіе, стояли столики; иногда туда приносили и вино, закуски, ставили самоваръ, пили пуншъ. Это станеть совершенно понятно, если знать, что заводъ конскій и самая покупка и продажа лошадей въ то время не носили на себѣ того коммерческаго отпечатка, которымъ они конечно отличаются теперь: тогда это было любимое дѣло, благородное занятіе, общепринятая приличная страсть. «Заводъ»—этимъ именемъ безъ прилагательныхъ: винокурный, картофельный, т. е. крахмальный и проч., назывался только одинъ конскій заводъ и если говорили заводъ просто, то это значило, что говорятъ о конскомъ заводѣ и это всѣ хорошо понимали—конскій заводъ гораздо ближе поэтому подходилъ къ собачей охотѣ, къ карточной игрѣ, чѣмъ къ прибыльному наживному предпріятію, и если лошадей продавали, то только потому, что куда же, наконецъ, ихъ дѣвать, да и деньги дворянамъ всѣмъ и тогда точно также были нужны...

Для насъ, дѣтей, конюшня была мѣстомъ веселой, занимательной и любопытной прогулки: во время ея мы видѣли массу

лошадей, къ которымъ чувствовали и мы какую-то прирожденную страсть,— лошадей, между которыми были такіе красавцы, какъ всѣ эти «Барсы», «Варвары», «Кролики», «Грозные» и проч., и такіе хорошенькіе, но еще глупенькіе жеребята, такъ рѣвно оберегаемые своими матерями, этими «Кроткими», «Любезными», «Вѣрными» и проч., такъ степенно и важно, точно съ сознаниемъ своего достоинства выступающими, поводя по всѣмъ своими красивыми большими глазами.

Особенно весело было на конюшнѣ вотъ весной, когда ужъ пригрѣваетъ: вездѣ талый, мягкій свѣтъ; въ затишьяхъ на солнцѣ ужъ бѣгутъ ручейки, съ крышъ каплетъ; воздухъ такой мягкій, не острый, какъ зимой, грудь дышитъ имъ такъ полно-полно и все хочется вдохнуть еще поглубже, все кажется, что еще не всей грудью дышешь. Въ такіе дни, въ самый полдень, когда солнышко ужъ обогрѣлось, на большой, обширный лугъ передъ длиннымъ зданіемъ конюшни, къ ней прилегающей и обнесенный съ внѣшней своей стороны мелкой низенькой рѣшеткой съ высокими для чего-то въѣздными воротами, конюха выносятъ вязанки сѣна и раскладываютъ его кучками на небольшомъ одна отъ другой расстоянии. Потомъ одну по одной выводятъ вороныхъ, сѣрыхъ, караковыхъ лошадей съ ихъ дѣтьми, выводятъ и пускаютъ, т. е. снимаютъ съ нихъ недоуздки и онѣ нюхаютъ, раздувая ноздри воздухъ, осматриваются, глядятъ одна на другую, на своихъ жеребятъ, бѣгающихъ между ними, какъ-то неумѣло тыкающихся длинными высокими ножками и точно съ гордостью, какъ султанчиками, помахивающими своими коротенькими курчавыми хвостиками. Но вотъ онѣ осмотрѣлись на воздухъ, отъ котораго за зиму въ своихъ темныхъ отдѣлахъ почти ужъ отвыкли, ознакомились съ новой непривычной картиной свѣта и простора и одна по одной обращаютъ вниманіе на приготовленное имъ угощеніе — кучи сѣна. А потомъ дѣти ихъ, жеребята, перепутаются, начнутъ лѣзть къ чужимъ матерямъ, начнетъ призывное ржаніе матерей съ тоненькими отвѣтными голосами жеребятъ. И когда-то, когда-то онѣ разберутся, но все равно ни одна никогда не ударитъ чужого жеребенка, какъ бы онъ ни лѣзъ къ ней и не надоѣдалъ.

Въ такіе ясные, солнечные, теплые дни, особенно на первый выпускъ лошадей и жеребятъ на воздухъ, обыкновенно на конюшню ходили и матушка и съ нею мы съ гувернанткой. Намъ приносили на лугъ изъ конюшни табуретки, стулья, ставили ихъ въ затишье на солнцѣ и мы иногда по часу и болѣе смотрѣли на лошадей, какъ бѣгаютъ и путаются ихъ жеребята, первый разъ увидавшіе и свѣтъ, и просторъ.

Въ этомъ году такой ясный, теплый солнечный день прихотился на третій или на четвертый день праздника; было рѣшено, что сегодня, какъ ободняется, жеребятъ и кобылъ выпустятъ

въ первый разъ гулять на дворъ. Но почему-то, не помню, въ этотъ день матушка съ Соней и гувернанткой не могли идти и отецъ взялъ съ собою на конюшню меня одного. Мы пришли, намъ вынесли на дворъ изъ конюшни и поставили въ затишь на солнцѣ скамейку, мы сѣли на нее съ отцомъ, возлѣ стали конюшій, наѣздникъ, коноваль и проч. конюшенная свита; конюха начали приносить и раскладывать по огороженному рѣшеткой передъ конюшней широкому двору охапки сѣна, разложили его, потомъ начали выводить лошадей-матерей съ жеребятами, снимать съ нихъ недоуздки и пускать вольно. Происходило, однимъ словомъ все то, что описано выше, и что въ этомъ случаѣ происходило каждый годъ. Какъ я сказалъ уже, на конюшню пріѣзжали очень часто сосѣди и такъ люди всякаго торговаго званія, которые въ домѣ у насъ никогда не бывали, смотрѣли лошадей, иногда покупали ихъ, отдавали деньги и уѣзжали. Такъ было и въ этотъ разъ. Кто-то изъ такихъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей или постороннихъ людей, которые никогда у насъ въ домѣ не были, пріѣхали и пошли съ отцомъ смотрѣть назначенныхъ для продажи лошадей на конюшню. Я остался одинъ, т. е. собственно не одинъ, конечно—кто-то: наѣздникъ, коноваль или еще кто-нибудь оставался со мною—но отецъ оставилъ меня и ушелъ. Помню, день былъ чудесный, замѣчательно теплый, даже жаркій для этого времени, особенно на пригрѣвѣ, на солнцѣ. Я сидѣлъ на скамейкѣ, смотрѣлъ на ходившихъ по двору лошадей, жеребятъ, наконецъ, задумался. Вдругъ я услышалъ кто-то возлѣ меня сказалъ: — Дяденька Петръ Васильевичъ пріѣхалъ. Я очнулся, взглянулъ и увидѣлъ, что отъ воротъ идетъ между лошадьми по огороженному двору въ военной шинели съ бобрами и въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ дядя и идетъ такой видный, статный, красивый, идетъ прямо ко мнѣ, оглядываясь по дорогѣ на лошадей, которые важно, серьезно одна за другой поднимали головы и смотрѣли на него.

— Здравствуй, — мы три раза поцѣловались, похристосовались съ нимъ, — а отецъ гдѣ? — сказалъ дядя.

— Онъ тамъ, на конюшнѣ съ кѣмъ-то, — отвѣтилъ я.

— Съ кѣмъ?

— Не знаю кто-то. Лошадей смотреть.

— А ты чтожь тутъ дѣлаешь?

— А я вотъ сижу, смотрю.

— Онъ съ кѣмъ тамъ?—обратился дядя къ стоявшему тутъ же наѣзднику, или къ кому-то другому изъ стоявшихъ тутъ, которые всѣ при приближеніи его сняли шапки и стояли съ непокрытыми головами.

Наѣздникъ назвалъ кого-то.

— Ну, пойдемъ къ нему, — сказалъ мнѣ дядя.

Мы пошли. Дорогой я зачѣмъ-то оглянулся и увидѣлъ, что у

воротъ стоятъ парныя дядины сани и въ нихъ кто-то сидить, но не мужчина, а женщина:—«Неужели»? подумалъ я. И, я помню, у меня вся кровь, не знаю почему, бросилась въ голову.

Отець, вѣроятно кѣмъ-нибудь предувѣдомленный, уже шелъ къ намъ на встрѣчу. Дядя съ нимъ обнялся и тоже трижды поцѣловался. Я замѣтилъ, и это удивило меня, что вся свита, шедшая за отцомъ: конюшій, коноваль, выводные, конюха, все были безъ шапокъ. У насъ этого никогда не было, отецъ терпѣть этого не могъ, и причиной было очевидно присутствіе дяди. Когда, встрѣтившись, дядя съ отцомъ остановились и здоровались, нѣкоторые изъ дворовыхъ поклонились дядѣ, но онъ какъ-то, точно не замѣчая или правильнѣе, не различая ихъ, кивнулъ въ ихъ сторону головой и мотнулъ по направленію къ козырьку фуражки двумя пальцами. Они такъ и остались съ непокрыми головами. Отець стоялъ къ свитѣ спиной, разговаривая съ дядей и не видаль этого.

— Во-первыхъ, съ праздникомъ, — а потомъ дѣло у меня къ тебѣ: мнѣ нужно пару сѣрыхъ, есть у тебя?—сказалъ дядя.

У дяди въ Прудкахъ своего завода не было. Былъ у него какой-то заводъ въ Покровскомъ, главнымъ и большимъ его имѣніи, но и тотъ былъ не важный. У отца же, напротивъ, былъ нѣкогда извѣстный, съ хорошимъ именемъ заводъ.

— Для чего тебѣ — я вѣдь не знаю; ты скажи какихъ тебѣ надо, — отвѣтилъ ему отецъ.

Дядя сталъ ему объяснять, какихъ ему надо лошадей и сказалъ, кивнувъ туда, гдѣ стояли его сани и въ нихъ сидѣла женская фигура:

— Я хочу ей подарить: она любитъ сѣрыхъ.

Когда дядя кивнулъ, и отецъ оглянулся въ ту сторону.

— Понимаешь, какія поэффектнѣе, покониствѣе, каретныхъ.

— Посмотри, выбери самъ.

— Нѣтъ, ужъ если такъ—позволишь? пускай она сама выбереть,—сказалъ дядя, — это ей же вѣдь. И что-то скороговоркой добавилъ пофранцузски и раземѣлся.

Я видѣлъ, что отецъ на минуту какъ будто замаялся, мелькомъ взглянулъ на меня и потомъ проговорилъ:—«Хорошо»... Дядя кивнулъ головой кому-то изъ конюховъ и сказалъ. «Скажи, чтобы — вонъ барыня сидить,—чтобы шла сюда. Проводи ее сюда».

— Да вѣдь это... Не сюда... Мы на конюшню пойдёмъ... Это туда,—растерянно говорилъ отецъ.

Но было уже поздно. Конюхъ рысью добѣжалъ до дядиныхъ саней, стоявшихъ у рѣшетки, и сидѣвшая въ нихъ дама уже шла. Я старался не глядѣть ни на нее, ни на отца. Я боялся какъ бы онъ не усладъ меня въ домъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Я бы готовъ былъ провалиться въ этотъ моментъ, лишь бы только онъ не видѣлъ меня, не останавливался на этой несчастной мысли,

которой я не знаю, какъ я боялся, а между тѣмъ я понималъ и чувствовалъ, что это «она»...

Она подошла къ намъ очень скоро и довольно торопливой походкой, распахнувъ свой темнозеленый бархатный салопъ и пробираясь по тропинкѣ, по рыхлому, весеннему снѣгу. Она издали еще начала раскланиваться съ отцомъ, который сдѣлалъ тоженѣскольکو шаговъ ей на встрѣчу и поздоровался съ ней за руку. Дядя смотрѣлъ на нее и отца какъ-то полуиронически, полусурово улыбаясь и тотчасъ свелъ съ нихъ глаза, когда они подошли. Она сдѣлала поклонъ и въ мою сторону. Я тоже раскланялся.

Я увидалъ великолѣпные глаза, темные, глубокіе, кроткіе-кроткіе, блѣдное довольно лицо, худощавое. Она была роста выше средняго. Дядя говорилъ съ отцомъ пофранцузски.

— Ну, вотъ сама выбирай,—сказалъ онъ обращаясь къ ней.— Сейчасъ увидишь.

Она улыбнулась и пожала плечами.

Тогда, не обращая ужъ больше на нее вниманія, дядя сказалъ отцу цѣну, которую онъ хочетъ дать за лошадей и просилъ, чтобы ему показали этотъ сортъ.

Всѣ двинулись черезъ дворъ на конюшню. Я, чтобы не быть на виду, нѣсколько поотсталъ и шелъ позади; отецъ съ дядей шли впереди.

Отвѣчая дядѣ что-то, необорачиваясь, спросившему ее, она отвѣтила такимъ славнымъ, милымъ голосомъ и такъ весело, что у меня вдругъ стало радостно на сердцѣ и радостно оттого, что какъ же она можетъ быть «несчастливая» съ такимъ голосомъ? Мнѣ показалось, что она даже тихонько смѣялась. Я шелъ за ними, поспѣвая, путаясь, оступаясь, спотыкаясь по талому, рыхлому снѣгу. Вдругъ я услышалъ кто-то назвалъ меня по имени и отчеству. Я оглянулся и увидѣлъ нашего лакея Никифора. Онъ говорилъ мнѣ:

— Маленька прислали: приказали домой идти.

Я такъ и остановился на мѣстѣ...

Когда я пришелъ домой, матушка ни о чемъ меня ни спросила, но я замѣтилъ сейчасъ же, что она въ высшей степени чѣмъ-то недовольна. Минуть черезъ двадцать или черезъ полчаса, мимо дома, въ отдаленіи, по дорогѣ, оттуда, со стороны гдѣ конюшня, проѣхали парные дядины сани и въ нихъ сидѣла «она». Немного погодя еще, передъ самымъ обѣдомъ, пришелъ съ конюшни отецъ и съ нимъ дядя. Когда дядя здоровался съ матушкой, онъ ей что-то сказалъ, на что та отвѣтила, по обыкновенію, точно она обиженная.

— Да вѣдь—то конюшня, не домъ твой!—сказалъ онъ разсмѣявшись, съ гримасой вздернулъ плечами, и, оставивъ ее, заговорилъ объ чемъ-то со мною: когда меня повезутъ въ учебное заведеніе, въ какое, въ Петербургъ, или куда, и проч. За обѣдомъ дядя уси-

силенно и нарочно шутилъ, много смѣялся, что составляло вызывающій контрастъ съ недовольнымъ настроеніемъ матушки. Послѣ обѣда за нимъ вернулись его лошади и онъ сейчасъ же уѣхалъ домой. Весь остатокъ дня и весь вечеръ матушка провела съ отцомъ въ кабинетѣ.

Въ этотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ сестрой, я рассказывалъ ей: — «Ахъ, Соня, какая «она» красавица, если бы ты видѣла!.. И за что они на нее сердятся? Я не знаю, что «она» имъ сдѣлала?.. И «она» вовсе не несчастная!»..

V.

Подходила совсѣмъ весна — ужъ не чуялась она только въ воздухѣ, но ужъ видно ее было: снѣгъ на дорогѣ сталъ совсѣмъ желтый, грязный; передъ домомъ въ цвѣтникѣ всѣ клумбы были ужъ видны: снѣгъ каждый день сходилъ съ нихъ и черная земля въ полдень, когда солнце разогрѣвало тоненькую ледяную корочку на ней, которой какъ стекломъ, покрывалъ ее за ночь морозъ, становилась черной, рыхлой, точно лѣтомъ послѣ дождя. Наконецъ, начались тѣ сѣренькіе, теплые дни безъ солнца, но съ туманами, которые стоняютъ снѣгъ лучше всякаго солнца: въ воздухѣ разливается сырость отъ нихъ и не разберешь, что это: туманъ ли садится или идетъ мелкій дождь. Въ домъ принесли нарѣзанныхъ вѣточекъ съ кустовъ черной смородины, поставили ихъ въ банку съ водой и онѣ дня черезъ три дали молоденькіе, зелененькіе душистые листики. Это всегда дѣлалось у насъ весной: листики потомъ обрывали и на нихъ дѣлали настойку на водкѣ, которая бывала нѣжно-зеленаго цвѣта, необыкновенно пріятнаго запаха и всѣ находили ее необыкновенно вкусной и говорили, что она здорова... Стали каждый день слышны разговоры о плотинѣ на рѣкѣ. Принимались какія-то мѣры, чтобы ее не сорвало. Вечеромъ, придя изъ передней послѣ разговора со старостой, бурмистромъ и другими начальниками, отецъ сообщалъ намъ за чаемъ новости: сегодня видѣли, какъ утки летѣли надъ рѣкой; а сейчасъ староста шель сюда и слышалъ надъ рѣкой гуси перекликаются, летятъ. Наконецъ, однажды вечеромъ кто-то пришелъ и сказалъ, что идетъ такой дождь, что хоть бы лѣтомъ.

— Ну, это ужъ значить жди теперь: черезъ день, а то и завтра къ вечеру рѣка тронется, — заговорили всѣ, а отецъ самъ пошелъ на крыльцо смотрѣть дождь.

— Возьми меня съ собою! Мама мнѣ можно? Я немножко постою только. Я сейчасъ одѣнусь...

И видя что они оба въ сущности ничего противъ этого не имѣютъ и оба въ самомъ лучшемъ настроеніи, я вскочилъ и побѣжалъ одѣваться.

На крыльцѣ было темно, потому ночь стояла совсѣмъ черная. Съ нами на крыльцо вышло нѣсколько человекъ лакеевъ и тоже стояли прислушиваясь къ дождю.

— Послѣ завтра рѣка тронется непременно, а то еще и завтра, — говорили всѣ.

— Пойдите-ка, — прислушиваясь, сказалъ отецъ, — вѣдь, это гуси кричатъ.

Мы всѣ начали тоже прислушиваться. Дѣйствительно слышался крикъ летѣвшихъ гусей. Въ темнотѣ по двору кто-то шелъ, слышны были голоса: — Это кто? — громко сказалъ отецъ. Послышался отвѣтъ, но не явственный: — Кто это? — повторилъ отецъ.

— Я-съ! Степанъ, поваръ.

Шлепая по снѣгу и грязи подходилъ къ крыльцу Степанъ.

— Ты какъ же здѣсь? — спросилъ его отецъ.

— Петръ Васильевичъ отпустили.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ-съ. Новаго повара привезли. У Волкова Ивана Семеновича Авдѣя купили. Приказали кланяться, благодарять; завтра будутъ, — добавилъ Степанъ. — Мнѣ двадцать пять рублей на чай пожаловали.

— Вотъ какъ! А какъ же ты прошелъ? Черезъ рѣку есть еще ѣзда? — спросилъ отецъ.

— Есть-съ, только ужъ плохо.

У насъ была та же рѣка, что и у дяди въ Прудкахъ, и чтобъ отъ него попасть къ намъ, надо было или переѣзжать по плотинѣ, по которой зимой никто не ѣздилъ и она стояла заваленная снѣгомъ, или по льду, прямо черезъ рѣку.

— Какъ же Петръ Васильевичъ-то завтра проѣдетъ?

— Не могу знать-съ. Приказали сказать, что завтра будутъ.

— Ну, что тамъ? Ничего, все благополучно?

Отецъ сталъ его разспрашивать. Степанъ какъ-то странно отвѣчалъ, точно не договаривалъ — хочетъ сказать, а потомъ не договорить.

— Ну, пора въ домъ, а то ты еще простудишься, — сказалъ мнѣ отецъ. — Степанъ, зайди-ка ко мнѣ.

Мы прошли съ крыльца въ переднюю, я снялъ теплое платье, отецъ велѣлъ мнѣ идти къ матушкѣ, а самъ остался въ передней говорить съ Степаномъ.

— Какой дождь идетъ; гуси лѣтять, кричатъ; Степанъ пришелъ: дядя отпустилъ его, онъ себѣ новаго повара купилъ, — сообщалъ я новости въ угольной, за чайнымъ столомъ, съ котораго еще не убрали самовара.

— Ты гдѣ же видѣлъ Степана? — спросила матушка.

Я сказалъ.

— Онъ тамъ еще?

— Тамъ.

Матушка встала и, ничего намъ не говоря, пошла въ переднюю. Потомъ мы слышали изъ угольной, что отецъ съ матушкой пошли въ кабинетъ и туда же позвали и Степана. Чтò они тамъ съ нимъ говорили и объ чемъ онъ имъ рассказывалъ, мы не могли слышать, хотя доносился иногда до насъ голосъ отца, чтò-то громко и горячо говорившаго. Затѣмъ, наступала тишина и смутно, не явственно, слышалась чья-то рѣчь—можетъ быть матушки, можетъ быть Степана. Мы такъ и ушли спать, а они все тамъ разговаривали.

Дождь, лившій всю ночь, къ утру пересталъ. Когда мы пошли пить утромъ чай, я подбѣжалъ къ окну и удивился, какая произошла перемѣна за одну ночь. Въ цвѣтникѣ ужъ была видна не одна черная земляная клумба, но оттаяли и дорожки, и съ нихъ сошелъ снѣгъ. По другую сторону дома, обращенную къ рѣкѣ, образовались тоже большія проталины и была видна земля. Дальше, снѣгъ на рѣкѣ посинѣлъ, потемнѣлъ, надулся какъ-то, такъ что отсюда даже, изъ окна, видно было, что по рѣкѣ ни ѣхать, ни идти пѣшкомъ нельзя. Отца съ утра не было дома; онъ былъ тамъ, на плотинѣ, гдѣ былъ и весь народъ. Среди дня онъ на минутку пріѣзжалъ, но сейчасъ же опять туда уѣхалъ. Ждали, что ночью рѣка непременно тронется, а надо было еще многое успѣть сдѣлать, чтобы уцѣлѣла плотина, не сорвало ее. Къ обѣду онъ пріѣхалъ опять и рассказывалъ все время о рѣкѣ, какъ она опасна и какъ люди торопятся сдѣлать поскорѣе то-то и то-то. Кто-то вспомнилъ про дядю и сказалъ, что онъ вѣроятно ужъ не пріѣдетъ сегодня.

— Гдѣ жъ ѣхать, это провалиться навѣрняка, — сказалъ отецъ.

Когда онъ сталъ послѣ обѣда собираться ѣхать снова на плотину, я началъ его просить, чтобъ онъ взялъ и меня съ собою. Но матушка сама тоже захотѣла ѣхать смотрѣть, какъ тамъ работаютъ, — вопросъ былъ только въ томъ, какъ и на чемъ туда ѣхать? Всѣ совѣтывали велѣть запретъ простыя мужицкія сани, наложить по больше соломы, и ѣхать въ нихъ, такъ какъ они безъ подрѣзовъ, на широкихъ полозьяхъ, и по грязи и жидкому снѣгу въ нихъ будетъ легче ѣхать. Поднялась возня, суета, послали лошадей запрягать, начали одѣваться; наконецъ, на трехъ саняхъ, наполненныхъ свѣжей чистой соломой, мы тронулись. Погода была дивно хорошая, такая бываетъ въ это время весною. Было ужъ часа четыре; солнце склонилось къ западу; но въ воздухѣ было такъ тепло, такъ много разлито въ немъ весеннихъ звуковъ, и несутся они откуда-то съ вышины или отъ земли—не разберешь, но такъ хорошо!.. Мы ѣхали по деревнѣ, по срединѣ большой, широкой улицы, образуемой двумя длинными рядами мужицкихъ избъ, и вся она, эта улица, была оживлена, готовилась къ

веснѣ, къ весеннимъ работамъ: стояли передъ избами выдвинутыя изъ дворовъ телѣги, ихъ чинили, сохи, бороны. По улицѣ и передъ дворами бродило множество ребятишекъ. Завидѣвъ нашъ удивительный поѣздъ, изъ избъ выходили бабы и, останавливаясь въ дверяхъ сѣней, смотрѣли на насъ, кланялись оттуда. Славная, живая весенняя картина! И такъ давно мы ее не видали—цѣлую зиму и осень—и такъ весело было смотреть на нее. Вдругъ оттуда, съ конца длинной улицы, показался верховой. Онъ скакалъ точно на пожаръ; скоро мы услышали удары копытъ его лошади по рыхлому снѣгу и жидкой грязи, покрывавшей еще мерзлую, не совсѣмъ оттаявшую землю; наконецъ, онъ доскакалъ до насъ, и, не дожидаясь пока лошадь остановится, соскочилъ, точно свалился, упалъ съ лошади, сорвалъ шапку и подаль письмо отцу. Это былъ посланный отъ дяди Петра Васильевича.

— Что такое?—спросилъ его отецъ, принимая у него изъ рукъ письмо.

— Барышня... Лизавета Семеновна... провалились... кататься поѣхали и провалились въ рѣку... простудились... насилу вытащили... въ городъ за докторомъ послали,—говорилъ посланный, запыхиваясь и едва переводя дыханіе.

Я смотрѣлъ на него. Онъ былъ весь и лошадь его вся въ грязи и мокрые. Отецъ прочиталъ письмо, и передавая его матушкѣ, сказалъ, обращаясь къ посланному:

— Ну, поѣзжай, я не держу. Только какъ же ты по этой дорогѣ провезешь доктора?

— Приказано-съ... къ вечеру...

Посланный, молодой малый, я зналъ его немного въ лицо—кажется конюхъ—вскочивъ на лошадь, надѣлъ шапку и опять, какъ сумасшедшій, поскакалъ дальше.

Начались предположенія что и какъ. Матушка съ отцомъ высказывали свои соображенія о томъ, что Петръ Васильевичъ просто сумасшествуетъ отъ нечего дѣлать и со скуки, что можетъ быть доктора вовсе еще и не нужно, что какъ это Андрюшка слетаетъ въ городъ, за двадцать верстъ и къ вечеру—а ужъ и теперь не утро, а вечеръ,—успѣетъ привезти его оттуда и, наконецъ, какъ это по эдакой дорогѣ докторъ поѣдетъ, какой это согласится, и проч. и проч. Я слушалъ все это, понималъ о комъ идетъ рѣчь, хотя я и въ первый разъ еще услышалъ, что «ея» зовутъ Лизаветой Семеновной...

Мы долго пробыли на плотинѣ, смотрѣли какъ работаютъ, смотрѣли на рѣку, покрытую какимъ-то синесѣрымъ, пропитаннымъ набѣжавшей съ береговъ водой, сквознымъ заледенѣлымъ снѣгомъ. Смотрѣли вверхъ на летѣвшихъ въ высотѣ длинными растянутыми треугольниками дикихъ утокъ, гусей, и возвратились въ домъ, когда

было ужъ почти совсѣмъ темно. А часа черезъ три еще, когда въ угольную къ намъ «отъ начальниковъ» вернулся изъ передней отецъ, онъ сказалъ, что сейчасъ мимо дома по дорогѣ, проскакалъ на тройкѣ въ какой-то таратайкѣ должно быть докторъ въ Прудки, потому что слышали голосъ «Андрюшки», поговявшего немилосердно лошадей.

С. Терпигоревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА ¹⁾.

V.

Похожденія литавриста Муромцева.

(1815 г.).

29-го іюля 1815 года, въ полдень, въ московской театральнoй конторѣ на Знаменкѣ, въ домѣ генерала Апраксина ²⁾, собралось и торжественно размѣстилось за большимъ столомъ все мѣстное театральное начальство. Очевидно готовилось что-то чрезвычайное. На предѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ самъ управляющій московскимъ театромъ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ. Рядомъ съ нимъ, съ одной стороны помѣщался «помощникъ по хозяйственной части», статскій совѣтникъ Сухопрудскій, а съ другой — уже знакомый намъ изъ разсказа объ арестѣ пѣвца Соколова — членъ по репертуарной части, А. В. Арсеньевъ. За особымъ столомъ сидѣлъ одинъ изъ «канцеляристовъ» съ перомъ въ рукѣ. Эту внушительную картину «присутствія» дополняли вытянувшіеся у дверей два театральнoхъ унтера изъ инвалидной команды и стоявшій неподалеку отъ нихъ, вперивъ взоръ въ начальство и весь изогнувшись, смотритель театра—Горчаковъ. Его лицо и глаза выражали напряженное ожиданіе, и это заставляло предполагать, что ему

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 348.

²⁾ Тамъ въ то время помѣщался театръ вмѣстѣ съ его конторой, школой и всѣми службами.

предстояло открывать церемоніаль. Наконецъ, Майковъ, разговаривавшій поперебънно то съ Арсеньевымъ, то съ Сухопрудскимъ, махнулъ рукой по направленію къ дверямъ и односложно произнесъ: «введи!» Горчаковъ немедленно вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи цѣлой процессіи: впереди, между двумя солдатами, шелъ человекъ лѣтъ 25, въ оборванномъ фракѣ, съ загорѣлымъ лицомъ и босыми ногами, носившими на себѣ признаки только-что совершеннаго дальняго пути. Позади его слѣдовалъ еще унтеръ. Подойдя къ столу, за которымъ сидѣло начальство, шествіе остановилось. Конвой отошелъ и сталъ у дверей, а Горчаковъ въ сторонѣ, около стола, гдѣ сидѣлъ канцеляристъ. Такимъ образомъ, приведенный очутился передъ судьями одинъ. Онъ стоялъ, опустивъ низко голову, держа руки по швамъ, и усердно разсматривалъ желтыя ножки присутственнаго стола. Въ комнатѣ на минуту водворилась торжественная тишина и затѣмъ начался допросъ.

— Кто ты такой?—обратился къ подсудимому Майковъ ¹⁾,—какъ тебя зовутъ?

— Тимошей Фроловъ Муромцевъ,—тихо отвѣчалъ тотъ и затѣмъ на вопросы—сколько ему лѣтъ и какія его занятія?—показалъ, что ему отъ роду 25 лѣтъ, и что онъ былъ литавристомъ при московскомъ театрѣ.

Въ такой же приблизительно формѣ производился и дальнѣйшій допросъ, при чемъ все, что показывалъ подсудимый, немедленно записывалось сидѣвшимъ за особымъ столомъ канцеляристомъ, исполнявшимъ обязанности секретаря.

Однако, въ чемъ же была вина Муромцева? Какое совершилъ онъ преступленіе, что «подобно колоднику» былъ приведенъ въ театральную судилище «за карауломъ» и допрашивается какъ тать и разбойникъ? Вина его была велика: онъ былъ дезертиръ и, кромѣ того, похититель казенной собственности. Служа литавристомъ въ театральномъ оркестрѣ, и, въ то же время, обучая въ школѣ дѣтей на фортепіано, онъ обманомъ, яко бы для починки, взялъ къ себѣ на домъ изъ школы инструментъ, искусство игры на которомъ преподавалъ, продалъ его и затѣмъ, «прогулявъ» вырученныя деньги, бѣжалъ отъ заслуженнаго наказанія въ далекую Костромскую губернію, гдѣ и скрывался болѣе двухъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, начальство не напало на его слѣдъ и не возвратило его въ Москву для воспріятія достойной кары, «дабы, по выраженію А. А. Майкова, страхомъ взысканія и наказанія предупредить и въ другихъ посползновеніе къ подобнымъ преступленіямъ». Все это мы узнаемъ

¹⁾ А. А. Майковъ безъ сомнѣнія зналъ Муромцева, служившаго въ театральномъ оркестрѣ. Тѣмъ не менѣе допросъ ему былъ произведенъ, что называется, по всей формѣ.

изъ признанія бѣгло музыканта или «показанія», которое онъ сдѣлалъ въ описанномъ выше «присутствіи» театральному начальству. Это показаніе, старательно записанное и даже сведенное въ одно общее повѣствованіе, по приказанію Майкова, было прочитано Муромцеву вслухъ «помощникомъ по хозяйственной части» Сухопрудскимъ, скрѣплено подписью подсудимаго и приобщено къ «дѣлу»¹⁾, гдѣ оно является чѣмъ-то въ родѣ слѣдственного протокола. Считаемо необходимымъ привести здѣсь этотъ любопытный документъ такъ, какъ онъ есть, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

«1815 года, іюля 29 дня—гласить онъ—въ присутствіи конторы императорскаго московскаго театра музыкантъ Тимошей Фроловъ сынъ Муромцевъ въ допросѣ показалъ:

«Имя мое Тимошей сынъ Муромцевъ. Отъ роду имѣю 25 лѣтъ; былъ прежде помѣщика Столыпина, а потомъ, вмѣстѣ съ прочими, купленъ дирекціею²⁾. Занималъ должность литавриста при императорскомъ московскомъ театрѣ.

«Бѣжалъ я на Фоминой недѣлѣ въ понедѣльникъ, т. е. 26-го апрѣля сего года. Цѣлью побѣга сего было, дабы укрыться отъ начальства и проживать близъ Костромы³⁾, въ деревнѣ, состоящей въ 35 верстахъ и принадлежащей костромской помѣщицѣ Клеопатрѣ Григорьевнѣ Шиповой.

¹⁾ 1815 г. за № 5, подъ заглавіемъ: «Производство по московской конторѣ».

²⁾ Извѣстная Столыпинская труппа, составлявшая домашній театръ Д. Е. Столыпина, была куплена дирекціею въ 1806 году за 32 тысячи руб. Въ числѣ актеровъ этой труппы былъ приобретенъ съ семействомъ и Фролъ Муромцевъ, отецъ нашего литавриста. Это былъ не особенно талантливый, но весьма полезный актеръ-комикъ, занимавшій небольшія роли. Свѣдѣнія о его семьѣ имѣются между прочимъ въ любопытномъ документѣ, хранящемся въ архивѣ дирекціи, подъ заглавіемъ: «Списокъ людямъ составляющимъ императорскій московскій театръ, съ показаніемъ, кто съ котораго времени находится въ службѣ и изъ какого званія поступилъ въ оную». Въ этомъ спискѣ, относящемся къ 1816 году, противъ имени актера Фрола Муромцева, значится: «купленъ дирекціею у г. Столыпина 1806 г., октября въ 27 день. Вдовъ; у него дѣти: сыновья Александръ, Тимошей и Степанъ, дочь Наталья. Сыновья Александръ и Тимошей музыкантами при оркестрѣ императорскаго театра, а Степанъ и дочь Наталья находятся при немъ».

³⁾ Тимошей Муромцевъ избралъ мѣстомъ своего укрывательства отъ начальства деревню К. Г. Шиповой въ Костромской губ. потому, что онъ уже былъ тамъ раньше, именно въ 1812 году, когда московскимъ актерамъ, музыкантамъ и «прочимъ людямъ, принадлежащимъ къ московскому театру», было назначено имѣть постоянное пребываніе въ Костромѣ, гдѣ, однако, имъ не пришлось скоро помѣститься, такъ какъ всѣ дома города были заняты военнымъ постоемъ. Вслѣдствіе этого, «московскій театръ» отправили по Волгѣ на баржѣ въ заштатный городъ Плесъ, въ 50 верстахъ отъ Костромы, гдѣ, наконецъ, послѣ «блужданій съ мѣста на мѣсто подобно цыганамъ»—и помѣстились московскіе артисты. Во время пребыванія въ Плесѣ, актеры и музыканты нерѣдко пользовались гостеприимствомъ помѣщиковъ.

«Пріѣхавши туда и не нашедъ ея тамъ, отправился я въ деревню же къ Александру Ивановичу Исакову, отстоящую въ недалекомъ разстояніи отъ деревни помѣщицы Шиповой, гдѣ и нашелъ ее.

«Пробывши у г. Исакова полтора мѣсяца, отправился я къ г-жѣ Шиповой; по пріѣздѣ къ Исакову, на вопросъ, какимъ манеромъ я нахожусь тамъ? я объявилъ имъ, что отпущенъ въ отпускъ безсрочно, то есть до востребованія, присоедины, что имѣю у себя билетъ, коего они однакожь не спросили и земскому начальству о бытности моей не объявляли. Изъ Москвы,—разсказываетъ далѣе бѣглый музыкантъ,—везъ меня отъ Никитскихъ воротъ извозчикъ Андрей, по отчеству и фамиліи не знаю. Подрядились мы съ нимъ въ деревню Аѳонасово, за Кострому 35 верстъ, за 80 рублей. Извозчикъ меня ни о чемъ не спрашивалъ, а взялъ только съ собою свой паспортъ. Выѣхали мы въ крестовекую заставу на Троицкую дорогу; на заставѣ насъ не спрашивали, поелику я выѣхалъ въ половину дня; отецъ мой и братъ объ отлучкѣ моей не знали. Изъ Москвы я взялъ съ собою все бѣлье свое и подушку въ то время, когда въ квартирѣ моей изъ родныхъ никого не было. По пріѣздѣ моемъ туда, у меня не достало 30 руб. заплатить извозчику, и г. Исаковъ оныя отдалъ. У обоихъ помѣщиковъ я занимался обученіемъ дѣтей на фортепьянахъ.

«Принадлежащее школѣ императорскаго московскаго театра фортепьяно, находившееся подъ вѣдомствомъ инспектора Украсова⁴⁾, я взялъ въ среду на св. недѣлѣ, т. е. 22-го апрѣля, для починки, сказавъ Украсову, что починить мнѣ оныя и взять изъ школы велѣлъ капельмейстеръ г. Керцелли. Взявши ихъ, я поставилъ на свою квартиру. Придя къ г-жѣ Аленіной, живущей на Поварской улицѣ въ собственномъ домѣ, я узналъ, что она ищетъ купить хорошее фортепьяно, и предложилъ ихъ ей, сказавъ, что у меня продаются оныя по комиссіи; чьи и кому принадлежать—у меня спрошено не было, а спросила только, что оныя стоятъ? Я объявилъ цѣну—двѣсти пятьдесятъ рублей; она просила ихъ посмотреть, и я въ тотъ же день привезъ ихъ къ ней. Она, осмотрѣвъ оныя, оставила у себя за присимую мною цѣну. На другой день я, настроив оныя, получилъ отъ нея двѣсти пятьдесятъ рублей ассигнаціями; получа жъ означенныя деньги, я гулялъ и пьянствовалъ пятницу, субботу и воскресенье и, промотавши довольно количество въ Москвѣ, вынужденъ былъ отъ страха и взысканія начальства скрыться.

⁴⁾ Андрей Украсовъ — актеръ и инспекторъ московскаго театральнаго училища. Онъ пропеходилъ изъ воспитаниковъ Воспитательнаго дома (тамъ онъ былъ подъ № 826). 24 декабря 1771 г. уволенъ отсюда съ свидѣтельствомъ Опекунскаго совѣта 20 сентября 1783 г. Въ 1815 г. онъ былъ представленъ къ увольненію изъ службы дирекціи съ награжденіемъ пенсіономъ.

«Взять я былъ землею полиціей отъ г. Исакова въ усадьбѣ, именуемой Давыдково, въ іюлѣ мѣсяцѣ, а котораго числа—не упомяну, и приведенъ въ костромскую полицію, гдѣ за моимъ подписаніемъ взять съ меня допросъ, въ которомъ я показаль, что, будучи пьянъ, бѣжалъ, боясь взысканія; а что продалъ казенныя фортепяны—о томъ въ допросѣ своемъ не показываль, потому что не былъ спрошенъ».

Прочитавъ это показаніе, Сухопрудскій предложилъ Муромцеву скрѣпить его своею подписью, и затѣмъ подсудимый былъ уведень въ караульню, гдѣ и оставлень подъ надежнымъ надзоромъ. Послѣ этого присутствіе еще продолжалось, но не долго. Обсуждали вопросъ, какъ поступить съ подсудимымъ: наказать ли его своими средствами, или предать въ руки правосудія? Мнѣнія на этотъ счетъ раздѣлились: Сухопрудскій утверждалъ, что Муромцева, наказавъ, слѣдуетъ оставить на службѣ; А. А. Майковъ держался того же мнѣнія; но А. В. Арсеньевъ доказываль необходимость «выкинуть» провинившагося литавриста изъ службы, «отослать въ гражданское правительство для произведенія надъ нимъ суда и поступленія по законамъ». Въ концѣ концовъ не пришли ни къ чему и рѣшили отдать вопросъ о наказаніи Муромцева на усмотрѣніе главной дирекціи театровъ. Послѣ этого «присутствіе» кончилось. Майковъ поднялся съ своего мѣста, а за нимъ и Сухопрудскій съ Арсеньевымъ. Когда управляющій театрами вышелъ изъ конторы, къ нему приблизился какой-то человекъ, лѣтъ около пятидесяти, безъ усовъ и бороды, въ потертомъ фракѣ и, низко поклонившись, началъ что-то тихо говорить. А. А. Майковъ остановился, молча выслушалъ его и затѣмъ, круто повернувшись, уже на ходу отвѣтилъ: «Хорошо, я напишу. Но только смотри, чтобы впередъ чего не было, а то и тебѣ тогда худо будетъ». Послѣ этого онъ вышелъ и уѣхаль домой; проситель же остался у дверей дожидаться остального начальства. Это былъ отецъ дезертира, московскій актеръ, купленный у Д. Е. Столыгина, Фроль Муромцевъ. Онъ пришелъ просить, чтобы его сына не предавали гражданскому суду, а предоставили бы наказать ему «домашнимъ образомъ», хотя бы послѣ предварительной высылки въ смирительномъ домѣ. Майковъ, какъ мы видѣли, обѣщаль похлопотать объ этомъ. То же обѣщаніе далъ и Сухопрудскій, вышедшій вскорѣ изъ конторы.

Въ виду состоявшагося постановленія—отдать дѣло Муромцева на рѣшеніе высшаго начальства, А. А. Майковъ приказаль изготовить представленіе по этому дѣлу въ дирекцію, которое за своею подписью и препроводилъ туда 5-го августа, вмѣстѣ съ показаніемъ бѣглаго музыканта и бумагою костромскаго губернатора Н. Пасынкова, съ которою былъ доставлень «черезъ пересылку» (т. е. по этапу) въ Москву Муромцевъ. Изложивъ все дѣло съ самаго начала, Майковъ просиль въ своемъ представленіи дирекцію «снаб-

дять его разрѣшеніемъ, какимъ образомъ поступить ему съ Муромцевымъ» и предлагалъ при этомъ на выборъ начальства нѣсколько различныхъ мѣръ. «Во-первыхъ, — писалъ онъ, — отослать ли его, Муромцева, въ гражданское правительство для произведенія надъ нимъ суда и поступленія по законамъ, исключивъ его въ то же время изъ вѣдѣнія и принадлежности императорскаго московскаго театра, ибо, если онъ послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія, которому можетъ быть подверженъ, возвратится въ театръ, то не можетъ быть помѣщенъ ни въ оркестръ, ни въ другія должности по театру употребленъ. Во-вторыхъ, или исключивъ изъ вѣдѣнія театра, отослать его въ воинскую службу. Или, въ-третьихъ, отправивъ на четыре мѣсяца въ смиренный домъ, дозволить отцу его, актеру Муромцеву, по изъявленному имъ желанію и власти отца, сдѣлать послѣ того тѣлесное наказаніе домашнимъ образомъ, и попрежнему ввести въ оркестръ, гдѣ онъ не совсѣмъ бесполезенъ, ибо нѣтъ другого литавриста». Въ заключеніе управляющій московскимъ театромъ, ссылаясь на отношеніе костромскаго губернатора, изъ котораго не было видно, чтобы «съ держателями бѣлаго Муромцева было поступлено по законамъ», — предлагалъ дирекціи «войти» на этотъ счетъ «съ кѣмъ слѣдуетъ изъ господъ министровъ въ сношеніе».

Отвѣтъ на представленіе А. А. Майкова пришелъ не ранѣе начала сентября, и все это время бѣглый музыкантъ, въ ожиданіи заслуженной кары, провелъ подъ арестомъ. Рѣшеніе дирекціи было исполнѣе согласно съ мнѣніемъ Майкова и Сухопрудскаго.

«Хотя преступленіе музыканта Муромцева», — говорится въ отношеніи с.-петербургской конторы на имя управляющаго московскимъ театромъ, — «и заслуживаетъ законнаго примѣрнаго наказанія, но изъ уваженія къ званію артистовъ, контора по представленію вашего превосходительства, соглашается, дабы оный Муромцевъ былъ наказанъ отцомъ его келейно со всею строгостью и послѣ посаженъ подъ строгій арестъ». Назначеніе срока ареста и его мѣсто отдавалось при этомъ «на благоразсужденіе» Майкова. Контора дополняла свое рѣшеніе о наказаніи Муромцева общаніемъ, въ случаѣ, если онъ и послѣ наказанія не исправится, немедленно отдать его въ солдаты, о чемъ и предписывалось ему объявить.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, Муромцевъ былъ нещадно высѣченъ отцомъ, который, оставшись весьма доволенъ такимъ исходомъ дѣла, показалъ при этомъ особое прилежаніе. Затѣмъ литавриста посадили на нѣкоторое время подъ арестъ, а затѣмъ, освободивъ, снова водворили въ оркестръ и посадили за литавры.

Такимъ прозаическимъ концомъ завершились похождения дезертира, едва ли думавшаго о чемъ-либо подобномъ въ костромскихъ лѣсахъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ помѣщицы Шиповой.

VI.

Къ исторіи театральныхъ уособиць.

Русскимъ сценическимъ дѣателямъ часто ставятъ въ укоръ отсутствіе между ними всякаго единодупія въ совмѣстномъ служеніи искусству. Зависть, недоброжелательство и даже непріязнь между сотоварищами по сценѣ—явленія на столько обычныя, что на нихъ всѣ смотрятъ какъ на что-то неизбѣжное, необходимое, безъ чего немислимо самое служеніе на театральныхъ подмосткахъ. Причина этого заключается, конечно, прежде всего въ необычайномъ развитіи у актеровъ самомиѣнія, которому способствуетъ и сама русская публика, часто награждающая своими симпатіями артистовъ съ сомнительными признаками дарованія. Нечего и говорить, что у такого, заручившагося успѣхомъ актера самообольщеніе не знаетъ границъ. Разъ ему удалось насмѣшить публику площадной шуткой плохого водевиля—онъ смѣло возьметъ на себя, конечно, если дадутъ, отвѣтственную роль въ классической комедіи и, провалившись, будетъ увѣрять, что его не поняли, что публика невѣжественна, и т. д. Такой актеръ уже рѣшительно не можетъ переносить успѣховъ другихъ: онъ злится на всякій аплодисментъ своему товарищу по сценѣ, всячески старается ему повредить, въ чемъ нерѣдко и успѣваетъ. Впрочемъ, все это давно извѣстно, и распространяться объ этомъ не стоитъ. Замѣтимъ только, что зависть и недоброжелательство не составляютъ исключительной принадлежности артистовъ и артистокъ сомнительныхъ дарованій. Сплошь и рядомъ, даже весьма крупные таланты бываютъ отмѣчены тѣми же недостатками. Публика, разумѣется, не знаетъ всѣхъ закулисныхъ тайнъ, всѣхъ интригъ и мелочей, которыя гнѣздятся за красиво-расписаннымъ занавѣсомъ.... Передъ зрителями только одна показная сторона, другой имъ не видать.

Но если бы они знали, что происходитъ иногда передъ какимъ-нибудь спектаклемъ, еслибы видѣли тѣ пружины, которыя пускаютъ въ ходъ ихъ сценическія симпатіи—многихъ изъ нихъ они должны были бы развѣнчать. Если бы знали они, какъ часто ради прихоти какого-нибудь премьера или премьерши приносится въ жертву настоящее дарованіе, при первыхъ своихъ шагахъ къ успѣху подавляемое множествомъ интригъ, козней, а иногда и грубыхъ, убійственныхъ оскорбленій; если бы знали это зрители,—повторяемъ мы,—многіе изъ ихъ божковъ потеряли бы для нихъ всякое обаяніе, снизойдя въ ихъ глазахъ на степень простыхъ и далеко не безупречныхъ смертныхъ. Такихъ примѣровъ мы, однако, къ несчастію не имѣемъ: публика ничего не знаетъ и продолжаетъ

оставаться въ своемъ ослѣпленіи. Также было и всегда, и даже исторія нашего театра, отмѣчая высокія заслуги какого-нибудь изъ дѣятелей сцены прошлаго времени, пугливо отворачивается отъ синодика загубленныхъ его стараніями талантовъ.

Все сказанное примѣнимо въ одинаковой степени какъ къ закулисной жизни нашихъ частныхъ сценъ, такъ и казенныхъ, съ тою лишь разницею, что на послѣднихъ поводы къ недоброжелательству и ненависти между членами одной и той же труппы пополняются еще одной немаловажной причиной. Этой причиной бываетъ часто какое-нибудь поощреніе артиста или артистки со стороны начальства, какая-нибудь награда, бенефисъ, или, наконецъ, прибавка жалованья. Въ документахъ прежняго времени мы зачастую наталкиваемся на множество примѣровъ, подтверждающихъ высказанное положеніе: артисты, не получившіе какихъ-нибудь видимыхъ знаковъ признанія ихъ заслугъ и благоволенія начальства, всѣми силами стараются подкопаться подъ своихъ товарищей, удостоившихся награды, пишутъ на нихъ доносы, стараются всячески разсердить и вызвать на «исторію», а иногда, хотя, впрочемъ, не часто, въ слѣпкомъ озлобленіи нападаютъ другъ на друга и чинятъ «увѣчья и безчестья». Въ послѣднихъ случаяхъ, начальство считало своею обязанностью наказывать обидчиковъ и буяновъ, подвергая ихъ арестамъ и штрафамъ, но это не только не останавливало вражды, но еще больше разжигало ее, заставляя наказанныхъ прибѣгать къ болѣе тонкимъ, неуловимымъ способамъ мести.

Въ прошломъ столѣтіи эта вражда выражалась болѣе прямолинейно, нежели въ послѣдующее время, и средства къ ея прекращенію, употреблявшіяся со стороны начальства, были крайне незамысловаты. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ подъ рукою любопытный примѣръ, относящійся къ временамъ директорства кн. Н. Б. Юсупова. «Россійскій актеръ Гамбуровъ¹⁾ — читаемъ въ «Журналѣ распоряженій директора театровъ» подъ 7-мъ числомъ мая 1793 года — вчерашняго числа актера жъ Воробьева²⁾ на улицѣ, безъ всякой причины ударилъ палкою». За это «увѣчье и безчестье» кн. Н. Б. Юсуповъ приказалъ: «отъ его, Гамбурова, прибавочное при сей дирекціи жалованье пятьсотъ рублей отъ сего числа производить ему, Воробьеву, доколѣ не примирятся».

По своимъ послѣдствіямъ для пострадавшаго, приведенный случай представляетъ собою единственный примѣръ за все время су-

¹⁾ Козьма Гамбуровъ — одинъ изъ лучшихъ актеровъ того времени; по амплуа — благородный отецъ.

²⁾ Яковъ Степановичъ Воробьевъ — комическій актеръ, ученикъ Дмитревскаго отецъ извѣстной талантливой актрисы Елены Сосницкой.

ществованія нашего театра. По крайней мѣрѣ, въ документахъ предшествовавшаго, равно какъ и послѣдующаго времени—мы ничего подобнаго курьезной резолюціи кн. Юсупова не встрѣчаемъ.

Само собою разумѣется, что борьба мелкихъ интересовъ и страстей, зависти и самолюбія—не представляетъ собою характерной черты, исключительно свойственной семьѣ русскихъ сценическихъ дѣятелей: въ иностранныхъ труппахъ всегда замѣчалось то же, что и у насъ, и закулисная хроника французской и нѣмецкой сценъ въ обѣихъ столицахъ изобиловала во всѣ времена множествомъ случаевъ, показывающихъ, что по части интригъ, ссоръ и мелкихъ преширательствъ, иностранные гости, въ разное время подвизавшіеся на подмосткахъ нашихъ театровъ, не только не уступали доморощеннымъ русскимъ лицедейямъ, но подчасъ даже оставляли ихъ далеко позади.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ старыхъ театральныхъ дѣлъ.

Въ 1810 году, въ московской французской труппѣ служили два соперничавшіе и ненавидѣвшіе другъ друга актера—Аднэ и Дюпарэ. Они въ теченіе года по нѣскольку разъ приносили другъ на друга жалобы въ контору, нещадно одинъ на другого клеветали и т. д. Вдругъ, къ общему удивленію, къ осени враги помирились. Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ октября, стало извѣстнымъ, что Аднэ участвуетъ въ спектаклѣ, назначенномъ на 16-е число того же мѣсяца, въ бенефисъ своего недавняго врага. Дюпарэ не ожидалъ измѣны и включилъ въ составъ своего бенефиснаго спектакля пьесу, въ которой долженъ былъ выступить въ одной изъ главныхъ ролей Аднэ. Что вышло изъ этого, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія московской конторы директору театровъ А. Л. Нарышкину, отъ 20-го октября 1810 года. «Сего октября 16-го,—писали члены конторы Сухопрудскій и Арсеньевъ—на императорскомъ московскомъ театрѣ даны были въ бенефисъ французской труппы актера Дюпарэ комедія «Ботъ» и опера «Павелъ и Виргинія». Во время представленія первой, въ началѣ 3-го акта, актеръ Аднэ, игравшій роль Дональсона, вышедъ на сцену, прочиталъ нѣсколько словъ и, безъ предваренія управляющихъ, самъ собою, объявилъ публикѣ, что онъ за приключившеюся ему болью въ горлѣ продолжать пьесы болѣе не можетъ; наконецъ, откланившись, удалился со сцены. Пьеса симъ случаемъ была прекращена и занавѣсъ опущенъ. Послѣ сего г-нъ Дюпарэ анонсировалъ, что комедія, за болѣзнію г-на Аднэ, не можетъ быть окончена и просилъ позволенія начать оперу».

Изъ дальнѣйшаго разсказа въ этомъ донесеніи видно, что бенефицианта, вопреки ожиданіямъ Аднэ, публика не встрѣтила свистками, а наоборотъ, привѣтствовала рукоплесканіями. Но могло, конечно, случиться и иначе, на что, разумѣется, и разсчитывалъ

коварный актеръ, желая уронить своего соперника во мнѣніи публики. Эта попытка для Аднэ не прошла даромъ. «Контора,— говорится въ донесеніи А. Л. Нарышкину,—не оставляя безъ особеннаго вниманія сей поступокъ г. Аднэ, призвавъ его въ присутствіе, сдѣлала ему жестокой выговоръ и опредѣлила задержать его подь карауломъ». При этомъ начальство нашло нужнымъ черезъ режиссеровъ подтвердить обѣимъ труппамъ: «дабы актеры и актрисы на подобныя своевольныя предпріятія не покушались подь опасеніемъ наистражайшаго взысканія».

28-го іюня 1810 года, контора московскаго театра рапортовала тогдашнему директору императорскихъ театровъ Александру Львовичу Нарышкину, что назначенный на тотъ же день спектакль «Замокъ Черногорскій» пришлось отмѣнить, по болѣзни актера Филиппа; другой же актеръ французской труппы, Розэ, увѣдомилъ контору, что послѣ своей ссоры съ актеромъ Филиппомъ онъ болѣе не въ состояніи встрѣчаться съ нимъ на сценѣ и потому просить увольненія отъ службы. Въ чемъ заключалась эта ссора — видно изъ заведеннаго по поводу ея канцелярскимъ порядкомъ дѣла и присоединенныхъ къ нему: жалобы потерпѣвшаго, объясненія актера Филиппа, донесенія производившаго слѣдствіе частнаго пристава Мясницкой части и остальной переписки по поводу того же «происшествія», выходившаго по своему характеру изъ ряда случаевъ, которые могли бы быть отнесены къ обычнымъ закуснымъ передрягамъ.

Поступокъ актера Филиппа, по своей прямолинейности, заслуживаетъ вниманія, обрисовывая рѣзкими чертами нравы, привычки и складъ щедро-оплачивавшейся нашею дирекціей французской труппы.

Проживавшій на своей квартирѣ близъ Кузнецкаго моста, въ домѣ купца Изарна, французскій актеръ Розэ донесъ московской театральной конторѣ (его слова были впоследствии подтверждены свидѣтельскимъ опросомъ), что 24-го іюня 1810 года, въ седьмомъ часу вечера, въ то время, какъ онъ отдыхалъ у себя въ спальнѣ, гдѣ находилась и жена его, къ дверямъ прибѣжалъ слуга и объявилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что актеръ Филиппъ бьетъ няньку и ребенка его, Розэ, и грозитъ заколотить ихъ на смерть. Испуганная этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, г-жа Розэ поспѣшно сбѣжала внизъ (спальня помѣщалась этажемъ выше прочихъ комнатъ квартиры), чтобы узнать, въ чемъ дѣло, — и ея глазамъ представился актеръ Филиппъ, въ одномъ бѣльѣ, — «безъ галстуха и шляпы», какъ гласитъ протоколъ, и съ окровавленнымъ лицомъ. На вопросъ — что это значить? — Филиппъ осыпалъ г-жу Розэ площадною бранью и ударилъ кулакомъ, прибавивъ, что онъ, собственно, пришелъ для расправы съ ея мужемъ. Несчастная женщина, опасаясь за своего ребенка, умоляла разсвирѣпѣвшаго Фи-

липпа оставить ея домъ, — но тотъ и не думалъ повиноваться, а продолжалъ кричать и ругаться. Когда же вслѣдъ за тѣмъ внизъ спустился самъ Розэ, то Филиппъ тутъ же схватилъ его за воротъ и началъ бить по лицу, по животу, куда попало, приговаривая: «я давно уже хотѣлъ съ тобою посчитаться и теперь тебя убью». Благодаря подоспѣвшимъ къ этой безобразной сценѣ постороннимъ людямъ, Розэ освободился изъ рукъ своего расходившагося товарища и спрятался въ кухнѣ сосѣдняго жильца; Филиппъ же поднялся по лѣстницѣ до его спальни и, войдя въ нее, принялся неистово кричать и, топая ногами, грозить ему смертью. Неизвѣстно долго ли продлилась бы вся эта драма, если бы Филиппа не увести домой присутствовавшіе при его буйствѣ люди.

Изъ произведеннаго квартальнымъ надзирателемъ дознанія оказалось, что актеръ французской труппы Филиппъ былъ въ этотъ день пьянъ и еще до прихода въ квартиру Розэ—безобразничалъ и шумѣлъ. Придя же туда и увидавъ на лѣстницѣ женщину, служившую у Розэ въ нянкахъ, онъ бросился на нее и ударилъ ее съ такою силою, что вышибъ изъ ея рукъ ребенка. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что послѣ приведенной выше бурной сцены, Розэ, вернувшись въ свою спальню, не нашелъ двухъ карманныхъ часовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, у изголовья его кровати...

Розэ принесъ жалобу исправлявшему въ то время должность московскаго оберъ-полиціймейстера, по распоряженію котораго приставомъ Мясницкой части былъ произведенъ опросъ свидѣтелей, которымъ въ точности подтвердились всѣ подробности заявленія потерпѣвшаго Розэ. Актеръ Филиппъ, въ свою очередь, пожаловался оберъ-полиціймейстеру, прося его защиты, но, такъ какъ показаніе его не подтвердилось слѣдствіемъ, то и обращеніе его къ полицейской власти было оставлено безъ вниманія.

Приставъ донесъ, что актеръ Филиппъ былъ пьянъ и все, что было имъ совершено въ квартирѣ Розэ должно быть приписано вліянію вина. «Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», — говоритъ пословица, и потому не трудно уразумѣть подкладку этого своеобразнаго эпизода. Накипѣвшая зависть, злоба соперничества—таковы, безъ сомнѣнія, мотивы произведеннаго актеромъ Филиппомъ буйства.

Директоръ императорскихъ театровъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, сдѣлалъ распоряженіе: «посадить актера Филиппа въ полицію и содержать его тамъ подъ карауломъ, впредь до полученія повелѣнія о его освобожденіи».

Предписаніе директора было тотчасъ же исполнено.

По прошествіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ со дня произведеннаго въ квартирѣ Розэ буйства, актеръ Филиппъ былъ взятъ въ полицію и выдержанъ подъ карауломъ двѣ недѣли. Этимъ возмездіемъ начальческаго правосудія актеръ Розэ, какъ видно,

вполнѣ удовлетворился, и контора московскаго театра рапортовала отъ 22-го сентября 1810 г., что, «охраняя пользу дирекціи», онъ изъявилъ согласіе вступить на должность и предстать передъ публикою 29-го сентября того же года въ оперѣ «Глупость». Вотъ одна изъ страничекъ той закулисной жизни, въ которой копошился муравейникъ людей, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ-за границы служить чистому искусству.

Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ПАНИНЪ.

ЩЕ живы и здравствуютъ лица, видѣвшія и знавшія графа Виктора Никитича Панина, министра юстиціи временъ императора Николая; еще свѣжо у всѣхъ въ памяти его заявленіе, какъ председателя редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу. Всѣмъ извѣстны имена его дѣдовъ, «екатерининскихъ» Паниныхъ, двухъ братьевъ, дипломата графа Никиты Ивановича и полководца графа Петра Ивановича. Но кто знаетъ его отца, графа Никиту Петровича?

О екатерининскихъ Паниныхъ существуютъ два мнѣнія: одни превозносятъ тонкій умъ графа Никиты, возвеличиваютъ мужественную храбрость графа Петра, признаютъ обоихъ братьевъ государственными дѣятелями, много послужившими на пользу родины; другіе клеймятъ и позорятъ ихъ, какъ самолюбивыхъ интригановъ, дѣйствовавшихъ въ ущербъ интересамъ Россіи; о графѣ Викторѣ Никитичѣ составилось одно безповоротное мнѣніе, какъ о николаевскомъ дѣятелѣ, точномъ исполнителѣ чужой воли; объ отцѣ же его, графѣ Никитѣ Петровичѣ, нѣтъ ни двухъ, ни одного мнѣнія—его не знаютъ, имъ не интересуются. Почему?

По пословицѣ «всякому овощу свое время». Время Павла I мѣше всего было пригодно для какой-либо плодотворной, даже только полезной дѣятельности. Насъ интересуетъ эпоха Екатерины II и время Александра I, а къ правленію Павла I мы относимся съ грустнымъ равнодушіемъ; при его матери и сынъ выдвинулся рядъ замѣтныхъ дѣятелей на всѣхъ государственныхъ и общественныхъ поприщахъ, между тѣмъ какъ при немъ дѣйствовали только пооредственности да ничтожества. Графу Никитѣ Петровичу выпало

на долю быть дѣятелемъ именно въ царствованіе Павла Петровича, съ 1796 по 1801 годъ—а кто же изъ дѣятелей того времени памятенъ русскому обществу?

Кто помнитъ графа Виктора Никитича, тому легко представить себѣ и фигуру его отца. Высокій ростомъ, худой, неуклюжій—il a l'extérieur gauche, говоритъ Роджерсонъ о графѣ Никитѣ Петровичѣ; родные, напротивъ, не замѣчали этой неуклюжести, а видѣли только «очень благородную осанку». Какъ и сынъ, отецъ былъ строгихъ правилъ, человекъ высокой нравственности, обладавшій свѣтлымъ умомъ, но въ высшей степени молчаливый и вполнѣ безстрастный. Ему было 19-ть лѣтъ, когда онъ, получивъ отъ своей невѣсты, прелестной 15-ти-лѣтней графини Орловой, первое письмо, милое и граціозное, полное любви, отвѣчалъ: «Вступая нынѣ въ переписку съ вашимъ сіятельствомъ, исполняю я волю почтеннаго и не менѣе любезнаго родителя вашего» и затѣмъ въ четырехъ пунктахъ предлагаетъ своей невѣстѣ скучное «означеніе главнѣйшихъ правилъ употребляемаго въ перепискѣ слога». Отецъ-воинъ готовилъ сына къ военной службѣ, о чемъ просилъ и императрицу; Екатерина II отвѣчала собственноручнымъ письмомъ отъ 1-го мая 1770 года: «Изъ письма вашего отъ 18-го апрѣля усмотрѣла я, что Богъ вамъ даровалъ сына, съ которымъ васъ поздравляю, и какъ вы мнѣ онаго поручаете, дабы отнынѣ начать мое объ немъ попеченіе и поставить его наискорѣе на путь славы, подавъ ему случай, не теряя времени научиться военнаго ремесла, чрезъ сіе вамъ повелѣваю ему объявить чинъ корнета конной гвардіи, и надѣюсь, что вы не оставите въ немъ вселить всѣ тѣ же чувства къ отечеству и ко мнѣ, кои вы всегда старались заслугами оказать»¹⁾. Восемнадцати лѣтъ графъ Никита Петровичъ былъ уже на театрѣ войны, въ Финляндіи: онъ пробылъ тамъ не болѣе шести недѣль и скоро убѣдился, что конфедерація въ Аньялѣ ему болѣе по сердцу, чѣмъ бой подъ Фридрихсгамомъ. Въ 1796 году, 26-ти лѣтъ, онъ былъ уже генераль-маіоръ арміи, ненавидѣвшій военныя дѣйствія, и, по собственному сознанію, предпочитавшій имъ мирную дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ. Съ воцареніемъ Павла Петровича онъ всецѣло посвятилъ себя иностраннымъ дѣламъ: не прошло и мѣсяца со смерти Екатерины II, какъ въ декабрѣ 1796 года онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ іюлѣ 1797 г.—посланникомъ въ Берлинъ, въ сентябрѣ 1799 года—вице-канцлеромъ. Въ ноябрѣ 1800 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ, 30-тилѣтній графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ посланъ въ виаемскую деревню подъ надзоръ полиціи.

¹⁾ Сборн. рус. истор. общ. XIII, 19.

За что такая немилость? Чѣмъ провинился графъ Никита? Подробности высылки вполне обрисовываютъ павловское время, полное подобныхъ неожиданностей. Современный литераторъ, извѣстный Иванъ Михайловичъ Муравьевъ-Апостоль сообщилъ эти любопытныя подробности въ письмѣ къ русскому послу въ Лондонѣ, знаменитому графу Семену Романовичу Воронцову:

«Сіятедьнѣйшій графъ!

«Покидая Петербургъ, графъ Панинь, сосланный въ свои деревни, возложилъ на меня порученіе сообщить вашему превосходительству все обстоятельства, подготовившія и вызвавшія его немилость. Пользуясь представившеюся вѣрною оказіею, исполняю эту грустную и въ то же время лестную для меня обязанность—она возложена на меня моимъ лучшимъ другомъ и предназначена лицу, пользующемуся наибольшимъ уваженіемъ.

«Вашему превосходительству извѣстно также хорошо, какъ и мнѣ, и даже лучше моего, что графъ Панинь, вѣрный принципамъ чести и здоровой политики, не понравился съ самого своего вступленія въ министерство—онъ хотѣлъ навязать извѣстную систему кабинету, который не имѣлъ никакой системы и въ теченіе уже двухъ лѣтъ отличался только перемѣнчивостью и непостоянствомъ своихъ плановъ.

«Первые же шаги графа показали его такимъ, каковъ онъ есть—неспособнымъ къ уступкамъ, противнымъ совѣсти, ради сохраненія занимаемаго имъ поста. Уже съ начала прошлаго года онъ предвидѣлъ свою судьбу и заботился только о томъ, чтобъ сохранить свое доброе имя. Непріятности, испытанныя имъ въ послѣдніе десять мѣсяцовъ, неисчислимы. Дурно принятый при дворѣ, получая иногда замѣчанія въ самой грубой формѣ, онъ безъ отдыха работалъ, пользуясь всякимъ случаемъ сдѣлать что-либо полезное, чаще ослабить вредное—вотъ его тяжелое положеніе до прошлаго октября, когда политика вдругъ и рѣзко была измѣнена и эта неожиданная перемѣна поставила графа Панина въ критическое положеніе. Онъ ожидалъ этого и даже самые недалновидные люди могли напередъ предсказать этотъ кризисъ; но ни коимъ образомъ невозможно было предвидѣть тѣхъ жестокихъ и коварныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали его немилость. Казалось, его хотѣли заставить испить до дна чашу горестей. Расскажу все по порядку.

«Вашему превосходительству извѣстна первая нота, которую наше министерство ⁴⁾ сообщило здѣшнему дипломатическому кор-

⁴⁾ Notre ministère, потому что Муравьевъ-Апостоль тоже служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и былъ одно время полномочнымъ министромъ въ Гамбургѣ, потомъ въ Мадридѣ.

пусу по поводу послѣдняго эмбаръ; вы припомните, конечно, что эта нота была подписана однимъ только графомъ Ростопчинимъ. Вотъ какъ это случилось: дней восемь до того какъ разразилась буря, уже была рѣчь о такой нотѣ, при чемъ въ ней должно было говориться о недобросовѣстности англичанъ, нарушившихъ будто бы формальную конвенцію, заключенную въ 1798 году. Графъ Панинъ протестовалъ противъ такой мѣры, заявивъ, что онъ никогда не согласится унизить имя своего государя, заставляя его говорить ложь, такъ какъ подобная конвенція никогда не существовала. На это не обратили вниманія, и нота, въ томъ самомъ видѣ какъ она напечатана во всѣхъ газетахъ, была прислана изъ Гатчины съ подписью уже графа Ростопчина, при чемъ графу Панину приказывалось вручить ее всѣмъ чужестраннымъ министрамъ. Графъ Панинъ, обрадованный возможностью не прикладывать свое имя къ акту, столь противному формамъ, принятымъ всѣми націями, признающими международное право, передалъ ноту, не снабдивъ ее своею подписью. На другой же день у него истребовали въ этомъ отчетъ; онъ отдѣлался пустяками: такъ какъ по обычаю, — отвѣчалъ онъ, — всякая бумага подписывается младшимъ членомъ прежде старшаго, то, увидѣвъ подпись канцлера, я не считалъ уже необходимымъ мою подпись. За этой уверткой настало полное спокойствіе, продолжавшееся нѣсколько дней; но это спокойствіе было обманчиво, и скоро за нимъ послѣдовала буря, разразившаяся надъ головой графа Панина. Спустя нѣсколько дней была прислана изъ Гатчины новая нота, вполне тождественная по содержанію съ первою, съ приказаніемъ отъ самого императора подписать эту ноту и сообщить дипломатическому корпусу. Тутъ ужъ нечего было разговаривать, приходилось только повиноваться, что онъ и сдѣлалъ, но съ однимъ измѣненіемъ: онъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе измѣнить начало злосчастной ноты, вставивъ, что она сообщается «по именному указу государя императора». Я сдѣлалъ все, что только могъ, чтобъ удержать графа Панина отъ этого шага; но всѣ мои усилія были напрасны, и я тогда же предвидѣлъ и предсказалъ все, что случилось.

«По возвращеніи двора въ городъ, 1-го ноября, графъ Панинъ тщетно искалъ случая объясниться съ гр. Ростопчинимъ — тотъ избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ. Спустя нѣсколько дней ему удалось, однако, застать его дома. Послѣ двухчасового совѣщанія о наиболѣе важныхъ государственныхъ дѣлахъ, когда зашла рѣчь объ отозваніи кавалера де-Бальбо, сардинскаго министра, графъ Панинъ спросилъ о причинахъ неудовольствія императора на представителя Сардиніи; графъ Ростопчинъ сказалъ ему эти причины и потомъ, какъ бы кстати, спросилъ его: «А вы сами, графъ, знаете, что императоръ и вами очень недоволенъ?» — «Не знаю, — отвѣчалъ графъ Панинъ, — чѣмъ я могъ заслужить немилость его величества;

но если вы полагаете, что моя отставка могла бы быть пріятна государю, я готовъ подать вамъ просьбу». — «Это не нужно, — возразилъ Ростовчинъ, — такъ какъ отставка уже готова», и дѣйствительно, онъ вынулъ изъ кармана указъ, подписанный императоромъ въ этотъ же день, въ 7 часовъ утра, — этимъ указомъ графъ Панинъ увольнялся изъ министерства и назначался присутствовать въ сенатѣ.

«Это было въ два часа дня, въ четвергъ, какъ разъ въ день дипломатическаго обѣда у вице-канцлера. Графъ Панинъ замѣтилъ Ростовчину: иностранные министры были приглашены на обѣдъ еще наканунѣ; они останутся безъ обѣда, если онъ имъ откажетъ въ самый моментъ, когда они станутъ съѣзжаться по его приглашенію; поэтому, онъ просилъ Ростовчина довести до свѣдѣнія государя, что считаетъ своимъ долгомъ угостить обѣдомъ дипломатическій корпусъ, какъ будто никакой перемѣны не произошло, и отложить до послѣ обѣда заявленіе о своемъ увольненіи изъ министерства. Графъ Ростовчинъ сталъ увѣрять Панина, что такое поведеніе его совершенно естественно. Ваше превосходительство сейчасъ увидите, что и это было вмѣнено графу Панину въ преступленіе.

«Графъ Панинъ велъ себя при этомъ съ такимъ достоинствомъ и тактомъ, что заслужилъ полное одобреніе всего общества. Безъ всякой сѣбси, но и безъ малѣйшаго смущенія, онъ выполнилъ всѣ мельчайшія обязанности по своей новой должности и, возбуждая общее сожалѣніе, онъ самъ, казалось, сожалѣлъ только о томъ, что ему не дано было служить родинѣ на томъ поприщѣ, къ которому онъ готовилъ себя съ дѣтства. Какъ только всѣ формальности были исполнены, онъ отправился въ сенатъ и сталъ отправлять тамъ всѣ свои обязанности, какъ будто онъ не имѣлъ иной цѣли въ жизни, какъ стать сенаторомъ.

«Эта твердость не только не была оцѣнена по достоинству, но еще болѣе озлобила императора. Какъ только военный губернаторъ графъ Паленъ вошелъ однажды въ кабинетъ императора, государь, хорошо знавшій о его дружбѣ съ графомъ Панинымъ, спросилъ его, видѣлъ ли онъ Панина? веселъ ли Панинъ? — «Я видѣлъ Панина, — отвѣчалъ губернаторъ, — но вовсе не нашелъ его веселымъ. Ваше величество можете быть увѣренными, что тому не до веселья, кто имѣлъ несчастье навлечь на себя вашу немилость». — «Это римлянинъ, — сказалъ императоръ, — я его знаю: моя милость, какъ и не милость не производятъ на него большого впечатлѣнія. Онъ давалъ обѣдъ въ самый день своего увольненія». Потомъ, немного погодя, опять: «Я знаю, что онъ не безъ дарованій, но у него три капитальные недостатка: онъ педантъ, систематикъ и методикъ». Графъ Паленъ замѣтилъ, что ничего не понимаетъ въ политикѣ, что его ремесло, какъ солдата, умѣть драться, но

что онъ слышалъ, будто методъ и система вещи вовсе не бесполезныя. Императоръ, перебивъ его, спросилъ, намѣренъ ли Панинъ попрежнему дать балъ? Тутъ разумѣлся официальный балъ, который давался вице-канцлеромъ по приказанію двора. «Не знаю, государь,— отвѣчалъ Паленъ,— но мнѣ кажется, Панину вовсе не до танцевъ». — «Это ему все равно,— вскричалъ императоръ,— это чистый римлянинъ».

Нѣсколько дней спустя, подобные же вопросы были повторены Палену, при чемъ императоръ прибавилъ, въ видѣ приказанія, что графъ Панинъ хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ попросился въ московскій сенатъ. Графъ Паленъ, уже заранѣе предваренный графомъ Панинымъ на случай подобнаго предложенія, безъ замедленія отвѣчалъ, что Панинъ почелъ бы себя болѣе счастливымъ получить полную отставку. «О, за этимъ дѣло не станеть», сказалъ государь. «Но, государь, будетъ ли ему разрѣшено остаться здѣсь три или четыре мѣсяца, пока жена разрѣшится отъ бремени?» — «Само собою разумѣется», — сказалъ государь; — это разумѣется само собою». И тотчасъ же онъ написалъ буквально слѣдующій указъ: «Сенаторъ графъ Панинъ отъ службы отставляется».

Тѣмъ не менѣе, не смотря на «само собою разумѣется», не прошло и трехъ дней, какъ графу Панину было объявлено чрезъ полицію приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга. Мѣстомъ изгнанія было назначено Дугино, село, подаренное покойною императрицею его дядѣ именно за воспитаніе нынѣшняго императора.

«Графъ Панинъ, человѣкъ крѣпкій и мужественный, терпѣливо переносившій всякія несчастія и не смущавшійся даже отъ преслѣдованій, когда они были направлены только противъ одного него, едва не палъ подъ тяжестью горя, видя, что, вмѣстѣ съ нимъ, и горячо любимыя имъ дѣти, и обожаемая жена должны подвергнуться всѣмъ жестокостямъ изгнанія, въ селѣ, гдѣ былъ только полуразрушенный замокъ и никакой помощи въ случаѣ болѣзни или другихъ случайностей. Это было уже выше его силъ, и не смотря на все свое отвращеніе къ просьбамъ о милости, увѣренный, что онъ заслуживалъ награды, онъ, покидая Петербургъ, написалъ княгинѣ Гагариной письмо, въ которомъ умолялъ ее представить императору его ужасное положеніе — жить съ больными дѣтьми и съ женою, беременною на седьмомъ мѣсяцѣ, въ селѣ, гдѣ нѣтъ даже крова, подвергать ихъ всѣмъ суровостямъ климата и стать, быть можетъ, причиною смерти самого дорогаго для него въ мірѣ; онъ умолялъ императора разрѣшить ему поселиться въ Москвѣ или въ ея окрестностяхъ, если ужъ Москва будетъ признана невозможною.

«Первое время письмо это не имѣло никакихъ послѣдствій. Императоръ не хотѣлъ и слышать о графѣ Панинѣ. Наконецъ, настойчивость княгини, ея мольбы, ея слезы, вызвали у государя разрѣшеніе графу Панину жить въ окрестностяхъ древней сто-

лицы. Это позволеніе было принято достойною супругою графа, какъ величайшая милость; она тотчасъ же увѣдомила объ этомъ мужа, и вскорѣ отправилась къ нему, въ Петровское, имѣніе графа Разумовскаго, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы.

«Они поселились въ Петровскомъ и по всеѣмъ вѣроятностямъ казалось, что ихъ оставлять тамъ въ покоѣ—не тутъ-то было: преслѣдованіе несчастныхъ жертвъ не прекратилось на этомъ.

«Надо вамъ сказать, графъ, что въ моментъ высылки графа Панина изъ Петербурга, самъ государь распорядился, чтобъ все письма графа были перехвачиваемы и чтобъ императору доносили о всеѣхъ лицахъ, которыя будутъ переписываться съ графомъ. При такомъ распоряженіи графъ естественно воздерживался писать кому бы то ни было; но могъ ли онъ думать, что ему вмѣнять въ преступленіе переписку съ сестрою? А между тѣмъ письмо къ сестрѣ и погубило его— послѣ этого письма преслѣдованія возобновились съ болѣею яростію. Я видѣлъ это злосчастное письмо—графъ говоритъ въ немъ о своей теткѣ, вдовствующей графинѣ Чернышевой, и о ея благодѣяніяхъ относительно его. И какъ же истолковали эту фразу? Тысячу противъ одного, графъ, вамъ не отгадать! Тетка, по этому новому словарю, должна означать императора, благодѣянія—преслѣдованія! Какъ только такое толкованіе было сдѣлано, графу Салтыкову, въ Москву, былъ отправленъ указъ: удалить графа Панина съ его семьей изъ окрестностей Москвы, но держать ихъ въ Московской губерніи, съ тѣмъ, чтобы они всегда находились подъ надзоромъ фельдмаршала.

«Вотъ вамъ графъ Панинь—изгнанникъ, скиталець, опасаящійся за завтрашній день, неувѣренный, что ему дозволятъ провести двѣ ночи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Это можетъ убить даже одинокаго человѣка, ни съ кѣмъ не связаннаго; но съ дѣтьми, съ женою на сносяхъ, для которой роды всегда были трудны и опасны! Это положеніе, поистинѣ, ужасное; признаюсь, ваше превосходительство, не знаю какъ онъ его перенесетъ. Я трепещу за его жизнь, тѣмъ болѣе что не имѣю объ немъ извѣстій со времени послѣдняго удара.

«Исполнивъ тяжелый долгъ, возложенный на меня дружбою, долженъ просить ваше превосходительство извинить небрежность моего слога и негладкость изложенія. Удрученный потерей единственнаго человѣка, привязывавшаго меня къ службѣ, я почти потерялъ способность чувствовать, не только выражать свои мысли.

«Пользуйтесь, графъ, въ кругу своей милой семьи счастьемъ, предназначеннымъ въ удѣлъ такимъ душамъ, какою вы обладаете; пользуйтесь надолго и, Бога ради, всегда вдали отъ нашего жестокаго климата. Этого желаетъ вамъ всегда преданный» и т. д. ¹⁾).

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XI, 161.

Письмо это помѣчено 16-мъ февраля 1801 года, когда дни Павла Петровича были уже сочтены: 12-го марта вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Графъ Никита Петровичъ тотчасъ же былъ вызванъ изъ ссылки и занялъ прежній постъ вице-канцлера. Черезъ семь мѣсяцевъ, въ октябрѣ, онъ получилъ продолжительный отпускъ: un semestre de trois ans, какъ выразился самъ графъ Никита—полную отставку, какъ оказалось. Въ это время ему не было 31 года; онъ былъ здоровъ, полонъ силъ, онъ жаждалъ дѣятельности, но его забыли, объ немъ не вспомнили въ теченіе слѣдующихъ 36 лѣтъ, проведенныхъ имъ не у дѣлъ. Почему?

Объ этомъ мы скоро узнаемъ, по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ еще году, какъ общаетъ проф. А. Г. Брикнеръ въ только-что вышедшемъ первомъ томѣ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина». Этотъ томъ обрывается 1797 годомъ, поѣздкой графа Панина въ Берлинъ; въ слѣдующихъ двухъ томахъ будутъ помѣщены матеріалы, касающіеся его дипломатической дѣятельности въ Берлинѣ, вице-канцлерства при Павлѣ I и Александрѣ I, и частной жизни отъ 1802 г. до кончины его въ 1837 г. Послѣдняя часть матеріаловъ должна быть особенно интересна: хорошо ознакомившійся со всѣми матеріалами г. Брикнеръ говорить, что не только «политическая роль Панина, его дѣятельность», но и «многолѣтнее невольное бездѣйствіе въ области политики представляютъ собою важныя данныя для характеристики этого періода нашей исторіи».

Къ немногимъ русскимъ родамъ, обнародовавшимъ свои семейные архивы—къ Юсуповымъ, Воронцовымъ, Разумовскимъ, Шереметевымъ—присоединились въ прошломъ году два рода, представители которыхъ играли видную роль въ историческихъ судьбахъ Россіи—Куракиныхъ и Паниныхъ. Осенью прошлаго года «Саратовскій Листокъ» (№ 169-й, отъ 10-го августа) порадовалъ русское общество извѣстіемъ, что князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ Куракинъ приступаетъ къ изданію «Архива князя Куракина», въ который войдутъ 760 томовъ бумагъ, хранящихся въ родовомъ княжескомъ селѣ Надеждинѣ; въ концѣ прошлаго года вышелъ первый томъ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина». За эти новые матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности «забытаго графа Панина», русская историческая наука обязана признательностью его внукѣ, княгинѣ Маріи Александровнѣ Мещерской: послѣ многолѣтнихъ трудовъ, княгинѣ удалось собрать бумаги семейнаго архива гр. Паниныхъ; эти бумаги хранились отчасти у нея, отчасти у ея сестры княгини Софіи Александровны Щербатовой; болѣе тысячи нумеровъ этихъ бумагъ, всѣ, касающіеся гр. Никиты Петровича, были пересланы княгиней для изданія въ Дертъ, проф. А. Г. Брикнеру. Трудно было, казалось, сдѣлать болѣе счастливый выборъ издателя. Г. Брикнеръ давно и много

занимается разработкою историческихъ вопросовъ, преимущественно русскаго XVIII вѣка, которому принадлежитъ дѣятельность гр. Н. П. Панина; всѣ работы г. Брикнера отличаются точностью, возможною полнотою, и, что въ данномъ случаѣ особенно важно, въ своихъ рецензіяхъ на изданія бумагъ семейныхъ архивовъ¹⁾ онъ высказалъ серьезныя требованія, справедливость которыхъ не могла быть и не была оспариваема.

Такія изданія у насъ, конечно, не новость; но ихъ, однако, такъ мало, что до настоящаго времени не выработалась даже внѣшняя форма подобныхъ изданій, распредѣленіе историческаго матеріала, отношеніе къ языку подлинника и т. п.

Князю Н. В. Юсупову принадлежитъ честь перваго исторіографа своего рода. Въ изданныхъ имъ въ 1866 г. двухъ томахъ «О родѣ князей Юсуповыхъ», онъ первый въ Россіи печатно заявилъ, что «есть фамиліные акты, которые по важности ихъ нравственнаго и политическаго значенія принадлежатъ исторіи», и издалъ эти акты въ формѣ очень простой и удобной: въ первомъ томѣ помѣщены имъ краткія біографіи 14-ти лицъ изъ рода Юсуповыхъ, отъ величественнаго Юсуфа, современника и «друга» Ивана Грознаго, до князя Бориса Николаевича, въ тяжкую годину страшнаго голода 1834—1835 гг., кормившаго на свой счетъ, безъ всякаго пособія отъ правительства, до 70,000 человекъ; во второмъ томѣ напечатаны 212 документовъ, касающихся князей Юсуповыхъ и ихъ времени. Въ свое время это прекрасное изданіе не было оцѣнено въ должной мѣрѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть: простая и удобная форма изданія, въ которой историческіе документы отдѣлены отъ историческаго разсказа, при чемъ всякому предоставляется возможность провѣрить разсказъ документами или пользоваться ими для своихъ цѣлей, болѣе уже не повторялась. Спустя четыре года, съ 1870 года, началъ выходить «Архивъ князя Воронцова», продолжающій и понынѣ — до настоящаго времени издано уже 34 тома и, если не ошибаемся, изданіе еще не закончено. «Архивъ князя Воронцова» произвелъ переворотъ въ русской исторической литературѣ: благодаря богатствамъ этого архива, почти всѣ вопросы XVIII и начала XIX вѣка получили совершенно новое освѣщеніе и въ настоящее время не появляется уже историческихъ трудовъ о томъ времени, которые не основывались бы на документахъ «Архива князя Воронцова». Можно съ увѣренностью сказать, не опасаясь ошибиться, что это изданіе оказало родинѣ не меньшую услугу, чѣмъ самому роду Воронцовыхъ. Въ этомъ изданіи помѣщены одни документы, безъ всякихъ поясненій; еще не вышелъ общій указатель, который значительно облегчитъ пользование этими 34 томами. Трудъ А. А. Васильчикова «Семейство

¹⁾ Histor. Zeitschrift, LV, 207.

Разумовскихъ» явился въ нашей исторической литературѣ образцомъ талантливаго воскрешенія старины, интересной для насъ даже въ образѣ такихъ ничтожныхъ представителей ея, какъ Разумовскіе, не оставившіе по себѣ никакого слѣда на родинѣ и ушедшіе на чужбину, въ подданство герцоговъ саксенъ-кобургъ-готскихъ. Въ изданіи Васильчикова сохранено много устныхъ преданій и помѣщено много документовъ изъ семейныхъ архивовъ не только Разумовскихъ, но и гр. Уваровыхъ, кн. Репнинныхъ и др., при чемъ документы помѣщены цѣликомъ въ приложеніяхъ ко всѣмъ 4-мъ томамъ труда. Инымъ характеромъ отличается «Родъ Шереметевыхъ», роскошное изданіе in 4°, исключительно посвященное дѣятельности представителей этого рода. Въ выпущенныхъ до настоящаго времени пяти объемистыхъ книгахъ исторія рода Шереметевыхъ доведена до половины XVII вѣка, отъ Кобылы до плѣненія, въ 1660 г., Василя Борисовича. Авторъ этого капитальнаго труда, А. Барсуковъ, основываетъ свой рассказъ на документахъ семейнаго архива графовъ Шереметевыхъ, иллюстрируетъ его всѣми литературными источниками, русскими и иностранными, критически обрабатываетъ каждое извѣстіе, свое и чужое, и такимъ образомъ возсоздаетъ полную исторію рода Шереметевыхъ. Это изданіе, доведенное до конца, составитъ дорогой вкладъ въ русскую историческую литературу и явится достойнымъ памятникомъ славнаго рода.

Лѣтомъ прошлаго года, въ селѣ Надеждинѣ было рѣшено, при изданіи семейнаго архива Куракиныхъ, принять за образецъ «Архивъ князя Воронцова», издаваемый П. Бартеневымъ. Это дѣйствительно лучшая форма для изданій подобнаго рода. Она, однако, не была признана таковою въ Дерптѣ и матеріалы, доставленные г. Брикнеру княгиней М. А. Мещерскою, подверглись обработкѣ въ совершенно иной формѣ, исполнѣ оригинальной, не похожей ни на одну изъ указанныхъ нами выше. Издатель не считалъ возможнымъ напечатать бумаги, касающіяся «забытаго Панина» цѣликомъ, ни въ томъ видѣ, какъ онѣ были ему доставлены, ни съ необходимыми комментаріями; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не имѣлъ времени или не былъ въ состояніи разработать ихъ въ полную біографію графа Н. П. Панина, для чего требовалось всестороннее знакомство съ эпохою царствованія Павла I. «Цѣлью моихъ занятій», — говоритъ г. Брикнеръ, — «не было составленіе біографіи; съ другой стороны я не ограничивался изданіемъ лишь сырого матеріала въ строго хронологическомъ порядкѣ». Чѣмъ же онъ «ограничивался?» Приводимъ его собственныя слова: «Раздѣливъ весь запасъ архивныхъ данныхъ, находившихся въ моемъ распоряженіи и почерпнутыя мною изъ исторической литературы свѣдѣнія о Панинѣ на нѣкоторыя части, сообразно съ теченіемъ жизни графа, и эти части на главы, и соблюдая при этомъ въ общей сложности хронологическій

порядокъ, я старался по возможности соединять этотъ приемъ съ распредѣленіемъ рукописнаго матеріала по группамъ, сообщая, напр., письма однихъ и тѣхъ же лицъ, относящіяся къ извѣстному періоду или событію вмѣстѣ». Поняли въ чемъ дѣло? По сознанию самого г. Брикнера, оказывается, что «такое распредѣленіе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ имѣеть цѣлью представить біографію Панина, такъ сказать, въ полу-разработанномъ видѣ».

Мы были правы: г. Брикнеръ обогатилъ русскую историческую науку совершенно новою и вполне оригинальною формою изданія документовъ — «такъ сказать въ полуразработанномъ видѣ». Это форма новая—она не встрѣчается въ русской литературѣ, сравнительно довольно еще бѣдной, и во всей западно-европейской литературѣ никогда еще не являлось ничего подобнаго; поэтому-то она и вполне оригинальна. Какія же удобства представляетъ эта форма?

Прежде всего, изданныя г. Брикнеромъ бумаги, т. е. письма и документы, являются въ совершенно искаженномъ видѣ, способномъ ввести въ заблужденіе не только читателя или почтенную собирательницу бумагъ, но и самого издателя: г. Брикнеръ дробитъ одно и то же письмо на нѣсколько частей, такъ что въ концѣ концовъ самъ не знаетъ сколько писемъ имъ напечатано ¹⁾; обыкновенно стараются отвѣтное письмо печатать вслѣдъ за писемомъ, вызвавшимъ отвѣтъ—г. Брикнеръ искусственно раздѣляетъ эти письма и помѣщаетъ ихъ даже въ разныя главы ²⁾; иногда изъ всего письма берется буквально только пять словъ ³⁾, остальное же все отбрасы-

¹⁾ Письмо, напр., отъ 21 августа 1788 г. такъ изуродовано: сперва напечатанъ конецъ на стр. 15, потомъ начало на стр. 20; между тѣмъ обѣ эти части одного и того же письма значатся, какъ самостоятельные документы, подъ разными номерами, №№ 19 и 24; онѣ и въ оглавленіи указаны какъ самостоятельные письма. Вслѣдствіе этого, конечно, и общій счетъ документовъ оказывается ошибочнымъ.

²⁾ Такъ, напр., отвѣтъ на письмо, помѣщенное подъ № 78, на стр. 72, напечатанъ подъ № 98, на стр. 89. Кобыла великаго князя Павла Петровича оже-ребилась въ деревнѣ Панина; извѣщая объ этомъ его высочество, Панинъ испрашиваетъ повелѣній о кобылѣ и жеребенкѣ; великій князь отвѣчаетъ: «прошу васъ кобылу у себя оставить на память, а о жеребенкѣ можемъ мы послѣ условиться». Этотъ отвѣтъ перенесенъ на 17 стр. позже, подъ особый №, гдѣ долженъ свидѣтельствовать о «тепломъ участіи великаго князя» къ гр. Панину! И все что говорится безъ ироніи, серьезнымъ тономъ.

³⁾ Изъ письма отъ 5 августа 1771 г., стр. 4, № 7, приведено пять словъ: «Катенька и Никитушка совершенно здоровы». Если даже допустить, что для полу-разработанной біографіи важенъ тотъ фактъ, что 5 августа 1771 г. полторагодовалый графъ Никита былъ совершенно здоровъ, все же остается неизвѣстнымъ вопросъ о Катенькѣ. Что это за Катенька, г. Брикнеръ не объясняетъ, зачѣмъ она приведена—онъ и самъ не знаетъ, да и во всемъ томъ болѣе о ней не вспоминаетъ.

ається. Искажая такимъ образомъ документи, предоставленныя въ его распоряженіе, г. Брикнеръ заставляеть насъ вѣрить ему на слово, что въ письмахъ, печатаемыхъ «въ значительно сокращенномъ видѣ», имъ не опущено ничего интереснаго, важнаго; между тѣмъ, по своимъ литературнымъ трудамъ онъ не можетъ имѣть притязанія на такое довѣріе: онъ никогда не работалъ по подобнымъ архивнымъ источникамъ, и всѣ его сочиненія вообще страдаютъ отсутствіемъ исторической критики.

Кромѣ искаженія документовъ, самая группировка ихъ, придуманная г. Брикнеромъ, довольно неудачна и способна лишь безцѣльно утомить читателя. Та система расположенія документовъ, очевидно, никуда не годна, при которой бумаги 1788 г. помѣщаются послѣ бумагъ 1793 года¹⁾, а въ доказательство скоропостижной смерти графа Петра Ивановича приводятся буквально слѣдующія строки изъ письма князя Куракина къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Ayant l'honneur de présenter ci-joint à V. A. J. deux lettres des comtes Panin, en me mettant à vos pieds et y renouvelant l'assurance etc». Что же это такое? Этотъ вздоръ долженъ быть всецѣло поставленъ на счетъ негодности принятой г. Брикнеромъ системы распределенія матеріала.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изобрѣтенное г. Брикнеромъ «распределеніе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ (hier und da) рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ» до крайности обезцѣнило бумаги «забытаго Панина», при чемъ пропала и цѣльность впечатлѣнія. Годъ назадъ, графъ Толстой издалъ «Письма графини С. М. Румянцевой», главная, основная канва которыхъ заключалась въ семейныхъ несогласіяхъ: она была старше его на одиннадцать лѣтъ; спустя шесть лѣтъ послѣ брака, когда ей было уже 40 лѣтъ, а ему только 29, онъ бросилъ ее и сталъ жить съ метрессами, а она въ теченіе 25 лѣтъ охала и вздыхала о невѣрности мужа; на этой-то мало-интересной и старой, какъ мѣръ, канвѣ графиня вышивала свои узоры. Но эти письма были изданы правильно, безъ сокращеній, безъ несчастнаго распределенія ихъ по содержанію, и предъ нами встаетъ, какъ живая, графиня Румянцева—женщина съ теплымъ сердцемъ, свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ, женщина дѣятельная, которая строитъ дома, сажаетъ овощи, управляетъ деревнями, завѣдуетъ винными откупами; ея предложенія всегда разумны, разсужденія ясны, языкъ простъ. О графѣ же Панинѣ, участвовавшемъ въ шведской войнѣ, управлявшемъ Литвой, засѣдавшемъ въ верховномъ литовскомъ правленіи, получается изъ перваго тома «Матеріаловъ» самое смутное представленіе, вѣрнѣе сказать, никакого, именно вслѣдствіе невозможнаго изданія бумагъ.

¹⁾ Стр. 116, съ № 125.

Часто повторяя, въ своеобразной формѣ, что о томъ или другомъ «не сохранились почти никакія данныя», г. Брикнеръ не знаетъ того, что сохранилось: ему вовсе неизвѣстны нѣкоторыя письма (напр., приведенное нами выше письмо Екатерины II отъ 1 мая 1770 г.) и даже официальные бумаги (какъ напр., указъ генераль-прокурору Самойлову о рапортахъ верховнаго литовскаго правленія, см. «Пол. Собр. Зак.», № 17359), касающіяся графа Панина. Онъ печатаетъ, какъ неизданное, письмо Екатерины II, къ графу А. Г. Орлову, старается угадать его дату, и не подозревая, что оно давно, болѣе 20 лѣтъ назадъ, издано по оригиналу, хранящемуся въ государственномъ архивѣ¹⁾, съ отчетливой датой—2-е апрѣля 1789 г.

Бумаги семейнаго архива Паниныхъ подверглись «значительнымъ сокращеніямъ», настолько, что, какъ мы видѣли, нѣкоторыя изъ нихъ потеряли всякій смыслъ (стр. 65); изданныя же ранѣе документы перепечатываются цѣликомъ, безъ сокращеній. Въ первомъ томѣ «Матеріаловъ» г. Брикнеръ напечаталъ 247 сокращенныхъ нумеровъ и перепечаталъ цѣликомъ 44 нумера²⁾, т. е. почти пятую часть, увеличивъ безъ нужды объемъ книги, тѣмъ болѣе безъ нужды, что всѣ 44 перепечатки заимствованы изъ такихъ общедоступныхъ изданій, какъ «Сборникъ русскаго историческаго общества» и «Архивъ князя Воронцова». Если г. Брикнеръ не измѣнить своей системы, то въ слѣдующихъ двухъ томахъ ему придется перепечатать до 130 писемъ изъ «Архива князя Воронцова», занимающихъ до 20 печатныхъ листовъ, не считая 50 писемъ изъ «Русской Старины» и др., такъ что изъ двухъ обѣщанныхъ томовъ одинъ будетъ состоять изъ никому ненужныхъ перепечатокъ.

Со смертью графа Владиміра Викторовича родъ графовъ Паниныхъ угасъ. Онъ всецѣло принадлежитъ исторіи; о его представителяхъ можно и, смѣемъ думать, должно писать всю правду. Главная дѣятельность графовъ Паниныхъ принадлежитъ XVIII вѣку, вѣку фаворитизма, «случая» и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ Паниныхъ не былъ «въ случаѣ», всѣ они отличались честными, строгими правилами; какъ матеріальныя богатства, такъ высокіе чины и даже графское достоинство, были приобрѣтены ими своимъ личнымъ трудомъ; всѣ они были люди образованные, умные, съ

¹⁾ «Сборн. рус. ист. общества», I, 110. Г. Брикнеръ напечаталъ письмо съ копій, очевидно, небрежно сдѣланной—безъ даты и съ разночтеніями.

²⁾ Изъ 292 документовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ I томѣ, 42 уже раньше были напечатаны. Г. Брикнеръ ошибается: имъ изданъ 291 документъ, въ томъ числѣ 44 старыхъ: № 64, по невѣдѣнію только признанный имъ за новый, и письмо графа Панина къ Воронцову, отъ 19 апрѣля 1799 г., разбитое имъ на шесть клочковъ (стр. 105, 131, 277, 279, 295 и 301), но занимающее болѣе пяти страницъ, перепечатано изъ «Арх. кн. Воронцова», XI, 69.

твердымъ характеромъ, недопускавшіе сдѣлокъ ни съ совѣстью, ни съ честью. Такимъ былъ и графъ Никита Петровичъ. Племянникъ воспитателя Павла Петровича, онъ пользовался благосклонностью великаго князя, переписывался съ нимъ, но вскорѣ навлекъ на себя его немилость. Вотъ какъ онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ 1799 г. графу Воронцову:

«Въ 1791 году я поселился въ Петербургѣ, чтобы нести службу въ качествѣ камеръ-юнкера. Въ императорской семьѣ я не нашелъ уже того единенія и согласія, котораго я имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ по своему возвращеніи изъ финляндскаго похода. Нелидова царица уже; великая княгиня, нынѣшняя императрица, была оставлена, съ нею дурно обходились, придворные презирали ее. Я не послѣдовалъ этому примѣру. Мое поведеніе не понравилось. Желая привлечь меня въ число обожателей своего идола, великій князь употреблялъ сперва ласки, потомъ холодность, наконецъ угрозы. Ласки меня не соблазняли; угрозы не могли напугать меня. Были пущены въ ходъ лукавыя, метафорическія рѣчи, которыми мнѣ давали знать, что благосклонность великаго князя будетъ мнѣ наградою за слѣпое повиновеніе тому, чего отъ меня требовали, т. е. уваженія къ Нелидовой, презрѣнія къ великой княгинѣ. Я отвѣчалъ, что не понимаю иносказательныхъ рѣченій и злоба противъ меня удвоилась. Такъ какъ всѣ эти намеки доходили до меня окольными путями и чрезъ посредство крайне презрѣнныхъ людей, то я выразилъ желаніе объясниться съ самимъ великимъ княземъ. Это объясненіе состоялось и оно-то окончательно погубило меня въ его мнѣніи. Невозможно довѣрить перу все, что говорилось на этомъ свиданіи, происходившемъ въ августѣ 1791 г.; достаточно вамъ сказать, что мое сопротивленіе вызвало изъ устъ самого императора слѣдующія громовыя слова: «*Le chemin que vous tenez, monsieur, ne peut vous conduire qu'à la fenêtré ou à la porte.* Я отвѣчалъ, что не уклонюсь съ пути, предписываемаго честью, и удалился изъ кабинета, не ожидая того движенія головою, которое означаетъ: уберите вонъ¹⁾».

Узнавъ объ этомъ, Екатерина II сдѣлала графа Панина церемониймейстеромъ, потомъ оберъ-церемониймейстеромъ. Положеніе графа Панина при дворѣ было, однако, крайне непріятное—каждая милость императрицы вызывала неудовольствія великаго князя. Екатерина II понимала это, искала, казалось, случая дать такое мѣсто графу Панину, которое защитило бы его отъ непріятностей со стороны великаго князя: она предназначала его посланникомъ то въ Неаполь, то въ Гаагу, но, по обстоятельствамъ времени, эти назначенія не могли состояться; наконецъ, она назначила графа Панина, которому тогда не было еще 25 лѣтъ, губернаторомъ въ Литву съ переименова-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, XI, 70.

ніемъ въ армію генераль-маіоромъ. Графъ Панинъ тѣмъ болѣе былъ радъ этому назначенію, что ему приходилось служить подъ начальствомъ князя Репнина, который былъ друженъ съ отцемъ и любилъ его какъ сына. «Я вовсе не ожидалъ быть назначеннымъ въ армію; но ничто не сравнится съ моею радостью по случаю такой милости; вы помните, князь, что я давно уже искалъ чести служить подъ вашимъ начальствомъ», писалъ графъ Панинъ князю Репнину. Онъ пробылъ въ Гродно полтора года, исполняя, между прочимъ, обязанности комиссара по опредѣленію русско-прусской границы, за что получилъ анненскую звѣзду, и уѣхалъ изъ Гродно, недовольный и своею службою, и княземъ Репнинымъ. Въ этомъ случаѣ, онъ самъ былъ кругомъ виноватъ и только привязанность старика Репнина къ сыну своего друга избавила его отъ большихъ еще непріятностей. Дѣло въ томъ, что, служа подъ начальствомъ князя Репнина, онъ позволялъ себѣ, помимо своего начальника, переписываться по разграничительной комиссіи прямо съ канцлеромъ, графомъ Безбородко. Конечно, много лѣтъ спустя, сообщая графу Воронцову краткую исторію своей служебной карьеры, графъ Панинъ иначе уже рассказываетъ о своемъ назначеніи въ Литву: «Императрицѣ вздумалось назначить меня къ князю Репнину, въ Литву. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобъ избѣжать этого назначенія, заявляя о своей полной неспособности къ внутреннимъ дѣламъ, но тщетно. Тогда я просилъ, чтобъ меня переименовали въ армію. Меня переименовали генераль-маіоромъ и назначили литовскимъ губернаторомъ».

Это такъ просто, такъ естественно; между тѣмъ, г. Брикнеръ, не обращая вниманія на года и принимая каждую фразу за чистую монету, путается въ рѣшеніи пустого вопроса: графъ Панинъ былъ то «доволенъ» назначеніемъ къ князю Репнину, то «недоволенъ», ѣхалъ въ Гродно то «охотно», то «неохотно» (стр. 123, 131, 132). Между тѣмъ, самыя элементарныя начала исторической критики разрѣшали вопросъ довольно легко.

Въ разсматриваемомъ первомъ томѣ «Матеріаловъ» не видны ни *allgemeine historische Bildung*, ни *technische Schulung*, которыхъ г. Брикнеръ самъ же требуетъ отъ издателей архивнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи къ нему вполне примѣнимо изреченіе: «врачу, исцѣлися самъ».

Въ нынѣшнемъ году будетъ издана вторая часть «Матеріаловъ», въ двухъ томахъ. Въ виду этого считаемъ долгомъ высказать два пожеланія: во-первыхъ, чтобъ документы разбирались старательнѣе: графъ П. И. Панинъ, свободно выражавшійся пофранцузски, не могъ писать «ретражаментъ» (стр. 25)—было бы лучше просто отмѣтить «не разобрано» (стр. 20), тѣмъ болѣе, что графъ-воинъ говоритъ же о «ретраншированномъ лагерѣ» (стр. 35), и, во-вторыхъ, чтобъ изложеніе велось на русскомъ языкѣ: лучше бы

«жизнеописаніе» въ заголовкѣ не предпочитать біографіи въ текстѣ, но избѣгать Гаагъ (стр. 112, порусски употребляется не der Haag, но la Haye), карабина, не писать «полномочіе» въ женскомъ родѣ (стр. 164), «письма Панина съ графомъ Марковымъ» (стр. 163) и т. п. нерусскихъ выраженій, которыя встрѣчаются, къ сожалѣнію, слишкомъ ужъ часто и которыя легко могли бы быть исправлены къ корректурѣ. Что же касается формы изданія, она, конечно, останется тою же, и вторая часть представится также въ «полуразработанномъ видѣ»—г. Брикнеръ, очевидно, не признаетъ справедливою французскую поговорку: «il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée».

В. Бильбасовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Д. Н. БЪГИЧЕВЪ.

ВИДЯ ВЪ ОДНОМЪ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, куда всякія новости, а тѣмъ болѣе книжныя, доходятъ довольно поздно, я только недавно имѣла случай прочитать «Записки Ксенофонта Алексѣевича Полевого», изданныя въ прошломъ году отдѣльной книгой и печатавшіеся раньше, именно въ 1887 году, въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Записки эти очень меня заинтересовали, такъ какъ въ нихъ описывается эпоха мнѣ современная и встрѣчаются многія лица мнѣ извѣстныя. Но, къ глубокому моему прискорбію, я встрѣтила въ «Запискахъ» неосновательныя и совершенно несправедливыя нареканія на дорогого для меня человѣка — Дмитрія Никитича Бѣгичева, автора извѣстнаго въ свое время романа «Семейство Холмскихъ».

Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ былъ родной братъ моей матери Е. Н. Бѣгичевой, въ замужествѣ Яблочковой и, слѣдовательно, приходился мнѣ роднымъ дядей. Я имѣла счастье пользоваться дружбою и любовью не только Дмитрія Никитича, но и его старшаго брата, Степана Никитича, самаго близкаго пріятели А. С. Грибоѣдова. Память о моихъ добрыхъ дядяхъ и благодѣтеляхъ для меня священна, почему я считаю своимъ долгомъ опровергнуть ложное понятіе о Д. Н. Бѣгичевѣ, распространенное «Записками К. А. Полевого» и рѣшаюсь высказать здѣсь то, что мнѣ хорошо извѣстно изъ его жизни и дѣятельности.

Основанія, дающія поводъ К. А. Полевому дѣлать въ своихъ «Запискахъ» ложную характеристику Д. Н. Бѣгичева, опираются на путаныхъ денежныхъ расчетахъ издателя романа «Семейство

Холмскихъ» Н. А. Полевого съ его авторомъ Д. Н. Бѣгичевымъ, который за своей смертю не можетъ, разумѣется, возстановить истину; но мнѣ хорошо извѣстна сущность этого столкновения. Хотя романъ этотъ былъ изданъ въ 1833 г., я помню живо это давно прошедшее время, такъ какъ мнѣ тогда былъ уже 21 годъ.

Путаница въ денежныхъ расчетахъ между Н. А. Полевымъ и Д. Н. Бѣгичевымъ произошла отъ того, что послѣдній поручилъ первому издать свой романъ и Полевой самовольно удержалъ 5,000 рублей изъ суммы вырученной отъ продажи романа, выдержавшаго два изданія, при чемъ второе изданіе было сдѣлано типографскимъ Ширяевымъ уже безъ всякаго участія Н. А. Полевого. Не бывъ въ состояніи уплатить эти 5,000 рублей Д. Н. Бѣгичеву, Николай Алексѣевичъ самъ предложилъ ему вексель срокомъ на годъ. Правда, что онъ оправдывался въ глазахъ брата своего Ксенофонта въ самовольномъ удержаніи непринадлежащихъ ему денегъ тѣмъ, что считалъ себя въ правѣ получить ихъ, какъ вознагражденіе за свой четырехмѣсячный трудъ исправленія будто бы безграмотно написанной рукописи Бѣгичева; но въ такомъ случаѣ, почему же онъ не договорился съ самимъ авторомъ о гонорарѣ за свой трудъ исправленія его рукописи, а удержалъ его произвольно и затѣмъ выдалъ вексель въ суммѣ удержанныхъ денегъ? Дѣйствительно ли, однакожь, Н. А. Полевой исправлялъ романъ Бѣгичева? Тотъ, кто читалъ этотъ романъ, лишенный всякаго литературнаго достоинства, невольно усомнится въ томъ, что онъ исправленъ даровитымъ перомъ Н. А. Полевого. Мнѣ случилось недавно перечесть этотъ романъ, составляющій теперь библиографическую рѣдкость, и я остаюсь при убѣжденіи, что издатель его, Н. А. Полевой, не только не исправлялъ, но даже и не прочелъ внимательно многотомную рукопись неразборчиваго почерка Бѣгичева; иначе онъ исключилъ бы многія сцены, совершенно вводныя и безцѣльныя. Наконецъ, еслибы, при появленіи романа въ свѣтъ, Д. Н. Бѣгичевъ увидѣлъ, что даровитый издатель капитально передѣлалъ или исправилъ, къ прямой выгодѣ автора, его произведеніе, то, безъ сомнѣнія, по собственному побужденію, или при первомъ намекѣ Н. А. Полевого, поспѣшилъ бы вознаградить его за трудъ, сверхъ тѣхъ двухъ отрывковъ, которые, по желанію самого же Бѣгичева, были напечатаны безъ всякаго гонорара и безъ подписи, въ журналѣ «Московский Телеграфъ», издаваемомъ братьями Полевыми. Причина, побудившая автора «Семейство Холмскихъ» потребовать отъ издателей «Телеграфа» строгаго сохраненія его имени втайнѣ, была неизвѣстна тогда Полевому и онъ ошибочно приписываетъ это работѣ и недовѣрію автора къ своему литературному труду. Дѣло въ томъ, что Д. Н. Бѣгичевъ въ это время долженъ былъ вступить въ должность губернатора Воронежской губерніи; въ отрывкахъ же романа, появившихся въ «Московскомъ Телеграфѣ», была описана

жизнь Семена Алексѣевича Викулина, бывшаго тогда губернскимъ предводителемъ въ Воронежѣ. Весьма понятно нежеланіе губернатора, при самомъ своемъ вступленіи въ должность, вступить въ явную борьбу и вражду съ предводителемъ дворянства. Вѣроятно, судя по этимъ отрывкамъ, гдѣ выставлены происки и продѣлки Викулина, человѣка самаго низкаго происхожденія, для достиженія честолюбивыхъ цѣлей, чиновъ и крестовъ, Н. А. Полевой и вывелъ странное заключеніе, что романъ Бѣгичева представляетъ ничто иное, какъ общественную сплетню, до которой столь падоко большинство читателей. Еслибы издатель, обремененный разнообразными литературными занятіями, имѣлъ досугъ подробно ознакомиться съ переданной ему Д. Н. Бѣгичевымъ громадной рукописью, то не впалъ бы въ такую ошибку. Романъ «Семейство Холмскихъ» есть произведеніе бытописательное и въ высшей степени нравственное. Цѣль автора, кромѣ изображенія нравовъ тогдашняго общества, заключалась еще въ томъ, чтобы указать вліяніе разумной женщины на супружеское и семейное счастье; для этого онъ выставилъ различные характеры и замужества четырехъ сестеръ семейства Холмскихъ. Отрывки, напечатанные въ «Телеграфѣ» надѣлали въ свое время много шума, вслѣдствіе чего книгопродавецъ и типографщикъ Ширяевъ предложилъ Полевому отдать ему этотъ романъ на комиссію. Не отрицаю, что отрывки, появившіеся въ двухъ книжкахъ «Московского Телеграфа» отличаются большою живостью и бойкостью пера; но сомнѣваюсь, чтобы отдѣлка ихъ стоила много труда издателю. Мнѣ хорошо извѣстно, что не только всѣ факты, касающіеся характеристики Викулина, были переданы Д. Н. Бѣгичеву его двоюроднымъ братомъ И. П. Бѣхтѣевымъ, но даже вышли изъ-подъ пера Бѣхтѣева, обладавшаго большимъ юморомъ и даромъ слова. Бѣгичеву, какъ постоянному жителю Москвы, не могла быть извѣстна личность С. А. Викулина; Бѣхтѣевъ же былъ его сосѣдомъ по имѣнію въ Задонскомъ уѣздѣ, хорошо зналъ продѣлки Викулина при дворянскихъ выборахъ и его мнимую благотворительность. Бѣхтѣевъ присутствовалъ въ числѣ гостей при угощеніи Викулинымъ вельможи Б—ва, и живо изобразилъ всѣ смѣшныя стороны этого торжественнаго приѣма¹⁾.

Что же касается безграмотности Д. Н. Бѣгичева, о которой говорить въ «Запискахъ» Полевой, то я, находясь съ нимъ въ постоянной перепискѣ, никогда не встрѣчала въ его письмахъ орфографическихъ ошибокъ. Если же въ многотомной рукописи автора попались описки, то это еще не даетъ права обзывать его безграмотнымъ.

¹⁾ Эти два отрывка гр. А. Ө. Орловъ читалъ вслухъ государю Николаю Павловичу въ бытность его въ Воронежѣ, и по словамъ Тулинова, въ домѣ котораго квартировалъ государь, хохотъ его раздавался по всему дому. Авторъ достигъ цѣли; Викулинъ долженъ былъ подать въ отставку.

Мнѣніе, высказанное К. А. Полевымъ, что Бѣгичевъ, выйдя въ отставку, блаженствовалъ лѣтомъ въ деревнѣ, зимою въ Москвѣ, т. е. былъ празднымъ членомъ общества, совершенно неосновательно, такъ какъ Бѣгичевъ въ это время былъ опекуномъ трехъ большихъ имѣній: 1) по духовному завѣщанію своего дяди, генерала-аншефа Андрея Семеновича Кологривова¹⁾; 2) по просьбѣ сосланнаго Шатилова²⁾ и 3) по завѣщанію сосланнаго декабриста Муравьева. Къ тому же онъ писалъ тогда свой романъ и, какъ человѣкъ чрезвычайно любознательный, много читалъ на разныхъ языкахъ, и не въ его нравѣ было блаженствовать въ праздности. Любознательность моего дяди Д. Н. мнѣ хорошо извѣстна по одному факту, имъ самимъ мнѣ переданному, когда я случайно услышала какъ онъ разговаривалъ съ итальянцемъ на его родномъ языкѣ, что меня удивило, ибо до этого я не знала, что дядя изучалъ итальянскій языкъ. Считаю не лишнимъ передать этотъ эпизодъ для его характеристики.

Когда въ 1812 году его дядѣ генералу А. С. Кологривову ввѣрено было формированіе кавалеріи въ Тамбовѣ, молодой 23-хъ-лѣтній Д. Н. Бѣгичевъ, былъ сдѣланъ правителемъ его канцеляріи, и по малограмотности Кологривова (бывшаго Павловскаго генерала, обогащеннаго императоромъ Павломъ I) вся тяжесть отвѣтственныхъ занятій, требовавшихъ и поспѣшности, и строгой отчетности, лежала на молодомъ правителѣ канцеляріи.

Извѣстно, что въ 1812 году, большинство московской аристократіи, спасаясь отъ французскаго нашествія, переехало въ Тамбовъ. Въ числѣ пріѣзжихъ находился и В. А. Жуковскій, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ П. Н. Чебышовымъ, женатымъ на родной сестрѣ А. С. Кологривова. Д. Н. Бѣгичевъ съ завистью слыша какъ Жуковскій и Чебышевъ читали Байрона и Тасса въ оригиналахъ, принялся, не взирая на свои служебныя занятія, изучать языки англійскій и итальянскій. Пониманіе его англійскаго языка доказывается, между прочимъ, прекрасно избранными имъ эпиграфами на этомъ языкѣ въ его романѣ «Семейство Холмскихъ».

Бывъ полновластнымъ правителемъ канцеляріи генерала Кологривова и пользуясь его неограниченнымъ довѣріемъ, молодой Д. Н. Бѣгичевъ ворочалъ сотнями тысячъ и выпелъ чистымъ отъ соблазна воспользоваться хотя самой ничтожной суммой изъ ввѣреннаго ему казеннаго капитала. Дядя мой говорилъ мнѣ, что при

¹⁾ Опекунство это вовлекло его въ неприятную борьбу съ расточительной матерью сиротъ Кологривовыхъ.

²⁾ Мнѣ случилось слышать, уже по смерти дяди, благодарность за его честное и дѣятельное опекунство отъ тетки дѣтей Шатиловыхъ—Алябевой. Это доказываетъ, что Бѣгичевъ былъ опекуномъ не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ.

его молодости (прибавлю отъ себя, и при замѣчательно красивой наружности) при его увлеченіи вихремъ свѣта и недостаточности средствъ, ему не разъ приходило въ мысли искушеніе, но его предохранило отъ нравственнаго паденія какое-то сновидѣніе, которое дядя передалъ мнѣ, но я, къ сожалѣнію, забыла его. Вѣрнѣе всего, что его удерживали отъ такого шага твердыя, нравственныя правила.

О дружбѣ его съ Грибоѣдовымъ, К. А. Полевой въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что Грибоѣдовъ изобразилъ своего друга Д. Н. Бѣгичева въ «Горе отъ ума»—въ лицѣ Платона Михайловича. Но беззаботный характеръ послѣдняго рѣшительно ни въ чемъ не сходенъ съ энергично-дѣятельномъ характеромъ Д. Н. Бѣгичева. Молва же объ изображеніи Д. Н. Бѣгичева въ роли Платона Михайловича распространилась вслѣдствіе одного незначащаго случая. Въ 1823 году А. С. Грибоѣдовъ гостилъ лѣтомъ въ деревнѣ¹⁾ друга своего Степана Никитича Бѣгичева, и здѣсь исправлялъ и кончалъ свою безсмертную комедію, поселясь въ саду, въ бесѣдкѣ, освѣщаемой двумя большими окнами. Д. Н. Бѣгичевъ въ это лѣто пріѣхалъ къ брату съ своею женою. Разъ Грибоѣдовъ пришелъ въ домъ къ вечернему чаю и нашель обоихъ братьевъ Бѣгичевыхъ сидящими у открытаго окна въ жаркой бесѣдѣ о давно прошедшихъ временахъ. Такъ какъ вечеръ былъ очень теплый, то Дмитрій Никитичъ растегнулъ жилетъ. Жена его Александра Васильевна²⁾, боясь, чтобы мужъ не простудился, нѣсколько разъ подходила къ нему, убѣждая застегнуть жилетъ и ссылаясь на сквозной вѣтеръ. Д. Н., увлеченный разговоромъ, не обращалъ вниманія на ея просьбы, и наконецъ, съ нетерпѣніемъ, воскликнулъ: «Эхъ, матушка!» и обратясь къ брату сказала: «А славное было время тогда!» А. С. Грибоѣдовъ, безмолвный свидѣтель этой сцены, расхохотался, побѣжалъ въ садъ, и вскорѣ за тѣмъ принесъ свою рукопись, прочель имъ сцену между Платонъ Михайловичемъ и Натальей Дмитріевной, только-что имъ написанную, прибавивъ при этомъ: «Ну, не подумайте, что я васъ изобразилъ въ этой сценѣ; я только-что окончилъ ее передъ приходомъ къ вамъ». Конечно, всѣ смѣялись и такъ какъ этотъ маленькій эпизодъ былъ переданъ Д. Н. Бѣгичевымъ братьямъ его жены и, между прочимъ, Денису Васильевичу, словоохотливому весельчаку, то не мудрено, что стоустая московская молва успѣшила разнести вѣсть, что А. С. Грибоѣдовъ изобразилъ своего друга Д. Н. Бѣгичева въ роли Платона Михайловича. Жена Д. Н. Бѣгичева, Александра Васильевна, не имѣла ничего общаго съ свѣтской и безцвѣтной московской барыней Натальей Дмитріевной, изображенной въ «Горе

¹⁾ Ефремовскаго уѣзда, с. Дмитровка.

²⁾ Урожденная Давыдова, родная сестра партизана Д. В. Давыдова.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г., т. XXXV.

отъ ума». А. В. росла сиротою, подъ строгимъ надзоромъ своей родной тетки Ек. Евд. Бибиковой, и была вынуждена съ 18-ти-лѣтняго возраста взятися за управление имѣніемъ не только тетки, вдовы съ разстроеннымъ состояніемъ, но и имѣніями своихъ трехъ братьевъ Давыдовыхъ, которые всѣ были на службѣ. Ихъ уваженіе и благодарность сестрѣ за ея заботы были безпрѣдѣльны.

Въ «Запискахъ» К. А. Полевого говорится о Д. Н. Бѣгичевѣ еще слѣдующее: «Дмитрій Никитичъ, отличавшійся необыкновеннымъ добродушіемъ» (что вполне справедливо), «казалось, долженъ былъ навсегда остаться добрымъ московскимъ семьяниномъ, когда положеніе его вдругъ перемѣнилось. Сослуживецъ и пріятель его въ старыя времена, Арсеній Андреевичъ Закревскій, уже графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не знаю по какому побужденію, предложилъ Д. Н. Бѣгичеву занять мѣсто въ одной изъ русскихъ губерній. Такъ говорилъ намъ объ этомъ самъ Бѣгичевъ; но, вѣроятно, что онъ, во имя старой пріязни, просилъ гр. Закревскаго о хорошемъ мѣстечкѣ, и тотъ, истинно попріятельски, исполнилъ его просьбу: изъ полковниковъ въ отставку, Бѣгичевъ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ губернаторомъ Воронежской губерніи».

Всѣ эти комментаріи и предположенія К. А. Полевого, ни на чемъ не основаны. Что Д. Н., говоря съ Полевымъ о предложенномъ ему гр. Закревскимъ мѣстѣ въ одной изъ русскихъ губерній, не упомянулъ даже, что это мѣсто губернатора, по скромности и отсутствію тщеславія—это весьма вѣроятно. Но что гр. Закревскій предложилъ ему это мѣсто по старой пріязни, и что онъ былъ сослуживецъ Бѣгичева, эти предположенія Полевого не вѣрны. Сколько мнѣ извѣстно, гр. Закревскій началъ свою службу на гражданскомъ поприщѣ, Бѣгичевъ же, воспитанный въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ въ гусарахъ. Что Бѣгичевъ просилъ графа о хорошемъ мѣстечкѣ, это также не справедливо. Дѣйствительно, вслѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ московскимъ губернаторомъ Безобразовымъ, Бѣгичевъ рѣшился удалиться изъ Москвы и поступить на службу въ провинцію; но прося объ этомъ графа Закревскаго по убѣжденію своего стараго друга московскаго губернскаго предводителя Петра Хрисанѣовича Оболянинова, Д. Н. Бѣгичевъ ожидалъ получить какое-либо незначачщее мѣсто, почему очень неохотно склонился на доводы Оболянинова. Столкновеніе его съ губернаторомъ произошло по поводу не выдачи Бѣгичеву рекрутской квитанціи и оставленія Безобразовымъ безъ вниманія его жалобы на дерзкую выходку засѣдателя, явившагося въ подмосковную Бѣгичева¹⁾, съ понятыми и самовольно начавшаго хватать въ лѣсу мужиковъ, рубившихъ дрова, отчего произошло побоище, вслѣд-

¹⁾ Село Якшино, близъ Лопасни.

ствіе котораго, испуганный засѣдатель, боясь за свою личность, прискакавъ въ усадьбу, съ дерзкой наглостью вбѣжалъ въ залу дома, въ отсутствіе хозяина дома, Бѣгичева, грозилъ въ присутствіи хозяйки дома, заставъ ее за обѣдомъ, заковать прислугу, служившую за столомъ. Это такъ напугало А. В. Бѣгичеву, что Д. Н. по возвращеніи домой, нашелъ ее больною въ постели.

Двѣ докладныя записки, поданныя Бѣгичевымъ губернатору, остались безъ послѣдствій. Рекрутъ, поставленный имъ, сказавшійся больнымъ какими-то припадками, не возвращенъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ на испытаніе болѣзни въ больницѣ полагалось 6 недѣль. Бѣгичевъ, не получая рекрутской квитанціи, вынужденъ былъ искать правосудія у высшей власти и подалъ прошеніе гр. Закревскому, пріѣхавшему тогда въ Москву¹⁾. На вопросъ Закревскаго губернатору объ этомъ дѣлѣ, Безобразовъ отвѣчалъ такъ: «Помните мнѣ, что я самъ разбиралъ это дѣло, но я знаю, что Бѣгичевъ большой сутяга и ябедникъ, надоѣвший всѣмъ судамъ своими ябедами». Мнѣніе это легко было опровергнуть, такъ какъ Бѣгичевъ никогда, ни съ кѣмъ не судился, и ни одной жалобы ни въ одинъ судъ никогда не подавалъ.

Чтобы опровергнуть такую ложную аттестацію, сдѣланную губернаторомъ о Д. Н. Бѣгичевѣ, всѣми уважаемый предводитель, П. Хр. Оболяниновъ, написалъ наилучшій аттестатъ Д. Н. Бѣгичеву, за подписью 20-ти извѣстныхъ и уважаемыхъ лицъ, убѣдилъ Д. Н. при подачѣ прошенія о мѣстѣ гр. Закревскому присоединить и этотъ документъ, заслуживавшій еще болѣе довѣрія тѣмъ, что Бѣгичевъ, не за долго до того, былъ избранъ московскимъ обществомъ въ совѣтныя суды, но отъ этой должности отказался.

Хотя Закревскій давно зналъ Д. Н. Бѣгичева, какъ человѣка исполнѣ честнаго и энергичнаго, однако, пожелалъ еще испытать прямоту его характера, для чего просилъ разсмотрѣть тяжбу его родственницы и сказать свое мнѣніе. Бѣгичевъ, найдя эту тяжбу исполнѣ противузаконной, сказалъ о томъ графу откровенно.

И такъ, вотъ на основаніи какихъ данныхъ Закревскій назначилъ Д. Н. Бѣгичева на должность губернатора въ Воронежъ, и по какимъ причинамъ Бѣгичевъ изъявилъ желаніе поступить въ гражданскую службу, не ожидая вовсе такого повышенія.

По поводу его назначенія губернаторомъ, Н. А. Полевой (какъ это сказано въ «Запискахъ» К. А.) не разъ говорилъ: «не знаю, какъ этотъ добрякъ (курсивъ въ подлинникѣ) справится съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ управленіемъ, какъ губернаторское».

¹⁾ Инцидентъ этотъ дерзкаго поступка засѣдателя былъ описанъ Бѣгичевымъ въ романѣ «Семейство Холмскихъ» въ лицѣ Инfortunатова, съ нѣкоторыми измѣненіями. Инfortunатовъ, принявшій лично участіе въ побойцѣ, избилъ засѣдателя, за что и пострадалъ самъ.

«Братъ ошибался, добавляетъ К. А., добрякъ (опять курсивъ) справился съ управленіемъ и даже возвысился на губернаторскомъ мѣстѣ».

Ложное понятіе Полевыхъ о добрякѣ Вѣгичевѣ вполнѣ опровергается всѣми выдающимися фактами его служебной дѣятельности, и я рѣшаюсь привести ихъ, чтобъ возстановить добрую память о моемъ дядѣ, которому братья Полевые придали разные оскорбительные эпитеты единственно вслѣдствіе столкновенія изъ-за денежныхъ расчетовъ, когда по прошествіи десяти лѣтъ послѣ выдачи перваго векселя въ 1833 году Н. А. Полевымъ, братъ его Ксенофонтъ уплатилъ въ 1843 году Д. Н. Вѣгичеву 5,000 руб. за брата.

Д. Н. Вѣгичевъ принялъ управленіе Воронежской губерніею въ концѣ 1829 года. Въ это самое время начали проявляться и повсемѣстно оглашаться чудесныя исцѣленія святителя Митрофана, нетлѣнныя мощи котораго покоились въ могилѣ у иконы Смоленской Божіей Матери въ соборѣ. Стеченіе народа на поклоненіе святителю было громадное и въ это же время, лѣтомъ 1830 года, впервые появилась въ городѣ Воронежѣ холера, еще неизвѣстная въ Россіи, и уносившая ежедневно въ городѣ отъ 300 до 350 жертвъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Д. Н. Вѣгичевъ выказалъ вполнѣ самоотверженную дѣятельность. Бывъ самъ первымъ добротнымъ и щедрымъ дателемъ, не взирая на свои разстроенныя финансы ¹⁾, онъ умѣлъ склонить капиталистовъ изъ купцовъ и дворянъ къ пожертвованіямъ, и его неусыпными заботами, въ нѣсколько дней, устроились временныя больницы для холерныхъ на 200 кроватей. Сверхъ того, онъ озаботился о скоромъ изготовленіи гробовъ въ потребномъ количествѣ; нанялъ возчиковъ для отвоза гробовъ на вновь отвѣденное вдаль отъ города кладбище, и самъ ежедневно посѣщалъ больницы, и кладбище, забывая объ опасности заразы. Прославленный противухолерный, воронежскій элексиръ, по распоряженію губернатора, заготовлялся во всѣхъ аптекахъ и разсылался даромъ бѣднѣйшимъ жителямъ города.

Во время открытія мощей св. Митрофана въ 1832 году, заботы губернатора о соблюденіи порядка не только въ городѣ, но и въ храмѣ, гдѣ почивали мощи святителя, были также неусыпны. Чтобы дать возможность всѣмъ поклонникамъ помолиться у мощей и приложиться къ нимъ, двери храма не затворялись ни днемъ, ни ночью; иначе, при стеченіи до 60,000 простого народа, многіе изъ поклонниковъ, принесшіе въ жертву и свой трудъ, и свой послѣдній грошъ, не имѣли бы средствъ долго содержать себя въ городѣ, были бы лишены отрады приложиться къ мощамъ. Для соблюденія порядка,

¹⁾ Вѣгичевъ вынужденъ былъ продать свою любимую подмосковную, с. Яшино, при своемъ переселеніи въ Воронежъ.

полиція попеременно должна была находиться неотлучно въ храмѣ, и губернаторъ такъ строго наблюдалъ за исполненіемъ его распоряженій, что, по окончаніи служебныхъ занятій, въ два часа ночи, отправлялся въ соборъ, чтобы лично удостовѣриться въ исполненіи полиціей его приказаній. Дѣйствительно, порядокъ въ храмѣ, какъ во время открытія мощей, такъ и на слѣдующій годъ при перенесеніи ихъ во вновь перестроенный соборъ, былъ образцовый.

1831 годъ ознаменовался необыкновеннымъ урожаемъ и преимущественно въ Воронежской губерніи. Хлѣбъ былъ необычайно дешевъ, и по этому въ Воронежъ былъ присланъ интендатскій полковникъ Ивановъ для закупки ржи, овса, гречихи для войска на цѣлый милліонъ. Такъ какъ справочныя цѣны вполнѣ зависѣли отъ губернатора, то Ивановъ, въ виду своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, упрашивалъ Д. Н. Бѣгичева показать цѣну на хлѣбъ много выше его настоящей стоимости, на что, конечно, губернаторъ согласиться не могъ. Дѣло дошло до того, что Бѣгичевъ, опасаясь, чтобы Ивановъ, постоянно оспоривавшій справочныя цѣны, не сдѣлалъ бы какого-нибудь подлога, черезъ жандармскаго полковника арестовалъ казенныя деньги и передалъ ихъ на храненіе въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Ни какія ухищренія и происки Иванова не могли поколебать губернатора, какъ вдругъ встрѣтилось неожиданное обстоятельство, давшее ему надежду на успѣхъ. Къ Д. Н. Бѣгичеву пріѣхалъ другъ и зять его Яблочковъ, очутившійся ввезапно въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Отецъ мой, Павелъ Михайловичъ Яблочковъ ¹⁾, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, отличавшійся предпримчивостью, необыкновенной щедростью и готовый всегда на помощь ближнему ²⁾, разными удачными, и хорошо обдуманнми оборотами, утроилъ свое состояніе; но затѣмъ, вовлеченный силою обстоятельствъ, завелъ винокуренный заводъ въ огромномъ размѣрѣ, и, поневолѣ, въ противность своимъ честнымъ убѣжденіямъ, вступилъ въ откупа, вновь открытыя въ 1826 г. Различныя неблагопріятныя обстоятельства, холерныя карантинныя, запрещеніе свадебъ до узаконенныхъ лѣтъ, дешевизна хлѣба и къ тому же обманы нѣсколькихъ его компаніоновъ, небогатыхъ родныхъ, принятыхъ имъ въ дѣло по его рѣдкой добротѣ сердца, безъ всякаго капитала и залоговъ, все это вмѣстѣ сдѣлало его несостоятельнымъ въ уплатѣ казеннаго акциза. По тремъ городамъ на Яблочковѣ числилось до 140,000 р. недоимки, и ему, большому старику, приходилось ѣхать, просить царской милости, чтобы не допустить своихъ залогодателей до разоренія. Отличаясь

¹⁾ Родной дѣдъ Павла Николаевича Яблочкова, изобрѣтателя электрической свѣчи.

²⁾ Въ домѣ моихъ родителей воспитывались вмѣстѣ съ нами, дѣтьми ихъ, одновременно до 30-ти бѣднѣйшихъ сиротъ.

необыкновенной набожностью, доходившей до аскетизма, Павел Михайлович желалъ передъ этимъ тяжелымъ путешествіемъ въ Петербургъ помолиться въ Задонскѣ и въ Воронежѣ и при этомъ повидаться съ своими друзьями Бѣгичевыми. Уважая сестру Александру Васильевну, какъ женщину чрезвычайно умную и практичную, отецъ мой ожидалъ услышать отъ нея благой совѣтъ, какимъ образомъ удержать состояніе его дѣтей отъ полнѣйшаго разоренія,—и онъ не ошибся въ своемъ ожиданіи. Сверхъ того, онъ зналъ, что болѣе всѣхъ другихъ его залогодателей могутъ пострадать залого его братьевъ и друзей, обоихъ Бѣгичевыхъ. Дѣйствительно, оба брата Бѣгичевы посовѣтовали ему перевести недоимку на залого ихъ имѣній, чѣмъ и спасено было достояніе сиротъ Яблочкова, скончавшагося въ Москвѣ въ 1831 г. на возвратномъ пути изъ Петербурга.

Когда до свѣдѣнія Иванова дошло, что губернаторъ встревоженъ угрожающимъ разореніемъ родной ему семьи, и что даже его собственные интересы замѣшаны здѣсь, то счелъ это обстоятельство вполне удобнымъ для того, чтобы попытаться еще разъ склонить Бѣгичева къ исполненію своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, подкупивъ его очень значительной взяткой. Ивановъ явился рано утромъ въ кабинетъ Д. Н. съ большимъ пучкомъ ассигнацій, завязанныхъ въ платкѣ. Въ это самое время Яблочковъ, бесѣдуя съ сестрой Александрой Васильевной о предстоящей поѣздкѣ и угрожавшихъ ему бѣдствіяхъ, оба горько плакали въ гостиной. Вдругъ къ нимъ вошелъ Дм. Ник. съ блѣднымъ встревоженнымъ лицомъ и воскликнулъ: «Ну, полно вамъ рюмить! Я теперь богатъ, и ты, братъ, въ Петербургъ не поѣдешь кланяться и искать милости; я уплачу всю твою недоимку».

И жена его, и Яблочковъ, съ удивленіемъ спросили: откуда ему внезапно привалило такое богатство? — «Просто, взялъ взятку съ Иванова, который мнѣ давно надоѣлъ своими заискиваніями»,—отвѣчалъ съ притворной улыбкой Бѣгичевъ. Жена его, услышавъ эти слова, упала на диванъ въ нервномъ припадкѣ, а зять Яблочковъ, весь дрожащій, вскочилъ съ кресла и воскликнулъ: «Ну, теперь я вполне несчастный человѣкъ, потерявъ вѣру въ добродѣтель въ лицѣ друга и брата Дмитрія!» Тогда Д. Н. самъ испугался своей шутки, удивляясь, что они не поняли ее, и прибавилъ: «Благодарите Бога, что я не далъ въ рожу этому негодяю, я былъ такъ взбѣшенъ, что, затопалъ ногами, закричалъ: вонъ отсюда, мерзавецъ! И онъ такъ перепугался, что, схвативъ свой узелокъ, стремглавъ бросился въ дверь». Эпизодъ этотъ былъ мнѣ переданъ моимъ отцомъ, и глубоко врѣзался въ моей памяти¹⁾.

¹⁾ Финалъ казнокрадства Иванова былъ для него очень плачевный. По инициативѣ Бѣгичева, жандармскій полковникъ Коптевъ сдѣлалъ на него доносъ и Ивановъ былъ сосланъ въ Сибирь, на поселеніе.

Въ 1833 году, при засухѣ отъ сильныхъ жаровъ, во всѣхъ южныхъ, степныхъ губерніяхъ былъ такой неурожай, что цѣна на рожь доходила до 30 рублей ассигнаціями за четверть. Воронежской губерніи угрожаль голодъ. По донесенію о томъ губернатора, просившаго правительственной помощи, въ его распоряженіе былъ присланъ миллионъ рублей для прокормленія населенія Воронежской губерніи. Благоразумными мѣрами губернатора, изслѣдовавшаго заранее народныя нужды во всѣхъ уѣздахъ ввѣренной ему губерніи, своевременно была подана помощь всѣмъ нуждающимся въ насущномъ хлѣбѣ. Но при этомъ, крѣпостные крестьяне должны были быть обезпечены своими помѣщиками, у большинства которыхъ были хлѣбные запасы ржи. Сверхъ того, объѣздивъ всю губернію, губернаторъ узнавалъ у кого изъ богатыхъ помѣщиковъ и торгующихъ хлѣбомъ купцовъ находились большіе склады зерна, и убоженіями склонялъ ихъ къ уступкамъ въ цѣнѣ, безъ притязаній на большіе барыши, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. Благодаря такимъ энергичнымъ мѣрамъ, Вѣгичеву удалось продовольствовать Воронежскую губернію такъ хорошо, что ему отъ всѣхъ сословій, городскихъ и сельскихъ, были поднесены благодарственные адреса, которые были опубликованы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». На народное прокормленіе всей губерніи было истрчено Д. Н. Вѣгичевымъ только 300,000, а остальные 700,000 онъ возвратилъ назадъ въ Петербургъ. И за такой безукоризненный поступокъ, Д. Н. вмѣсто награды, просилъ только скинуть часть дешеваго подряда вина съ винокуреннаго завода сиротъ Яблочковыхъ, такъ какъ поставка его, при дороговизнѣ хлѣба, должна бы разорить ихъ. Въ уваженіе оказанныхъ заслугъ, просьба его была исполнена.

Описанные мною факты служебной дѣятельности моего дяди, Д. Н. Вѣгичева, должны, мнѣ кажется, убѣдить читателей, что братья Полевые, раздраженные противъ него за уплату Ксен. Алекс. 5,000 рублей долга брата черезъ 10 лѣтъ послѣ захвата этихъ денегъ, совершенно не знали личныхъ качествъ Вѣгичева, и писали о немъ вполнѣ несправедливо. Негодовать же на Д. Н., также какъ и на другихъ своихъ кредиторовъ, за то, что они представляли векселя по взысканію, Н. А. Полевой не имѣлъ права. Кредиторы, имѣя въ виду, въ то время, громкую славу знаменитаго и плодовитаго писателя, одобреннаго даже самимъ государемъ, находились въ совершенномъ невѣдѣніи о его стѣсненномъ положеніи; напротивъ, они могли полагать, что Полевой зарабатываетъ своимъ талантомъ большія деньги.

При всемъ тяжеломъ впечатлѣніи, какое оставило во мнѣ прочтеніе «Записокъ» К. А. Полевого, понудившихъ меня взяться за перо, при моихъ старческихъ годахъ, но при свѣжести памяти, не взирая на мои 77 лѣтъ, «Записки» эти возбудили во мнѣ много воспоминаній изъ современной мнѣ эпохи.

Мнѣ было всего 12 лѣтъ, когда я провела зиму въ Москвѣ у моего дяди Степана Никитича Бѣгичева, у котораго тогда, въ 1823 году, жилъ его другъ А. С. Грибоѣдовъ. Они оба имѣли большое вліяніе на мое умственное развитіе. Слова А. С. Грибоѣдова, говорившаго мнѣ: «Лиза, не люби свѣта и его побрякушекъ; будь деревенской дѣвушкой, ты тамъ будешь больше любима, а главное, научишься сама лучше любить»,—глубоко запавшія мнѣ въ душу, сохранились живо въ моей памяти, и дали мнѣ направленіе къ тихой семейной жизни. Даже любовь къ музыкѣ, и серьезному чтенію были развиты во мнѣ моимъ дядей С. Н. Бѣгичевымъ и его другомъ А. С. Грибоѣдовымъ. Въ эту зиму Грибоѣдовъ продолжалъ отдѣлывать свою комедію «Горе отъ ума» и чтобы вѣрнѣе схватить всѣ оттѣнки московскаго общества, ѣздилъ на обѣды и балы, до которыхъ никогда не былъ охотникъ, а за тѣмъ уединялся по цѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ. Тогда по вечерамъ раздавались его чудныя импровизаціи на рояли, и я, имѣя свободный доступъ въ его кабинетъ, заслушивалась ихъ до поздней ночи. У меня сохранился, сочиненный и написанный самимъ Грибоѣдовымъ вальсъ, который онъ передалъ мнѣ въ руки. Прилагаю этотъ вальсъ, въ увѣренности, что онъ можетъ и теперь доставить многимъ удовольствіе.

Дядя С. Н. Бѣгичевъ при богатствѣ своей жены ¹⁾ могъ бы жить роскошно въ Москвѣ, но такъ какъ онъ, подобно другу своему Грибоѣдову, не любилъ свѣтскихъ удовольствій, то всю роскошь въ его домашнемъ обиходѣ составляли гастрономическіе обѣды и дорогія вина, которые такъ славились, что привлекали въ домъ его многихъ пріятныхъ собесѣдниковъ.

Почти ежедневными посѣтителями дяди были, между другими, князь В. Ѡ. Одоевскій, очень еще тогда молодой, почти юноша, и товарищъ его по изданію сборника «Мнемозина» Кюхельбекеръ, который давалъ мнѣ уроки русскаго и нѣмецкаго языковъ. Часто оживлялъ общество весельчакъ А. Н. Верстовскій, который тогда написалъ знаменитый свой романсъ «Черная шаль» и пѣвалъ его съ особеннымъ выраженіемъ, своимъ небольшимъ баритономъ, аккомпанируемый Грибоѣдовымъ. Остроумный и словоохотливый Денисъ Васильевичъ Давыдовъ сыпалъ острыми шутками и разказами о быломъ. Понятно, что такое пріятное общество, и при томъ съ приправой лучшихъ винъ и изысканнаго обѣда, приманивало многихъ посѣтителей. Бестужевъ, издатель альманаха «Полярная Звѣзда», искалъ знакомства съ С. Н. Бѣгичевымъ, но А. С. Грибоѣдовъ совѣтовалъ ему избѣгать Бестужева, зная замыслы декабристовъ, которымъ впрочемъ А. С. не придавалъ значенія, что и выразилъ въ отвѣтъ Чацкаго Репетилову: «Шумите вы—и только!»

¹⁾ Урожденной Барышняковой.

Вальсъ сочиненный А. С. Грибоѣдовымъ въ 1823 году.

Allegro

p *Ped*

Ped

Ped

Ped

Fine *ac-cel-le-ran-do*

ff *Ped*

f *Ped*

Presto

ff *Ped*

f *P*

pp *ff* *cres* *cen-do*

di-mi-nu-en-do *p* *Ped*

ritardando *morendo*

Da capo volte subito.

Никто не могъ ожидать, чтобы разсѣянный мечтатель и ипохондрикъ Кюхельбекеръ могъ быть завербованъ въ политическій заговоръ. Его разсѣянность давала поводъ къ многимъ забавнымъ анекдотамъ, но это не мѣшало ему обладать литературнымъ талантомъ. Я обязана Кюхельбекеру тѣмъ, что онъ познакомилъ меня съ красотами поэзіи, а Грибоѣдову тѣмъ, что научилъ меня понимать высоко-поэтическія достоинства псалмовъ Давида, заставляя переводить нѣкоторые изъ нихъ.

Нравственное вліяніе С. Н. Бѣгичева на Грибоѣдова, начавшееся съ 1812 года, когда Грибоѣдовъ, попавъ изъ университета въ гусары, увлекался разсѣянной жизнью военной молодежи, продолжалось до конца его жизни. Степанъ Никитичъ былъ на 9 лѣтъ старше Грибоѣдова, и А. С. уважалъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ, и здравымъ смысломъ, необычайно добраго, безъ всякихъ эгоистическихъ и честолюбивыхъ цѣлей, и всегда поддавался благотворному вліянію своего друга. Могу прибавить къ этому, что С. Н. Бѣгичевъ всегда входилъ и въ матеріальные интересы Грибоѣдова, которые бывали порою очень стѣснены, вслѣдствіе расточительности его матери. Дружеская помощь С. Н. не разъ выручала его изъ затрудненій.

На сколько сильно было вліяніе С. Н. Бѣгичева на Грибоѣдова служитъ доказательствомъ, что Александръ Сергѣевичъ, какъ бы предчувствуя свою гибель, очень не желалъ принять предлагаемый ему постъ посланника въ Персію, и принялъ его единственно по убѣжденіямъ своего друга С. Н. Бѣгичева. С. Н. былъ увѣренъ, что при знаніи Грибоѣдовымъ восточныхъ языковъ, при его знакомствѣ съ нравами и обычаями персіянъ, онъ могъ принести на этомъ постѣ большія услуги Россіи. Какъ же поразилъ С. Н. трагическій конецъ его душевнаго друга! Онъ упрекалъ себя въ рановой кончинѣ Грибоѣдова, зная что мечтой послѣдняго, было—поселиться въ деревнѣ, и посвятить себя литературнымъ трудамъ. Внезапная вѣсть объ убіеніи Грибоѣдова разомъ состарила дядю С. Н.; онъ вдругъ посѣдѣлъ, и съ этихъ поръ ничто не могло развлечь его сердечной скорби.

Въ настоящее, переживаемое нами время эгоизма и холоднаго расчета, такія безкорыстныя, свѣтлыя личности, какъ оба брата Бѣгичевы, способные любить до самозабвенія, составляютъ уже рѣдкое явленіе.

Е. Соковнина.

НОВЫЕ ОТРЫВКИ И ВАРИАНТЫ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА.

(Изъ рукописей Румянцевскаго музея).

МОСКОВСКІЙ Публичнѣйшій и Румянцевскій музеи обладаютъ, какъ извѣстно, великимъ литературнымъ сокровищемъ—рукописями Пушкина; это тѣ рукописи, которыя были найдены въ кабинетѣ поэта послѣ его смерти. Ихъ всего—32 № или 32 папки, изъ которыхъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ по нѣскольку тетрадей; здѣсь есть и черновыя многихъ произведеній, и приготовленныя къ печати начисто переписанныя сочиненія великаго поэта, и различныя его замѣтки и письма. Въ нашей литературѣ существуетъ превосходное описаніе этихъ рукописей, сдѣланное г. Якушкинымъ (оно напечатано въ «Русской Старинѣ» 1884 года). Не ограничиваясь специальной задачей описанія, г. Якушкинъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ немало и неизвѣстныхъ еще дотоле отрывковъ и вариантовъ сочиненій Пушкина и дополненій къ уже напечатаннымъ произведеніямъ. Г. Якушкинъ читалъ и разбиралъ, иногда весьма неразборчивыя, черновыя рукописи съ величайшей внимательностью и тщательностью, и на его чтенія почти всегда можно положиться съ полной увѣренностью.—Еще раньше г. Якушкина этими рукописями, когда онѣ только-что были пожертвованы въ музей сыномъ поэта, занимался г. Бартевевъ. Кое-что извлеченное изъ нихъ, по большей части случайно, г. Бартевевъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ», а затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ источниковъ, въ двухъ книгахъ (въ 1881 и въ 1885 гг.), озаглавленныхъ «А. С. Пушкинъ, новонайденныя его сочиненія...» Здѣсь есть немало важнаго (какъ напрямѣръ новая

глава «Капитанской дочки»); между прочим помѣщены и письма къ Пушкину разныхъ лицъ, извлеченныя изъ добавочной, 33-й папки рукописей поэта.

Рукописи Румянцевскаго музея представляютъ чрезвычайно важный и необходимый источникъ, какъ для издателя произведеній Пушкина, такъ и для критика ихъ или біографа великаго поэта.

Автору настоящихъ строкъ посчастливилось найти въ рукописяхъ нѣсколько новыхъ, еще неизвѣстныхъ въ печати отрывковъ и вариантовъ. Исходя изъ той мысли, что каждая строка, каждое слово великаго писателя есть драгоценность, если не сами по себѣ, то хотя бы какъ матеріалъ для біографіи, предлагаемъ здѣсь вниманію читающаго общества эти отрывки и варианты. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ читатель увидитъ, имѣютъ значеніе и достоинство не только относительное, но и безусловное.

Въ 1815 году Пушкинъ, еще 16-ти-лѣтній юноша, началъ писать сказку «Бова»; онъ ее не кончилъ, и она печатается въ собраніяхъ его сочиненій въ видѣ отрывка. Въ началѣ произведенія поэтъ говоритъ, что не хотѣлъ и не рѣшался, приступая къ сочиненію своему, слѣдовать «несравненному Виргилію», «премудрому», хотя для него непонятному, Клопштоку, Мильтону и Камозэнсу; но, роясь въ архивахъ, удалось ему найти «книжку славную»; онъ прочиталъ ее— и теперь поэтъ въ восхищеніи про Бову.—Что это за книжка, которой Пушкинъ рѣшился подражать,—оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Но въ рукописяхъ поэта, въ тетради подъ № 2395, рассказанное нами начало сказки «Бова» помѣщено съ дополнительными 16-ю стихами, совершенно разъясняющими дѣло. Оказывается, что «книжка славная» есть поэма Вольтера «Орлеанская дѣвственница». Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ начала сказки со включеніемъ въ него вновь найденныхъ стиховъ, отмѣчая эти послѣдніе курсивомъ:

- За Мильтономъ и Камозэнсомъ
- Опасался я безъ крылъ парить,
- Не дерзалъ въ стихахъ беземысленныхъ
- Въ серафимовъ жарить пушками,
- Съ сатаною обитать въ раю.
- Иль Святую Богородицу
- Вмѣстѣ славить съ Афродитою,
- Не бывалъ я грѣховодникомъ.
- Но вчера въ архивахъ роясь,
- Отыскалъ я книжку славную,
- Золотую, незабвенную,
- Катехизисъ остроумія,
- Словомъ—Жанну Орлеанскую ¹⁾,

¹⁾ Въ рукописи переписчикъ сдѣлалъ ошибку: «Оргоганскую».

«Прочитай—и въ восхищеніи
 «Про Бову пою царевича.
 «О Вольтеръ, о мужъ единственный,
 «Ты, котораго во Франціи
 «Почитали богомъ и ꙗкімъ,
 «Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,
 «Обезьяною въ Саксоніи.
 «Ты, который на Радищева
 «Кинулъ-было взоръ съ улыбкою,
 «Будь теперь моею музою,
 «Пѣть я тоже вознамѣрился;
 «Но сравниюсь ли съ Радищевымъ?»

Новые стихи эти—драгоценны для біографа Пушкина, какъ новое свидѣтельство объ увлеченіи нашего великаго поэта въ ранней юности беллетристическими произведеніями Вольтера; они свидѣтельствуютъ, кромѣ того, и о тогдашнемъ взглядѣ Пушкина на Радищева, какъ на автора сказки «Бова», сказки цинической, въ которой Радищевъ, по его собственному указанію въ началѣ произведенія, подражалъ Вольтеру. Въ ранней юности Пушкину приходилось попадать въ очень мутныя теченія нравственной жизни, «чуждыя краски» темнымъ слоемъ ложились на его гениальную душу, и много благородныхъ усилій долженъ былъ употреблять потомъ поэтъ, чтобы эти краски спадали «ветхой чешуей».

Въ болѣе позднюю эпоху, уже въ концѣ жизни, Пушкинъ опять заинтересовался Радищевымъ. Но писатель этотъ занималъ теперь великаго поэта не какъ авторъ сказки «Бова» и послѣдователь Вольтера, а какъ сочинитель опальнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», книги, въ которой благородныя мысли объ освобожденіи крестьянъ перемѣшивались съ странными выходками сумасшедшаго (какъ думалъ Пушкинъ) человѣка противъ верховной власти. Пушкинъ написалъ два сочиненія о Радищевѣ, въ которыхъ онъ пытался объяснить и загадочный характеръ автора «Путешествія», и самое это «Путешествіе».—Одна статья великаго поэта носитъ названіе «Александръ Радищевъ»; другая—«Мысли на дорогѣ».—Въ послѣдней (относящейся къ 1834 г.) Пушкинъ не ограничивается анализомъ книги сосланнаго писателя Екатерининскихъ временъ, но высказываетъ и различныя свои собственные мысли объ общественныхъ и литературныхъ вопросахъ. Это публицистическое сочиненіе Пушкина распадается на главы, носящія тѣ самыя названія, которыя далъ главамъ своей книги Радищевъ.—Глава X, «Торжокъ», заключаетъ въ себѣ мысли о свободѣ книгопечатанія и о цензурѣ. Глава эта въ рукописи Румянцевскаго музея подъ № 2384 находится въ гораздо болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ печатномъ изданіи сочиненій Пушкина, и располо-

женіе частей ея нѣсколько иное; оказывается, что напечатаны только мысли поэта о свободѣ книгопечатанія, а вторая часть главы, идеи о цензурѣ-собственно, остается до сихъ поръ неизвѣстной. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ фондомъ, въ примѣчаніи на стр. 237 тома 5-го перепечатана изъ описанія г. Якушкина программа этой неизвѣстной части главы «Торжокъ»¹⁾.—Для удобства чтенія (а также и въ виду иного расположенія матеріала) мы помѣщаемъ здѣсь не только вновь найденныя дополненія, но и то, что уже было издано; новое набрано курсивомъ.

Х. ТОРЖОКЪ.

«Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подѣ заглавіемъ: «Торжокъ». Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполне разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатать въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженной выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

«Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ почтиаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ и христіанскомъ обществѣ, подѣ какими бы законами и правленіемъ оно бы ни находилось.

«Мысль—великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, въ числѣ 3000 экземпляровъ, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу.

«Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

¹⁾ Она найдена г. Якушкинымъ въ рукописяхъ Румянцевскаго музея, но въ другой тетради.

«Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна ценсура можетъ исполнить то и другое.

«Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать незаконность и безразсудность ценсуры. «Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бы установить ценсуру и на языкъ; издали бы извѣстные правила, и два человѣка, чтобы поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе».

«Конечно, если бы слово не было общюю принадлежностію всего человѣческаго рода, а только миллионной части оного, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всё равно обладаютъ возможностію и самою способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.). Противники всякой аристократіи, развѣ не видите вы, что аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно¹⁾.

«Взгляните на нынѣшнюю Францію... Л. Ф. (Людовикъ Филиппъ), царствующій (?) милостію свободнаго книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.

«... сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о св(ободѣ) книг(опечатанія), столь же откровенно буду говорить и о ценс(урѣ).

«Высшій присутственный приказъ въ Г(осударствѣ) тотъ, который вѣдаетъ дѣла Ума человѣческаго. Уставъ, коимъ судія долженъ руководствоваться, долженъ быть

¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго музея—выноска (въ печатныхъ изданіяхъ—въ текстѣ): «что значить аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда».

священъ и непреложенъ ¹⁾.—Книга, являющаяся передъ его судомъ, должна быть — — — ²⁾ не какъ извощикъ, пришедшій за нумеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскать по городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лицо въ Гос(ударствѣ), санъ его имѣеть нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассесоръ, который по формуляру учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражд(анства), онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя прав(ила?), двойной и тройной отвѣтственности подъ предлогомъ злоумышленія Богъ вѣдаетъ какого ³⁾.—Но и цензора не должно запугивать—придираясь къ нему за мелочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлать изъ него уже не стража Государственного Благоденствія, но грубаго буточника, поставленнаго на перекресткѣ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: *тщеславіемъ* и *корыстолюбіемъ*. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предастся въ глухую рукописную оппозицію — — ⁴⁾ всегда заманчивую, и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

«*Земская* цензура(ная) Управа тщательно должна быть отдѣлена отъ ценс(уры) *духовной* — какъ было донинѣ въ Россіи. — Ценс(оръ) духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ. На примѣръ—божбу, — — — ⁵⁾, шутки надъ нѣкоторыми грѣхами etc. Что было бы верхомъ неприличія въ книгѣ ееологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.

«*Нравственность* (какъ и Религія) должна быть уважаема писателями; безнравственныя книги суть тѣ, которыя потрясаютъ основанія гражданскаго общества, тѣ которыя

¹⁾ Должно быть сюда относится выписка: «несостоятельность закона столь же вредитъ правительству (Власти), какъ и несостоятельность денежнаго обязательства».

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Здѣсь зачеркнутыя слова: «Негодование писателя было бы справедливо».

⁴⁾ Слово не разобрано.

⁵⁾ Нѣсколько неразобранныхъ словъ.

проповѣдаютъ развратъ, разсѣвають личную клевету, или кои цѣлю имѣють распаленіе чувственности пріапическихкими изображеніями. Тутъ необходимъ въ ценс(орѣ) здравый умъ и *чувство приличія*—ибо рѣшеніе его зависитъ отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣт(ственности?), какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволь его совѣсти.

«Было время—слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится—что наши писатели были преданы на произволь ценсуры самой безсмысленной. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говорить о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ—голубые, «ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго Промысла». Въ шотландской балладѣ Жуковского назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашель, что въ такой великій праздникъ грѣшитъ неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью, и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики». Ода *«Похвала водкѣ»* (?)¹⁾ была запрещена, потому что пьянство запрещено божеск(ими и человѣческими) законами. Спрашивается, каковъ былъ цензоръ и каково было писателямъ.

«Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ *«Историческое повѣствованіе о происхожденіи ценсуры»*. Если бы вся книга была такъ написана, какъ этотъ отрывокъ, то вѣроятно она бы не навлекла грозы на автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говорить (?), что цен(сура) была въ первый разъ установлена инквизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее судопроизводство основано во всей Европѣ по образу и по системѣ²⁾ судопроизводства инквизиціоннаго (пытка разумѣется, въ сторону). Инквиз(иція) была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія.

(Къ этому прибавлено на поляхъ): «то, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени».

Такова въ полномъ своемъ видѣ статья Пушкина о цензурѣ, какъ она написана собственной рукой великаго поэта въ одной изъ его тетрадей. Мы видимъ здѣсь взглядъ Пушкина на одно изъ

¹⁾ Вмѣсто «водкѣ» (?) было зачеркнутое слово: «вину».

²⁾ Слова эти: «по образу и по системѣ»—зачеркнуты.

важныхъ явленій русской общественной жизни въ эпоху полного развитія поэта, въ эпоху зрѣлости его ума. Онъ представляется намъ въ своей статьѣ консерваторомъ въ благородномъ смыслѣ этого понятія, человѣкомъ искренно уважающимъ свободу печатнаго слова, но ставящимъ ее въ зависимость отъ общественныхъ законовъ. Пушкинъ думалъ, что законъ долженъ быть «священъ и непреложенъ» одинаково и для писателя, и для цензора; оба должны подчинить свой произволъ «уставу». Пушкинъ при томъ самъ весьма точно опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ по «уставу» нельзя дозволить то или другое сочиненіе.

Извѣстно, что Пушкинъ написалъ нѣсколько стихотвореній о поэтѣ («Поэтъ», «Поэту», «Чернь» и друг.); въ нихъ онъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію, на значеніе искусства, на призваніе поэта. Оберегая искусство, призваннымъ представителемъ котораго считалъ онъ себя, отъ тенденціозности, Пушкинъ строго различаетъ, въ названныхъ стихотвореніяхъ, поэта отъ проповѣдника. Это не значить, что онъ считалъ поэзію дѣломъ не имѣющимъ ничего общаго съ областью нравственныхъ началъ; напротивъ, мы знаемъ, что Пушкинъ сравнивалъ поэта съ пророкомъ, а въ стихотвореніи «Памятникъ» своими правами на безсмертіе считалъ—возбужденіе въ душахъ человѣческихъ путемъ искусства добрыхъ чувствъ, призываніе милости къ падшимъ. Но онъ хотѣлъ для поэта свободы отъ предвзятыхъ мыслей, отъ отвлеченныхъ намѣреній; подмѣчать красоту вездѣ, гдѣ она есть, и изображать ее съ сердечной любовью—вотъ, по его мнѣнію, задача искусства; а польза (это подразумѣвалось за словами поэта, какъ прекрасно подмѣтилъ Вѣлинскій) придетъ сама собою; польза «не дѣль» поэзій, а ея «прямое дѣйствіе», необходимое слѣдствіе, сказалъ знаменитый критикъ ¹⁾.—Въ концѣ своей дѣятельности, въ 30-хъ годахъ, Пушкинъ задумывалъ, кромѣ извѣстныхъ намъ, еще одно стихотвореніе такого же характера; въ немъ должна была идти рѣчь о свободѣ поэтической дѣятельности, о свободномъ избраніи поэтомъ предметовъ вдохновенія. Стихотвореніе это, до сихъ поръ неизвѣстное, находится, но еще въ черновомъ, совершенно неотдѣланномъ видѣ, съ пропусками и зачеркнутыми словами, въ 2384 № Пушкинскихъ рукописей Румянцевскаго музея ²⁾. Вотъ оно:

«Поэтъ идетъ—открыты вѣжды

«А онъ не видитъ никого;

¹⁾ Соч. Вѣлинскаго, т. IV. Статя о стихотвореніяхъ Лермонтова, стр. 275, (изд. 1859 года).

²⁾ Стихотвореніе вѣроятно относится къ 30-мъ годамъ, потому что на соедѣннихъ къ нему листахъ находятся черновые отрывки изъ стихотвореній: «На выздоровленіе Лукулла», «Опять на родинѣ», «Памятникъ».

- «А между тѣмъ за край одежды
 «Тихонько дергаютъ его!..
 «Глушцы (*это слово въ подлинникъ зачеркнуто*)..
 «Таковъ (?) поэтъ: какъ Аквилонъ,
 «Что хочеть, то уноситъ онъ:
 «Увидшій листъ, прахъ площадной,
 «Иль купольъ..
 «И не спросясь ни у кого,
 «Какъ Дездемона, избираетъ
 «Кумиръ для сердца своего.

Зачеркнутое слово «глушцы», послѣ 4-го стиха, сближаетъ это стихотвореніе съ тѣмъ, которое извѣстно подъ именемъ «Чернь». Но только то, что въ послѣднемъ высказано съ болѣзненнымъ раздраженіемъ, въ нынѣ открытомъ сочиненіи поэтъ хотѣлъ, кажется, сказать спокойно.

Интересно, что образъ, заимствованный изъ драмы Шекспира, является у Пушкина не только здѣсь, но еще и въ недавно открытыхъ строфахъ «Родословной моего героя»; въ высоко поэтической XI строфѣ идетъ тоже рѣчь о свободѣ поэта и встрѣчаются такіе стихи:

- «Зачѣмъ арапа своего
 «Младая любить Дездемона,
 «Какъ мѣсяць любить ночи мглу? ¹⁾.

«Отелло» Шекспира очень занималъ Пушкина: въ своихъ критическихъ замѣткахъ поэтъ нашъ высказалъ прекрасныя и оригинальныя мысли о великой драмѣ.

По поводу упомянутаго стихотворенія «Чернь» слѣдуетъ замѣтить, что въ тетради подъ № 2393, гдѣ собраны распредѣленные по родамъ и, должно быть, приготовленные къ печати стихотворенія, переписанныя рукой переписчика, заглавіе этого сочиненія измѣнено: слово «чернь» зачеркнуто и рукой Пушкина написано: «Поэтъ и толпа». Нельзя не признать, что это заглавіе гораздо лучше, ибо точнѣе обозначаетъ сущность произведенія: въ немъ поэтъ подъ «безсмысленнымъ народомъ» разумѣтъ, очевидно, именно толпу, т. е. умственную и нравственную чернь. Новое названіе, данное самимъ авторомъ, какъ бы предостерегаетъ отъ ложнаго пониманія стихотворенія, и, конечно, должно замѣнить нынѣ печатающееся заглавіе—«Чернь», могущее возбуждать недоумѣнія.

Кстати будетъ указать и еще на нѣсколько стихотвореній, которыя Пушкинъ озаглавилъ въ вышеупомянутой тетради иначе, чѣмъ принято въ печатныхъ изданіяхъ. Такъ, «Кобылица молодая»...

¹⁾ «Русская Мысль» 1886 года. № 5.

вмѣсто «Подражаніе Анакреону» названо—«Изъ Анакреона»; «Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ»... вмѣсто «Конрадъ Валенродъ» названо: «Изъ Валенрода»; «Пью за здравіе Мери», печатающееся безъ названія, озаглавлено: «Изъ Barry Cornwall» (это имя въ изданіяхъ Пушкина ставится лишь подъ эпитафіомъ стихотворенія). Тоже печатающееся безъ названія, одно изъ свѣтлыхъ религіозныхъ произведеній поэта: «Когда великое свершалось торжество»... въ толстой тетради рукописей подъ № 2395 наименовано «Мірская власть»; и наоборотъ, въ той же тетради, стихотвореніе «Изъ Пиндемонта VI» — «Не дорого цѣну я громкія права» — не носитъ никакого заглавія; быть можетъ это указываетъ, что стихотвореніе — вполнѣ оригинально. Кстати будетъ привести изъ вышеупомянутой тетради вариантъ двухъ предпоследнихъ стиховъ этого, несомнѣнно одного изъ высочайшихъ вдохновеній Пушкина.

Напечатано:

«По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
«Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
«И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
«Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье, вотъ права.

Въ рукописи:

«По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
«Дивясь божественнымъ природы красотамъ
«Или созданіямъ искусствъ и вдохновенья,
«Трещеца радостно въ восторгахъ умиленья,—
«Вотъ счастье, вотъ права.

Какъ есть въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина неточности въ заглавіяхъ произведеній, такъ есть неточности и въ указаніяхъ посвященій. Напримѣръ, знаменитое стихотвореніе «Красавица» («Все въ ней гармонія, все диво») обыкновенно приписывается Н. Н. Гончаровой—невѣстѣ поэта; въ рукописи (тетрадь № 2393) стоитъ: «Въ альбомъ Г***» и подъ тремя звѣздочками прибавлено (другими чернилами, мелко и другой рукой, но рукой ли Пушкина—сказать трудно): «рафинѣ». Быть можетъ, стихотвореніе посвящено не Гончаровой, точно также, какъ и, приписываемое обыкновенное ей же, но уже супругѣ поэта,—«Мадона» («Не множествомъ картинъ»...): въ рукописи при немъ нѣтъ никакого посвященія.—«Что можемъ наскоро стихами молвить ей» въ печатномъ изданіи посвящается «К. П. Бакуниной»; въ рукописи: «К. А. В***».

Приведемъ, какъ примѣры черновой работы Пушкина, прозаическіе его переводы двухъ стихотвореній, которые, вѣроятно, предполагалъ онъ обработать потомъ въ поэтической формѣ. Переводы

эти находятся въ 3-й тетради папки подь № 2386. Г. Якушкинъ указаль на нихъ въ своемъ описаніи, но напечаталь только ихъ начальныя строки.

«Пѣсенка Афродитѣ.

«О, Венера, безсмертная, драгоцѣннопрестольная (разно-каменно-престольная), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера, прошу тебя: не огорчай меня, о Богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала; оставивъ золотой отцовскій домъ, ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые везли (на верху: по воздуху несли) тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая. Лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицомъ, спрашиваешь меня: чѣмъ я огорчена и зачѣмъ тебя я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать въ любовномъ изступленіи? кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ (?), скоро будетъ давать (?). Если теперь не любить, скоро полюбитъ. Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь. Избавь меня отъ печали тяжкой—и то, что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моею помощницей».

Въ другомъ, тоже вполне приводимомъ здѣсь, переводѣ встрѣчается непонятное, или неразобранное нами при чтеніи мѣсто; отмѣчаемъ его курсивомъ:

«Діонизиі.

«Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую и улыбаясь пріятно то, что мнѣ сердце въ груди напо(лняло?) страхомъ, какъ только тебя увидѣла — — Теряю голосъ, языкъ мой ломается, огонь проникаетъ въ мою кожу, въ ухахъ звенить, и глаза покрываются ночью, и холодный потъ течетъ, дрожь по всему тѣлу, я становлюсь зеленѣе травы, боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна...»

Тетрадь подь № 2392 заключаетъ въ себѣ «Комедію о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». Это четко переписанный (неизвѣстной рукою) экземпляръ великой драмы, въ которомъ сдѣланы поэтомъ собственноручныя поправки¹⁾. Рукопись представляетъ большой интересъ въ смыслѣ установленія текста драмы; поправки Пушкина двухъ родовъ: однѣ, очевидно, вызваны замѣ-

¹⁾ Г. Якушкинъ въ своемъ описаніи рукописи указываетъ, для примѣра, лишь на одну ея особенность: пѣсня чернецовъ въ сценѣ «Жорчма на Литовской границѣ»: «Ахъ, любя, ты любя моя...»

чаніями императора Николая Павловича¹⁾), другія—эстетическими требованіями, художественнымъ вкусомъ поэта. Изъ первыхъ отмѣтимъ, какъ примѣры: замѣну имени юродиваго—«Николка» словами «железный колпакъ» и «юродивый»; наименованіе Мисаила и Варлаама вмѣсто «чернецовъ»—«бродягами въ видѣ чернецовъ»; пропускъ въ сценѣ «Москва; домъ Шуйскаго» двухъ стиховъ: «увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей» и—«правительствомъ подкупленные воры»; а въ сценѣ «Москва; царскія палаты»—семи стиховъ:

«Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
«Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
«Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
«Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
«Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
«Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
«Грабъ и казни—тебѣ не будетъ хуже».

Важнѣ поправки другого рода, явившіяся по собственному внутреннему побужденію Пушкина; укажемъ на главныя изъ нихъ:

Въ сценѣ «Краковъ; домъ Вишневецкаго» Самозванецъ говоритъ патеру Черниковскому, по нынѣ печатаемому тексту:

«Весь мой народъ и вся восточна церковь
«Признаютъ власть намѣстника Петра».

Пушкинъ въ рукописи Румянцевскаго музея такъ измѣнилъ первый стихъ:

«Весь мой народъ, вся сѣверная церковь
«Признаютъ власть намѣстника Петра».

Несомнѣнно, что отъ этого измѣненія стихъ становится лучше и по смыслу, и по языку.

Разговоръ съ патеромъ Самозванецъ оканчиваетъ словами:

«Аmen! Кто тамъ! Сказать: мы принимаемъ».

Пушкинъ зачеркиваетъ латинское «amen», искажавшее стихъ, и ставитъ славянское «аминь».

Въ сценѣ «Граница Литовская» размышленія Самозванца о молодомъ князѣ Курбскомъ обыкновенно печатаются въ такомъ видѣ:

«Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнань,
«Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
«Его вину за гробомъ пскупивъ,
«Ты кровь излить за сына Іоанна
«Готовишься, законнаго царя
«Ты возвратитъ отечеству...»

¹⁾ Объ этихъ замѣчаніяхъ и о всей исторіи запрещенія и разрѣшенія драмы см. въ интересной статьѣ М. И. Сухомятинова: «Императоръ Николай Павловичъ—цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина» («Ист. Вѣстн.» 1884 г., январь); статья написана по неизданнымъ и малодоступнымъ документамъ.

Въ рукописи измѣнены два отмѣченныя здѣсь курсивомъ слова, и чрезъ это измѣняется построение періода:

«Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
«Забывъ отцомъ несенныя обиды,
«Его вину за гробомъ искупилъ.
«Ты кровь излить за сына Иоанна
«Готовишься, законнаго царя,
«Ты возвратишь отечеству...»

Въ сценѣ «Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ» пѣсня юридиваго читается по рукописи:

«Мѣсяць свѣтитъ,
«Котенокъ плачетъ...» и т. д.

это, конечно, лучше, чѣмъ въ печатномъ текстѣ:

«Мѣсяць ѣдетъ,
«Котенокъ плачетъ...»

Въ «Корчмѣ на Литовской границѣ» Варлаамъ, сердясь на Григорія, говоритъ:

«Невѣдомо кто, невѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхаль...»

Пушкинъ въ рукописи зачеркиваетъ послѣднія слова,—конечно, вслѣдствіе ихъ грубости, побуждаемый эстетическимъ чувствомъ... (Странно, однако, замѣтимъ кстати, что немного далѣе Варлаамъ говоритъ: «отстаньте, с...ны дѣти!» вмѣсто обыкновенно печатающагося болѣе мягкаго выраженія: «отстаньте, пострѣлы!»).

Въ послѣдней сценѣ драмы въ восклицаніяхъ народа:

«Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты... крики замолкли... шумъ продолжается...» отмѣченныя курсивомъ послѣднія два слова—въ рукописи зачеркнуты, и это несомнѣнно усиливаетъ впечатлѣніе: вслѣдъ за словами «крики замолкли» Мосальскій является на крыльцѣ и объявляетъ народу о смерти Маріи Годуновой и Феодора.

Приведенные примѣры свидѣтельствуютъ, что рукопись «Комедіи о царѣ Борисѣ», принадлежащая Румянцевскому музею, имѣетъ первостепенное значеніе, быть можетъ даже болѣе важное, чѣмъ та собственноручная рукопись Пушкина (принадлежащая П. В. Жуковскому), о которой говорить въ своей статьѣ академикъ Сухомлиновъ, весьма основательно предполагая, что она именно и была представлена на просмотръ императору Николаю; намъ эта послѣдняя рукопись, къ сожалѣнію, неизвѣстна, и потому мы можемъ только въ видѣ вопроса высказать мысль—не относится ли рукопись Румянцевскаго музея (т. е. пушкинскія поправки въ ней) къ болѣе позднему времени? ибо поправки поэта (по крайней мѣрѣ имѣющія цензурный характеръ) сдѣланы, какъ мы видѣли, послѣ замѣчаній императора. Во всякомъ случаѣ сличеніе двухъ руко-

писей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, кажется, можетъ установить текстъ Пушкинской пьесы.

Прибавимъ два замѣчанія: 1) Въ обѣихъ важнѣйшихъ рукописяхъ пьеса названа «Комедіей о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепѣевѣ»,—не слѣдуетъ ли такъ и называть ее? Пушкину подобное названіе нравилось, какъ свидѣлствуютъ его письма; а если въ печати оно замѣнено болѣе простымъ—«Борисъ Годуновъ», то причины такой замѣны могли быть чисто внѣшнія.—2) Существуетъ два варианта окончанія драмы: а) «народъ безмолвуетъ»; б) народъ кричитъ: «да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичь!» Въ числѣ мѣстъ (шести), которыми императоръ Николай Павловичъ былъ недоволенъ въ пьесѣ, нѣтъ заключительной сцены¹⁾; слѣдовательно—оба варианта принадлежатъ свободному вымыслу Пушкина, или одинъ изъ нихъ Жуковскому (по согласію, конечно, съ Пушкинымъ). Такимъ образомъ, восторги Бѣлинскаго отъ «народнаго безмолвія», завершающаго великую драму, не упраздняются, а могутъ остаться во всей силѣ.

Извѣстны дружескія чувства, соединившія Пушкина и его бывшего учителя въ поэзіи—Жуковского. Уважая Жуковского, Пушкинъ, кажется, даже допускалъ его иногда дѣлать поправки въ своихъ произведеніяхъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ, напримѣръ, сообщаемый М. И. Сухомлиновымъ фактъ, что въ собственноручной Пушкинской рукописи «Комедіи о царѣ Борисѣ»—«всѣ или почти всѣ измѣненія въ автографѣ Пушкина, сдѣланныя карандашомъ, принадлежатъ, судя по почерку, Василю Андреевичу Жуковскому»²⁾. Приводимыя уважаемымъ ученымъ, какъ примѣры, поправки вошли въ печатныя изданія «Бориса Годунова».

Въ свою очередь Жуковскій отдавалъ иной разъ на судъ и исправленіе Пушкина свои работы. Объ этомъ свидѣлствуетъ найденный въ бумагахъ Пушкина переводъ «Слова о полку Игоревѣ». Переводъ этотъ находится въ одной тетради (папка № 2386) съ собственноручными замѣчаніями великаго поэта на памятникъ нашей древней поэзіи; но самъ переводъ написанъ не Пушкинскою рукою. Первый прочитавшій его, г. Е. Барсовъ издалъ его въ свѣтъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей російскихъ» (1882 г., кн. 2), и затѣмъ отдѣльно, въ 1883 г., подъ заглавіемъ: «Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ А. С. Пушкина». Однако, заключеніе почтеннаго ученаго о принадлежности перевода великому поэту оказалось преждевременнымъ. Въ бумагахъ Жуковского, пожертвованныхъ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ, въ

¹⁾ «Ист. Вѣстн.» 1884 г. январь, стр. 68—72. Статья М. И. Сухомлинова.

²⁾ «Ист. Вѣстн.» 1884 г. январь, стр. 77.

Императорскую Публичную Библиотеку въ 1884 году, найденъ тотъ же переводъ, писанный рукой Жуковского въ одной тетради съ имъ же переписаннымъ оригиналомъ «Слова о полку» (съ изданія графа Мусина-Пушкина), причемъ оригиналъ раздѣленъ на стихи, соотвѣтствующіе стихамъ переложенія ¹⁾). Такимъ образомъ переводъ оказывается принадлежащимъ В. А. Жуковскому.—Но въ рукописи Румянцевскаго музея въ переводѣ этомъ есть поправки, сдѣланныя рукой Пушкина; онѣ-то и свидѣтельствуютъ о взаимныхъ литературныхъ и дружескихъ отношеніяхъ двухъ поэтовъ. Поправки эти, или измѣненія, остаются донинѣ необнародованными. При этомъ должно замѣтить, что, во-первыхъ, текстъ перевода, находящійся въ Пушкинскихъ рукописяхъ, не тождественъ съ текстомъ рукописи Жуковского (какъ она издана въ Приложеніяхъ къ Отчету Имп. Публ. Библиотеки за 1844 г.); во-вторыхъ, въ принадлежавшей Пушкину рукописи, кромѣ собственныхъ поправокъ великаго поэта, есть еще сдѣланныя неизвѣстной намъ рукою. Будущему изслѣдователю перевода Жуковского предстоитъ сличить обѣ рукописи, и это сличеніе, быть можетъ, укажетъ — насколько Жуковскій соглашался съ поправками своего знаменитаго ученика и друга, насколько онъ принималъ ихъ.—Мы ограничимся пока приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ измѣненій, внесенныхъ Пушкинымъ въ переводъ:

Стихъ «Слова» — «растѣкашется мыслию по древу» Жуковскій передалъ словами: «растекался мыслию по древу», Пушкинъ измѣнилъ: «то носился славіемъ по древу» (слово «то» объясняется предшествующимъ стихомъ: «если пѣснь кому сотворить хотѣлъ»; а «славіемъ», поставленное, впрочемъ, въ скобкахъ, послѣдующими стихами: «сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизимъ орломъ подь облаками»).

Въ стихѣ: «увидѣлъ онъ воевъ своихъ, тьмою отъ него прикрытыхъ» — вмѣсто воевъ въ Пушкинской рукописи поставлено воиновъ.

Слова подлинника: «спалъ князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго» — переданы въ рукописи Публичной Библиотеки стихами:

«Вспала князю на умъ охота,
«Знаменье заступило ему желаніе
«Отвѣдать Дону великаго»;

а въ рукописи Румянцевскаго музея:

«Вспала князю на умъ охота,
«А знаменье заступило ему желаніе
«Отвѣдать Дону великаго».

¹⁾ Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1884 годъ. Спб. 1887 г. Описаніе бумагъ В. А. Жуковского сдѣлано г. Ив. Бычковымъ. См. Приложеніе, стр. 80. При описаніи напечатанъ и самый переводъ.

Пушкинъ измѣнилъ второй стихъ перевода:

«А знаменье закрыло отъ него желаніе¹⁾».

Стихи подлинника: «летая умомъ подъ облаки, свивая славы
оба полы сего времени» Жуковскій перевелъ:

«Взлетая умомъ подъ облаки,

«Свивая всѣ славы сего времени».

Пушкинъ подчеркнулъ слово славы и сбоку написалъ: «сплетая
хвалы со всѣхъ сторонъ».

Четыремъ строчкамъ рукописи Публичной Библиотеки:

«Сѣдлай, братъ, борзыхъ коней своихъ,

«А мой тебѣ готовъ,

«Осѣдланы передъ Курскомъ.

«А курыне мой бодрые кмети —

соотвѣтствуютъ въ рукописи Румянцевскаго музея три тождественныя первыя строчки, стиха же четвертаго тамъ первоначально не было; онъ вписанъ потомъ карандашомъ, при чемъ сдѣланы и измѣненія въ первыхъ стихахъ:

«Сѣдлай же, братъ, борзыхъ коней своихъ,

«А мой тебѣ извѣстны,

«Осѣдланы предъ Курскомъ.

«Мѣтки въ стрѣльбѣ мой курыне!»

Стихъ: «то было въ тѣхъ ратяхъ и тѣхъ походахъ» (оригиналь: «то было въ ты рати и въ ты плѣкы») въ Пушкинской рукописи измѣненъ: «то было въ тѣхъ сѣчахъ, въ тѣхъ битвахъ». Но Пушкинской ли рукой сдѣлана эта поправка—сказать трудно, точно такъ же, какъ и про замѣну стиховъ Жуковского:

«Сыпали мнѣ пустыми колчанами

«Жемчугъ великой въ нечистыхъ раковинахъ на лоно»

стихами:

«Сыпали мнѣ пустыми раковинами

«Жемчугъ великой на лоно»

(въ оригиналѣ: «сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно»).

Отмѣтимъ еще, уже несомнѣнно не Пушкинской рукой сдѣланное, но прекрасное измѣненіе: «забывъ... своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая» Жуковскій первоначально перевелъ:

«О красной Глѣбовнѣ, миломъ своемъ желаніи, свычаѣ и обычаѣ;

въ Пушкинской рукописи этотъ стихъ зачеркнуть и на поляхъ написано:

«О свычаѣ и обычаѣ милой супруги своей Глѣбовны красныя».

¹⁾ Г. Барсовъ печатаетъ этотъ стихъ въ такомъ странномъ видѣ: «а знаменіе заступило отъ него ему желаніе»; очевидно, Пушкинъ лишь по недосмотру не зачеркнулъ слово: ему.

Въ заключеніе приведемъ примѣръ, представляющій особый интересъ. Повѣствуя о гибели юноши князя Ростислава, пѣвецъ «Слова», между прочимъ, говоритъ: «уныша цвѣты жалобою». Въ рукописи Румянцевскаго музея это было переведено: «цвѣтутъ цвѣты жалобою»; затѣмъ все выраженіе зачеркнуто и написано: «увянуль цвѣтъ жалобою» и потомъ опять поправлено: «отъ жалобы». Въ рукописи Публичной Библиотеки читаемъ: «увянуль цвѣтъ жалобою». Такое обстоятельство какъ-будто указываетъ, что рукопись Жуковскаго написана послѣ Пушкинскихъ поправокъ, или стоитъ въ зависимости отъ нихъ; но утверждать это категорически нельзя до обстоятельнаго сличенія обѣихъ редакцій перевода: есть мѣста, препятствующія остановиться на подобномъ выводѣ (между прочимъ и нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше).

Поправки и измѣненія въ переводѣ «Слова о полку Игоревѣ», примѣры которыхъ мы привели, не представляютъ чего-либо существенно-важнаго въ художественномъ смыслѣ; но онѣ интересны въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ, показываютъ, какъ внимательно и строго относились наши знаменитые поэты къ передачѣ на новый русскій языкъ прекраснаго поэтическаго памятника старины; во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ, какія были близкія дружескія литературныя отношенія между Пушкинымъ и Жуковскимъ.

Кромѣ собственныхъ произведеній Пушкина, въ рукописяхъ Румянцевскаго музея есть еще болѣе или менѣе важные матеріалы для біографіи поэта.—Извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни Пушкинъ съ увлеченіемъ читалъ Свящ. Писаніе, житія святыхъ. Въ одной изъ тетрадей мы находимъ новое подтвержденіе религіозности великаго писателя—собственноручно переписанное имъ (на трехъ большихъ страницахъ) сказаніе «Изъ Пролога о преставленіи Св. Саввы Звенигородскаго». Св. Савва, ученикъ преп. Сергія Радонежскаго, былъ основатель монастыря на Сторожевской горѣ, въ полоторыхъ верстахъ отъ Звенигорода; обитель эта, расположенная въ чрезвычайно живописной мѣстности, была любимой обителью царя Алексѣя Михайловича, который даже лично управлялъ ею; она донинѣ пользуется благоговѣйнымъ уваженіемъ народа, и на поклоненіе Св. Саввѣ лѣтомъ стекается много богомольцевъ. Чувство поэта, побуждавшее его переписать сказаніе изъ Пролога, было выраженіемъ чувства народнаго.

Пушкинъ очень интересовался судьбою своего предка со стороны матери—арапа Петра Великаго Абрама Петровича Ганнибала. Извѣстны чудесные стихи его въ отвѣтъ на болгаринскую выходку:

«Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома,
«Что будто дѣдъ мой Ганнибалъ
«Былъ купленъ за бутылку рома

«И въ руки шкиперу попалъ,
 «Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
 «Кѣмъ наша двинулась земля,
 «Кто придалъ мощно бѣгъ державный
 «Коржѣ роднаго корабля.
 «Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,—
 «И сходно купленный арапъ
 «Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
 «Царя наперстникъ, а не рабъ».

Въ бумагахъ поэта хранится нѣмецкая біографія Абрама Петровича Ганнибала и написанный собственной рукой Пушкина (на нѣсколькихъ страницахъ), переводъ ея (первая тетрадь въ папкѣ подъ № 2387). Этой біографіей пользовался Анненковъ въ своемъ сочиненіи «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Она и послужила великому поэту матеріаломъ для вышеприведенныхъ стиховъ и для романа «Арапъ Петра Великаго». Какъ дополненіе къ этой біографіи и подтвержденіе рассказаннаго въ ней объ отношеніяхъ Петра къ своему черному крестнику, Пушкинъ переписалъ письмо императрицы Екатерины II къ Абраму Петровичу. Приводимъ это письмо (изъ тетради № 2395):

«Абрамъ Петровичъ. Мнѣ не безъизвѣстно, что многіе чертежи въ сохраненіи вашемъ находились, въ то время, когда блаженные памяти Государь Петръ Великій по способности вашей употреблялъ васъ по многимъ дѣламъ; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего Великаго Государя и своей тогдашней при немъ службы, сберегли въ своихъ рукахъ всѣ любопытства достойныя бумаги. А какъ мнѣ извѣстно же, что Онъ помышлялъ о строеніи канала отъ Москвы до Петербурга и къ тому уже и прозектъ сдѣланъ былъ, то вы мнѣ особливую благодарность сдѣлаете, ежели чертежъ тому отыскавъ (когда онъ у васъ былъ), пришлете ко мнѣ со всѣми принадлежащими къ нему бумагами, хотя бы онъ въ чернѣ только былъ сдѣланъ. Но ежели вы ничего о семъ дѣлѣ въ рукахъ своихъ не имѣли, то по крайней мѣрѣ укажите мнѣ, гдѣ оный отыскать можно, который я съ нетерпѣливостью видѣть хочу.

«Также если вы о семъ прозектѣ отъ Его Величества разсужденіи слышали прошу сколь вы о томъ вспомните ко мнѣ отписать. Остаюсь вамъ доброжелательная

«Екатерина».

«2-го сентября 1765 г.

«Царское Село».

Сбоку послѣднихъ строчекъ писема (отъ словъ: «также если вы...») Пушкинъ помѣтилъ: «собственноручно».

Встрѣчаются въ рукописяхъ расчеты долговъ Пушкина. Назовемъ еще: письмо къ поэту нѣкогого Мих. Бушина (?), свидѣтельствующее о несостоявшемся намѣреніи Пушкина приобрести акціи

2-го страхового общества; документъ о передачѣ Жуковскимъ въ Опеку бумагъ Пушкина, передъ отъѣздомъ за-границу въ 1838 году; прошеніе, вѣроятно писанное Жуковскимъ, на высочайшее имя о разрѣшеніи напечатать въ посмертныхъ сочиненіяхъ Пушкина «Матеріалы для біографіи Петра Великаго». Приводимъ это прошеніе (изъ тетради № 2395):

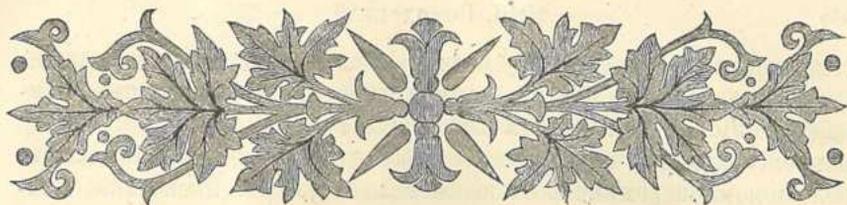
«Сочиненія Пушкина, оставшіяся по смерти его, собраны и скоро будутъ приготовлены къ изданію въ свѣтъ. Въ числѣ ихъ находится рукопись, содержащая матеріалы для исторіи Петра Великаго, которые я уже имѣлъ счастье представлять на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Тогда Вы соизволили замѣтить, что сія рукопись издана быть не можетъ по причинѣ многихъ неприличныхъ выраженій на счетъ Петра Великаго. Теперь манускриптъ пересмотренъ со вниманіемъ и все замѣченное или выброшено или исправлено.—Испрашиваю всеподданнѣйшаго позволенія у Вашего Императорскаго Величества напечатать сію рукопись; ибо исключеніемъ оной изъ сочиненій Пушкина прибыль отъ изданія въ пользу его дѣтей можетъ уменьшиться 25.000 рублей. Всеподданнѣйше испрашиваю также у Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія и о томъ, чтобы все собраніе сихъ сочиненій представить на разсмотрѣніе въ обыкновенную цензуру, какъ то было уже со многими сочиненіями того же автора, напечатанными послѣ его смерти. Февраль 1840 года».

Послѣднія слова прошенія напоминаютъ намъ, что и самъ Пушкинъ при жизни хлопоталъ о подсудности своихъ сочиненій обыкновенной цензурѣ. Императоръ Николай Павловичъ еще въ 1826 году, при вступленіи на престолъ, пожелалъ оказать цѣнному имъ поэту милость—лично объявилъ ему, что будетъ самъ цензоромъ его произведеній. Но, вопреки внутреннему смыслу воли императора, обстоятельства сложились такъ, что цензура царя обратилась въ цензуру гр. Бенкендорфа, не жаловавшаго Пушкина,—и великій писатель сталъ просить, чтобы ему даровано было право обращаться въ цензуру обыкновенную. Объ этомъ же правѣ хлопочетъ и составитель приведеннаго прошенія.

Познакомивъ читателей съ главными вновь найденными сочиненіями Пушкина и матеріалами для его біографіи, заканчиваемъ статью повтореніемъ сказаннаго въ началѣ ея: рукописи великаго поэта, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ,—великая драгоценность. Онѣ представляютъ богатый живой источникъ и для будущихъ издателей Пушкина, и для будущихъ біографовъ и критиковъ величайшаго писателя Русской земли.

А. Незеленовъ.

Ноябрь, 1888 г.

ПОЛУВѢКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ.

В ТЕКУЩЕМЪ году, 25 марта, исполнится пятьдесятъ лѣтъ одному изъ замѣчательныхъ событій въ исторіи Сѣверо-Западнаго края,—возсоединенію западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Историческій ходъ этого событія и имена всѣхъ дѣятелей его достаточно извѣстны изъ особыхъ описаній, неоднократно появлявшихся въ печати. Не будемъ поэтому входить въ повтореніе извѣстныхъ фактовъ и постараемся, по поводу полувѣкового юбилея, отмѣтить только нѣкоторыя стороны этого важнаго событія.

Когда двадцать четыре важнѣйшихъ духовныхъ лица литовской епархіи, во главѣ съ приснопамятнымъ іерархомъ Іосифомъ Сѣмашко, подписывали 12 февраля 1839 г. въ Полоцкомъ соборѣ актъ возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью, когда этотъ актъ съ благодарственною къ Богу молитвою утверждался высочайшимъ на то соизволеніемъ императора Николая I, когда наконецъ православная церковь приобрѣтала 1,329 духовныхъ сочленовъ и 1.600.000 человѣкъ русскихъ исповѣдниковъ,—какой тогда ожидался результатъ этого событія въ обще-государственномъ значеніи?

«Греко-уніатская церковь, въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ исповѣданій,—излагали бѣлорусскіе іерархи во всеподданнѣйшемъ прошеніи отъ 12 февраля 1839 г.,— не можетъ никогда

совершенно достигнуть ни полного благоустройства, ни спокойствія, необходимаго для ея благоденствія, и многочисленныя принадлежащія къ ней жители западныхъ губерній, русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ перемѣнчивостію обстоятельствъ, и нѣсколько чуждыми своихъ православныхъ собратій».

Сознавалась слѣдовательно невозможность оставленія въ общемъ составѣ государства значительной части его населенія, вполнѣ ему родственной, въ какомъ-то не опредѣленномъ вѣроисповѣдномъ положеніи, съ духовнымъ подчиненіемъ римскому владыкѣ, традиціонному противнику русскаго государства и русской вѣры. Вытекавшія изъ этого положенія неудобства не ограничивались одною религіозною стороною дѣла, а касались по преимуществу этнографической и политической жизни народа. Русскіе дворяне въ бывшемъ королевствѣ польскомъ, совращаясь въ католицизмъ, обращались въ поляковъ. Удивляться ли тому, что простой народъ смѣшиваетъ понятіе о народности съ понятіемъ о вѣроисповѣдности, когда и интеллигенція стояла на почвѣ такого сліянія? За время уніи селянинъ на вопросъ, кто онъ—полякъ или русскій—съ наивною отвѣчалъ: «уніатъ». Между тѣмъ, уніатская церковь дошла за послѣднее время до такого сближенія съ римскимъ католицизмомъ, что оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ для того, чтобы послѣдній совершенно поглотилъ унію. Представимъ себѣ послѣдствія такого шага, возможнаго и удобоисполнимаго при существовавшихъ тогда условіяхъ. Слѣдуетъ не забывать, что высшее управленіе греко-уніатской церковью въ Сѣверо-Западномъ краѣ сосредоточивалось въ римско-католической коллегіи; что во главѣ уніатской іерархіи стоялъ митрополитъ (Іосафатъ Булгакъ), полякъ по происхожденію, получившій воспитаніе въ Римѣ и твердый въ римскомъ католицизмѣ; что виднѣйшія мѣста въ епархіи занимали бывшіе воспитанники іезуитской коллегіи и папскаго алузната, ненавистники Россіи и православной церкви, ярые приверженцы латинства и польщизны; что священники, употребляя въ обществѣ польскій языкъ, съ трудомъ разбирали церковно-славянскія книги; что матеріально обездоленный, забытый панскою челядью уніатскій народъ находился въ крѣпостной зависимости отъ помещиковъ-поляковъ, дѣлавшихъ изъ него все, что было угодно панской фантазіи, руководимой фанатическимъ духовенствомъ; что уніатскіе храмы, лишеныя иконостасовъ, представляли собою видъ костеловъ, съ боковыми пристѣнными престолами, съ органами, акомпанировавшими польскимъ религіознымъ пѣснопѣніямъ; что въ церковномъ дѣлопроизводствѣ царилъ польскій языкъ и проч. и проч. Вообразимъ себѣ все это и спросимъ: много ли нужно было труда, чтобы унію превратить въ латинство, а уніатовъ — въ поляковъ-католиковъ?

И вот предприимчивостію и трудами энергическаго іерарха, при содѣйствіи достойныхъ сотрудниковъ, и твердою волею русскаго императора, 1.600.000 уніатовъ возвращаются въ лоно православної церкви, возрождая свою забытую принадлежность къ великому русскому народу и ослабляя тѣмъ мѣстный польскій элементъ; 1.329 духовныхъ лицъ, воспитанныхъ въ традиціяхъ римскаго католицизма, возстановляютъ свое родство съ древнею восточною церковью, отказываясь отъ догматическихъ заблужденій западной церкви; 800 слишкомъ храмовъ, искаженныхъ сближеніемъ ихъ съ костелами, преобразуются въ храмы, отвѣчающіе потребностямъ восточнаго богослуженія.

Великія—умственные и нравственные — силы руководили реформаторомъ, достигшимъ такихъ результатовъ. Имѣлъ право маститый іерархъ сказать: «Для одного человѣка довольно и того, что Богъ помогъ мнѣ сдѣлать для Россіи и церкви православної».

Историческое событіе 1839 года, помимо личнаго возрожденія духовенства и его паствы въ духѣ православія и русской народности, имѣло немалое вліяніе на политическій строй въ краѣ. Достаточно указать на то, что въ годину бѣдствій, испытанныхъ краемъ въ 1861—1863 годахъ, воссоединенные послужили надежнѣйшимъ оплотомъ для умиротворенія его. Извѣстно какое положеніе занимало во время польскаго возстанія православное духовенство, выдѣлявшее изъ себя даже мучениковъ за преданность русскому дѣлу и несочувствіе мятежу, и какъ отнеслось къ польскому безумію мѣстное православное населеніе. Не то бы было, если бы существованію унії не былъ положенъ предѣлъ до польскаго возстанія. Можно съ увѣренностію сказать, что небольшой двадцатидвухлѣтній періодъ (1839—1861 г.) если не совершенно утопилъ бы западно-русскихъ уніатовъ въ морѣ латинства и полонизма, то еще болѣе приблизилъ бы ихъ къ послѣднимъ. На этомъ не расчищенномъ полѣ религіозно-этнографическихъ смѣшеній труднѣе было бы считаться съ мятежемъ.

Въ настоящее время картина изображаетъ видъ уже сильнаго, совершенно упроченнаго положенія вещей. Статистика даетъ намъ весьма отрадныя данныя.

На пространствѣ 5172 квадратныхъ миль, обнимающихъ шесть сѣверо-западныхъ губерній (Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую), заселенныхъ 7.953.573 жителями, состоитъ православныхъ 3.707.461¹⁾, т. е. почти 50% общаго числа населенія. Въ эту крупную цифру входитъ, конечно, и пришлое русское населеніе, но численность послѣдняго весьма незначительна.

¹⁾ «Виленскій календарь» на 1888 годъ.

Дѣятельность Іосифа Сѣмашки отразилась и на прилегающей къ Литовской епархіи еще одной русской окраинѣ, такъ называемой Холмской Руси, составляющей нынѣ вмѣстѣ съ Подляшьемъ Люблинскую и Сѣдлецкую губерніи и небольшія части губерній Сувалкской и Ломжинской.

Этотъ забытый уголокъ находился тогда въ обособленномъ положеніи. Входя въ составъ царства Польскаго, управлявшагося намѣстникомъ и имѣвшимъ особыя, независимыя отъ общеимперскихъ учрежденія, Холмская Русь имѣла самостоятельную уніатскую епархію. Въ 1820 году въ этой епархіи числилось около 400.000 уніатовъ, а въ 1836 году ихъ оказалось только 240.000; такимъ образомъ за 16 лѣтъ католицизмъ поглотилъ 160.000 уніатовъ, которые, конечно, превратились вмѣстѣ съ тѣмъ въ поляковъ и въ молодомъ поколѣніи своемъ забыли нынѣ объ исконной принадлежности своихъ предковъ къ русской народности.

Какъ бы предвидя такую судьбу холмскихъ уніатовъ, Іосифъ Сѣмашко, по собственному его сознанию, нѣсколько разъ выражалъ мысль о введеніи польскихъ уніатовъ въ кругъ общаго уніатскаго дѣла и даже просилъ о подчиненіи Холмской епархіи духовной коллегіи, но это предположеніе было отклонено, а намѣстникъ князь Паскевичъ обѣщалъ преосвященному Іосифу заняться уніатскимъ вопросомъ лишь въ то время, когда возникнетъ война съ Франціей. Тѣмъ не менѣе очищеніе уніатской обрядности въ церквахъ Сѣверо-Западнаго края отъ латинскихъ примѣсей и послѣдовавшее затѣмъ воссоединеніе возродили въ нѣкоторыхъ уніатскихъ приходахъ Холмской Руси стремленіе къ сверженію латино-польскаго ига и къ восстановленію русской народности и чистоты восточнаго обряда. Въ 1837 году двадцать священниковъ Холмской епархіи обращались по этому предмету къ преосвященному Іосифу; нашелся бы еще не одинъ десятокъ благомыслящихъ пастырей, если бы варшавское правительство отнеслось къ этому движенію безъ предубѣжденія; между тѣмъ оно усматривало въ семъ затаенное желаніе крестьянъ освободиться отъ панщины, а князь Паскевичъ прямо выражалъ несочувствіе воссоединенію уніатовъ. Дѣло кончилось лишь частнымъ воссоединеніемъ съ православною церковью четырехъ приходовъ Люблинской губерніи, которыхъ ничто уже не могло удержать въ чуждой для нихъ уніатской вѣрѣ¹⁾.

Чѣмъ же увѣковѣчена плодотворнѣйшая и дорогая для Россіи дѣятельность высокочтимаго іерарха и историческое событіе воссоединенія 1839 года?

¹⁾ Приходы: Люховъ, Бабицы, Горный-Потокъ и Тарногородъ, Люблинской губерніи.

Облагодѣтельствованный при жизни своей расположеніемъ и милостями императоровъ Николая I и Александра II, маститый митрополитъ Іосифъ, послѣ блаженной кончины своей, не нуждается конечно въ какомъ-либо памятникѣ, лично ему посвященномъ; памятникъ не вещественный и при томъ многознаменательный и можно сказать несокрушимый воздвигнуть имъ самимъ и величественно красуется на дѣлѣ и на страницахъ исторіи. Но самое событіе воссоединенія требовало бы своего увѣковѣченія такимъ способомъ, который наглядно показывалъ бы просвѣтительное значеніе воссоединенія и вмѣстѣ съ тѣмъ развивалъ бы дѣло рукъ Іосифа Сѣмашки послѣдовательно, постоянно и неизмѣнно, въ дѣломъ рядѣ поколѣній.

Такимъ памятникомъ могло бы служить осуществленіе одного изъ важнѣйшихъ предположеній самого Сѣмашки.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, по поводу предстоящаго юбилея, было упомянуто о существовавшемъ нѣкогда проектѣ учрежденія въ Вильнѣ духовной академіи и при этомъ было выражено, что открытіе такого учебнаго заведенія было бы продолженіемъ дѣла преосвященнаго Іосифа въ смыслѣ укрѣпленія въ западной окраинѣ православной вѣры и русской народности.

Дѣйствительно, такое предположеніе существовало и познакомиться съ исторіей забытаго проекта будетъ теперь совершенно умѣстно и своевременно.

Мысль объ устройствѣ духовной академіи для Сѣверо-Западнаго края всецѣло принадлежитъ преосвященному Іосифу, который еще въ самомъ началѣ своей реформаторской дѣятельности предполагалъ возбудить ходатайство объ учрежденіи академіи въ Полоцкѣ. Предположеніе это не было однако осуществлено по случаю затрудненій, сопряженныхъ съ возникшимъ въ 1830 году мятежемъ. Для предоставленія же молодымъ людямъ греко-уніатскаго исповѣданія высшаго образованія ихъ начали посылать въ университеты—Петербургскій и Московскій, а также въ Петербургскую духовную академію.

Но вотъ возникаетъ новая польская смута и въ Сѣверо-Западномъ краѣ появляется другой мощный дѣятель русскій. Вмѣстѣ съ принятіемъ мѣръ къ подавленію мятежа, графъ М. Н. Муравьевъ, съ свойственною ему проницательностію, не упускалъ изъ виду ни одной отрасли управленія краемъ и, вводя въ немъ русскія начала, не могъ не обратить вниманія и на положеніе православія въ краѣ.

«Возвышеніе нравственнаго значенія православнаго духовенства—писалъ графъ Муравьевъ митрополиту Іосифу—составляетъ главную основу преусиженія религіи въ народѣ. Въ здѣшнемъ краѣ это тѣмъ болѣе необходимо, что духовенство наше должно постоянно выдерживать борьбу съ чуждой религіозной пропагандой, усиливающейся покорить себѣ народъ». Отвѣчая на это письмо, митро-

полить выразилъ, что «учрежденіе таковой академіи было бы благодѣтельно для утвержденія православія какъ въ самомъ городѣ Вильнѣ, такъ и въ здѣшней епархіи».

Велика была радость всего русскаго общества Виленскаго края, когда оно узнало, что мѣстная правящая власть—гражданская и духовная—пришла къ единогласному заключенію о необходимости учрежденія въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія. Общественное мнѣніе раздѣлилось впрочемъ въ этомъ вопросѣ на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, имѣвшая на своей сторонѣ большинство, стояла за открытіе духовной академіи съ историко-филологическимъ отдѣленіемъ для приготовленія учебнаго персонала; другая высказывалась за устройство университета. Никакихъ недоразумѣній, которыми часто сопровождается образованіе партій, здѣсь не возникло. Представители обѣихъ мнѣній, раздѣляясь во взглядѣ на средство, сходились въ понятіяхъ своихъ о цѣли. Одинаково ими признавалось, что въ мѣстѣ существованія борьбы католицизма съ православіемъ должно находиться высшее учебное заведеніе, przygotowujące достойныхъ пастырей и наставниковъ въ духѣ православной вѣры и русской народности, дорожащихъ своей родиной и любящихъ ее. Указывалось при этомъ на такіе случаи, что воспитанники великороссійскихъ академій отказывались отъ перехода въ Виленскій край, а мѣстные уроженцы, поступающіе въ тѣ академіи, рѣдко когда возвращались на родину.

Всѣ эти безспорно убѣдительные доводы и соображенія остались однако безъ должнаго примѣненія, такъ какъ съ оставленіемъ графомъ Муравьевымъ поста главнаго начальника края дальнѣйшее движеніе дѣла объ устройствѣ духовной академіи было прекращено.

Прошло нѣсколько лѣтъ и интересующій насъ вопросъ снова возникаетъ. На этотъ разъ инициатива принадлежала учебному вѣдомству. Вновь назначенный на постъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, П. Н. Батюшковъ, руководясь тѣми же началами по управленію своимъ вѣдомствомъ, какія лежали въ основѣ дѣятельности графа Муравьева, обратилъ вниманіе на неудобства, возникающія вслѣдствіе отсутствія высшаго учебнаго заведенія въ краѣ и въ первую же поѣздку въ Петербургъ лично доложилъ о томъ покойному государю. Мысль объ учрежденіи такого учебнаго заведенія удостоилась высочайшаго одобренія и затѣмъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, въ Вильнѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ Батюшкова, особая комиссія изъ лицъ учебнаго и епархіальнаго вѣдомствъ. Разработанный ею проектъ учрежденія въ Вильнѣ духовной академіи былъ вполне одобренъ литовскимъ архіепископомъ Макаріемъ и весной 1869 года представленъ въ Петербургъ.

Не смотря однако на сочувствіе, съ которымъ отнеслось къ проекту министерство народнаго просвѣщенія и лучшіе органы

русской прессы, проектъ этотъ не только не получилъ своего осуществленія, но даже былъ затертъ и затѣмъ забытъ совершенно. Главный дѣятель по разработкѣ его, П. Н. Батюшковъ, вскорѣ послѣ отправки проекта въ Петербургъ, вынужденъ былъ оставить Вильну, вслѣдствіе вліянія генерала Потапова, памятнаго по своему анти-русскому управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ. Защищать проектъ и настаивать на его утвержденіи было некому. Къ тому же въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ выражалось несочувствіе проекту и даже высказывалось такое оригинальное заключеніе, что духовная академія можетъ создать въ православной церкви сепаратизмъ!.. Выводъ неожиданный для русскихъ дѣятелей, занимавшихся вопросомъ объ устройствѣ въ Вильнѣ свѣтилища духовнаго просвѣщенія, но вполне достойный тѣхъ, къмъ онъ былъ провозглашенъ.

Произнести такой приговоръ теперь, при существующемъ направленіи и устойчивомъ отношеніи къ нашимъ западнымъ окраинамъ, надѣмся, никто не рѣшится, воспоминаніе же о воссоединеніи западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью возрождаетъ вопросъ объ устройствѣ академіи въ Вильнѣ. Забытый проектъ, возникшій по мысли виновника воссоединенія 1839 года и разработанный подъ руководствомъ П. Н. Батюшкова, долженъ быть осуществленъ въ видѣ достойнаго памятника историческаго событія и въ удовлетвореніе настоятельной необходимости въ высшемъ для края духовномъ учебномъ заведеніи. Не сознавать этой необходимости значитъ закрывать себѣ глаза. Въ былое время наши противники смотрѣли на дѣло образованія какъ на орудіе для проведенія своихъ національныхъ стремленій. За время преобладанія польскихъ элементовъ въ нашихъ западныхъ окраинахъ въ Вильнѣ существовала академія, преобразованная потомъ въ университетъ, и главная семинарія съ программой духовной академіи, а въ Волынскомъ краѣ процвѣтала извѣстный Кременецкій лицей. Это были центры живой патріотической дѣятельности польскаго народа, державшіе въ своихъ рукахъ все умственные силы западныхъ окраинъ и распространявшіе свое вліяніе на все учебныя заведенія девяти губерній. Эти рассадники польскихъ элементовъ и римскаго католицизма дѣйствовали открыто и не стѣснялись даже тѣмъ, что сами существовали на средства русскаго правительства ¹⁾, поступавашаго въ семь случаевъ въ ущербъ самому себѣ. Одинъ польскій публицистъ откровенно высказался на этотъ счетъ: «Главнымъ орудіемъ, употребленнымъ провидѣніемъ къ развитію революціонной наклонности Литвы, было университетское образованіе».

¹⁾ Какъ велики были расходы на этотъ предметъ можемъ судить по Виленскому университету: содержаніе его обходилось русской казнѣ 105,000 руб. сер. въ годъ.

Горькій опытъ доказаль вредное вліяніе польскаго университета въ Вильнѣ; спустя нѣкоторое время послѣ его упраздненія, преобразована и польская главная школа въ Варшавѣ въ императорскій университетъ, а мысль объ академіи въ Вильнѣ все же не осуществилась.

Если высшія учебныя заведенія могли служить проводниками польско-латинскаго прозелитизма, то, устроенныя на правильныхъ началахъ, они еще болѣе сильнымъ орудіемъ могли бы оказаться въ дѣлѣ служенія истинному просвѣщенію, въ которомъ такъ нуждается край, празднующій нынѣ полувѣковой юбилей своего возрожденія въ духѣ православной вѣры и русской народности.

М. Городецкій.

ПЕРВЫЙ ЭКЗАРХЪ НОВОЙ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ.

ТОРАГО декабря 1888 года скончался въ Видинѣ первый болгарскій экзархъ Анѳимъ, носившій до конца жизни санъ Видинскаго митрополита. Жизнь блаженнаго Анѳима и его архіерейская дѣятельность связаны съ исторіей борьбы болгаръ за національную церковь, за автономныя права и возрожденіе болгарскаго народа. Эта жизнь—цѣль подвиговъ, послужившихъ на благо православной церкви болгаръ. Болгарская исторія отведетъ видное мѣсто дѣятельности въ Возѣ почившаго іерарха. Въ то же самое время блаженный Анѳимъ былъ близко связанъ съ русской церковью, которой онъ, какъ истинный ея воспитанникъ, былъ всегда преданъ душой. Въ виду этого, мы намѣрены познакомить читателей, хотя и въ краткомъ очеркѣ, съ замѣчательной личностью блаженнаго Анѳима.

I.

Аѳанасій Михайловичъ—такъ звали въ мірѣ Анѳима до его постриженія въ монахи—родился въ городѣ Кыркъ-киси, поболгарски Лозенъ-градъ, въ Фракіи, въ 1816 году. Это было время, когда Балканскій полуостровъ былъ раздираемъ разными ордями дикихъ кырджалиевъ, даалевъ, капасызовъ и проч. ¹⁾, время когда населе-

¹⁾ Кыркъ-киси былъ лагеремъ Беглеръ-бега Османа, одного изъ довѣреннѣйшихъ лицъ султана въ Фракіи. Велѣдствіе этого кырджалии направляли свои атаки противъ этого города и его окрестностей. Нигдѣ, можетъ быть, не было такого страха отъ этихъ дикихъ ордъ, какъ въ означенныхъ мѣстностяхъ.

ніе не знало, кто хозяинъ Турціи, когда имущество, честь и жизнь, находились въ рукахъ всевозможныхъ маленькихъ деспотовъ «деребеевъ» (турецкихъ феодаловъ). Родители Аѳанасія—Михаилъ и Гана, были бѣдные люди, однако, они желали дать, даже въ это смутное и темное время, какое-либо образованіе своему сыну, мечтавъ видѣть его священникомъ ихъ городка.

Что же нужно было дѣлать молодому Аѳеиму для полученія какого-либо славянскаго образованія? Въ разрѣшеніи этого вопроса ему помогъ старый монахъ, изъ св. горы Аѳона, находившійся въ Кыркъ-кисси, въ качествѣ духовника. Святая гора Аѳонъ во всякое время была хранилищемъ церковно-славянской литургіи, письменности и языка. Съ Аѳона для болгарскаго народа была выпущена первая книга, первая его исторія, писанная монахомъ Паисіемъ и послужившая исходнымъ пунктомъ болгарскаго возрожденія¹⁾.

На святой горѣ Аѳонской молодой Аѳанасій занялся изученіемъ славянскаго языка и пользовался русскими книгами, находившимися въ монастырскихъ бібліотекахъ. Въ 1837 году, онъ постригся въ монахи и получилъ имя Аѳеима (болгары произносятъ Антимъ). Въ то время, однако, духовное лицо изъ болгаръ не могло получить даже самой низшей должности въ духовной іерархіи, если не было знакомо съ греческимъ языкомъ. Вотъ почему, вмѣстѣ съ изученіемъ славянскаго языка, Аѳеимъ долженъ былъ познакомиться основательно съ эллинскимъ языкомъ и литературой. Молодой монахъ, однако, не удовлетворился монастырскимъ ученіемъ. Около 1839—1840 годовъ мы его встрѣчаемъ въ Константинополѣ, въ качествѣ ученика греческаго богословскаго училища на островѣ Халки.

Окончивъ курсъ въ халькинскомъ богословскомъ училищѣ, Аѳеимъ опять не удовольствовался этимъ и пожелалъ отправиться въ Россію для полученія болѣе высшаго духовнаго и славянскаго образованія. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ завершилъ свое высшее духовное образованіе въ Московской духовной академіи. Въ Москвѣ Аѳеимъ былъ рекомендованъ Московскому митрополиту Филарету, котораго считалъ своимъ учителемъ и покровителемъ во все время своей жизни. Митрополитъ Филаретъ любилъ бесѣдовать съ болгарскимъ монахомъ о текущихъ вопросахъ вселенской церкви, главнымъ же образомъ о греко-болгарской распрѣ. Онъ вдохнулъ въ Аѳеима твердость и непоколебимость

¹⁾ Монахъ Паисій Самоковскій написалъ на Аѳонской горѣ въ 1762 году свою маленькую книжку: «Исторія славяно-болгарска о народахъ и о царѣхъ и о святыхъ болгарскихъ». Съ появленіемъ этой книжки въ свѣтъ началось болгарское національное пробужденіе. Книжка переписывалась въ тысячахъ экземпляровъ и выучивалась наизусть.

въ «славянскомъ православіи» и рукоположилъ его въ іеромонаха. Повидимому, высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ произвелъ сильное впечатлѣніе на будущаго болгарскаго экзарха, такъ какъ покойный Анѳимъ постоянно воспоминалъ о своихъ бесѣдахъ съ нимъ и часто цитировалъ его слова и мнѣнія по разнымъ духовно-церковнымъ вопросамъ.

II.

Іеромонахъ Анѳимъ вернулся въ Царьградъ какъ разъ въ то время, когда зародившаяся въ Болгаріи борьба за національныя школы, церкви и языкъ, обострилась не по днямъ, а по часамъ. Болгары, пользуясь извѣстнымъ хати-хумаюномъ 1856 года, стали стремиться къ религіозной и національной равноправности и просить, чтобы имъ дозволили учиться поболгарски, молиться Богу на понятномъ языкѣ и—самое важное—чтобы ихъ высшія духовныя лица были болгары, назначаемые вселенской патриархіей. Центромъ борьбы сдѣлался Царьградъ. Въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 года, депутаціи отъ разныхъ болгарскихъ епархій собрались въ Константинополь, умножили свои требованія и представили коллективную просьбу на имя Высокой Порты объ учрежденіи болгарской іерархіи ¹⁾. Патриархія и слышать не хотѣла о болгарскихъ требованіяхъ. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ городовъ Болгаріи посыпались протесты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалобы къ великому визирю на корыстолюбіе, злоупотребленія и безнравственность греческихъ епископовъ. Наконецъ, третьяго апрѣля 1860 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, въ болгарской церкви, на Фонарѣ, по требованію народа, Иларіонъ Макаріопольскій исключилъ изъ молитвословія имя патриарха и этимъ «актомъ» была основана національная церковь Болгаріи. Всѣ болгары подчинились ей и признали Иларіона ея главою. Въ первое время по возвращеніи своемъ, Анѳимъ исполнялъ должность іеромонаха при русскомъ посольствѣ, гдѣ сразу замѣтили его выдающіяся способности и усиленно рекомендовали греческой патриархіи. Немного спустя, іеромонахъ Анѳимъ былъ назначенъ профессоромъ въ Халькійскую богословскую школу по предметамъ церковной исторіи и русскаго языка.

Какъ только на патриаршій престолъ вступилъ твердый и энергичный Іоакимъ, желавшій во что бы то ни стало положить конецъ болгаро-греческой распрѣ, онъ пригласилъ къ себѣ Анѳима и пред-

¹⁾ Подробное изложеніе греко-болгарской церковной распри находится въ церковной исторіи Голубинскаго. См. также статью Бурмова въ «Русск. Вѣстникѣ» за 1885 г. и «Вѣст. Европы» за 1888 г. (книжки 8-я и 9-я). Поболгарски хорошо изложена до извѣстной эпохи исторія церковнаго вопроса въ прекрасномъ сочиненіи профессора М. Дринова: «Исторически прегледъ на Бгдл църква. Прага, 1869 год.»

ложилъ ему назначить его Шумло-Преславскимъ митрополитомъ. Это обстоятельство не только не обрадовало, но даже смутило Анеима. Онъ зналъ цѣну назначенія митрополитомъ отъ имени патріархіи для какой-нибудь болгарской епархіи. Это было въ 1860 году. Такъ какъ греческая патріархія не принимала во вниманіе требованій болгарскихъ представителей въ Царьградѣ, требованій очень умѣренныхъ, то въ Болгаріи не хотѣли признавать и гнали довольно безцеремонно всѣхъ посылаемыхъ патріархіей митрополитовъ. Ихъ житье въ Болгаріи было чистой пыткой. Анеимъ зналъ это и поэтому сильно задумался.

Какъ истинный патриотъ, онъ нашель необходимымъ обратиться за совѣтомъ къ главамъ болгарскаго представительства въ Константинополь: къ Иларіону Макаріопольскому, Чомакову, Струмскому, старому Тапчилецѣ и др. Они посовѣтовали Анеиму принять санъ митрополита, но въ епархію Шумлинскую не ѣхать. Тогда іеромонахъ Анеимъ явился къ патріарху, объяснилъ ему въ чемъ дѣло и заявилъ, что не прочь взять на свои плечи санъ владыки, но сомнѣвается, чтобы ему можно было явиться въ Болгарію въ настоящее время, когда населеніе такъ сильно озлоблено противъ патріархіи и ея людей. Онъ намекнулъ, что однѣ только уступки могутъ предупредить церковный кризисъ, который, по видимому, развивается быстро и въ ущербъ вселенской матери-церкви.

Анеимъ былъ посвященъ въ санъ архіепископа Преславскаго въ 1861 году. Въ это время онъ сталъ чаще и чаще являться въ патріаршей церкви на Фонарѣ и произносить проповѣди, которыя производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Въ греческихъ газетахъ того времени его приравнивали къ знаменитостямъ древняго міра. Прошло нѣсколько мѣсяцовъ и патріархъ опять захотѣлъ отправить въ Шумлинскую епархію преосвященнаго Анеима. Въ это время болгарскіе вожди твердо вѣрили, что ихъ дѣло увѣнчается успѣхомъ, но только при болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ. Не смотря на то, что патріархъ Іоакимъ отлучилъ болгарскихъ епископовъ Иларіона и Авксентія отъ церкви, болгарскіе вожди представили энергическую докладную записку, такъ называемые «семь пунктовъ», въ которыхъ домогались національной іерархіи и церковной автономіи, съ избираемымъ архіепископомъ во главѣ, который бы имѣлъ свою резиденцію въ Константинополь и признавалъ бы верховную власть патріарха. Однако, патріархъ отказалъ въ этихъ требованіяхъ и далъ отъ себя болгарамъ пятнадцать обѣщаній (25-го февраля 1865 года), изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что въ чисто-болгарскихъ епархіяхъ предстояло назначить епископами достойныхъ болгаръ или людей знающихъ поболгарски. Болгарскіе вожди замѣтили всю неясность и неискренность этихъ уступокъ патріарха и не согласились при-

нять ихъ. Тогда патриархъ добился у Порты ссылки Иларіона Макаріопольскаго, Авксентія Велескаго и Паисія Филиппопольскаго, въ Малую Азію.

Въ это трудное время въ Болгаріи появились вожаки католической пропаганды, задумавшіе присоединить болгаръ къ католической церкви. Преслѣдованіе болгарскихъ учителей и передовыхъ людей на протяженіи всего полуострова, затягиваніе болгарско-греческой распри, происходящія отъ этого неурядицы среди болгарской церкви—все это облегчало миссію пропаганды. Въ Константинополѣ основался центръ болгарской уніи, во главѣ которой находился папскій викарій Брунонн. Въ Полянскій епархіи, въ Македоніи, вслѣдствіе злоупотребленій греческихъ митрополитовъ, все населеніе рѣшилось принять католичество. Унія нашла себѣ не мало приверженцевъ и въ Фракіи, въ особенности въ Адрианопольскомъ санджакѣ. Патриархъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, ради приличія, сдѣлать что-нибудь противъ этой пропаганды. Пресвященному Анѣиму выпала честь быть борцомъ и проповѣдникомъ противъ уніи, сначала въ Адрианопольскомъ санджакѣ, затѣмъ въ Солунскомъ (въ Македоніи). Къ Свѣтлому Воскресенью Христову, на Страстной недѣлѣ, онъ поѣхалъ въ Мидію, а оттуда въ Малый Тырновъ (Адрианопольскаго округа) посѣтилъ и окрестныя села, гдѣ ему удалось принести много пользы и спасти отъ уніи многихъ членовъ православной паствы. Изъ 500—600 семействъ, принявшихъ унію въ Маломъ Тырновѣ, лишь 35—40 не поддались его убѣжденіямъ. По возвращеніи Анѣима изъ Адрианопольской епархіи, въ томъ же 1862 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, патриархъ отправилъ его произвести ревизію въ епархію Полянскую, въ городъ Кукушъ. Тамъ католики и уніаты также свили было себѣ теплое гнѣздышко и надѣялись на дальнѣйшее распространеніе уніи въ Македоніи. Анѣимъ узналъ, что населеніе было принуждено броситься въ лоно уніи, дабы избѣгнуть притѣсненій и насилій со стороны греческаго духовенства. Населеніе сговорилось и сказало себѣ: «греческіе владыки притѣсняютъ насъ до отчаянія, болгарскихъ нѣтъ; примемъ лучше унію; по крайней мѣрѣ, будемъ свободно учиться поболгарски въ школахъ, слушать слово Божіе поболгарски и за насъ будетъ кому заступиться».

Миссія пресвященнаго Анѣима въ Македоніи встрѣтила большія препятствія, въ виду неуступчивости греческихъ владыкъ, ловкой дѣятельности уніатскихъ пропагандистовъ и энергическаго рѣшенія соотечественниковъ не признавать болѣе «нехорошихъ» греческихъ пастырей. Унія казалась очень заманчивой. Нѣкоторые изъ болгаръ видѣли въ ней чуть не этапъ къ скорѣйшему приобрѣтенію политической независимости. Около этого времени, въ Царьградѣ, унія имѣла среди болгаръ такихъ представителей, какъ

Драганъ Цанковъ, Мирковичъ, архимандритъ Макарій, архимандритъ Іосифъ Сокольскій и др.

Когда Анеимъ вернулся въ Константинополь, его назначили ректоромъ Халькійской богословской школы; затѣмъ отправили въ Малую Азію для ревизіи и, наконецъ, предложили опять ѣхать въ Болгарію, на этотъ разъ, въ новую Видинскую епархію.

III.

Противъ своей воли отправился митрополитъ Анеимъ въ Видинъ, такъ какъ онъ зналъ, что недавно еще видинцы подавали Портѣ прошеніе о томъ, что не желаютъ признавать никакого митрополита, присылаемаго патриархомъ. Но Анеимъ долженъ былъ подчиниться велѣнію патриарха. Въ Видинѣ, какъ народъ, такъ и передовые люди (чорбаджи) не хотѣли принять своего владыки только потому, что онъ былъ патриаршимъ посланцемъ. Нужно отмѣтить характерный фактъ, что болгарь, въ ихъ противодѣйствіи, поддерживалъ и училъ губернаторъ Видина, Азисъ-паша, извѣстный болгарофилъ, и комендантъ гарнизона полякъ Омеръ-паша. Послѣдній изъ учтивости говорилъ Анеиму:

— Хотите, чтобы заставить болгарь принять васъ? Достаточно для этого дать вамъ взводъ солдатъ!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ владыко, — такъ я не хочу поступать. Лучше возвратиться назадъ, чѣмъ заставлять народъ принимать меня силою.

Около этого времени, Анеимъ былъ приглашенъ въ Константинополь вождами болгарскаго движенія. Дѣло болгарскихъ борцовъ за независимую церковь сдѣлало больше успѣхи. Само турецкое правительство помогло и чуть не взяло инициативу дабы удовлетворить болгарскія требованія. На патриаршемъ престолѣ чередовались, вслѣдъ за Іоакимомъ—Амасійскимъ, Софроній (13-го сентября 1863 г.), отличавшійся своимъ упорствомъ, и «благонамѣренный» Григорій, (10-го февраля 1867 г.), и все-таки требованія болгарь, переходившія черезъ разныя инстанціи и фазисы, не могли разрѣшиться какимъ-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Проекты за проектами, планы за планами, представлялись, обсуждались въ патриархатѣ, въ Высокой Портѣ и Орта-кіюй—а церковный болгарскій вопросъ оставался вопросомъ. Послѣдній патриархъ, Григорій, былъ дѣйствительно проникнутъ желаніемъ кончить съ этимъ вопросомъ и составилъ проектъ съ большими уступками, который и представилъ на усмотрѣніе болгарскихъ вождей черезъ посредство извѣстнаго турецкаго визиря—Аали-паши (10-го февраля 1867 г.). Въ этомъ проектѣ патриархъ давалъ свое согласіе на учрежденіе «болгарскаго экзархата», съ своимъ синодомъ, подъ вѣдомствомъ патриарха.

Болгары не приняли этого проекта, потому что въ «область экзархата» входили только «чисто-болгарскія епархіи», а многія изъ Македонскихъ и Фракійскихъ, гдѣ подавляющее большинство болгарское, оставались подъ прямымъ вѣдомствомъ греческихъ владыкъ. Тѣмъ временемъ въ Болгаріи появились извѣстныя инсurreкціонныя четы Филиппа Тоти и Хаджи Димитри. Турецкое правительство, испугавшись, нашло необходимымъ поспѣшить разрѣшеніемъ вопроса. Въ Высокой Портѣ выработаны были два проекта для рѣшенія спора. Эти проекты были очень схожи съ проектами греческой патріархіи. Болгарскіе вожди увидѣли, что ихъ идеаламъ предстоитъ полное осуществленіе. Нужно было собрать въ Константинополь для обсуждения проекта всѣхъ болгарскихъ епископовъ и митрополитовъ. Приглашенъ былъ и преосвященный Анѣимъ, котораго знали за патріота, готоваго помочь дѣлу духовной независимости и учрежденія болгарской церкви.

Долго думалъ видинскій владыко, что дѣлать и какъ поступить. Отъ души и сердца сочувствовалъ онъ національному движенію, но ему все-таки хотѣлось, чтобы разрѣшеніе болгарскаго церковнаго вопроса произошло съ благословенія патріарха и всей Вселенской церкви. Поэтому онъ всегда совѣтовалъ не доводить дѣло до ожесточенія и какъ-нибудь согласить требованія болгаръ и патріарха. Къ несчастію, Фонарь оставался непреклоненъ. Въ виду этого, Анѣимъ рѣшился, наконецъ, принять открыто сторону болгарскаго народа въ его борьбѣ. Послѣ полученія и обсуждения пригласительнаго письма (6-го декабря 1868 г.), Анѣимъ торжественно совершилъ литургію, на которой помянулъ вмѣсто патріарха, болгарскаго священноначальника Иларіона Макаріопольскаго и былъ торжественно отведенъ, по окончаніи службы, ликовавшимъ народомъ въ митрополию. Затѣмъ, онъ составилъ актъ и написалъ въ Константинополь обо всемъ случившемся въ болгарской общинѣ Видина, заявляя одновременно, что отказывается отъ греческой патріархіи и ѣдетъ представителемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ, имѣя довѣрительныя письма отъ цѣлой общины. Для управления епархіей онъ оставилъ намѣтника своего, Иларіона, и совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Когда Анѣимъ пріѣхалъ въ Константинополь, его встрѣтили съ восторгомъ и въ Орта-кію былъ собранъ «временный церковный совѣтъ» изъ слѣдующихъ владыкъ: Иларіона Макаріопольскаго, Паисія Филиппопольскаго, Иларіона Ловченскаго, Дорогея Софійскаго, Панарета Пловдивскаго и Анѣима Видинскаго. Этотъ совѣтъ съ нѣкоторыми мірскими «первенцами» и видными представителями изъ Болгаріи составилъ первый «Болгарскій Смѣшанный Совѣтъ», (Первый редовенъ Смѣсенъ Съвѣтъ); который сталъ засѣдать аккуратно каждую пятницу въ Орта-кію и обсуждать церковно-общественныя дѣла болгарскаго народа. Первымъ дѣломъ

преосвященнаго Анеима, по возвращеніи въ Константинополь, было составить вмѣстѣ съ новопріѣхавшими болгарскими епископами Иларіономъ Ловченскимъ и Дороеемъ Софійскимъ, актъ отреченія отъ патріархіи. Актъ этотъ кончался заявленіемъ, что «они присоединяются къ возстановленію древней и независимой болгарской іерархіи, существованіе которой незаконно прекращено греческими патріархами и которая нынѣ опять возобновилась волей болгарскаго народа».

Послѣ этого начались обсужденія двухъ правительственныхъ проектовъ. Патріархія возражала, «Болгарскій Смѣшанный Совѣтъ» давалъ свои отвѣты. Патріархъ Григорій обратился съ посланіемъ къ другимъ автокефальнымъ церквамъ и предложилъ созывъ Вселенскаго собора; онъ старался доказать, что поведеніе болгарскихъ епископовъ, собравшихся въ Орта-кіюй, антиканоническое. Епископы возражали, что они вовсе не касаются догмъ и канонѡвъ, а требуютъ удовлетворенія просьбъ болгарскаго народа, желающаго имѣть отдѣльное административное учрежденіе и управленіе своей церкви. Между патріархіей и Высокой Портой съ одной стороны и болгарскимъ совѣтомъ съ другой произошелъ обмѣнъ писемъ, отвѣтовъ, циркуляровъ. При этомъ случаѣ, Анеимъ и его секретарь Симеонъ (нынѣшній Преславскій митрополитъ) много помогли уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ.

Въ началѣ 1870 года, Анеимъ, съ дозволенія болгарскаго церковнаго совѣта, вернулся въ Видинъ, гдѣ занялся устройствомъ своей епархіи.

IV.

28-го февраля 1870 года, изданъ былъ султанскій фирманъ, даровавшій болгарскому народу независимую въ административномъ отношеніи церковь, область которой была названа: «Болгарскій Экзархатъ». Временный Смѣшанный Совѣтъ въ Орта-кіюй пригласилъ Анеима въ Константинополь для составленія правилниковъ и устава болгарской церкви. По пути въ Константинополь, онъ долженъ былъ посѣтить Рушукъ, Силистрію, Шумлу, Ески-Джуму, Османъ-Базаръ, Тичу, Котель, Жеравну, Карнобатъ и Бургасъ.

Во всѣхъ этихъ городахъ высокопреосвященный владыко объяснял истинное значеніе болгарско-греческой распри, поучал паству слову Божию и склонялъ всѣхъ къ просвѣщенію и образованію. Болгары, привыкнувшія слышать непонятныя проповѣди греческихъ владыкъ, часто проповѣдовавшихъ потурецки въ храмахъ Божіихъ, слушали съ жадностью эти поученія краснорѣчиваго митрополита. Когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь, то нашелъ дѣло не въ столь блестящемъ положеніи, какъ это казалось. Греческая патріархія продолжала протестовать и задумывала со-

зывъ Вселенскаго Собора, чтобы провозгласить на немъ болгарскую схизму. Началась организаціонная дѣятельность болгарской церкви. По фирману, нужно было созвать «соборъ» изъ болгарскихъ духовныхъ и мірскихъ представителей для приготовленія устава Болгарскаго экзархата.

23-го февраля 1871 года, открылся первый болгарскій соборъ. Въ его составъ вошли представители отъ всѣхъ болгарскихъ епархій, включительно Македонскихъ, Фракійскихъ округовъ. Между представителями можно было встрѣтить всѣхъ видныхъ, просвѣщенныхъ болгарскихъ дѣятелей: П. Р. Славейкова, Ив. Найденова, Н. Парванова, Н. Михайловскаго, Чомакова и др. Можеть быть, въ первый разъ съ того времени, какъ существуетъ болгарскій народъ или, по меньшей мѣрѣ, въ первый разъ послѣ паденія болгарскаго государства подъ иго турокъ, именитые люди всей Болгаріи собрались вмѣстѣ, дабы рядить и строить общественно-церковную жизнь своего народа. Выработанный уставъ болгарскаго экзархата представлялъ изъ себя маленькую церковно-общественную конституцію.

Высокопреосвященный Аноимъ былъ въ это время однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ учрежденія и устройства болгарской церкви. Скоро однако онъ успѣшилъ вернуться въ свою епархію, куда его звала видинская община. Онъ долженъ былъ разсѣять тѣ сомнѣнія, которыя овладѣли было не только его паствой, но и многими болгарами по обѣ стороны Балканъ. Пропанганды католическая и протестанская дѣлали свое дѣло, пользуясь этимъ смутнымъ и переходнымъ временемъ, и совращали съ православной вѣры молодыхъ людей. Владыко останавливался во всѣхъ городахъ и селахъ по своему пути, завернулъ и въ тѣ уголки, гдѣ чувствовалась надобность въ его поученіи и среди бурь, непогодъ и страшной балканской зимы, онъ, какъ настоящій пастырь добрый, неустанно говорилъ проповѣди, поучалъ и самоотверженно дѣлалъ свое святое дѣло.

По пріѣздѣ въ Видинь, высокопреосвященный Аноимъ немедленно посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ имѣла успѣхъ униатская пропаганда и, смотря по надобностямъ, проповѣдывалъ, увѣщевалъ или стыдилъ. Затѣмъ онъ направился въ Вратчанскую и Ловченскую епархіи, откуда переѣхалъ въ Тырновскую епархію и, посѣтивъ города Ряховица, Лѣсковецъ, Елену, вернулся опять въ Видинь.

Болгарскій соборъ обратился къ Аали-пашѣ съ просьбой о разрѣшеніи выбрать экзарха—главу болгарской церкви. Но дѣла въ Турціи никогда не двигаются такъ быстро впередъ: съ одной стороны съ патріаршаго престола удалился Григорій и его пріемникомъ былъ избранъ хитрый Аноимъ VI Кутуліаносъ; съ другой,— умеръ вскорѣ и великій визирь Аали-папа (25-го августа 1871 г.) и вмѣсто него великимъ визиремъ былъ назначенъ Махмудъ-Не-

димъ-паша. Анеимъ VI попытался войти въ переговоры съ болгарскими дѣятелями, но самъ уступалъ очень мало. Онъ соглашался, чтобы болгарскій экзархатъ состоялъ изъ точно опредѣленныхъ и извѣстныхъ епархій въ Болгаріи—всего 14. Болгары съ своей стороны заявили, что они внѣ «фирмана» ничего не хотятъ. Великій визирь Махмудъ-паша постарался доказать явившейся къ нему депутаціи, что правительство вовсе и не думало уничтожить «фирмана». Но нужно же было, однако, опредѣлить значеніе и смыслъ 10 ст. онаго ¹⁾).

Около этого времени, именно въ день Рождества Христова, константинопольскіе болгары хотѣли заставить своихъ владыкъ служить въ болгарской церкви св. Стефана, на Фонарѣ; владыки отказались; но наканунѣ Богоявленія народъ силой привелъ ихъ въ церковь и на другой день заставилъ надѣть архіерейское облаченіе и совершить торжественную литургію, не смотря на запрещеніе патріарха. Патріархъ Анеимъ VI собралъ мѣстное синодальное собраніе, низложилъ служившихъ двухъ митрополитовъ, Иларіона Ловченскаго и Панарета Пловдивскаго, за участіе въ литургіи, Иларіона же Макаріопольскаго, низложеннаго еще раньше, отлучилъ отъ церкви. Въ то же самое время, патріархъ разослалъ письма къ Видинскому митрополиту Анеиму и другимъ болгарскимъ епископамъ и требовалъ, чтобы они въ 40 дней осудили поведеніе служившихъ въ день Богоявленія владыкъ и возвратились въ подчиненіе Вселенской церкви.

Затѣмъ, по настоятельному требованію патріарха, тогдашній великій визирь Махмудъ-паша отправилъ въ ссылку служившихъ службу епископовъ. Царьградскіе болгары на другой же день произвели демонстрацію въ пользу возвращенія своихъ любимыхъ митрополитовъ. Демонстрація была такъ внушительна и энергична, что турецкому правительству приходилось сдѣлать одно изъ двухъ: или возвратитъ митрополитовъ изъ Измида, куда они были отправлены, или же арестовать десятокъ тысячъ болгаръ участвовавшихъ въ демонстраціи. Сосланные митрополиты возвратились въ началѣ февраля 1872 года. Болгары устроили имъ такую великолѣпную встрѣчу какой Царьградъ давно не видалъ. Мало того. Турецкое правительство должно было, наконецъ, согласиться, чтобы болгары выбрали себѣ экзарха, т. е. главу независимой церкви.

¹⁾ 10 ст. содержала опредѣленіе границъ духовной области болгарскаго экзархата. Кромѣ точно опредѣленныхъ епархій, говорилось: что и всѣ другія епархій, жители которыхъ всѣ или двѣ трети пожелали бы подчиниться болгарскому экзархату, могутъ сдѣлать это.

V.

12-го февраля 1872 года, болгарский синодъ архіереевъ, вмѣстѣ съ мірскими членами смѣшаннаго совѣта, избралъ единогласно въ экзархи болгарскіе высокопреосвященнаго Анеима Видинскаго. Онъ находился въ это время въ Видинѣ. Извѣстіе о состоявшемся выборѣ было для него совершенной неожиданностью. По заслугамъ слѣдовало бы выбрать Иларіона Макаріопольскаго, по старшинству Иларіона Ловченскаго, а по способностямъ... Анеимъ не признавался достойнѣйшимъ изъ всѣхъ болгарскихъ архіереевъ. 9-го марта того же года, изъ Царьграда пріѣхали два депутата, Йоргаки-бей Чалыки и Іаковъ Геровъ, привезшіе съ собою актъ избранія перваго болгарскаго экзарха и приглашеніе, чтобы онъ отправился занять свой постъ въ Царьградъ.

Съ горестью простилась видинская паства съ своимъ добрымъ архипастыремъ. Изъ Видина блаженный Анеимъ поѣхалъ на особомъ пароходѣ, приготовленномъ правительствомъ; народъ и священники съ пѣніемъ проводили его до пристани. Путешествіе его въ Константинополь сопровождалось вездѣ торжественными и блестящими встрѣчами. Во всѣхъ придунайскихъ городахъ: Ломѣ, Раховѣ, Никополѣ, Систовѣ и Русчукѣ, къ экзарху являлись депутаціи изъ селъ, изъ Тырнова, Ловчи, Плевны и проч., подавали ему поздравительные адреса и просили, чтобы онъ крѣпко держался султанскаго фирмана и не уступалъ патріарху. Турецкіе власти, предупрежденные со стороны центрального правительства, также принимали участіе въ этихъ встрѣчахъ.

Самая торжественная и величественная встрѣча ожидала блаженнаго Анеима въ Константинополь: обрадованные болгары наняли 4 парохода и встрѣтили его шумными оваціями при входѣ въ Босфоръ. Депутація произнесла рѣчь Анеиму, въ которой упомянула, что онъ ни за что не долженъ входить въ соглашеніе съ патріархіей. Прибывъ въ экзархійскій домъ, въ Орта-кіюй, блаженный Анеимъ произнесъ слово, произведшее сильное впечатлѣніе на слушателей. Объяснивъ какъ тяжело бремя его новаго сана и заявивъ, что возлагаетъ всѣ свои надежды на своихъ духовныхъ собратьевъ, архіереевъ, Анеимъ сказалъ: «По пути, всюду, гдѣ я былъ, мнѣ представлялись сѣдые старики, которые плакали отъ радости; я видѣлъ женщинъ, мужчинъ, дѣтей, которые восторгались освобожденіемъ отъ духовнаго греческаго ига,—и всѣ меня просили беречь султанскій фирманъ и не отступать отъ него ни на волосъ!»

Когда представитель отъ Македоніи началъ просить блаженнаго экзарха не забывать и о правахъ самой многострадающей болгарской области—Македоніи, онъ заплакалъ..

Вопросъ не рѣшался однимъ только избраніемъ болгарскаго экзарха и его прїѣздомъ въ Константинополь. Блаженный Анеимъ все-таки желалъ избѣгнуть окончательнаго разрыва съ патріархомъ и думалъ какъ умиловити патріарха и греческую церковь, чтобы они признали и одобрили его выборъ. 3-го апрѣля блаженному Анеиму былъ переданъ берать. Для врученія его былъ назначенъ самъ великій визирь Махмудъ-Недимъ-паша, что онъ и сдѣлалъ при самой торжественной обстановкѣ. Затѣмъ послѣдовали торжественныя ауденціи у султана (12-го апрѣля) и официальный визитъ къ министрамъ. Немного спустя, Анеимъ рѣшился написать патріарху очень краснорѣчивое письмо и просилъ у него также ауденціи. Патріархъ отказалъ. Анеимъ написалъ второе письмо, въ которомъ заявилъ патріарху, что онъ какъ глава болгарской церкви не признаетъ низверженія болгарскихъ владыкъ, потому что оно было сдѣлано противъ церковныхъ канонѣвъ. Къ этому онъ присовокупилъ, что самъ намѣревается служить въ церкви, иначе среди болгарскаго православнаго населенія возбудится сильное негодованіе противъ патріархіи. Патріархъ опять ничего не отвѣчалъ. Болгарское населеніе Царыграда не имѣло счастья отстоять литургію въ служеніи своего экзарха во время праздниковъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Наконецъ, Анеимъ написалъ патріарху третье письмо, въ которомъ представилъ ему незаконность отлученія и низложенія болгарскихъ владыкъ и просилъ, чтобы онъ снялъ съ нихъ эти несправедливыя наказанія. Въ отвѣтъ на это послѣднее письмо греческій патріархъ созвалъ великое греческое народное собраніе и 7-го апрѣля, въ собраніи, отлучилъ болгарскаго экзарха отъ греческой православной церкви.

Когда же, въ этомъ году, въ день славянскихъ просвятителей св. св. Кирилла и Меѳодія, блаженный Анеимъ, по рѣшенію св. синода и смѣшаннаго совѣта, совершилъ вмѣстѣ съ другими епископами торжественное богослуженіе, патріархъ издалъ актъ, которымъ предаль анаѳемѣ всѣхъ служившихъ владыкъ. Неудовольствовавшись этимъ, патріархъ пробовалъ созвать осенью 1872 года вселенскій соборъ, на который предполагалось пригласить представителей всѣхъ автокефальныхъ церквей. Однако, на первое время, турецкое правительство не согласилось дать разрѣшеніе. Когда же на высшій постъ великаго визиря былъ поставленъ Митхадъ-паша, «демонъ ново-фанатическаго направленія въ турецкой политикѣ» для созыва подобнаго собора представилась возможность. Къ счастью, русская, сербская, румынская и черногорская церкви не согласились участвовать на замышляемомъ вселенскомъ соборѣ и по этому греки нашли болѣе умѣтнымъ назвать соборъ «великимъ мѣстнымъ синодомъ»; состоялъ же онъ изъ патріарховъ и іерарховъ подвластныхъ султану.

Къ чести нѣкоторыхъ изъ этихъ іерарховъ нужно сказать, что не всѣ они слѣпо увлекались ультра-патріотическими тенденціями Анеима VI. Анеіохійскій патріархъ не согласился первый. Іерусалимскій патріархъ Кирилль явился въ Константинополь только для того, чтобы доказывать безосновность идеи «о болгарской схизмѣ», которая должна была служить предметомъ обсужденій въ великомъ синодѣ. Во время засѣданій (въ сентябрѣ мѣсяцѣ) этого синода доблестный іерархъ безстрашно протестовалъ противъ намѣренія провозгласить схизму. Но противъ него возстали всѣ ярые эллины-владыки. 14-го сентября было третье и послѣднее засѣданіе великаго синода.

Прикрываясь маской заботы о защитѣ церковныхъ канонѣвъ и правилъ, великій синодъ составилъ знаменитый «оросъ», то есть опредѣленіе, въ которомъ сказано, что такъ какъ болгары вводили въ вѣру православную новый принципъ—«филетизмъ», т. е. племенность, то они провозглашаются отщепенцами отъ православной церкви, т. е. «схизматиками».

И такъ, великое преступленіе болгарскихъ владыкъ, передовыхъ людей и населенія, состояло въ томъ, что они проповѣдовали филетизмъ, т. е. племенную рознь въ церкви! Это опредѣленіе схизмы было объявлено при торжественной обстановкѣ и рѣшеніе собора разослано для прочтенія во всѣ церкви Царьграда и епархій. Греческая патріархія рассчитывала ужаснуть этимъ болгарскій народъ и возвратить его въ лоно Константинопольской церкви. Но въ тотъ самый день, когда въ патріаршей церкви читалось рѣшеніе собора о болгарской схизмѣ, болгарскій экзархъ Анеимъ I прочелъ въ болгарской церкви св. Стефана, находящейся не далеко отъ этой патріархіи, окружное посланіе къ болгарской паствѣ, въ которомъ заявлялось, что обвиненія патріарха лишены основанія и что болгары хранятъ свято всѣ догматы, преданія и правила православной церкви и поэтому не менѣе православны, чѣмъ самая патріархія.

Я считаю себя не компетентнымъ входить въ подробности содержанія и значенія этого «ороса», при томъ же въ рамку моего очерка не входить подобный этюдъ. Скажу только, что болгарамъ показалась въ высшей степени странной эта теологическая логика греческихъ іерарховъ, которые такъ легко могли изобрѣсти «филетизмъ» (племенность), какъ мотивъ для болгарской схизмы, когда въ аналогическомъ положеніи находились православныя церкви: румынская, сербская, черногорская и проч. Болгарамъ вопросъ представлялся въ самой некрасивой формѣ. Они видѣли слѣдующіе два факта: 1) греческій патріархатъ желаетъ удержать подъ своей ферулой болгаръ, ибо они доставляли въ казну патріархіи довольно крупныя суммы; 2) греки боялись пробужденія, преуспѣянія и развитія болгаръ, которые наносили послѣдній ударъ ихъ

великой идеѣ («мегали идеи») о возстановленіи «Византійской имперіи».

Съ этой минуты началась самая трудная и самая почтенная пора дѣятельности блаженнаго Анеѣма I. Нужно было создать, устроить и приложить на дѣлѣ организацію новой болгарской церкви. Нужно было найти просвѣщенныхъ и способныхъ работниковъ, назначить годныхъ митрополитовъ для разныхъ епархій, поддержать духъ народа, бороться не только противъ козней и ухищреній патріарха и его агентовъ и посланцевъ, но, что важнѣе всего, нужно было охранять болгарскую церковь отъ сѣти интригъ разныхъ иновѣрныхъ пропагандъ.

Патріархъ и греческіе патріоты своимъ «оросомъ» разсчитывали главнымъ образомъ парализовать и косвенно отмѣнить фирманъ отъ 8-го зилхидже 1286 года, которымъ учреждалась православная болгарская церковь. Первое ихъ дѣло, послѣ формальнаго провозглашенія схизмы, состояло въ томъ чтобы ходатайствовать предъ Высочайшей Портой объ измѣненіи фирмана или по меньшей мѣрѣ объ «обособленіи» и «различеніи» болгарской яко-бы схизматической церкви отъ православной.

Вскорѣ послѣ учрежденія болгарскаго экзархата, патріархъ потребовалъ, что бы фирманъ о болгарской церкви былъ видоизмѣненъ и чтобы въ немъ говорилось о полной независимости схизматической, а не православной, болгарской церкви. Тогдашній великій визирь Митхадъ-паша, министръ юстиці Джевдедъ-паша и министръ внутреннихъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша, нашли это ходатайство согласнымъ съ интересами турецкаго государства и съ принципомъ: «раздѣляй и держи крѣпко!» Вслѣдствіе этого, они стали увѣщевать экзарха и его окружающихъ измѣнить фирманъ. Блаженный Анеѣмъ понялъ, куда ведутъ эти новыя происки болгарскихъ непріятелей. Онъ не согласился измѣнить даже облаченія болгарскаго духовенства, не смотря на то, что среди болгарскаго общества вопросъ о перемѣнѣ облаченія имѣлъ уже большое число приверженцевъ. Блаженнаго Анеѣма I не могли искусить слова Халила-Шарифа-паши, что фирманъ измѣнится въ его, экзарха, пользу, что его стануть называть: «царьградскимъ болгарскимъ патріархомъ». Особенно старались заставить блаженнаго Анеѣма признать «схизму» бывший англійскій посолъ въ Константинополѣ серъ Эліотъ, который для своихъ цѣлей употреблялъ Чомакова, англмана и виднаго дѣятеля по церковному вопросу.

10-го января, 1873 года, министръ иностранныхъ дѣлъ отправилъ въ экзархатъ «ираде» (приказъ), въ которомъ рѣшительно требовалось: или измѣненіе фирмана и отдѣленіе болгарской церкви, или соглашеніе съ патріархомъ. Блаженный Анеѣмъ созвалъ синодъ и совѣтъ (19-го февраля) и всѣ присутствующіе отвѣтили отрицательно.

Фирманъ былъ изданъ, уставъ для управленія болгарской церковью приготовленъ, экзархъ выбранъ, но Высокая Порта и не думала исполнять, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ пунктахъ, своего фирмана. Это отзывалось въ высшей степени тяжело на населеніи болгарскихъ епархій. Церковь оставалась все-таки не устроенной, большинство епархій, которыя по фирману принадлежали уже къ области болгарской церкви, оставались безъ владыкъ. Во многихъ городахъ некому было освятить церкви, вновь построенныя болгарами, (греки, какъ ни мало было ихъ, захватывали старыя церкви), некому было рукоположить въ священнической санъ лицъ, приготовленныхъ для этого и пр. и пр.

Болгарская молодежь убѣдилась, что полу-разрѣшеніе церковнаго вопроса не удовлетворяетъ ея идеаламъ. Въ это же время началось широкое національное движеніе и такъ называемые «апостолы»¹⁾ политической мысли и свободы стали чаще и чаще объѣзжать Болгарію, раздѣлили страну на революціонные округа, и энергически дѣлали свое патріотическое дѣло.

VI.

Положеніе блаженнаго Анеима было хуже и труднѣе всего въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 годовъ.

Въ Болгаріи всѣ помнятъ этотъ роковой «черный годъ», какъ его назвалъ одинъ изъ болгарскихъ поэтовъ. Населеніе, безъ различія классовъ, половъ и возрастовъ, къ чему-то начало готовиться. Это, «что-то» каждый понималъ по своему. Смѣло и открыто стали требовать отъ Стамбула нѣкоторыхъ политическихъ правъ для болгаръ, напр., поступать въ войско, занимать государственныя должности и пр., и пр.

Турки замѣтили это движеніе и въ свою очередь стали также готовиться. Въ воздухѣ пахло общей катастрофой. «Будетъ общая рѣзня, общая сѣча!» говорили открыто и назначали сроки. Наконецъ, вспыхнуло апрѣльское возстаніе 1876 года (въ Копривщицѣ, Панагюрицѣ и Перуцицѣ), кончившееся майскими ужасами того же года въ Филиппопольскомъ санджакѣ. Въ самомъ Стамбулѣ произошли крупныя историческія событія: убійство Абдуль-Азиса (11-го мая 1876 г.), истребленіе нѣсколькихъ министровъ черкесомъ Гас-

¹⁾ Апостолами въ Болгаріи въ то время назывались проповѣдники идеи политической борьбы о независимости Болгаріи. Центръ движенія былъ Вукарестъ, гдѣ проживали руководители этого движенія: Раковскій, Каравеловъ (Любень), Христо Ботевъ и др. Болгарія была раздѣлена на революціонные округа; въ каждомъ былъ главный «апостолъ» и его помощники. Организациія была очень незамысловата, но сохранялась въ большой тайнѣ. Въ главѣ этого движенія внутри Болгаріи стоялъ первоначально (до 1873 года) смѣлый герой—Василій Левскій, а затѣмъ Бенковскій (Георгій Хлытовъ).

саномъ. На престолъ сѣлъ Мурадъ, великимъ визиремъ сдѣлался Митхадъ, а министромъ иностранныхъ дѣлъ—Савфеть-паша.

Что же нужно было дѣлать въ это тяжелое время блаженному экзарху? Съ одной стороны, турки подозрѣвали его въ участіи въ заговорѣ, въ подстрекательствѣ; съ другой, — къ нему обращались болгары, требуя ходатайства о пощадѣ. Вѣдь онъ былъ духовнымъ главой болгарскаго народа! Дѣятельность экзарха въ это время была поистинѣ подвижническая. Онъ рѣшился на все, лишь бы помочь своему народу. Явился къ Савфету-пашѣ и съ документами въ рукахъ объяснилъ, что дѣйствительно турки, а особенно черкесы, совершили неимовѣрныя звѣрства. Онъ представилъ письма сливенскаго митрополита Серафима о звѣрствахъ Шевкетъ-паши и его ордѣ въ Ямбольской околинѣ. Савфеть принялъ экзарха холодно, указывалъ на то, что турецкая жестокость извиняется возстаніемъ и пр. и сказалъ:

— Теперь возстаніе покончено, виновные казнены, народъ въ деревняхъ и городахъ торжествуетъ возстановленіе мирнаго порядка.

— Это ложь, — гнѣвно возразилъ Анѣимъ и представилъ ему документы, удостоверяющія, что ужасы продолжаютъ.

Результатомъ смѣлаго шага экзарха было отправленіе особеннаго слѣдователя Эдиба-эфенди въ Филиппополь. Въ то же самое время, по ходатайству экзарха, свѣдѣнія о звѣрствахъ въ Тѳракіи были переданы, черезъ посредство разныхъ корреспондентовъ, въ европейскія газеты; особые посланцы секретно отправились собирать поименные списки убитыхъ и убійцъ, снарядилась депутація гг. Драгана Цанкова, Балабанова, поѣхавшая въ Европу съ цѣлью представить истинное положеніе Болгаріи и просить защиты и покровительства.

Экзархъ Анѣимъ выказалъ не меньшую самоотверженность во время Царьградской конференціи. Онъ ни за что не согласился подписать благодарственный адресъ турецкому правительству; напротивъ, онъ заставилъ болгарскихъ вождей подписать и представить въ конференцію записку, въ которой кратко изложены были желанія болгарскаго народа: автономія на подобіе той, которой пользовался въ то время островъ Критъ. Экземпляры записки были переписаны въ экзархатѣ секретно—экзархъ имѣлъ основанія бояться нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ въ родѣ Чомакова—и отнесены въ русское посольство экзархійскимъ секретаремъ Тишевымъ. Въ этой запискѣ границы автономной болгарской области обозначены были въ границахъ экзархата, т. е. такъ, какъ признавали сами турки область болгарскаго элемента.

Можно представить себѣ положеніе болгарскаго экзарха, когда турецкое правительство узнало о подачѣ записки. Особенно разсвирѣпѣлъ великій визирь Мидхатъ-паша, который послалъ сказать

его блаженству, что если онъ не измѣнитъ своего поведенія, то ему предстоитъ участь Царьградскаго патріарха Григорія, повѣшеннаго у воротъ патріархіи (1821 года). Негодованіе Высокой Порты увеличилось тѣмъ больше, что въ это время греческой вселенской и армянской патріархи представили записки, въ которыхъ восхваляли добродѣтели турокъ и ихъ управление. Около этого времени, былъ созванъ въ Константинополь печальной памяти турецкой парламентъ. Экзархъ Анеимъ обязанъ былъ явиться на засѣданіе его по праву и былъ приглашенъ формальнымъ «тескере». Въ этомъ парламентѣ предстояло рѣшить: принять ли условія предложенныя конференціей или нѣтъ.

Блаженный іерархъ и тутъ оказался на высотѣ своего отвѣтственнаго сана. Долго обдумывалъ онъ всю отвѣтственность свою предъ пастою своею, предъ церковью и предъ родиной, и, сообразивъ послѣдствія своего поведенія, рѣшился не ѣхать. Тогда именно Мидхатъ-паша задумалъ удалить Анеима отъ занимаемаго имъ поста. Онъ пустилъ въ ходъ все свои интриги, пригласилъ къ себѣ Чомакова и другихъ преданныхъ ему болгаръ, и сказалъ имъ, что экзарха во чтобы то ни стало нужно замѣнить другимъ лицомъ. Страхъ предъ турками заставилъ многихъ болгарскихъ митрополитовъ подчиниться приказанію Митхада-паши и не много спустя, собравшіеся въ Константинополь владыки, избрали въ экзархи Ловченскаго епископа Юсифа, нынѣшняго іерарха и главу болгарской церкви. Чомаковъ и его партія торжествовали.

Этимъ не кончились, однако, страданія перваго главы болгарской церкви. Онъ испыталъ страшныя муки въ то время, когда заря болгарской свободы занималась со стороны Дуная. Въ то время, когда русскій солдатъ стремился на освобожденіе Болгаріи, когда болгарскій народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ своихъ освободителей, Анеимъ I томился подъ домашнимъ арестомъ въ Константинополь. Его домъ былъ окруженъ солдатами и жандармами. Когда русскіе уже близились къ Филиппополю, и Тырновъ сдѣлался резиденціей главной квартиры дѣйствующей арміи, блаженнаго Анеима отправили въ ссылку (17-го іюля 1877 г.) въ Ангору въ Малой Азіи, вмѣстѣ съ его секретаремъ Тишевымъ, капукехаей Ив. Найденовымъ, Георги Груевымъ и попомъ Петромъ. Не буду распространяться о жизни блаженнаго экзарха въ Ангорѣ. Достаточно сказать, что единственное желаніе, единственныя молитвы, возсылаемыя экзархомъ Богу во все время его ссылки, заключались въ томъ, что бы Всевышній продлилъ его жизнь до тѣхъ поръ, пока онъ увидитъ Болгарію освобожденной Россіей.

VII.

Русскіе солдаты стояли въ Санъ-Стефано, подъ стѣнами Царьграда, а блаженный Анѳимъ все еще изнывалъ въ ссылкѣ. Наконецъ, благодаря инициативѣ великаго князя Николая Николаевича, директоръ дипломатической канцеляріи Нелидовъ исходатайствовалъ у Высокой Порты разрѣшеніе о возвращеніи экзарха въ Болгарію. Анѳимъ I заплакалъ какъ дитя, когда въ концѣ великаго поста получилъ радостную депешу о своемъ избавленіи. Онъ поспѣшилъ поскорѣе явиться въ Санъ-Стефано, дабы поблагодарить великаго князя за его хлопоты. Но путешествіе его замедлилось и онъ уже не нашелъ великаго князя, уѣхавшаго въ Россію. Вотъ что писалъ въ это время корреспондентъ «Новаго Времени» изъ Константинополя по случаю возвращенія болгарскаго экзарха изъ ссылки:

«Что же касается до экзарха, то его мѣсто, вѣроятно, будетъ занято старымъ экзархомъ Анѳимомъ. Этотъ почтенный старецъ, наконецъ, вернулся изъ ссылки. Я былъ у него и просидѣлъ часа два, слушая умную и задушевную рѣчь этого старика; видѣлъ его рыдающимъ при воспоминаніи о тѣхъ ужасахъ, которые переносила Болгарія, и тѣхъ личныхъ мукахъ, которыя выпали на его долю во время заточенія и ссылки. Я сознавалъ ясно, что все это горе еще такъ свѣжо, такъ близко къ нему, что не посмѣлъ утруждать старика разспросами о подробностяхъ, и потому пусть читатель не винить меня за отсутствіе разсказа о страданіяхъ почтеннаго Анѳима. Онъ очень хорошо говоритъ порусски, хотя прошло уже 14 лѣтъ, какъ онъ покинулъ Россію; интересуется русской литературой, просилъ меня дать ему русскихъ книгъ и газетъ и передать русской честной прессѣ его благодарность, какъ болгарина. Отецъ Іосифъ до сихъ поръ исправляетъ должность экзарха, а Анѳимъ живетъ въ Кадыкѳѣ, на частной квартирѣ. Когда разсѣются политическія тучи, соберется соборъ архіереевъ и митрополитовъ, на немъ, какъ предполагаютъ, Іосифъ откажется отъ экзархіи и совѣтъ провозгласитъ экзархомъ снова старика Анѳима. Лучшаго экзарха нельзя и желать намъ. Іосифъ очень хорошій человѣкъ, хорошій патриотъ, но все-таки онъ воспитанникъ не Россіи, а Франціи. Онъ учится теперь русскому языку, но знаніе послѣдняго, конечно, не замѣнитъ никогда той любви къ Россіи, которая дается выросшимъ и учившимся въ ней. Это любовь не только головы и разума, но и сердца, и лучшихъ воспоминаній розовой поры жизни»¹⁾.

Не суждено было Анѳиму I снова занять престолъ болгарскаго экзарха. Исторія эта довольно прискорбна и я не беруся разска-

¹⁾ См. А. Н. Молчановъ. «Между миромъ и конгрессомъ». Письма въ «Новое Время», Спб., 1878 г., стр. 270.

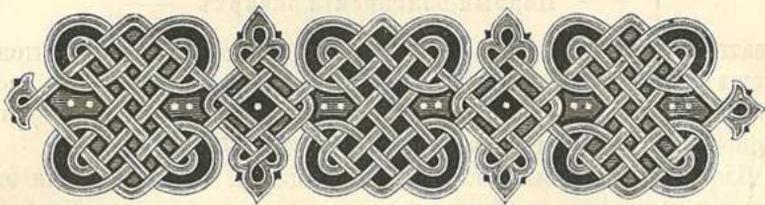
зывать ее, такъ какъ лица, замѣшанныя въ ней, еще находятся въ живыхъ. Болгарскій народъ, однако, оказалъ въ это время масти-тому іерарху большую почесть. Онъ былъ избранъ въ предѣдатели тырновскаго учредительнаго собранія, въ 1879 году.

Блаженный Анеимъ, глубоко возмущался, видя во время этого собранія торжество крайнихъ партизановъ европейскихъ идей. Онъ тогда же высказывалъ свои опасенія, что это ультра-либеральная конституція принесетъ одинъ только вредъ болгарской родинѣ и народу. Затѣмъ Анеимъ I отправился въ Видинъ, резиденцію его митрополиі, гдѣ и остался до конца своей жизни, имѣя помощниками очень дѣльныхъ и опытныхъ духовныхъ лицъ. Онъ занимался неустанно устройствомъ своей епархіи, интересовался развитіемъ болгарской политической жизни и слѣдилъ съ глубокимъ огорченіемъ въ душѣ за неправильнымъ путемъ, по которому повели страну нѣкоторые изъ болгарскихъ передовыхъ людей... Помочь, однако онъ не могъ.

Онъ умеръ послѣ долголѣтней трудовой жизни. Похороны его происходили при торжественной обстановкѣ и на нихъ присутствовали депутаціи со всѣхъ концовъ Болгаріи. Онъ похороненъ въ Видинской церкви св. Николая, Мурликійскаго чудотворца.

С. Бобчевъ.

СКИФСКАЯ ЖЕРТВЕННАЯ ЧАША.

ЛѢТЪ тому назадъ пришлось мнѣ производить раскопки кургановъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близъ села Чернышевки или Красно-Григорьевки, на островѣ Томаковѣ, гдѣ нѣкогда была третья по времени у запорожцевъ Сѣча. На тотъ разъ результаты моихъ поисковъ были не изъ особенно удачныхъ. Вскрывъ три небольшихъ кургана и найдя въ нихъ присутствіе татарскихъ похоронъ, я обратился къ изслѣдованію окрестностей острова Томаковки и тутъ прежде всего наткнулся на устье балки Отчешковой, лежащей къ востоку отъ острова и приведшей меня къ хутору владѣлицы Елены Михайловны Очеретьковой. Узнавъ, что я произвожу раскопки кургановъ и занимаюсь южно-русской стариной, г-жа Очеретькова сообщила мнѣ, что въ собственной плавнѣ ея, близъ острова Томаковки, крестьяне ея хутора какъ-то нашли огромную бронзовую вазу. Чтобы вытащить эту вазу изъ плавни, нужно было, по словамъ рассказчицы, запретъ двѣ пары воловъ. Привыкнувъ выслушивать разные чудовищные рассказы о находимыхъ кладахъ, я, признаться, и къ данному разсказу отнесся крайне скептически. На мой вопросъ, гдѣ же находится открытая ваза, владѣлица сообщила, что она продала ее извѣстному собирателю южно-русскихъ древностей, землевладѣльцу и жителю г. Екатеринослава, Александру Николаевичу Полю. О собраніи древностей А. Н. Поля я много слышалъ, но видѣть ихъ мнѣ еще не удавалось. Возвращаясь подъ конецъ лѣта съ археологическихъ экскурсій назадъ, я не приминулъ побывать и въ Екатеринославѣ у г. Поля. Разнообразіе и цѣнность собранія древностей А. Н. Поля

поразили меня: ни раньше, ни послѣ, я никогда ничего подобнаго не видалъ въ частныхъ рукахъ. Собранія древностей Г. П. Алексѣева, въ томъ же Екатеринославѣ, и В. В. Тарновскаго, въ д. Каченовкѣ, Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда, ничто въ сравненіи съ собраніемъ Поля. Въ этомъ-то собраніи я увидѣлъ и бронзовую вазу, найденную крестьянами г-жи Очеретьковой въ плавнѣ. Это такъ называемая скифская жертвенная чаша. По стилю, по

Скифская жертвенная чаша.

(Изъ собранія А. Н. Поля).

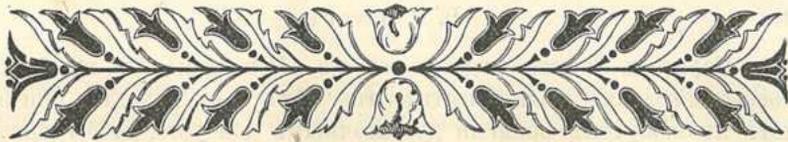
величинѣ и по цѣльности—она самая лучшая и единственная изъ тѣхъ немногихъ скифскихъ жертвенныхъ чашъ, которыя хранятся у насъ въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, въ отдѣленіи скифскихъ древностей. Высота вазы—около полутора аршина, величина діаметра—больше трехъ аршинъ, толщина—полтора вершка; вся она вылита изъ чистой бронзы; снаружи къ ней придѣлано четыре ручки: двѣ съ одной стороны, одна ниже другой, а двѣ съ другой

стороны, также одна ниже другой. По ви́шнему виду она напоминает ту купель, въ которой священники крестятъ дѣтей, по вмѣстимости она можетъ равняться шести или семи ведрамъ воды. Для чего же, спрашивается, такая чаша употреблялась у скиѳовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Геродотъ, въ четвертой книгѣ своей исторіи. Вотъ его слова: «Такъ приносятся жертвы и жертвуются такія именно животныя всѣмъ вообще божествамъ скиѳовъ; только относительно Арея существуетъ иной, слѣдующій порядокъ: въ каждомъ скиѳскомъ царствѣ ставятся по околоткамъ святилища Арея, именно: складывается куча хворосту длиною стадіи въ три и столько же шириною; высота кургана меньше; на верху сдѣлана четырехугольная площадка, три стороны которой отвѣсны, а къ четвертой есть доступъ. Ежегодно свозится полтора раста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды кучи постоянно осѣдаютъ. На каждомъ такомъ курганѣ водружается желѣзный старинный мечъ, который и составляетъ кумирь Арея. Этому-то мечу ежегодно приносится въ жертву рогатый скотъ и лошади, какъ и прочимъ божествамъ, а сверхъ того еще слѣдующее: въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и умерщвляется не такъ, какъ скотъ, но инымъ способомъ: сдѣлавши предварительно возліяніе на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ, потомъ кровь убитыхъ относить на кучу хвороста и льютъ ее на мечъ. Только кровь относится на верхъ; внизу у святилища всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ; покончивъ съ принесеніемъ въ жертву остальныхъ животныхъ, удаляются. Руки оставляются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно»¹⁾. Мы бы, конечно, никогда не знали, какой изъ себя этотъ жертвенный «сосудъ», если бы не вскрывали скиѳскихъ кургановъ, вполне сходныхъ по своей величинѣ и структурѣ, съ тѣми которые описаны въ приведенныхъ выше словахъ Геродота. Между другими вещами въ нихъ находимы были и жертвенные «сосуды», совершенныя подобія жертвенной чаши собранія А. Н. Поля, но только сохранившіяся несравненно хуже послѣдней.

Д. Эварницкій.

¹⁾ Мищенко. Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Москва, 1885 г., 324.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛИИ ВЪ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ XIX ВѢКА.

I.

Идемъ ли мы впередъ.—Похожъ ли конецъ нашего вѣка на его начало?—Лондонская улица въ 1804 году.—Англійскій сбитень.—Первые зачатки нынѣшнихъ усовершенствованій.—Попытки къ миру.—Плѣнные французы.—Ирландія въ 1800 году.—Покушеніе на жизнь короля.—Парадъ въ Лондонѣ.—Недостатокъ хлѣба и скупщики.—Прокламація народа и хлѣбные бунты.—Переносъ населенія.—Новая государственная печать.—Новые налоги.—Миръ съ Франціей.—Уплата королевскихъ долговъ въ 1801 году.—Общественныя увеселенія 1802 г.—Фоксъ у Наполеона.—Парламентъ 1803 года.—Заговоръ Деспарда.—Процессъ Пельтье.—Первый консулъ и англійскій посланникъ.—Памфлеты и карикатуры.—Десять заповѣдей Бонапарта.—Приготовленія къ оборонѣ Англій.—Бунтъ въ Ирландіи при извѣстіи о разрывѣ съ Франціей.—Билль объ уничтоженіи торгова невольничества.—Тяжелые налоги.—Смерть Нельсона.—Смерть Питта и Фокса.—Блокада Англій.—Англія въ 1807 году.—Бунты рабочихъ.—Новости съ театра войны.—Юбилей Георга III.—Вальхернская экспедиція.—Борьба Френсиса Бордета съ парламентомъ.—Смерть принцессы Амеліи и помѣшательство короля.

«Die Todten reiten schnell» говорилъ, въ концѣ прошлаго вѣка, Готфридъ Бюргеръ въ своей знаменитой балладѣ, дважды передѣланной и переведенной Жуковскимъ. Еслибы нѣмецкій поэтъ дожилъ до нашего столѣтія, онъ убѣдился бы, что живые мчатся впередъ гораздо быстрѣе и неустойчивѣе. Мы не говоримъ уже объ успѣхахъ науки, искусства, просвѣщенія, культуры, но возьмемъ историческія событія, въ которыхъ все-таки наблюдается своего рода послѣдовательность: есть ли какое-нибудь отношеніе между современною политикою и фактами первыхъ годовъ нашего вѣка? А наша общественная жизнь! Неужели въ ней хоть что-нибудь напоминаетъ то, что было восемьдесятъ лѣтъ назадъ?

Если Вальтеръ-Скоттъ, издавая своего «Веверлея» съ прибавкою второго заголовка: «или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ», считалъ этотъ промежутокъ времени достаточнымъ для того, чтобы назвать свой романъ историческимъ, то періодъ въ восемьдесятъ лѣтъ слишкомъ, конечно, вполне достаточенъ, чтобы не относить людей и событій того времени къ современной исторіи. Событія, положимъ никогда не возвращаются, но люди, консервативные въ своихъ обычаяхъ, привычкахъ, костюмахъ, мѣняютъ ихъ обыкновенно не такъ скоро, и почти всегда въ нововведеніяхъ можно найти слѣды прошедшаго, особенно въ низшихъ слояхъ общества. Между тѣмъ, съ перваго взгляда, хотя бы на болѣе бросающуюся въ глаза уличную жизнь Лондона въ первые и восьмидесятыя годы нынѣшняго столѣтія, въ нихъ нельзя найти ничего общаго, ни малѣйшаго сходства. Люди того времени не только измѣнились: они исчезли безвозвратно. Взглянемъ, на примѣръ, на уличную сцену изъ лондонской жизни, изображенной на рисункѣ 1804 года. На углахъ улицъ въ Сити помѣщались маленькія будки для ночныхъ сторожей, — другой полиціи въ Лондонѣ не было. Сторожа ходили въ широкихъ кафтаныхъ, съ мѣдными пуговицами на обшлагахъ, въ копакахъ странной формы, съ трещотками на поясѣ. Къ ихъ шалапамъ, по утрамъ, уличныя торговки подвозили обыкновенно свои подвижныя печи съ широкой плитою, на которой возвышалась огромная мѣдная баклага съ горячимъ напиткомъ «saloor», приготовленнымъ изъ салапа — мучнистаго вещества, добываемаго изъ клубней особаго вида ятрышника, привозимаго съ Востока, гдѣ это вещество составляетъ любимую пищу бѣдняковъ и въ то же время лекарство противъ диссентеріи, кашля и воспаленій. По своимъ вяжущимъ и крѣпительнымъ свойствамъ, которымъ салапъ обязанъ преобладанію въ немъ клейковины и крахмала, арабы и персіане считаютъ его возбуждательнымъ средствомъ и едва ли не это свойство дѣлало его одно время любимымъ напиткомъ англійскаго простонародья. (Салапъ — поарабски лисица и названіе это дано клубнямъ растенія по сходству ихъ съ органами лисицы). Но въ Лондонѣ салапъ употребляли не въ видѣ мучной каши или желе, какъ на Востокѣ, а варили порошокъ салапа на молокѣ или бульонѣ и простой народъ пилъ его горячимъ, большими чашками. Кто теперь даже помнитъ о салапѣ? а тогда имъ упивались не только рыночныя торговки и трубочисты, но и королевская армія, представители которой — барабанщики и флейтисты изображены на рисункѣ въ мундирахъ, о которыхъ также давно нѣтъ помина. Но не одни улицы и народные обычаи подверглись съ тѣхъ поръ радикальнымъ реформамъ: измѣнилось рѣшительно все — искусства, науки, промышленность, политика, весь складъ жизни, все взгляды на жизнь. Паръ въ то время едва начиналъ входить въ употребленіе на нѣкоторыхъ заводахъ, съ газомъ производились первые

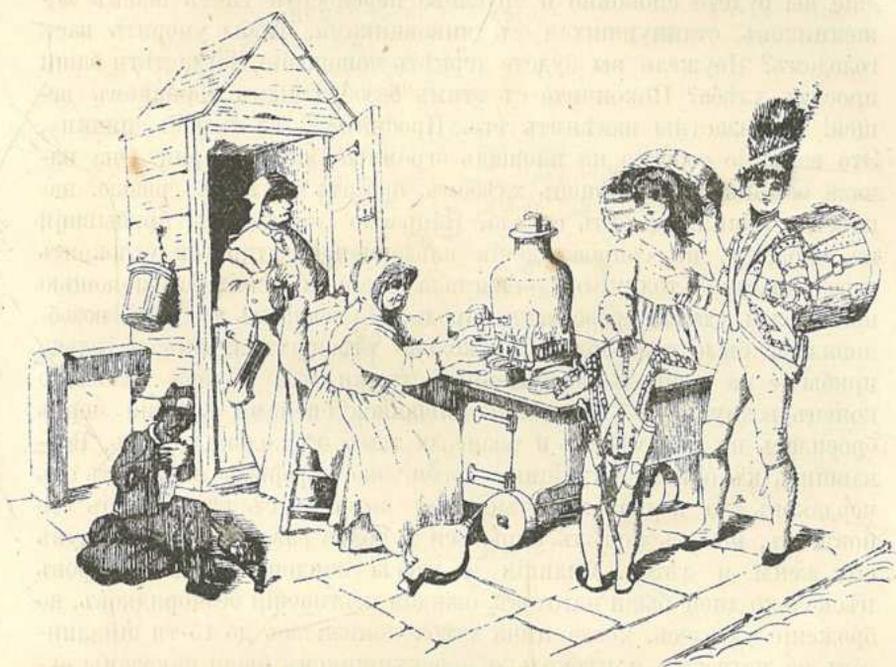
опыты, электричество было научной игрушкой; забавлялись больше всего сотрясеніемъ мускуловъ подь вліяніемъ гальванизма. Обычаи, занятія, развлеченія, костюмы—все перемѣнилось. Только печать, хотя не завоевавшая еще себѣ полной свободы, сохранила намъ, съ помощью иллюстрированныхъ изданій, всѣ подробности этой исчезнувшей жизни и мы постараемся воспроизвести ее въ главныхъ чертахъ по рисункамъ, взятымъ изъ книги Джона Аптона «Разсвѣтъ XIX столѣтія въ Англіи» (The dawn of the nineteenth century in England).

Восемнадцатый вѣкъ, начавшійся въ Англіи съ Вильгельмомъ Оранскимъ, уничтожившимъ въ призавшей его странѣ католичество, мѣдную монету и деревянные башмаки, окончился съ Георгомъ III, царствовавшимъ уже сорокъ лѣтъ, и которому предстояло царствовать еще двадцать. Этому королю, потерявшему англійскія колоніи въ Америкѣ, но успѣвшему захватить французскія, удалось очистить Египеть отъ французовъ, такъ какъ генералъ Бонапарте поторопился бѣжать во Францію, чтобы захватить тамъ верховную власть. Въ VIII годъ республики, 5-го января, то-есть въ первый день Рождества 1799 года, первый консулъ написалъ королю Великобританіи и Ирландіи письмо, въ которомъ предлагалъ заключить миръ съ Англіей. 4-го января 1800 г. лордъ Гренвиль отвѣтилъ длиннымъ письмомъ Талейрану, что Англія не была зачинщицею въ войнѣ и готова къ миру, если только онъ будетъ на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ. Министръ указывалъ, какъ Франція поступила съ Нидерландами, со Швеціей, какъ опустошила Германію и какъ «свободная» Италія сдѣлалась сценою анархій и грабежей. Не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы судить о прочности новаго правительства, Англія, вмѣстѣ съ другими государствами, рѣшилась продолжать оборонительную войну, хотя она повергала страну въ большіе расходы. Французское правительство отказалось содержать своихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, а ихъ къ началу года было 25,646, заключенныхъ въ восьми англійскихъ крѣпостяхъ. Плѣнниковъ кормили, конечно, однимъ хлѣбомъ, но такимъ сквернымъ, что парламентъ, въ февралѣ 1800 года принужденъ былъ издать билль, которымъ запрещалось пускать въ продажу хлѣбъ, если онъ не вышеченъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Денегъ было такъ мало въ Англіи, что даже суммы на содержаніе двора задерживались 3—4 мѣсяца, и служители, конюха, сторожа, подавали прошеніе королю о выдачѣ слѣдуемаго имъ жалованья. Банкъ далъ государству въ займы 3 миліона фунтовъ стерлинговъ безъ процентовъ, но подь условіемъ, что привилегіи банка будутъ возобновлены еще на 21 годъ, начиная съ 1812 года. Въ этомъ же году совершилось, послѣ долгихъ парламентскихъ преній, полное соединеніе Великобританіи съ Ирландіею. У послѣдней страны былъ, однако, въ то время свой

отдѣльный парламентъ, отъ котораго теперь такъ отрещивается лордъ Салисбюри, предпочитающій лучше залить кровью Ирландію, чѣмъ возвратить ей законныя права, которыми она пользовалась 80 лѣтъ назадъ.

15-го мая, король дѣлалъ смотръ въ Гайд-паркѣ батальону гвардейскихъ гренадеръ. При стрѣльбѣ, конечно холостыми зарядами, въ джентльмена Онглей, служившаго въ морскомъ вѣдомствѣ и стоявшаго подлѣ короля на разстояніи въ 23 фута, вдругъ попала мушкетная пуля и пробила насквозь ляжку. Рана была такъ незначительна, что черезъ полчаса послѣ перевязки Онглей могъ уже стоять на ногахъ. Это сочли несчастной случайностью, осмотрѣли тотчасъ все патроны у солдатъ, — все заряды были холостые. Король оставался до конца смотра и въ честь его было произведено еще нѣсколько залповъ. Въ тотъ же вечеръ Георгъ III былъ въ Дрюриленскомъ театрѣ со всемъ своимъ семействомъ. Когда онъ вошелъ въ свою ложу и кланялся публикѣ, садясь на свое мѣсто, изъ креселъ ближайшихъ къ ложѣ, кто-то выстрѣлилъ въ короля изъ пистолета. Георгъ не потерялся, сѣлъ спокойно въ свое кресло и началъ разговаривать съ окружающими. Онъ однако избѣгнулъ большой опасности, такъ какъ пуля пролетѣла на разстояніи одного фута отъ кресла. Убийца былъ тотчасъ же схваченъ публикою и его потащили по партеру въ корридоръ, гдѣ стража съ трудомъ освободила его изъ рукъ толпы, порядочно поломавшей его. Подняли занавѣсъ, на сцену вышла не только вся труппа, но плотники, ламповщики, служащіе, и вмѣстѣ съ публикою запѣли: «God save the king». Затѣмъ началось представленіе комедіи Сиббера: «Она хочетъ и не хочетъ». Но въ королевской ложѣ принцессы Софія, Августина и Мери упали въ обморокъ. Только принцесса Елисавета, болѣе твердая, чѣмъ ея сестры, приводила ихъ въ чувство. Королева была очень блѣдна, но не волновалась и успокаивала своихъ дочерей. Человѣка, выстрѣлившаго въ короля, звали Джемсъ Гадфильдъ. Это былъ рабочій серебряныхъ дѣлъ. Онъ служилъ сначала въ драгунахъ и его считали хорошимъ, храбрымъ солдатомъ, и онъ не разъ доказывалъ въ сраженіяхъ свое мужество. Покрытый ранами и оставленный замертво на полѣ сраженія при Рубе, онъ былъ взятъ въ плѣнъ французами, но выздоровѣвъ, успѣлъ бѣжать къ своему полку, гдѣ все считали уже его умершимъ. Головныя раны имѣли однако вліяніе на его разсудокъ. Когда онъ напивался, то приходилъ въ совершенное бѣшенство. Его принуждены были уволить въ отставку, но все офицеры свидѣтельствовали о его привязанности къ королю, за котораго онъ готовъ былъ отдать свою жизнь. Работая у ювелира, онъ однако постоянно выказывалъ разстройство умственныхъ способностей, не разъ судился за буйство, но былъ оправданъ мировымъ судомъ по невмѣняемости своихъ поступковъ. И теперь королевскій судъ также

оправдалъ его, но заключилъ въ Ньюгетскую тюрьму, откуда онъ бѣжалъ въ 1802 году, былъ пойманъ и запертъ въ домъ умалишенныхъ, но сумѣлъ вырваться изъ Бедлама и пропалъ безъ вѣсти. Въ память спасенія короля была выбита, по приказанію Шеридана, серебряная медаль. На лицевой сторонѣ Провидѣніе заслоняло изображеніе короля крестомъ, о который преломлялись стрѣлы; кругомъ подпись: «Богъ храни короля». На оборотной сторонѣ — британская корона въ лавровомъ вѣнкѣ и въ лучахъ; вокругъ подпись: «сохраненъ отъ убійства 15-го мая 1800 г.»; на лентѣ вѣнка: «воздайте хвалу Богу».

Улица въ Сити, въ 1804 году.

Четвертаго іюня Лондонъ праздновалъ 63-лѣтнюю годовщину рожденія короля блистательнымъ парадомъ корпуса волонтеровъ, собранныхъ на случай войны съ Франціею, въ неслыханномъ до того времени огромномъ числѣ—двадцати тысячъ человѣкъ. Газеты того времени полны восторженныхъ описаній этого праздника, кончившагося однако страшнымъ ливнемъ, отъ котораго бѣжала въ жалкомъ видѣ вся многотысячная фешьонебельная публика. Рисунокъ нашъ изображаетъ одну изъ такихъ группъ, спасающуюся отъ проливного дождя.

Новое столѣтіе началось страшною дороговизною всего, отъ хлѣба до золота. Пришлось издавать множество постановленій про-

тивъ барышниковъ и скупщиковъ жизненныхъ припасовъ, противъ стачекъ продавцовъ. На рынкахъ происходили частыя столкновения между народомъ и покупателями предметовъ вседневной торговли. Волненія начались въ большихъ промышленныхъ центрахъ Бирмингамъ, Шефилдъ, Портсмутъ, Норвичъ, гдѣ народъ самъ справлялся съ скупщиками, какъ это видно изъ рисунка знаменитаго Исаака Крюкшанка. Въ сентябрѣ начались подобныя сцены и въ Лондонѣ. На хлѣбномъ рынкѣ прибита была слѣдующая прокламація: «хлѣбъ будетъ стоить три пенса за фунтъ, если народъ соберется въ понедѣльникъ на площадь. Земляки! долго ли еще вы будете спокойно и трусливо переносить гнетъ шаекъ мошенниковъ, стакнувшихся съ чиновниками, чтобы уморить васъ голодомъ? Неужели вы будете терпѣть монополію, когда дѣти ваши просятъ хлѣба? Покончите съ этимъ безобразнымъ порядкомъ вещей! Вы властны измѣнить его. Проснитесь отъ вашей спячки». Это возваніе собрало на площадь огромныя массы черни. Она начала осмѣивать торговцевъ хлѣбомъ, бросать въ нихъ грязью, наконецъ, принялась бить стекла. Напрасно лордъ-меръ, прибывшій на площадь, въ сопровожденіи альдерменовъ старался успокоить взволнованную толпу, она освистала и его, и только съ помощью констаблей удалось разогнать народъ. Но вечеромъ возстаніе возобновилось: было разграблено нѣсколько хлѣбныхъ лавокъ, и только прибытіе на площадь вооруженной стражи изъ Тоуера положило конецъ возмущенію. Но разлакомившаяся сценами насилія чернь бросилась въ предмѣстья и разнесла тамъ нѣсколько домовъ. Ворвавшись къ одному скупщику Росби, она перерыла весь домъ отъ чердаковъ до подваловъ, отыскивая хозяина съ тѣмъ, чтобы его повѣсить, но онъ успѣлъ скрыться и толпа разошлась, не тронувъ его жены и дѣтей. Миліція и массы лондонскихъ волонтеровъ нѣсколько дней были наготовѣ, ожидая повторенія беспорядковъ, но броженіе улеглось, когда цѣна хлѣба понизилась до 15-ти шиллинговъ за четверть, и нѣсколько перекушчиковъ были наказаны судомъ. Лордъ-меръ объявилъ также, что всякая попытка произвести беспорядки будетъ немедленно подавлена. Волонтерамъ и войску пришлось, однако, въ теченіе всего сентября нѣсколько разъ разгонять толпы, пытавшіяся въ разныхъ мѣстахъ Лондона грабить булочные и мучные склады. Но до конца года муки было такъ мало во всей Англіи, что въ декабрѣ появилась королевская прокламація, приглашающая всѣхъ соблюдать экономію въ потребленіи хлѣба, даже «избѣгать приготовленія пирожнаго».

Въ концѣ года произведено также новое перечисленіе жителей Соединеннаго Королевства, первое основанное на вѣрныхъ данныхъ. До начала XIX столѣтія цифра эта колебалась между 6-ю и 11-ю милліонами жителей. Новая перепись опредѣлила населеніе Англіи и Валлиса въ 8.892,536 человекъ, Шотландіи въ 1.609,420, Ирлан-

дѣи въ 5.216,331, всего въ 15.717,287. За вѣрность тысячъ и даже десятковъ тысячъ въ этомъ итогѣ, конечно, нельзя было ручаться, такъ какъ перепись составлялась не однодневная и не на основаніи строгонаучныхъ правилъ, но все же она дала результатъ неожиданный, такъ какъ была несомнѣнно не выше, а ниже дѣйствительности. Соединеніе съ Ирландіею, вступившее въ силу съ 1-го января 1801 года, было отпраздновано очень скромнымъ образомъ, нѣсколькими пушечными выстрѣлами и поднятіемъ флаговъ на Тоуэрѣ, Сентжемскомъ дворцѣ, колокольнѣ церкви св. Мартына

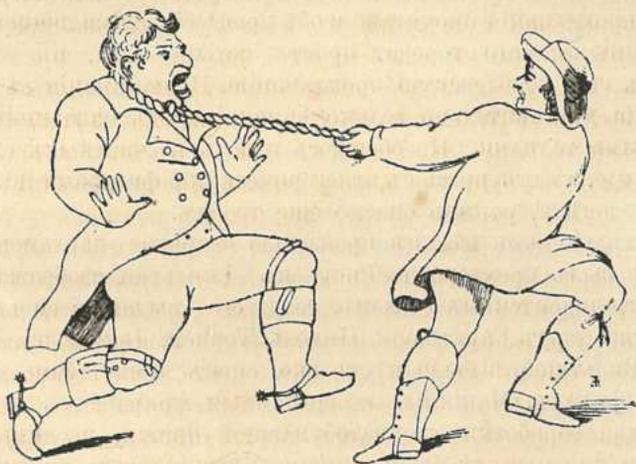
Возвращеніе съ парада, въ 1800 году.

и на казармахъ конной гвардіи. За то Георгъ III приказаль сдѣлать новую государственную печать съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежней. Такъ изъ подписи подъ изображеніемъ короля верхомъ, въ римскомъ костюмѣ, съ маршальскимъ жезломъ и развѣвающимся мантиею, исчезли буквы Fr. (Franciae) гех, а изъ королевскаго герба—французскія лиліи; ихъ замѣнила ирландская арфа, но титулъ короля Франціи почему-то не замѣнился королемъ Ирландіи. Обратная сторона государственной печати осталась прежняя: изображеніе короля на тронѣ, въ порфирѣ и коронѣ, со скипетромъ и державою. Его окружають аллегорическія фигуры, справа — Геркулесъ, Минерва и Правосудіе съ мечомъ и вѣсами,

слѣва—Британія съ копьемъ, щитомъ и пальмовой вѣтвью, и женская фигура, изображающая благочестіе, съ маленькой церковью въ рукѣ. Любопытно, что граверъ забылъ вырѣзать на щитѣ Британіи, вмѣстѣ съ крестами св. Андрея и Георгія, и крестъ патрона Ирландіи св. Патрика, хотя объ немъ упоминается въ описаніи государственной печати.

Въ новый парламентъ явилось сто комонеровъ, 28 новоизбранныхъ перовъ и четыре епископа. На другой день послѣ открытія сессіи, ирландскій депутатъ былъ уже дважды призванъ къ порядку. Жалуясь на то, что въ отчетѣ его рѣчь была напечатана курсивомъ, онъ спрашивалъ спикера: «что же, я и теперь долженъ говорить курсивомъ?» Парламентъ занялся изслѣдованіемъ причинъ вздорожанія муки. Доказывали, что продавцы ея получаютъ 200 процентовъ барыша и играютъ въ вистъ по гинеѣ, что бѣлый хлѣбъ увеличивается въ цѣнѣ и уменьшается въ вѣсѣ. Но всѣ пренія объ этомъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ виду тяжкихъ военныхъ расходовъ, Питтъ внесъ въ парламентъ бюджетъ съ увеличеніемъ налоговъ, почти на всѣ предметы, какіе можно было обложить: на чай, на бумагу, миткаль, перецъ, сахаръ, виноградъ, на лошадей, гербовую пошлину; даже почтовая пересылка въ пенсъ, была увеличена на два пенса. 1-го октября, лордъ-меръ получилъ совершенно неожиданное извѣстіе о подписаніи прелиминарныхъ мирныхъ условій съ Франціей. Въ тотъ же вечеръ дома въ Сити были иллюминированы, но это была довольно жалкая иллюминація, состоявшая въ томъ, что въ оконныя рамы вставлялись деревянные треугольники, на которыхъ утверждались сальные свѣчи, сильно оплывавшія и требовавшія частаго сниманія нагара со свѣтильни. Черный кругъ съ маленькими жестяными лампочками, расположенными въ формѣ короны выставялся на немногихъ казенныхъ зданіяхъ въ главныхъ улицахъ столицы: Страндъ, Гаймаркетъ, Паль-Малль, Флит-стритъ; въ послѣдней таверна «Globe» украсилась надписью «миръ», составленною изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Было выкинуто нѣсколько флаговъ, позвонили на колокольняхъ и этимъ окончилось все празднованіе. Да еще на почтовыхъ каретахъ, развѣзжавшихъ по всѣмъ трактамъ, выставлены были надписи «миръ съ Франціею». Мирный договоръ, ратификованный первымъ консуломъ, привезъ въ золотомъ футлярѣ генералъ Лористонъ, вѣхавшій въ Лондонъ 9-го октября. Въ Оксфордской улицѣ чернь выпрягла лошадей изъ экипажа посланника и повезла его на себѣ, до отеля, гдѣ онъ остановился. Пушки Тоуера дали знать городу о радостномъ извѣстіи. Вечеромъ зажглась болѣе приличная иллюминація. Явились транспаранты: на одномъ изъ нихъ купидоны держали портретъ Бонапарте, на другомъ, вокругъ портрета была даже надпись «спаситель міра». Надъ Гвильдгаллемъ сіялъ голубъ съ маленькой вѣткой; почтамтъ былъ освѣщенъ

6,000 лампъ. Какъ нуженъ былъ миръ для всѣхъ—доказывала радость простого народа во всѣхъ городахъ. Въ Фальмутѣ украсили лентами не только лошадей, но и коровъ, телятъ и ословъ; въ Ламбетѣ пивоваръ даромъ угощалъ 13 октября всѣхъ являвшихся въ его кабакъ. Хлѣбъ тотчасъ упалъ въ цѣнѣ и процентныя бумаги поднялись. Подешевѣли также жизненные припасы, но налоги, введенные во время войны, не уменьшались по заключеніи мира, а въ февралѣ 1802 года канцлеръ внесъ въ парламентъ посланіе короля объ уплатѣ его долговъ: припасы были дороже въ военное время; подроставшія принцессы требовали больше расходовъ на свои туалеты, свадьба принца Уэльскаго внесла за собою экстренныя издержки; надо было увеличить пенсіи разнымъ преданнымъ лю-

Расправа съ перекупщикомъ хлѣба.

дямъ, однимъ словомъ, король передержалъ до милліона стерлинговъ, и парламентъ положилъ уплатить ихъ. Принцъ Уэльскій также вошелъ съ представленіемъ объ увеличеніи ему содержанія, но удовлетворивъ родителя, парламентъ не счелъ необходимымъ раскошелиться для сына и отказалъ ему въ субсидіи.

Аміенскій миръ былъ окончательно подписанъ 27 марта. Англіи не было особенной причины радоваться ему: она возвращала французской республикѣ и ея союзницамъ—Испаніи и Батавской республикѣ всѣ захваченныя у нихъ колоніи, даже Мысъ Доброй Надежды и Мальту. Не смотря на это, толпы англичанъ наводнили Францію тотчасъ по заключеніи мира. Представлялся Наполеону въ Парижѣ и Чарльсъ Фоксъ, пріѣхавшій туда, чтобы собрать матеріалы для своей «исторіи Іакова II». Наполеонъ, которому англійскій посланникъ представилъ путешественника, наговорилъ ему множество комплиментовъ, сказалъ, что удивляется ему, какъ парламентскому оратору

и другу мира, постоянно возвышавшему свой голосъ въ защиту мирныхъ интересовъ своей страны, Европы, всего человѣчества. Двумъ великимъ націямъ нечего бояться другъ друга; онѣ должны жить въ мирѣ, понимая и уважая другъ друга; имъ нѣтъ причины враждовать. Фоксъ почти ничего не отвѣчалъ на громкія фразы. Въ теченіе шести недѣль вернулись во Францію всѣ посланники. Перваго іюня Лондонъ отпраздновалъ заключеніе мира: торжественная процессія съ герольдами, трубачами, конными и пѣшими полками, съ вестминстерскими констаблями двинулась въ Сити, гдѣ ее встрѣтили у Темплъ-Бера лордъ-меръ, шерифъ, представители города. Городской старшина спросилъ: кто идетъ? Герольдъ отвѣчалъ: «государственные чины просятъ войти въ Сити для обнародованія прокламаціи его величества о заключеніи мира». Ворота были отворены, прокламація прочитана и обѣ процессіи, смѣшавшись, пошли по улицамъ стараго города, прочтя четыре раза, въ главныхъ пунктахъ его, королевскую прокламацію. Иллюминація въ тотъ вечеръ была, дѣйствительно, великолѣпная; народъ наводнилъ улицы несметными толпами. Не обошлось и безъ несчастныхъ случаевъ. На Страндѣ упалъ щитъ съ аллегорическими фигурами и задавилъ одного человѣка, ранивъ опасно еще троихъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошло открытіе парламента. Аддингтонъ былъ премьеромъ. Рисунокъ Джильбрая изображаетъ его передъ президентскимъ столомъ, сзади его—выдающіеся члены министерства: лордъ Гауксбюри, Николь, Торней, Дикенсонъ. Въ августѣ въ Вильтшейрѣ было нѣсколько сценъ возмущенія на ткацкихъ фабрикахъ. Машины, изобрѣтенныя Аркрайтомъ и Крамптономъ для обработки хлопчатобумажной пряжи, вводимыя и на другія фабрики, вездѣ были причиною недовольства и волненія рабочихъ; вездѣ разбивая машины, они думали этимъ уничтожить человѣческую изобрѣтательность. Убытки, нанесенные этими вандалами въ Глосестерѣ простирались до ста тысячъ стерлинговъ. Главный зачинщикъ бунта былъ повѣшенъ и возстаніе мало-помалу успокоилось. Въ ноябрѣ былъ открытъ заговоръ на жизнь короля. Во главѣ стоялъ полковникъ Деспардъ, ирландецъ. Онъ служилъ въ Вест-Индіи, въ испанскихъ владѣніяхъ, потомъ въ Гондурасѣ былъ начальникомъ англійской колоніи, но лишенъ этого званія за злоупотребленія и ему отказали въ производствѣ слѣдствія надъ его поступками. Это озлобило его и онъ сталъ собирать вокругъ себя недовольныхъ королемъ и правительствомъ. Замыслы его были открыты и, схваченный въ 1794 году, онъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, но былъ выпущенъ по недостатку положительныхъ уликъ. На свободѣ онъ продолжалъ вербовать себѣ пособниковъ для совершенія цареубійства. Одинъ изъ нихъ явился доносчикомъ. Въ Ламбетѣ, въ одномъ мѣстѣ, захватили всѣхъ заговорщиковъ въ числѣ 32-хъ. Судъ надъ ними длился до февраля

слѣдующаго года. Деспардь и девять главныхъ его сообщниковъ были приговорены къ смертной казни «черезъ повѣшеніе, сожженіе ихъ внутренностей передъ ихъ тѣлами и четвертованіе». Эта варварская, средневѣковая экзекуція была однако упрощена надъ обвиненными и шестеро изъ нихъ съ Деспардомъ были только повѣшены и обезглавлены. Остальные подверглись болѣе или менѣе тяжкому тюремному заключенію.

Не смотря на заключеніе мира, отношенія между Англіей и Франціей были чрезвычайно натянуты. Англіійскій посланникъ въ Парижѣ, Витвортъ постоянно жаловался на самовластіе, грубость и придирки Наполеона, а тотъ, въ свою очередь, не переставалъ требовать обузданія англійской печати, относившейся непочтительно къ его особѣ. Между тѣмъ французскія газеты попрежнему осыпали Англію самыми наглыми оскорбленіями. Но чтобы сдѣлать удобное своему безпокойному сосѣду, отдали подъ судъ со спеціальными присяжными, Жана Пельтье, издававшего на французскомъ языкѣ газету «L'Ambigu». Въ заголовкѣ этого листка былъ помѣщенъ сфинксъ съ короною на головѣ и съ лицомъ Наполеона, окруженный эмблематическими египетскими фигурами, значеніе которыхъ трудно растолковать. Но въ статьяхъ газеты отзывы о первомъ консулѣ были проникнуты явною враждебностью, его называли: «кровожаднымъ тигромъ, грабителемъ Франціи, гонителемъ благородныхъ душъ; короли пресмыкаются у его ногъ. Онъ избранъ пожизненнымъ консуломъ, хочеть сдѣлаться императоромъ,—и пусть имъ сдѣлается. Вѣдь Ромулъ былъ тотчасъ же убитъ, когда задумалъ захватить верховную власть!» Адвокатъ Пельтье говорилъ съ своей защитительной рѣчи: «Еслибы въ то время, когда Робеспьеръ былъ во главѣ комитета общественной безопасности, мы были въ мирѣ съ Франціей, какому англичанину можно было запретить обсуждать поступки этого чудовища? Развѣ онъ долженъ былъ считаться образцомъ челоуѣчества только потому, что былъ главою правленія? И о Маратѣ, требовавшемъ 250.000 головъ отъ конвента также нельзя говорить, какъ о Каррье, который приказалъ разстрѣлывать въ Ліонѣ пятьдесятъ дѣтей, и когда пули пролетѣли поверхъ ихъ головъ, потому что малютки стояли на колѣняхъ, прося прощенія, велѣлъ переколоть ихъ штыками? Во время Кромвеля, онъ дважды предавалъ суду присяжныхъ писателя, порицавшаго управленіе протектора. И присяжные, видѣвшіе въ окно эшафотъ, на которомъ пала голова ихъ монарха, слышавшіе въ коридорахъ бряцаніе ружей кромвелевскихъ солдатъ, все-таки два раза оправдали писателя, пользовавшагося данною ему Богомъ свободою слова и сужденія». Не смотря на эту краснорѣчивую защиту, Пельтье былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи главы дружественной націи. Судъ отложилъ однако на неопредѣленное время составленіе приговора, который такъ и не былъ формулированъ, потому что велѣдъ

затѣмъ произошелъ и разрывъ съ Франціей. Видя, что во Франціи продолжаютъ усиленныя вооруженія, Англія медлила выводомъ своихъ войскъ съ острова Мальты и постановила набрать 10.000 волонтеровъ для морской службы. Наполеонъ разыгралъ передъ англійскимъ посланникомъ одну изъ тѣхъ эффектныхъ сценъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. На выходѣ въ Тюльери, гдѣ присутствовало болѣе двухсотъ человекъ, онъ подошелъ къ лорду Витворту и сказалъ:

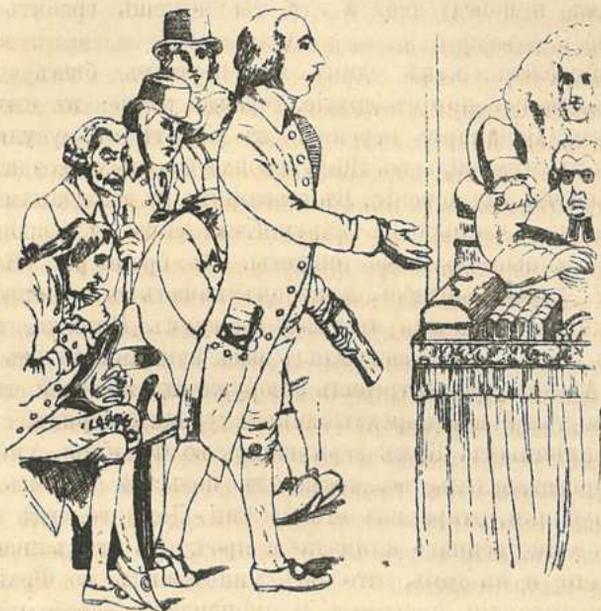
— Ну, такъ вы хотите войны?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ посланникъ,—мы слишкомъ дорожимъ годами мира.

— Мы вели войну въ теченіе 15 лѣтъ, и вы принуждаете меня вести ее еще 15!—Потомъ, обратившись вдругъ къ графу Маркову и испанскому посланнику, стоявшему вблизи, продолжалъ: «англичане хотятъ воевать, но если они первые обнажатъ мечъ, я послѣднимъ вложу его въ ножны. Они не уважаютъ трактатовъ. Къ чему вооруженія? Противъ кого принимаютъ всѣ эти мѣры? Можно, можетъ быть, убить Францію, но нельзя погубить ее. Горе тому, кто не уважаетъ трактатовъ!» Эту фразу онъ говорилъ нѣсколько разъ съ разными вариантами. Напрасно Талейранъ успокаивалъ Витворта. Очевидно было, что Франція готовится къ войнѣ и хочетъ только выиграть время для окончанія своихъ вооруженій. Этимъ неопредѣленнымъ положеніемъ воспользовались биржевые спекуляторы. Въ началѣ мая лорду-меру доставлена была депеша отъ лорда Гауксбюри, увѣдомлявшая, что всѣ недоразумѣнія съ Франціей улажены. Лордъ-меръ прочиталъ депешу на биржѣ, всѣ бумаги немедленно поднялись, но черезъ нѣсколько часовъ узнали, что депеша подложная и курсъ упалъ на 6⁰/₀. Виновникъ этой продѣлки не былъ отысканъ, хотя за открытіе его лордъ-меръ предлагалъ 500 стерлинговъ. 17 мая въ Дуврѣ съѣхались два посланника, лордъ Витвортъ и генералъ Андреосси, возвращавшіеся, по объявленіи войны, въ свое отечество. Англія не теряла времени: на другой же день доставлено въ парламентъ королевское посланіе съ объясненіемъ причинъ, по которымъ война съ Франціей дѣлалась неизбежною, а черезъ день Нельсонъ отправился съ флотомъ въ Средиземное море, гдѣ началъ захватывать французскіе корабли. Наполеонъ отвѣчалъ тѣмъ, что наложилъ амбарго на англійскія суда, не вышедшія изъ французскихъ и голландскихъ гаваней. Это не выходило изъ постановленій международнаго права, но онъ издалъ въ то же время приказъ, неслышанный въ исторіи: объявилъ военноплѣнными всѣхъ англичанъ, находившихся въ минуту объявленія войны во Франціи и въ Голландіи. Это возбудило крики дипломатовъ и негодованіе властителей. Но Наполеонъ и тогда уже не обращалъ никакого вниманія ни на права народовъ, ни на общественное мнѣніе, ни на дружбу монарховъ. Самовластіе корси-

канскаго выскочки увеличивалось съ каждымъ новымъ успѣхомъ его оружія и эгоистической политики.

Первымъ плодомъ обострившихся отношеній между націями, обманутыми въ своихъ надеждахъ отдохнуть отъ ужасовъ войны, было появленіе въ Англіи множества памфлетовъ и карикатуръ на Наполеона. Вотъ въ сокращенной передачѣ «Новый Моисей или десять заповѣдей Бонапарте, переводъ съ французскаго Солимана скитальца». — «И когда великій человѣкъ испелъ изъ Египта, весь народъ трепеталъ передъ нимъ, ибо за него стояла вся сол-

Парламентъ 1803 года.

датчина. И сердце его обуяла гордость и онъ счумѣлъ увѣрить массу, что онъ величайшій геній подъ солнцемъ. И вотъ онъ осѣдлалъ всю націю и далъ ей слѣдующіе десять заповѣдей: 1. Я, Бонапарте, верховный глава вашъ, французы и да не будетъ у васъ другихъ властителей, кромѣ меня. 2. Не сотвори себѣ другого кумира, кромѣ моего, ни изъ золота, ни изъ мрамора, ни изъ металла и да не будетъ у тебя другихъ предметовъ поклоненія ни между живыми, ни между мертвыми, кромѣ меня. 3. Не произноси имени моего иначе какъ съ благоговѣніемъ и не позволяй и другимъ націямъ сомнѣваться въ моемъ величій и геніальности. 4. Помни день молитвъ и молись только за меня и за то, чтобы я покорилъ скорѣе и весь остальной міръ, а вы, священники прославляйте только

меня и мое могущество. 5. Чти меня, какъ отца и мать, повинуйся мнѣ безпрекословно и благо тебѣ будетъ, если я позволю тебѣ жить на землѣ. 6. Не убивай безъ моего приказанія, такъ какъ я одинъ знаю, кого надо убить: всѣхъ непризнающихъ меня за своего властителя. 7. Не прелюбодѣйствуй въ своей странѣ, чтобы не возбуждать смуть, а въ чужой—сколько влѣзеть. 8. Не крадь у себя дома, а когда я поведу тебя въ чужую землю—хватай обѣими руками. 9. Не лжесвидѣтельствуй противъ соотечественниковъ, а на чужихъ клевети сколько хочешь. 10. Не желай жены ближняго твоего, ни раба его, ни осла его, все это ты найдешь у сосѣдей, къ которымъ я поведу тебя и гдѣ ты можешь грабить все, что тебѣ угодно».

Этотъ памфлетъ, какъ одинъ изъ первыхъ, былъ еще очень мягокъ. Появились потомъ другіе, гораздо рѣзче; въ нихъ утверждалось, что Бонапарте перешелъ въ Египтъ въ мусульманскую вѣру, что онъ отправилъ въ Яффу своихъ большихъ солдатъ, чтобы не заботиться объ ихъ леченіи. Въ возваніяхъ къ гражданамъ Англій, на кровожаднаго честолюбца, нарушителя мира въ Европѣ, сыпались всевозможные бранные эпитеты. Въ брошюрѣ «Кто такой Бонапарте?» рассказывалось, какъ онъ началъ свою карьеру, обративъ пушки своего полка противъ гражданъ Парижа, какъ онъ писалъ изъ Павіи, что разстрѣлялъ весь муниципалитетъ этого города, а въ Александріи истребилъ безоружныхъ жителей, стариковъ, женщинъ и дѣтей и четырехтысячный турецкій отрядъ, сдавшійся ему военноплѣннымъ. Какъ вернувшись во Францію, уничтожилъ народное представительство, составилъ польскій легіонъ, для защиты республики, отправилъ его на Сан-Доминго, гдѣ онъ весь погибъ отъ убійственнаго климата и проч. Въ этихъ пасквиляхъ упрекали его и въ томъ, что онъ уничтожилъ во Франціи двѣ величайшія гарантіи прогресса и цивилизаціи: свободу печати и свободу слова и сбирался даже въ Англій ограничить свободу парламентскихъ преній. Появились также патріотическія пѣсни, очень воинственныя, но мало поэтическія. Въ одной изъ нихъ назывались «дубовыми сердцами» сами англичане и ихъ корабли (Hearts of oak we are all, both our ships and our men). Одинъ изъ памфлетовъ рисуеъ картину Лондона, если французамъ удастся вторгнуться въ этотъ городъ: Бонапарте приказываетъ прежде всего захватить англійскій банкъ, потомъ на всѣхъ корабляхъ въ гавани поднимаютъ французскій флагъ, англійскихъ матросовъ противящихся этому, выбрасываютъ за бортъ. Потомъ Бонапарте издаетъ прокламацію къ народу, обѣщая ему миръ и спокойствіе и приглашая его три дня не выходить изъ своихъ домовъ и не препятствовать солдатамъ—въ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій. Въ то же время, въ другой прокламаціи къ солдатамъ—Лондонъ отдается имъ на разграбленіе въ теченіе трехъ дней. Начинаются

сцены ужаса: грабежъ частныхъ жилищъ, насилуваніе женъ и дочерей, убійства мужей и отцовъ, пожары церквей, вѣшаніе епископовъ. На городъ налагается до 2-хъ милліоновъ контрибуціи, двѣсти именитыхъ гражданъ берутся заложниками и заключаются въ тюрьму. Нельсонъ, Питтъ, Аддингтонъ, Шериданъ, Грей, Сидней, Смитъ и другія выдающіяся личности Англіи обвиняются въ заговорѣ противъ Франціи и ихъ разстрѣливаютъ въ Гайд-паркѣ. Великобританія переименовывается въ «Французскіе острова», Лондонъ въ «Наполеополисъ» и проч. Все это легко могло бы осуществиться, если бы французамъ удалось произвести высадку въ Англіи.

На королевскомъ театрѣ поставили фарсъ, впрочемъ, очень плохой: «Вторженіе въ Англію перваго буффа Буонапарте, или обезкураженные бандиты». Чѣмъ сильнѣе разгоралась народная ненависть къ «корсиканскому людоѣду», тѣмъ сильнѣе становились выходки противъ него и его семейства. Печатали, что его дядя содержалъ кабакъ и обвиненный въ воровствѣ и убійствѣ умеръ на галерахъ въ 1724 году; бабка его также умерла въ генуэзскомъ исправительномъ домѣ, посаженная туда за распутство; отецъ его былъ шпиономъ французскаго правительства, когда Франція заняла Корсику, мать была любовницею губернатора острова, Марбѣфа. Отъ этой связи родился Наполеонъ, жившій потомъ съ своими сестрами. Подобныя обвиненія повторялись и во Франціи, даже въ серьезныхъ біографіяхъ Наполеона. Въ Англіи благочестивые мистики доказывали кабалистическими выкладками, что онъ несомнѣнно «звѣръ Апокалипсиса, его же число 666». Этотъ выводъ перешелъ и въ русскіе памфлеты 1812 года. Страхъ вторженія былъ однако же такъ великъ, что число волонтеровъ, распределенныхъ по графствамъ, для ихъ защиты—дошло до 400,000, что удивило не только Наполеона, но всю Европу. Конечно, число это было пока только на бумагѣ, но наборъ и вооруженіе волонтеровъ производились очень дѣятельно. Явились новые памфлеты о вторженіи, гдѣ предсказывались уже побѣды волонтеровъ, и въ карриатурахъ подъ названіемъ: «Послѣ вторженія», «Буонапарте черезъ 24 часа послѣ высадки»—изображался волонтеръ, держащій воткнутую на пикѣ голову Наполеона, съ ироническою подписью подъ рисункомъ. Принцъ Уэльскій просилъ, чтобы его причислили къ волонтерамъ, но ему было отказано въ этомъ, какъ наслѣднику престола и потому также, что если непріятель вторгнется въ Англію, принцъ будетъ всегда имѣть случай высказать свое мужество—хотя это качество было всегда сомнительно въ королевскомъ семействѣ.

Въ іюлѣ Наполеонъ, въ Булони и Кале, подробно осматривалъ береговыя батареи и укрѣпленія, а въ Лондонѣ въ то же время вербовали насильно въ матросы и посылали на корабли всѣхъ, кого могли, даже уличныхъ бродягъ, захватываемыхъ ночью въ притонахъ

разгула и тавернахъ. Шерифы и мировые судьи приговаривали къ отдачѣ въ матросы всѣхъ взятыхъ за беспорядки на улицахъ, даже за долги. Пожертвованія деньгами, лошадьми, амунициею, припасами сыпались со всѣхъ сторонъ; большія фабрики, торговыя фирмы вносили значительныя суммы; вездѣ организовались комитеты для защиты страны, закупувшіе военные снаряды, провизію. «Times» имѣлъ полное основаніе говорить въ августѣ: «и одиннадцати недѣль не прошло съ объявленія войны—но пусть, намъ укажутъ, въ какую эпоху была сдѣлана, хотя половина того, что дѣлается теперь для защиты страны». Рѣшено было, что въ случаѣ высадки французовъ, король удалится съ своимъ семействомъ въ Ворсестеръ. Арсеналь изъ Вульвича должно было перевести во внутренность страны. По берегамъ воздвигались маяки и устраивались сообщенія между ними. Стали, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, вездѣ ловить и подозрѣвать шпионовъ. Гаррика, родственника знаменитаго актера приняли даже за переодѣтаго Наполеона, и меръ города должень былъ дать удостовѣреніе, что это Гаррикъ, а не Наполеонъ. При первомъ извѣстіи о затруднительномъ положеніи Англіи, Ирландія попыталась возвратитъ себѣ независимость. Въ концѣ іюля, въ Дублинѣ высадили съ сотнею приверженцевъ Робертъ Эмметъ, братъ доктора Эммета, игравшаго выдающуюся роль въ возстаніи 1798 года. Инсургенты убили главнаго судью Дублина, полковника, начальствовавшаго отрядомъ королевскихъ войскъ, и еще нѣсколько лицъ, но были разбиты на голову и 120 человекъ положили оружіе. Ихъ судили какъ бунтовщиковъ, и Робертъ Эмметъ былъ повѣшенъ въ сентябрѣ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, по обычаю, во всемъ королевствѣ былъ назначенъ день всеобщаго поста и молитвы—и постъ былъ строго соблюденъ. Церкви были въ особенности переполнены волонтерами.

Въ началѣ 1804 года, Великобританія, подготовившаяся къ защитѣ, ждала своего врага безъ особаго опасенія, но новая армада не появлялась въ виду англійскихъ береговъ. Денегъ попрежнему было мало въ странѣ, но такъ какъ англійскіе крейсеры захватывали призы съ испанскими долларами, то на иностранную монету накладывали штемпель съ портретомъ Георга III и она ходила въ 5 шиллинговъ, причеиъ правительство выгадывало 3¹/₃ пенса. Въ маѣ опять былъ назначенъ всеобщій постъ и молитва, по случаю выздоровленія короля отъ водянки. Въ томъ же мѣсяцѣ пало министерство Аддингтона, давно уже подкапываемое Питтомъ, сформировавшимъ новый кабинетъ, изъ герцога Портланда, графа Чатама, лордовъ Мельвиля и Эльдона, Каннинга, Дондаса и др. Первымъ актомъ министерства была отдача подъ судъ Вильяма Коббета за брошюру, обвинявшую правительство въ плохомъ управленіи Ирландіей. Писателя присудили къ уплатѣ 500 фунтовъ пени. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ происходило въ парламентѣ третье чтеніе билля

объ уничтоженіи торговли неграми. Во время преній въ палатѣ общинъ было замѣчено, что на Барбадосскихъ островахъ болѣе 7,000 плѣнныхъ Французовъ и что они могутъ произвести волненіе между неграми, неумѣющими отличать уничтоженія торговли рабами отъ уничтоженія рабства, тѣмъ болѣе, что моравскіе братья проповѣдуютъ на островѣ, будто всѣ люди равны и послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними. Другой членъ палаты привелъ въ защиту миссіонеровъ то обстоятельство, что они обратили въ христіанство на островѣ Антигуа 10,000 негровъ, сдѣлавшихся послѣ этого до того кроткими и послушными, что цѣна на нихъ значительно поднялась и они продавались по десяти стерлинговъ за штуку». Перенесенный въ палату лордовъ билль встрѣтилъ

Надзоръ за уплатою налога въ кухнѣ.

сильныхъ противниковъ въ этихъ ретроградахъ и консерваторахъ. Герцогъ Кларанскій прямо объявилъ уничтоженіе продажи невольниковъ величайшимъ зломъ и страшною опасностью. Лордъ Гауксбюри настоялъ, чтобы второе чтеніе билля было отложено до слѣдующей сессіи.

Избранный императоромъ еще въ маѣ, Наполеонъ короновался только въ декабрѣ, а въ мартѣ 1805 г. итальянская республика предложила ему быть ея королемъ. Поэтому онъ отправился съ Жозефиною въ Миланъ, гдѣ и короновался итальянскимъ королемъ. Но продолжая захватывать чужія страны и вооружаться, онъ все толковалъ о миролюбіи и опять писалъ къ Георгу III, «государю и брату», увѣряя, что война между двумя націями не имѣетъ никакой цѣли и представляетъ печальное зрѣлище. Лордъ Муль-

гравъ отвѣчалъ Талейрану, что его британское величество, получивъ мирныя предложенія отъ «главы французскаго правительства», не находитъ вообще положеніе европейскихъ державъ обезпеченнымъ и долженъ по этому предмету войти съ ними въ сношенія, въ особенности съ русскимъ императоромъ, «представившимъ ясныя доказательства мудрости и возвышенности одушевляющихъ его чувствъ и живѣйшей заботливости о безопасности и независимости Европы». Въ то же время Англія объявила войну Испаніи, уже поставленной въ совершенную зависимость отъ Франціи и, по этому случаю, опять былъ назначенъ день поста «для испрошенія успѣха оружію его величества». Но эти частыя воззванія къ общественному пощенію и воздержанію начинали уже надѣдать высшему кругу и газеты того времени замѣчаютъ, что въ день поста, въ три часа, состоялось въ Лондонѣ особенно оживленное гулянье, на которомъ лорды и леди красовались въ самыхъ изящныхъ экипажахъ и роскошныхъ нарядахъ. Церкви были наполнены только одними волонтерами, вербовка которыхъ дѣятельно продолжалась во всей Великобританіи. Въ январѣ парламентъ утвердилъ наборъ 120,000 человекъ для флота, и въ февралѣ 312,000 для арміи, съ полною экипировкою ихъ, для чего, конечно, потребовалось увеличеніе налоговъ на лошадей, пересылку писемъ, на духовныя завѣщанія. Въ особенности соляной налогъ былъ обременителенъ для простаго народа. Надсмотрщики шныряли даже по кухнямъ, чтобы видѣть, не потребляютъ ли повара соль, неоплаченную акцизомъ, и одна изъ каррикатуръ изображаетъ кухарку, мистрисъ Джонъ Буль, испуганную появленіемъ податного надзирателя—даже изъ ящика съ солью, куда онъ спрятался для наблюденія.

Высадка въ Англіи французовъ не состоялась и въ этомъ году, потому что они должны были отправляться за Рейнъ—драться съ Австріей, даже безъ объявленія войны. Въ ноябрѣ, въ Лондонѣ пришло извѣстіе о трафальгарскомъ сраженіи. Но торжество по случаю разбитія французскаго флота было омрачено извѣстіемъ о смерти Нельсона, павшаго въ битвѣ. Появились листки съ описаніемъ битвы, съ изображеніемъ Англіи, рыдающей надъ умирающимъ героемъ, котораго поддерживаютъ хирургъ и матросъ. На Дрюриленскомъ театрѣ поставили интермедію «Побѣда и смерть лорда Нельсона». Въ январѣ 1806 года его похоронили съ особенною пышностью въ церкви св. Павла. Вездѣ повторялись и коментировались слова его передъ сраженіемъ: «Англія ожидаетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ». Они повторялись даже въ заголовкѣ разныхъ рекламъ, предложеній дешевой распродажи товаровъ и т. п. Спекуляція не упускала случая приплести слова героя ко всякому случаю, давала имя его множеству предметовъ, поступавшихъ въ продажу. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась

процессія, плывшая по Темзѣ отъ Гринвича до Вейтгалля, съ гробомъ Нельсона. Изъ Вейтгалля тѣло перевезли въ адмиралтейство и потомъ уже въ церковь. Мѣста по пути процессіи продавались дорогою цѣною. Въ громадной толпѣ народа многихъ сильно помяли, иныхъ изувѣчили. Всѣ мужскіе члены королевской фамиліи, кромѣ короля, участвовали въ процессіи. Расходы на нее простирались до 15,000 стерл. По окончаніи церемоніи, въ церковь впускали желающихъ посмотрѣть гробницу Нельсона съ платою по шиллингу за входъ. Вслѣдъ за великимъ воиномъ Англіи умеръ и ея великій государственный дѣятель—Вильямъ Питтъ, котораго парламентъ похоронилъ также на счетъ государства и назначилъ

Смерть Нельсона.

40,000 стерл. въ уплату его долговъ. Похороны его въ Вестминстерскомъ абатствѣ были также пышны, но стоили только 6,000 стерл. Даже по смерти военные стоятъ отечеству дороже штатскихъ. Безъ поста, конечно не обошлось и при этомъ случаѣ, но въ день, назначенный для этого, лордъ-меръ, шерифы и другія правительственныя лица отправились изъ церкви св. Павла прямо въ Меншюнггоузъ обѣдать; вѣроятно кушанья были постныя.

Въ апрѣлѣ палата лордовъ судила одного изъ министровъ въ кабинетѣ Питта, лорда Мельвила, по обвиненію въ присвоеніи разныхъ суммъ по управленію морскимъ министерствомъ, но нашли его невиновнымъ. Въ сентябрѣ умеръ противникъ Питта—Чарльзъ Фоксъ—и на этотъ разъ похороны не устраивались на казенный счетъ, и парламентъ не платилъ долговъ покойнаго,—можетъ быть

потому, что уплаты эти входили въ бюджетъ «секретныхъ расходовъ» на 1806 годъ, простирившихся до 175,000 стерл. вмѣстѣ съ назначеніемъ 300,000 стерл. морякамъ, участвовавшимъ въ трафальгарскомъ сраженіи. Англія щедро оплачиваетъ оказанныя ей услуги, а онѣ были, въ этомъ случаѣ, очень велики, такъ какъ съ уничтоженіемъ французскаго флота, англійскій флотъ сдѣлался единственнымъ властелиномъ во всѣхъ моряхъ. Погребеніемъ Фокса распоряжался другъ его Шериданъ, и великаго оратора и министра похоронили въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ 18-ти шагахъ отъ его врага Питта. Незадолго до своей смерти, Фоксъ писалъ Талейрану, что какой-то французъ потребовалъ свиданія съ нимъ, Фоксомъ, и объявилъ, что намѣренъ убить Наполеона, чтобы водворить спокойствіе въ Европѣ. Негодяй разсказалъ даже объ устройствѣ имъ, для этой цѣли, какой-то адской машины въ Пасси. Прогнавъ его, Фоксъ въ то же время приказалъ выслать его изъ Англіи, не имѣя права, по законамъ страны, задержать его, о чемъ и увѣдомилъ Талейрана для принятія мѣръ предосторожности. Наполеонъ велѣлъ поблагодарить Фокса, «всегда поступавшаго благородно», но объявилъ, въ то же время, строгую блокаду Англіи. Не только торговля, но и всякія сообщенія прекращались; письма изъ нея писанныя на англійскомъ языкѣ—уничтожались; каждый англійскій подданный, гдѣ бы онъ ни находился—дѣлался военноплѣннымъ и имущество его конфисковалось; всѣ англійскіе товары, у кого бы они ни находились—должны были выданы въ теченіе 24-хъ часовъ; удержавшіе ихъ послѣ этого срока подвергаются всей строгости военныхъ законовъ. Англійскія газеты смѣялись надъ объявленіемъ блокады, но она все-таки нанесла большой вредъ Англіи. Въ слѣдующемъ году Наполеонъ дважды повторилъ постановленіе о блокадѣ въ своей прокламаціи изъ Гамбурга и изъ Мадрида и заставилъ Португалію закрыть для Англіи свои гавани. Англія, въ свою очередь, объявила войну Даніи, какъ союзницѣ Наполеона, бомбардировала Копенгагенъ и захватила въ немъ датскій флотъ, вопреки всѣмъ законамъ народнаго права. Въ томъ же году она признала, наконецъ, законъ объ уничтоженіи, но не рабства, а торга невольниками. Съ 1-го марта 1808 года ни въ одну изъ англійскихъ колоній не допускался привозъ невольниковъ. На выборахъ въ парламентъ произошелъ небывалый случай. Два кандидата, Пауль и Бордетъ, дрались на дуэли и оба были ранены. Ръ Римъ умеръ послѣдній потомокъ Стюартовъ, кардиналъ Йоркскій, получавшій отъ Георга III пенсію въ 4,000 стерлинговъ, хотя считалъ себя законнымъ королемъ Англіи и даже выбилъ медаль съ своимъ портретомъ и титуломъ: «Генрихъ IX». Въ Лондонъ пріѣхалъ изъ Швеціи и поселился Людовикъ XVIII, жившій здѣсь, до возвращенія во Францію, въ замкѣ герцога Букингама, подъ именемъ графа де Лилля. Правительство предла-

гало ему мѣстомъ жительства Голирудскій дворець, но графъ отказался, отвѣтивъ, что пріѣхаль въ Англію не искать убѣжища, а по своимъ политическимъ дѣламъ, какъ король Франціи. Онъ и остался бы такимъ же королемъ, *in partibus infidelium*, какъ Генрихъ IX, еслибы черезъ семь лѣтъ русскій императоръ не вздумалъ посадить его на престолъ, съ котораго согналъ, наконецъ, Наполеона.

Въ 1808 году положеніе Англіи было далеко не блестящее. Послѣ Тильзитскаго мира, Россія и Австрія прервали дипломатическія сношенія съ сент-жемскимъ кабинетомъ. Россія предложила, правда, свое посредничество для улаженія споровъ между Франціей Англіей, но на благополучіе исхода переговоровъ рассчитывать было нельзя. Изъ всѣхъ державъ Англія была въ мирѣ только съ

Новости съ театра войны.

Швеціей да съ Турціей. Заключенъ былъ также «трактатъ о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи» съ Сѣверо-Американскими штатами, но этимъ трактатомъ съ своими бывшими колоніями Англіи нечего было гордиться. Въ палатѣ общинъ Френсисъ Бордеттъ сдѣлалъ запросъ канцлеру казначейства, на какомъ основаніи король сдѣлалъ подарокъ въ 20,000 стерлинговъ своему сыну, герцогу Йоркскому, изъ суммъ адмиралтейства, назначенныхъ на военныя издержки? Канцлеръ отвѣчалъ, что дѣлать подобные вопросы въ парламентѣ и еще во время войны—весьма не политично и что его величество, на основаніи такихъ-то параграфовъ постановленій прежнихъ царствованій, имѣлъ полное право распорядиться по своему усмотрѣнію. Инцидентъ этотъ не получилъ дальнѣйшаго хода. Блокада однако давала себя знать. Хлопчатобумажныя фабрики въ Манчестерѣ и сосѣднихъ городахъ принуждены были сократить

свое производство и уменьшить заработную плату. Отъ этого возникли волненія между рабочими и рочдельскіе ткачи произвели беспорядки. Виновныхъ засадили въ мѣстную тюрьму, но чернь ворвалась въ нее, освободила заключенныхъ и зажгла тюрьму. Съ трудомъ усмирили бунтъ, въ которомъ дѣятельное участіе принимали жены рабочихъ. Извѣстія съ театра войны попрежнему возбуждали болѣе всего интересъ въ публикѣ и на улицахъ вокругъ лицъ, имѣющихъ газеты, постоянно собирался кружокъ любопытныхъ, просившихъ сообщить имъ вслухъ новости дня.

Въ 1809 году Англія праздновала юбилей 50-тилѣтняго царствованія Георга III. Только два короля до него—Генрихъ III и Эдуардъ III управляли такъ долго народомъ. (Въ 1887-мъ году справлялся и четвертый полувѣковой юбилей королевы Викторіи). По случаю юбилея Георга III газеты обратили вниманіе на старинный обычай—выпускать, при подобныхъ торжествахъ, должниковъ изъ тюрьмы. «Morning Post» сообщилъ, что такихъ должниковъ въ городской тюрьмѣ 72 и у нихъ 53 жены и 205 дѣтей, а должны они всего 2092 ф. ст. Газеты предлагали открыть публичную подписку для освобожденія этихъ бѣдняковъ и сумма была скоро собрана. Король, со своей стороны, простилъ всѣхъ дезертировъ, если они въ теченіе двухъ мѣсяцевъ добровольно явятся и опять вступятъ въ полки. Написано было не мало хвалебныхъ гимновъ въ честь юбилея и юбиляра, но явилось и нѣсколько пасквилей по тому же поводу. Празднества во всѣхъ городахъ были шумныя, но не выдавались ничѣмъ особеннымъ. Только въ Виндзорѣ придумали, для угощенія народа, жарить быка цѣликомъ. Понятно, что при такомъ способѣ жаренія однѣ части быка были превращены въ уголь, другія остались совсѣмъ сырыми, но изобрѣтатели этого способа все-таки достигли своей цѣли. Быкъ жарился на вертелѣ въ продолженіе семи часовъ съ разными приспособленіями и съ двумя четвериками картофеля. Король и его семейство были приглашены отвѣдать это жаркое, вмѣстѣ съ которымъ народу раздавали баранину и пудингъ. Торжество закончилось фейерверкомъ и иллюминаціей.

Какъ бы въ доказательство того, что на войнѣ матеріальная сила не значитъ ничего безъ разумнаго полководца, въ іюлѣ 1809 г. произошла постыдная для Англіи Вальхернская экспедиція. Сильный англійскій флотъ, изъ 39-ти линейныхъ кораблей, 36-ти фрегатовъ, множества канонерскихъ лодокъ и транспортныхъ судовъ отправился въ устья Шельды, чтобы открыть эту рѣку для англійской торговли. Экспедиція заняла островъ Вальхернъ въ устьѣ рѣки, взяла городъ Мидльбургъ и бомбардировала Флиссингенъ, который сдался съ генераломъ Моне и пятьютысячнымъ отрядомъ. Но этимъ и ограничились подвиги главнаго начальника экспедиціи, лорда Чатама, отъ которой ждали многого. У него была сорока-

тысячная армія, кромѣ 60-ти тысячъ моряковъ; но въ то время, когда Нельсонъ съ гораздо меньшими силами уничтожилъ весь французскій флотъ при Трафальгарѣ, лордъ Чатамъ простоялъ въ бездѣйствіи до конца декабря въ Флиссингенѣ и ушелъ обратно въ Англию со всеѣми своими силами, ссылаясь на то, что воздухъ въ Флиссингенѣ нездоровый, солдаты хворають отъ болотныхъ міазмовъ, а подъ Антверпеномъ собирается французская армія. Этотъ подвигъ храбраго полководца поднялъ бурю негодованія въ Англии. У парламента требовали отдачи подъ судъ лорда Чатама. Но Георгъ III ограничился отставкою лорда и отправилъ палатамъ посланіе, въ которомъ извѣщалъ, что не находитъ нужнымъ наряжать слѣдствие надъ его генералами. Палата большинствомъ 23-хъ голосовъ утвердила королевское распоряженіе. Только карикатуры и эпиграммы посыпались на Чатама, черезъ годъ назначеннаго полнымъ генераломъ, а черезъ два—губернаторомъ—Гибралтара. Вотъ одна изъ эпиграммъ на храбраго лорда:

«Ввелъ Чатамъ въ Флиссингенъ стотысячный отрядъ,

«Полгода постоялъ, потомъ пошелъ назадъ».

Парламентъ, покорно исполнявшій все королевскія рѣшенія, хотя они шли въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, горячо стоялъ однако за свои привилегіи и обижался, когда его стали осыпая насмѣшками за равнодушіе къ позорной Вальхернской экспедиціи. За одну изъ такихъ брошюръ, автора ея, Галь Джонса парламентъ привлекъ къ своему суду и засадилъ въ Ньюгетскую тюрьму. Френсисъ Бордетъ возсталъ противъ рѣшенія своихъ товарищей по палатѣ общинъ и напечаталъ въ мартѣ 1810 года, рѣзкую статью въ газетѣ «Weekly political register», доказывая, что парламентъ не имѣетъ права ни карать писателей за свободное выраженіе ихъ мыслей, ни сажать за это въ тюрьму свободныхъ гражданъ Англии. Статью эту парламентъ нашелъ оскорбительною для своего достоинства и большинствомъ 38-ми голосовъ постановилъ запереть своего сочлена въ Тоуеръ. Бордетъ, представитель стариннаго рода въ графствѣ Дерби, изъ оксфордскаго университета отправился во Францію, гдѣ провелъ больше трехъ лѣтъ, присутствуя при всеѣхъ сценахъ революцій 1790—93 г. Вернувшись въ отечество, онъ женился на дочери богатаго банкира Коутса, что увеличило и безъ того его огромное состояніе и, въ 1796 г. былъ выбранъ въ члены палаты общинъ, гдѣ сдѣлался лидеромъ радикальной партіи, хотя это избраніе стоило ему болѣе 20.000 стерл. Онъ стоялъ за народъ, за уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, за ежегодные выборы въ парламентъ, даже за всеобщую подачу голосовъ. Пламенный ораторъ, съ неподкупнымъ убѣжденіемъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на народъ, взволновавшійся при извѣстіи, что его защитника подвергаютъ тюремному заключенію. Судебный приставъ (serjeant at arms), которому было поручено арестовать Бордета и доставить

въ Тоуеръ, явился къ нему, чтобы узнать, когда ему будетъ угодно сѣсть въ тюрьму. Бордетъ отвѣчалъ, что дастъ знать и приставъ удалился, доложивъ потомъ спикеру о рѣшеніи баронета, за что получилъ строгій выговоръ, и приказаніе привести немедленно въ исполненіе парламентское постановленіе. Приставъ вернулся къ Бордету, но получилъ отвѣтъ, что приказъ, данный ему—незаконный и повиноваться ему баронетъ ненамѣренъ. Попытка другого пристава, на другой день, также была безуспѣшна. Тогда къ дому осужденнаго отправленъ былъ отрядъ королевской гвардіи. Народъ встрѣтилъ ее свистками и бранью, но былъ разогнанъ. Два дня Бордетъ не выходилъ изъ своихъ комнатъ, на третій день въ спальню къ нему вошелъ приставъ и объявилъ, что осужденный долженъ слѣдовать за нимъ въ тюрьму. Баронетъ требовалъ приказъ объ его арестованіи, подписанный королемъ, или королевскимъ судомъ. Приставъ призвалъ констеблей, взявшихъ за руки Бордета, который объявилъ, что уступаетъ только насилію и протестовалъ противъ нарушенія въ его лицѣ правъ англійскаго гражданина. Его отвезли въ Тоуеръ подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ коннаго полка. Чернь стала бросать въ солдатъ камнями, кирпичами, палками. Въ Фенчорчъ-стритѣ толпа приняла такое угрожающее настроеніе, что командиръ отряда приказалъ стрѣлять. Одинъ изъ народа упалъ мертвымъ, восемь человѣкъ были ранены,—толпа разбѣжалась съ криками. Опасались ночного нападенія на Тоуеръ, солдатамъ были розданы боевые патроны, пушки зарядили картечью. Но народное волненіе скоро улеглось и чернь не поднималась за своего любимца, два мѣсяца высидѣвшаго въ тюрьмѣ. При освобожденіи его, такіа массы народа ждали Бордета у Тоуера, что баронетъ побоялся быть предметомъ новыхъ столкновеній между войскомъ и своими почитателями — и уклонился отъ всякихъ овацій, переѣхавъ изъ Тоуера по ту сторону Темзы въ Вимблѣдонъ.

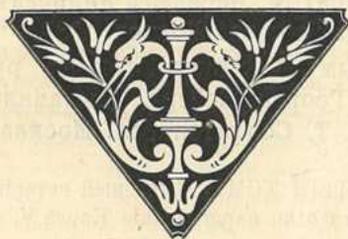
Король Георгъ III видимо началъ слабѣть и хворать послѣ своего юбилея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали слабѣть и его умственные способности. Его потрясла въ особенности смерть его дочери, принцессы Амеліи, скончавшейся въ молодыхъ годахъ отъ чахотки. Умирая, принцесса надѣла на палецъ отца кольцо съ своими волосами и съ надписью: «вспомни обо мнѣ, когда меня не будетъ». Полуслѣпой, расслабленный король не перенесъ этого удара. Онъ прожилъ еще десять лѣтъ, но въ совершенномъ помѣшательствѣ. Въ 1811 году парламентъ утвердилъ регентомъ принца Валлійскаго. Принцессу Амелію хоронили съ особеннымъ торжествомъ. Гробъ ея съ короною, пальмовыми вѣтвями, восемью ручками былъ покрытъ 118 серебряными дощечками и 8,000 гвоздей (2,000 широкихъ и 6,000 маленькихъ). Принцу Валлійскому парламентскій актъ предоставилъ только производить въ чины административный персоналъ, жаловать званіе меровъ и давать пенсіи; дѣ-

лами короля и его хозяйствомъ управляла королева съ содѣйствіемъ совѣта. Къ 1811 году государственный долгъ королевства возросъ до 812 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Таковы были главныя событія общественной жизни въ Англии въ началѣ нынѣшняго вѣка. Каковы-то будутъ они въ послѣдніе 11 лѣтъ. Въ слѣдующей статьѣ мы очертимъ картину этой жизни не въ политическомъ, а въ культурномъ отношеніи, въ явленіяхъ частной, семейной жизни, въ общественныхъ учрежденіяхъ и улучшеніяхъ. Здѣсь разница между началомъ и концомъ вѣка будетъ еще болѣе ощутительна и поучительна.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ десятый; перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

АДЕСЯТЫЙ ТОМЪ «Всеобщей исторіи» Вебера обнимаетъ почти одно царствованіе Карла V, но такъ какъ это царствованіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и эпоха реформации, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ изложеніи нѣмецкаго ученаго оно достигло такихъ почтенныхъ размѣровъ. Достоинства и недостатки «Всеобщей исторіи» Георга Вебера слишкомъ хорошо извѣстны читателямъ «Историческаго Вѣстника», чтобы слѣдовало вновь распространяться объ нихъ. Замѣтимъ только, что при обработкѣ этого тома, какъ намъ кажется, почтенный авторъ еще болѣе спѣшилъ работой изъ опасенія не кончить своего капитальнаго труда—передѣлки перваго изданія. Веберъ слишкомъ добросовѣстный педагогъ и слишкомъ честный работникъ для того, чтобы эта поспѣшность могла выразиться въ фактическихъ ошибкахъ и недосмотрахъ, но онъ не имѣлъ времени воспользоваться всѣмъ, что было сдѣлано въ послѣднія двадцать лѣтъ, а гдѣ пользовался, тамъ новое не органически соединялъ съ старымъ, а механически смѣшивалъ ¹⁾. Особенно рѣзко это даетъ себя чувствовать въ обзорѣнїяхъ хода умственной и художественной жизни Европы, которыя, впрочемъ, и въ первомъ изданіи

¹⁾ Какъ на особенно характерный случай, можемъ указать на біографію Макиавелли (стр. 219—20) и на выписки изъ его знаменитаго письма изъ деревни La Strada,

представляли слабѣйшую часть его послѣднихъ томовъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ отдѣлъ поразительнымъ богатствомъ фактическаго матеріала очень полезенъ, не скажу, читателямъ, а скорѣй владѣльцамъ «Всеобщей исторіи» Г. Вебера.

Этотъ томъ Вебера имѣетъ при себѣ два предисловія неравнаго значенія, изъ которыхъ первое такъ и озаглавлено: «Предисловіе къ русскому переводу»; въ другомъ г. Андреевъ продолжаетъ свой интересный «Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» и излагаетъ свои взгляды на «общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ». Въ предисловіи собственно переводчикъ доказываетъ, что намъ необходимо ввести въ свой алфавитъ точныя приспособленія для передачи иностранныхъ собственныхъ именъ русскими буквами и приводитъ (стр. XVI) списокъ звуковъ, не передаваемыхъ нашей транскрипціей. Этотъ списокъ, конечно, всякій внимательный читатель, подумавши нѣсколько минутъ, можетъ увеличить вдвое или втрое, а всякій специалистъ по сравнительному языкознанію—и въ десятеро; но едва ли многіе согласятся съ г. Андреевымъ, что «издательскія фирмы, редакціи періодическихъ изданій и корректоры» (стр. XV) имѣютъ право, сговорившись между собою, увеличивать на произвольное количество знаковъ нашу и безъ того слишкомъ богатую азбуку и вводить новыя буквы для выраженія двухъ англійскихъ th, англійскаго w и т. п. Мы рѣшительно отказываемся понять, почему наши дѣды, называвшіе Дидро Дидеротомъ, или нѣмцы двадцатыхъ годовъ, называвшіе Шекспира Шакспеаромъ, не могли имѣть вѣрнаго представленія объ этихъ писателяхъ. Ужели и нѣмцы должны обогащать свою азбуку, чтобы выразить всѣ невыразимые для нихъ оттѣнки звуковъ, сочетанія ихъ и совсѣмъ неизвѣстные имъ звуки, встрѣчающіеся въ русскихъ и польскихъ собственныхъ именахъ? Какая бѣда въ томъ, что ученый французъ называетъ Чосера Шосе, если онъ говоритъ объ немъ съ французами же? Говоря поанглійски, онъ будетъ называть его какъ слѣдуетъ. Карлъ Великій на всякомъ языкѣ имѣетъ особое имя, а лицо остается одно и то же. А если, по несчастію, гг. корректоры, издатели и пр. выработаютъ не одну, а нѣсколько системъ, во что тогда обратится русская азбука? Каково будетъ тогда читать книгу по всеобщей исторіи или пользоваться русскимъ энциклопедическимъ словаремъ? Кому другому, а русскимъ послѣ всѣхъ надо изобрѣтать новыя знаки азбуки. Мы противъ всякихъ внезапныхъ реформъ азбуки, хотя бы и по соглашенію, но уже скорѣй пошли бы на ея упрощеніе, чѣмъ на осложненіе.

Въ томъ же предисловіи переводчикъ говоритъ о тѣхъ сокращеніяхъ и урѣзкахъ, которымъ онъ позволялъ себѣ подвергать оригиналъ. Основанія, имъ приводимыя, вполне вѣски; но едва ли не излишне съ такой подробностью объяснять, почему можно выпустить лирическія тирады Вебера по поводу побѣдъ нѣмцевъ въ Италіи.

Статья переводчика: «Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ», не смотря на свой нѣсколько отрывочный характеръ и явную незаконченность, такъ же интересна и содержательна, какъ и предыдущіе очерки г. Андреева. Авторъ начинается съ безспорнаго положенія, что въ обществахъ нецивилизованныхъ люди различаются между собою по степени нравственнаго и умственнаго развитія; за этимъ слѣдуетъ положеніе, по нашему мнѣнію, спорное: указаніемъ на неумѣнье считать многихъ членовъ цивилизованныхъ обществъ и на грубость ихъ обращенія съ дѣтьми авторъ

доказываетъ, что лучшіе люди изъ неразвитыхъ племенъ развитіе худшихъ изъ племенъ, стоящихъ на высшей степени развитія; но не надо забывать, что степень развитія измѣряется не однимъ какимъ-либо или не нѣсколькими свойствами ума и нравственности, а всей суммой знаній и нравственныхъ понятій, и самый развитой и добродѣтельный бушменъ, не бывавшій въ колоніяхъ, не имѣетъ понятія о тысячѣ вещей, съ дѣтства знакомыхъ самому грубому и безнравственному ирландскому крестьянину.

Совершенно вѣрно, заключаетъ далѣе авторъ, что о націи судятъ не по лучшимъ и не по худшимъ ея членамъ, а по большинству ихъ; если это большинство значительно выше дикарей въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, націю называютъ цивилизованою. То, чѣмъ цивилизованная нація выше нецивилизованной, есть историческое приобрѣтеніе, иначе сказать, результатъ прогресса. Чѣмъ обуславливается этотъ прогрессъ? Конечно, прежде всего умственнымъ развитіемъ. Умственное развитіе, если оно только не изуродовано какими-нибудь побочными обстоятельствами, непременно должно способствовать здоровой нравственности и усиленію такъ называемыхъ альтруистическихъ стремленій.

Это, повидимому, безспорное, но увы! столько разъ подвергавшееся нападкамъ и не только въ частныхъ приложеніяхъ, но и въ общемъ положеніи г. Андреевъ доказываетъ ясно до наглядности. Посредствомъ аналогіи съ высшими животными онъ убѣждаетъ читателей, что въ человѣкѣ враждебно стремленіе къ улучшенію своей жизни, стремленіе къ знанію, хотя бы и не приносящему непосредственной пользы, и доброжелательность къ себѣ подобнымъ, доходящая въ отношеніяхъ семейныхъ до самопожертвованія. Онъ относится съ справедливымъ негодованіемъ къ застарѣлой лжи о злыхъ инстинктахъ человѣка, съ которыми, будто бы, надо бороться насиліемъ и принужденіемъ. Когда-то были убѣждены, что въ ребенка надо вколачивать науку и что въ невѣжественную массу надо вколачивать здравыя понятія и насильно вести ее по пути прогресса. Г. Андреевъ не вѣритъ въ насильственный прогрессъ, какъ не вѣритъ и въ вколоченную науку. Всякій ребенокъ любознателенъ отъ природы и только педантическое преподаваніе можетъ его оттолкнуть отъ науки. Неразвитая масса состоитъ изъ лицъ, которые отъ природы наклонны прогрессировать и умственно, и нравственно. Нужно только благожелательное и кроткое содѣйствіе, заключающееся въ улучшеніи обстановки и въ ознакомленіи массы съ неизвѣстнымъ ей хорошимъ. Политическая экономія цифрами доказала, что только добровольная дѣятельность человѣка производитъ хорошіе результаты, а ежедневный опытъ человѣка и вѣковой опытъ человѣчества—исторія показываютъ, что только тѣ люди и тѣ общества бываютъ просвѣщенны и нравственны, которые сами желаютъ того; положительные результаты принужденія массы къ прогрессу, въ которомъ она еще не чувствуетъ потребности, сводятся къ нулю, а отрицательные довольно значительны.

По нашему мнѣнію, эти тезисы только выиграли бы въ своей крѣпости, еслибъ г. Андреевъ не затронулъ мало сюда идущій вопросъ о борьбѣ національностей и о правѣ побѣдителей подчинять своей волѣ побѣжденныхъ. Побѣда есть результатъ войны, а война есть грубое насиліе, отвергающее всякое понятіе о правѣ; послѣднее никакъ не можетъ быть результатомъ насилія. Но война при настоящемъ положеніи общества есть неизбежное зло; если неизбежна она, неизбежны и всѣ ея послѣдствія и, стало

быть, насиліе побѣдителей надъ побѣжденными. Называютъ это насиліе правомъ по извѣстной риторической фигурѣ, такъ же, какъ говорятъ о правѣ сильного, о кулачномъ правѣ. Если борьба въ полѣ окончилась подчиненіемъ одного племени другому, начинается борьба глухая, безкровная (или почти безкровная), борьба двухъ культуръ, иногда одинаковыхъ по высотѣ своей, но разнохарактерныхъ. Результатъ бываетъ двоякій: или побѣжденные удержатъ свою культуру и въ такомъ случаѣ останутся вѣковѣчнымъ домашнимъ врагомъ, или они ассимилируются съ побѣдителями и составятъ съ ними одинъ народъ. Побѣдители всегда, конечно, надѣются на послѣднее, но если дѣйствуютъ неумѣло или слабо, только напрасно тратятъ свои силы и деньги. Все это, конечно, очень печально, но все это неизбежно, пока неизбежна война. Г. Андреевъ доказываетъ, что война двухъ осѣдлыхъ народовъ должна ограничиться самообороной и рассуждаетъ такимъ образомъ: «Если осѣдлый народъ имѣетъ такое превосходство силы надъ другимъ тоже осѣдлымъ народомъ, что можетъ покорить его своему владычеству, то ясно само собою, что онъ имѣетъ силу болѣе, чѣмъ достаточную для отраженія нападеній этого народа. Потому завоеваніе осѣдлаго народа никогда не можетъ быть признано необходимою для самообороны народа, покоряющаго себя его» (XXXVIII). Стало быть, такое завоеваніе не можетъ быть оправдано ни совѣстью, ни разумомъ. «Если сильный, рассуждаетъ далѣе г. Андреевъ, отразивъ нападеніе слабаго, заключить съ нимъ миръ на справедливыхъ условіяхъ, не злоупотребить своею побѣдой, то побѣжденный надолго утратитъ желаніе возобновить войну». Надолго, а на сколько времени? На годъ, на десять лѣтъ? Какой народъ согласится вести войну съ соседомъ, чтобы унять его только на время?

Удивляемся, какъ трудолюбивый и добросовѣстный переводчикъ 10-ти томовъ Вебера можетъ рассуждать такимъ образомъ. Ужели онъ думаетъ, что испанцы, побѣдивъ, при Фердинандѣ и Изабеллѣ, мавровъ, могли заключить съ побѣжденными миръ, «не злоупотребивъ своею побѣдой», и что этотъ миръ могъ бы существовать очень долго? А вѣдь и тѣ, и другіе были осѣдлы. Г. Андреевъ самъ объясняетъ войну «порывами страстей»; подъ влияніемъ страсти homo homini lupus, а какой деревенскій хозяинъ, «имѣющій достаточную силу для отраженія нападеній» волка, ограничится одной обороной? Но, повторяемъ, вопросъ о борьбѣ національностей къ условіямъ прогресса прямого отношенія не имѣетъ.

Вторая половина рассужденія г. Андреева о тѣхъ причинахъ, которыя обусловили первые шаги цивилизаціи нынѣ живущаго общества представляется крайне сжатой и какъ бы оборванной. Авторъ справедливо полагаетъ, что наши отдаленные предки развились умственно при какихъ-то особо благоприятныхъ физическихъ условіяхъ, и доказываетъ, что огонь, прирученіе животныхъ и земледѣліе, должны были впервые появиться въ странахъ болѣе теплыхъ и съ болѣе богатой фауной и флорой. Конечный выводъ его тотъ, что «успѣхи цивилизаціи производятся фактами, благоприятными для человѣческой жизни» (стр. LI).

При появленіи первыхъ томовъ Вебера въ переводѣ г. Андреева рецензенты неоднократно плакались на отсутствіе указателя, до крайности необходимаго при такомъ многосодержательномъ сочиненіи. Почтенный издатель внялъ, наконецъ, справедливымъ жалобамъ и издалъ «Указатель къ первымъ четыремъ томамъ», составленный г. Короленко, насколько можно су-

дять по двумъ десяткамъ пробныхъ справокъ, внимательно и аккуратно. Владѣтели Вебера должны быть благодарны и составителю, и издателю. Но нельзя не замѣтить, что 2 рубля за «Указатель къ четыремъ томамъ» и безъ того дорогого сочиненія немножко много. Само собою разумѣется, что изданіе томика въ 236 страницъ не могло стоить дешевле, но мы полагаемъ, что покупатели могли бы удовольствоваться болѣе краткимъ указателемъ, тѣмъ, что называется *index nominum*, а г. Короленко прибавилъ къ нему частію и *index rerum* (раскроемъ любую страницу, хотя, напр., 153, и мы найдемъ, кромѣ собственныхъ именъ, и нарицательныя: плебеи, племенная жизнь, подвластные люди, подземное царство и пр.) и, кромѣ того, не экономилъ словами (почему, напр., на той же 153 стр. при Плутоѣ онъ обозначилъ, что это греческій богъ, а при Плутосѣ сказалъ просто: богъ богатства?). Въ «Указателѣ», который имѣетъ смыслъ только при книгѣ, достаточно одной ссылки, а всякія объясненія едва ли не излишни.

А. К.

Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889.

Въ послѣднее время среди заслуженныхъ дѣятелей въ области нашей науки и литературы сталъ прививаться прекрасный обычай — издавать въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ произведенія прежнихъ лѣтъ, болшею частію разбѣянные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Благодаря этому, мы имѣемъ сборники статей Буслаева, Сухомлинова, Грота и др. Нельзя не отнестись съ большою признательностью къ г. Майкову, что и онъ не остался чуждъ этому устанавливающемуся обычаю. Уже въ продолженіе двадцати лѣтъ его статьи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ изъ исторіи нашей литературы XVII и XVIII столѣтій обращаютъ на себя вниманіе специалистовъ и образованныхъ читателей. Работы этого автора всегда отличались замѣчательной добросовѣтностью въ изученіи частныхъ данныхъ, удачнымъ выборомъ предмета, интересомъ содержанія, широкой и разносторонней постановкой вопросовъ, прекраснымъ изложеніемъ. Почти всѣ эти сочиненія г. Майкова основаны на неизвѣстныхъ до того рукописныхъ матеріалахъ, впервые извлеченныхъ авторомъ изъ архивовъ, и рѣшительно каждое изъ нихъ вноситъ что-нибудь новое въ ту область, къ которой примыкаетъ по содержанію. Обыкновенные читатели находили въ этихъ работахъ интересный и поучительный матеріалъ для чтенія, специалисты и бібліографы могли усмотрѣть въ нихъ богатство и разнообразіе свѣдѣній и замѣчательную, безукоризненную отчетливость и точность.

Такія выдающіяся достоинства сочиненій г. Майкова заставляютъ особенно привѣтствовать появленіе ихъ въ отдѣльномъ изданіи — тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ авторъ не ограничился простой перепечаткой своихъ статей, но переработалъ ихъ заново, сообразно современному уровню тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются теперь о разсматриваемыхъ въ нихъ предметахъ. Не вдаваясь вовсе, въ краткомъ отчетѣ, въ оцѣнку сборника г. Майкова, мы ограничиваемся здѣсь бѣглымъ обзоромъ заключающихся въ немъ статей.

Первое мѣсто въ «Очеркахъ» отведено обширной статьѣ о Симеонѣ Полоцкомъ (1—162). Статья эта является въ настоящее время самымъ

полнымъ и цѣльнымъ сочиненіемъ объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ въ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ XVII вѣкѣ. Авторъ увлекательно ведетъ рассказъ о жизни и дѣятельности Симеона съ первыхъ лѣтъ его жизни и до смерти въ 1680 г. въ Москвѣ. Въ рельефныхъ очеркахъ проходятъ передъ читателемъ дѣтскіе годы Симеона, его ученіе въ Кіевской коллегіи, поступленіе двадцати-семи лѣтъ отъ роду въ монашество, учительство въ Полоцкомъ братскомъ училищѣ; затѣмъ Симеонъ является въ Москвѣ и скоро завоевываетъ расположеніе царя; обстоятельства благоприятствуютъ его возвышенію, и онъ своимъ сочиненіемъ «Жезль правленія» становится во главѣ обличителей только-что зарождавшагося тогда раскола. Благодаря стараніямъ и вліянію Симеона, въ Спасскомъ монастырѣ создается небольшая латинская школа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является руководителемъ въ воспитаніи старшаго царскаго сына Алексѣя Алексѣевича, а затѣмъ, по смерти его, второго царевича Θεодора. Близкія отношенія къ царю открываютъ передъ Симеономъ широкое поле вліянія въ области общественной и литературной дѣятельности; вліяніе это является тѣмъ прочіе, что ловкій, осторожный и обходительный Симеонъ весьма удачно избѣгаетъ рѣзкихъ столкновеній съ представителями враждебныхъ ему партій въ Москвѣ. Литературная дѣятельность Симеона во вторую половину его жизни получаетъ замѣчательное развитіе: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ произноситъ болѣе двухсотъ проповѣдей самаго разнообразнаго содержанія и довольно значительныхъ по объему; пишетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обширныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ («Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего», «Вѣнецъ вѣры каеолическія», «Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическихъ», «Риѣмологіонъ», «Вертоградъ многоцвѣтный» и др.); сочиняетъ піесы для театральныхъ школьныхъ представлений («Комедія о Навуходонсорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ въ печи не сожженныхъ», «Комедія притчи о Блудивѣмъ сынѣ»), перелагаетъ Псалтырь въ стихи и переводитъ нѣсколько книгъ съ латинскаго языка; кромѣ того, его неустанная дѣятельность простирается и на усовершенствованіе отечественнаго иконописнаго искусства, и на устройство самостоятельной, особой типографіи при дворѣ, «на верху», гдѣ онъ могъ печатать свои сочиненія и другія книги по собственному усмотрѣнію; изъ этой типографіи вскорѣ послѣ смерти Полоцкаго вышли, начатыя вѣроятно еще при немъ печатаніемъ, объемистые сборники его проповѣдей—«Обѣдъ душевный» и «Вечера душевная». Смерть застигла Симеона еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ, на 51 году его жизни.

Второе мѣсто въ сборникѣ (163—233) отведено одной изъ повѣстей петровскаго времени, именно «Гисторіи о російскомъ матросѣ Василіѣ Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли»; тутъ помѣщенъ полный текстъ повѣсти и весьма любопытныя историко-литературныя замѣчанія о ней издателя. Въ 1-мъ изъ «Приложеній» къ этой статьѣ г. Майковъ указываетъ на трудъ г. Пыпина «Изъ исторіи народной повѣсти». Спб. 1887, гдѣ напечатана «Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторіѣ и прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ»; г. Майковъ признаетъ, что эта послѣдняя «гисторія» даетъ основаніе видѣть въ «Гисторіи о російскомъ матросѣ Василіѣ» литературное заимствованіе изъ чужого источника, однако, остается при томъ мнѣніи, что Гисторія о Василіѣ «не смотря на несамостоятельность фабулы, лежащей въ ея основѣ, должна быть признана произведеніемъ, отражающимъ въ себѣ черты времени и мѣста

своего происхожденія; другими словами — она по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть названа сочиненіемъ оригинальнымъ русскимъ». 2-е «приложеніе» къ этой статьѣ заключаетъ въ себѣ одно изъ любовныхъ посланій XVII вѣка.

Далѣе помѣщена статья «Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго», написанная въ свое время по поводу сочиненія г. Будиловича о Ломоносовѣ (234—251). Обращаетъ на себя особенное вниманіе слѣдующая за ней статья «Василій Ивановичъ Майковъ» (252—309), представляющая мастерскую монографію о жизни и литературной дѣятельности этого весьма замѣчательнаго и въ свое время очень популярнаго писателя прошлаго столѣтія. «Онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности,—говорить о В. И. Майковѣ нашъ авторъ,—которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка, и которое раздѣляли съ нимъ всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ писателей... Майковъ почерпнулъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни и видѣлъ въ ней не одні отрицательныя стороны». Было бы очень желательно, чтобы и другіе средней величины писатели наши прошлаго столѣтія нашли себѣ такого же опытнаго біографа, какой достался на долю автора «Елисея».

Въ «Литературныхъ мелочахъ Екатерининскаго времени» (310—368) находимъ четыре небольшихъ статьи: «Театральная публика во времена Сумарокова», «Сонъ, Ѳ. А. Эмина», «Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 г.» и «Д. А. Чупятвъ»; особенно замѣчательны изъ этихъ статей первая и четвертая, по заключающимся въ нихъ яркимъ и характеристическимъ чертамъ современнаго быта и общественныхъ нравовъ и понятій.

Наконецъ, сборникъ г. Майкова заключается довольно обширной статьей «Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики» (369—424), которая представляетъ рядъ весьма цѣнныхъ бібліографическихъ замѣчаній и дополненій къ извѣстному труду г. Неустроева «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., бібліографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб. 1874».

Повторяемъ: «Очерки» г. Майкова полны высокаго историко-литературнаго интереса; не смотря на безусловно научный свой характеръ, они читаются съ увлекательной легкостію, а соединеніе этихъ двухъ достоинствъ является у насъ, какъ извѣстно, далеко не обычнымъ. Въ концѣ книги приложенъ «Указатель личныхъ именъ», тщательно составленный и много облегчающій пользованіе ею.

Е. П.

Витебская Старина. Томъ V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Часть I. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1888.

Къ предстоящему 25 марта 1889 г. пятидесятилѣтнему юбилею воссоединенія униатовъ Сѣверо-Западнаго края съ православною церковью готовится нѣсколько изданій, касающихся этого историческаго событія; но всѣхъ ихъ опередилъ сборникъ г. Сапунова. Помѣстивъ въ I-мъ томѣ «Витебской Старины» матеріалы, относящіеся къ исторіи города Витебска, а въ вышедшемъ вслѣдъ затѣмъ IV-мъ томѣ (минуя, по нѣкоторымъ соображеніямъ, II и III томы)—документы, касающіеся завоеванія Иоанномъ Грознымъ Полоцкаго воеводства и обладанія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Полоцкимъ и

Витебскимъ воеводствами,—составитель собралъ въ V томѣ матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи, т. е. той мѣстности, гдѣ было положено начало воссоединенію бѣлорусскихъ униатовъ съ православіемъ составленіемъ 12-го февраля 1839 года соборнаго о томъ акта 24-мя знатнѣйшими духовными лицами.

Собранные въ I-й части V-го тома документы, извлеченные изъ древняго архива Полоцкой духовной консисторіи, доведены до 1772 года; во второй части составитель предполагаетъ помѣстить документы за время съ 1772 по 1839 годъ, а въ третьей—фондуши церквей и монастырей Полоцкой епархіи, инвентари и проч. Разматриваемый томъ, занимающій болѣе 800 страницъ, состоитъ изъ документовъ, появляющихся въ печати, за весьма малымъ исключеніемъ, впервые; изъ нихъ 89 напечатаны вполне, а остальные въ болѣе или менѣе обширныхъ извлеченіяхъ, при чемъ документы на латинскомъ, польскомъ и итальянскомъ языкахъ помѣщены въ переводѣ на русскій языкъ. Этимъ матеріаламъ предпосланъ краткій очеркъ историческихъ судебъ Полоцкой епархіи, начиная отъ введенія въ ней христіанства (по преданію,—апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ) и кончая воссоединеніемъ 1839 года. Не смотря на сравнительную свою краткость, очеркъ отличается полнотою фактовъ и написанъ прекраснымъ языкомъ.

Документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Начиная съ выписокъ изъ русскихъ и литовскихъ лѣтописей, здѣсь встрѣчаемъ грамоты митрополитовъ, литовско-русскихъ князей и польскихъ королей, вкладныя записи, дипломы, привиллегіи, протестаціи, позвы, жалобы, соборныя постановленія, папскія буллы, бреве, индальгенціи и проч. Ко многимъ изъ нихъ сдѣданы подстрочныя примѣчанія, иногда довольно обширныя, а въ концѣ книги приложенъ указатель малопонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ напечатанныхъ актахъ.

Помимо труда по розысканію того или другого документа и разбору огромнаго количества находившихся въ распоряженіи составителя матеріаловъ, не можетъ не войти въ оцѣнку и самый переводъ древнихъ документовъ, одно чтеніе которыхъ требовало не мало усидчивости и извѣстнаго навыка. И все это совершается усиліями одного лица и почти безъ всякихъ вспомогательныхъ денежныхъ средствъ! Мы говоримъ безъ средствъ, потому что нельзя же считать существенными для такого изданія пособія въ двѣсти рублей, отпущенные составителю для IV тома, и триста рублей, полученные имъ для V тома. Это условіе придаетъ особенную цѣну трудамъ составителя и дѣлаетъ честь его настойчивости и энергіи въ избранномъ служеніи исторіи.

Нѣкоторые изъ документовъ приложены къ книгѣ въ видѣ палеографическихъ снимковъ, которые исполнены со всею тщательностію и отчетливостію; кромѣ того, приложено 14 портретовъ историческихъ дѣятелей; воспроизведены они посредствомъ литографіи, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы исполненіе ихъ было удачно; по крайней мѣрѣ въ портретахъ хорошо извѣстныхъ лицъ (какъ напр. бѣлорусскаго архіепископа Георгія Копискаго или митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко) не передано сходства; но эти недостатки дѣлаются извѣтельными, если принять во вниманіе ограниченность средствъ, бывшихъ въ распоряженіи составителя, и затруднительность исполненія въ провинціи работъ подобнаго рода.

Разбираясь въ матеріалахъ по исторіи Полоцкой епархіи, г. Сапуновъ

составилъ и издалъ, одновременно съ V томомъ «Витебской Старины», слѣдующія брошюрки.

1) «Древнія иконы Божіей Матери въ Полоцкой епархіи», съ двумя фотографическими и однимъ ксилографическимъ изображеніями.

2) «Полоцкій Софійскій соборъ», съ фотографическимъ снимкомъ и двумя гравюрами.

3) «Полоцкій Спасо-Евфросиніевскій дѣвичій «монастырь», съ пятью изображеніями.

4) «Житіе преподобной Евфросиніи, княжны полоцкія, по тремъ редакціямъ», съ пятью гравюрами.

5) «Католическая легенда о Параскевѣ, княжнѣ полоцкой», съ рисункомъ креста и изображеніями въ текстѣ.

Указываемъ на эти отдѣльныя изданія, чтобы еще разъ упомянуть имя почтеннаго, трудолюбиваго изслѣдователя витебскихъ памятниковъ древности, г. Сапунова, который, производя научныя изысканія по архивнымъ документамъ и выпуская предпринятое изданіе томъ за томомъ, одинъ солиднѣе другого, неутомимо разрабатываетъ и частности мѣстной исторіи.

М. Г.—цкій.

С. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820 — 1880. Спб. 1889.

Объемистый трудъ г. Трубачева представляетъ почтенную работу, по вопросу весьма любопытному и до сихъ поръ еще никѣмъ не затронутому такъ полно и такъ разносторонно. Авторъ не пожалѣлъ труда на то, чтобы собрать воедино всѣ разрозненные журнальные отзывы о произведеніяхъ Пушкина; не довольствуясь такимъ полнымъ подборомъ мнѣній, онъ постарался обставить эти мнѣнія характеристиками критиковъ и рецензентовъ и даже характеристиками тѣхъ журналовъ, въ которыхъ мнѣнія и отзывы о Пушкинѣ помѣщались въ то или другое время. Авторъ обращаетъ вниманіе даже и на такія критики, которыя, по своему литературному достоинству, рѣшительно не заслуживали бы никакого серьезнаго вниманія (напр. критики «Маяка»); но за то авторъ исчерпываетъ задачу свою вполне и не оставляетъ въ избранномъ вопросѣ никакого мѣста другимъ изслѣдователямъ. Едва ли, однако же, можно согласиться съ г. Трубачевымъ въ его воззрѣніяхъ на критику, поскольку онъ ихъ высказываетъ въ предисловіи къ своему труду? Мы еще понимаемъ, что «по критикѣ той или другой эпохи мы знакомимся съ умственнымъ и эстетическимъ уровнемъ развитія вожаковъ общественнаго мнѣнія»; но мы рѣшительно несогласны съ авторомъ, утверждающимъ, будто бы «по критикѣ мы знакомимся со степенью литературнаго развитія современнаго писателя общества». Критика—у насъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь—представляется намъ дѣломъ личнымъ, плодомъ извѣстнаго личнаго таланта, личнаго развитія, а иногда даже и личнаго вдохновенія. Произведенія лучшаго изъ нашихъ критиковъ, Вѣлинскаго, служатъ тому слишкомъ яснымъ доказательствомъ. Отчасти потому, что г. Трубачевъ, вообще, придаетъ нашей критикѣ очень большое значеніе и нѣсколько преувеличиваетъ ея достоинство, въ книгѣ его сказалось нѣкоторое неумѣнье справиться съ матеріаломъ. Выѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ представителяхъ критической оцѣнки Пушкина—

Н. Полевымъ, Надеждинъ, Бѣлинскомъ, Ал. Григорьевъ и современныхъ намъ взглядахъ на поэзію Пушкина—г. Трубачевъ большую половину своей книги посвятилъ разбору критики, современной Пушкину, вдався въ мелочи, въ разборъ журнальныхъ полемикъ изъ-за Пушкина, въ изложеніе мѣтній Булгарина, Каченовскаго, Сенковского и Мартынова. Загромодивъ книгу этимъ матеріаломъ, г. Трубачевъ увидѣлъ свою ошибку; но уже было поздно: ему жалко было сокращать и соразмѣривать, и онъ предпочелъ сократить важнѣйшій и болѣе близкій къ нашему времени періодъ критики сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Такимъ образомъ, важнѣйшему періоду въ критикѣ г. Трубачевъ посвящаетъ одну восьмую часть своего труда; такое же мѣсто удѣляетъ онъ критикѣ послѣдователей Бѣлинскаго, а шесть восьмыхъ занимаетъ разборомъ періода критики, въ которой заслуживали бы серьезнаго упоминанія только Полевой да Надеждинъ.

Отмѣтимъ и еще одну странность въ разборѣ критики Бѣлинскаго г. Трубачевымъ: — онъ не разбираетъ ее строго и серьезно, а только излагаетъ содержаніе статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, дополняя свое изложеніе нѣсколькими общими взглядами на достоинство и значеніе Бѣлинскаго какъ критика и писателя. Не въ обиду будь сказано молодому ученому, эту-то характеристику Бѣлинскаго и эти общіе взгляды на его литературную дѣятельность мы считаемъ самымъ слабымъ мѣстомъ въ книгѣ Трубачева. Соображая все то, что высказалъ авторъ о Бѣлинскомъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что онъ не былъ достаточно самостоятеленъ въ его оцѣнкѣ и что онъ только старался примѣнить ходячую, избитую (отжившую своей вѣкѣ) характеристику Бѣлинскаго къ задачамъ своего труда. Въ результатѣ получилась значительная шаткость опредѣленій и довольно-странныя противорѣчія, ясно указывающія на то, что Бѣлинскій, со всеми его достоинствами и недостатками, неполнѣ ясенъ и понятенъ г. Трубачеву, какъ критикъ Пушкина и какъ критикъ вообще. За примѣрами ходить недалеко: — стоитъ только развернуть книгу г. Трубачева на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ старается охарактеризовать (и конечно выхвалить) Бѣлинскаго... «Читая и рассматривая статьи Бѣлинскаго», говоритъ авторъ на стр. 244, — «нужно имѣть въ виду періоды въ его дѣятельности, чтобы не приходиться въ недоумѣніе отъ непримиримо-противорѣчивыхъ отзывовъ объ одномъ и томъ же писателѣ»... «Иногда даже встрѣчаемъ противорѣчивые взгляды въ одномъ и томъ же періодѣ дѣятельности, когда въ головѣ Бѣлинскаго одновременно боролись разныя идеи»... «Но все эти противорѣчія и непоследовательности выкупались однимъ вѣчно-цѣннымъ качествомъ, необходимымъ для критика... Это качество—великое (?) эстетическое чувство, составляющее главнѣйшую способность всякаго литературнаго критика. Поэтому-то (?) Бѣлинскій всегда прозрѣвалъ истину, хотя въ большинствѣ случаевъ не всю сразу, а только одну ея сторону, которая соотвѣтствовала теории или идеямъ этой (?) минуты» (стр. 245)... Далѣе, на стр. 248: «Глубокое чувство нравственной правды и человѣческаго достоинства было господствующимъ идеаломъ Бѣлинскаго, хотя подробности и мѣнялись», (какъ могутъ мѣняться «подробности» въ примѣненіи «глубокаго чувства нравственной правды и человѣческаго достоинства» — этого мы не постигаемъ). На слѣдующей страницѣ г. Трубачевъ относится съ полнымъ довѣріемъ къ заявленію Бѣлинскаго, увлекавшагося повизно

въ своихъ воззрѣніяхъ и, позабывая о тѣхъ рѣзкихъ крайностяхъ, до которыхъ дошелъ Вѣлинскій въ послѣдніе годы жизни, прибавляетъ отъ себя: «Если бы Вѣлинскій прожилъ долѣе, онъ, вѣроятно, пережилъ бы еще переломъ, который открылъ бы для критики еще новыя, болѣе плодотворныя начала» (стр. 249). Далѣе, на стр. 257, мы узнаемъ, что періодъ увлеченій Вѣлинскаго Гегелемъ (котораго онъ зналъ изъ третьихъ рукъ, больше по рассказамъ друзей) «былъ и для Вѣлинскаго, и для его читателей превосходной (!) школой философскаго мышленія»... И тутъ же самъ прибавляетъ: «много странностей и даже нелѣпостей наговорилъ Вѣлинскій по милости Гегеля о «Горѣ отъ ума» (стр. 258). Далѣе г. Трубачевъ восхищается третьимъ періодомъ дѣятельности Вѣлинскаго, когда онъ «является публицистомъ» и «съ вдохновенной страстностью пытается разрѣшить рядъ общественныхъ вопросовъ нашей жизни». Еще далѣе читаемъ: «Въ числѣ достоинствъ сочиненія (?) Вѣлинскаго о Пушкинѣ заключается и подыатіе, по поводу произведеній поэта, многихъ вопросовъ нашей жизни, нашей русской дѣятельности. Критикъ говорилъ о семьѣ, о семейныхъ отношеніяхъ, о любви, бракѣ, воспитаніи, о нашемъ бытѣ вообще и объ особенностяхъ нашей исторіи¹⁾» (стр. 311). Если мы сообразимъ все высказанное выше г. Трубачевымъ о Вѣлинскомъ, то прійдемъ къ тому заключенію, что онъ самъ не уяснилъ себѣ достоинствъ и недостатковъ Вѣлинскаго, какъ критика, и даже не сумѣлъ отдѣлать въ немъ критика отъ публициста; а допустивъ это смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ теченій въ дѣятельности Вѣлинскаго, г. Трубачевъ потерялъ подъ ногами почву для оцѣнки Вѣлинскаго, какъ критика вообще, и какъ критика Пушкинской поэзіи, въ частности. Шаткость въ оцѣнкѣ Вѣлинскаго поведла автора, въ дальнѣйшемъ изложеніи его труда, къ новымъ противорѣчіямъ. Онъ не связываетъ журнальную критику 60-хъ годовъ съ дѣятельностью Вѣлинскаго, и порицаетъ въ критикахъ Добролюбова и Писарева именно тѣ крайности, которыя явились прямымъ, логическимъ послѣдствіемъ увлеченій Вѣлинскаго. На стр. 336 г. Трубачевъ изумляется нелѣпости Писаревскихъ сравненій «поэта съ сапожникомъ и часовщикомъ»; а на стр. 257 совершенно спокойно приводитъ дикое сравненіе «Орлеанской Дѣвы» Шиллера «съ бараньимъ пузыремъ», высказанное Вѣлинскимъ.

Помимо этой шаткости во взглядахъ на Вѣлинскаго, въ которой мы вовсе и не винимъ молодого ученаго, потому что онъ, конечно, еще живетъ взглядами, недавно-преподанными ему съ университетской кафедрѣ, мы признаемъ въ книгѣ г. Трубачева большія достоинства. Добросовѣстно исчерпавъ весь скучный и никѣмъ еще серьезно-неразобранный матеріалъ критики, современной Пушкину, г. Трубачевъ выказалъ и охоту, и умѣнье, въ разработкѣ сложныхъ литературныхъ задачъ, которыхъ еще такъ много въ области нашей новой и новѣйшей литературы. Полагаемъ что, со временемъ, когда выборъ задачи будетъ вполне зависѣть отъ самого г. Трубачева, онъ сумѣетъ избрать такую тему, которая была бы ему вполне по силамъ, и къ обработкѣ ея приложить тѣ прекрасныя задатки, которыми его не обдѣлила природа.

П. П.

¹⁾ Которую, кстати сказать, онъ не зналъ, да и знать не могъ.

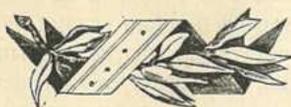
Уніатскіе церковныя соборы съ конца XVI вѣка до возсоединенія уніатовъ съ православною церковію. Составилъ Иванъ Стрѣльбицкій. Вильна. 1888.

Трудъ И. Стрѣльбицкаго заключаетъ въ себѣ исторію пяти уніатскихъ соборовъ: Брестскаго, провозгласившаго въ 1596 году унію западно-русской православной церкви съ римско-католическою; Новогрудскаго, установившаго въ 1617 году орденъ базилианъ по образцу іезуитскаго ордена; Кобринскаго (1626 года), имѣвшаго задачей, посредствомъ устройства семинаріи, подготовить для уніатской церкви, подобно латинской, безбрачныхъ священниковъ, но недостигшаго этой цѣли по случаю обращенія собранныхъ на семинарію суммъ для военныхъ надобностей Польши; Львовскаго (1629 г.), посредствомъ котораго уніаты тщетно стремились, если не привлечь къ уніи православныхъ, то установить съ ними мирныя отношенія; наконецъ, знаменитаго Замостьскаго собора 1720 года, созданнаго съ цѣлью возстановленія упавшей дисциплины въ уніатской церкви и возвращенія испорченныхъ обычаевъ къ своему первоначальному виду, но, взявъ сего, упрочившаго латинскіе обряды въ уніи и принудившаго уніатскихъ іерарховъ принять всѣ догматы римской церкви. Для людей, интересующихся уніей, трудъ г. Стрѣльбицкаго несомнѣно важенъ, составляя часть общей ея исторіи. Какъ произведеніе іезуитскаго прозелетизма, уніа и въ соборахъ своихъ проявилась въ томъ же отрицательномъ, тонко замаскированномъ направленіи, какое лежало въ основѣ ея самой. Выразившись на первомъ соборѣ (Брестскомъ) однимъ лишь признаніемъ іерархическаго главенства римскаго папы надъ западно-русскою православною церковію, уніа путемъ дальнѣйшихъ соборныхъ постановленій обратилась въ положеніе, мало чѣмъ отличавшее ее отъ римскаго католицизма. Но все это объяснялось необходимостью церковнаго благоустройства и освящалось «отеческою» заботливостью главы церкви и «любовью о Господѣ къ любезной русской націи». Задумчивость, сердечность, уваженіе къ святымъ обрядамъ восточной церкви,—вотъ чѣмъ наполнены панскія бреве, многократно издававшіяся яко бы въ защиту уніатской церкви и ея древнихъ традицій. На дѣлѣ выходило иное и уніатская церковь, послѣдовательно, твердо и систематично, превращалась въ латинство.

Исторіи уніатскихъ соборовъ авторъ предпослалъ краткій очеркъ о мѣрахъ, подготовлявшихъ церковную унію, а въ заключеніе выставилъ судьбы уніи послѣ Замостьскаго собора включительно до возсоединенія въ 1839 г. западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію.

Первоначально трудъ г. Стрѣльбицкаго былъ напечатанъ въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

М. Г.—цкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Панславистскій конгрессъ въ Прагѣ.—Книга русскаго профессора о Германіи въ оцѣнкѣ французской критики.—Англійская книга о грузинскомъ королевствѣ.—Англичане недовольные графомъ Л. Н. Толстымъ.—Императорская драма въ Берлинѣ.—Придворная исторія императора Вильгельма I.—Второй томъ исторіи израильскаго народа Ренана.—Исторія трехъ Карно.

АХЕРЪ МАХОУ, извѣстный писатель славянскаго происхожденія, —отъ примѣси еврейскаго элемента онъ энергично отказывается—напечаталъ по поводу волненій въ Чехіи и горячихъ рѣчей Грегра въ парламентѣ свои воспоминанія о панславистскомъ конгрессѣ въ Прагѣ (Le congrès panslaviste à Prague). Великое движеніе 1848 года, —говоритъ авторъ, —имѣло сначала чисто политическій оттѣнокъ, но къ нему скоро примѣшались національныя стремленія и отодвинули на второй планъ общегражданскіе интересы. До этого времени Прага была чисто нѣмецкимъ городомъ, но когда созванъ былъ нѣмецкій парламентъ во Франкфуртѣ, журналистъ Суселька обнародовалъ воззваніе къ славянамъ Чехіи, приглашая ихъ отправить депутатовъ въ открывшееся собраніе. Поэтъ Ламбль написалъ по этому случаю довольно тривиальную пѣсню, которую уличные мальчишки распѣвали на мотивъ знакомой всѣмъ народной мелодіи. Пѣсня начиналась такъ: «Суселька намъ пишетъ, что нѣмцы сочиняютъ свою имперію, что у нихъ подвело животы, но мы не хотимъ имѣть дѣла съ нѣмцами-плутами: они заварили кашу, пускай же сами и расхлебываютъ ее». Дѣйствительно, нѣмцы старались всѣми силами подавлять чешскую національность, запрещали печатать на чешскомъ языкѣ даже приглашенія на обѣды и визитныя карточки, требовали, чтобы чешскія книги печатались готическимъ шрифтомъ, преслѣдовали воспоминанія о гуситахъ и Подѣбрадѣ, стихи Колара и Челяковскаго, поэмы о Властѣ, чешской амазонкѣ и о Жи-

шкѣ—Альфреда Мейснера. Но славянское движеніе, грозившее такою опасностью нѣмцамъ, имѣло и свою комическую сторону. Прага, въ маѣ 1848 года, точно справляла какой-то фантастическій карнавалъ. На улицахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, появлялись странные маскарадные костюмы. Поляки, венгерцы, щеголяли національнымъ убранствомъ; чехи, изъ ненависти къ нѣмецкому сюртуку, сочинили себѣ средневѣковый нарядъ, члены общества «Согласіе» (Swornost) ходили съ алебардами, въ сѣрыхъ панталонахъ въ обтяжку, въ казакинахъ съ красными жгутами, въ колпакахъ изъ овчины, чешскіе студенты — въ голубыхъ казакинахъ, отороченныхъ бѣлымъ мѣхомъ, въ красныхъ шапкахъ, съ кривыми саблями на боку. Чешскій трибунъ Фастеръ прогуливался въ костюмѣ короля Подѣбрада. На улицахъ пестрѣли сарафаны, кокошники, кацавейки, даже овчинные тулупы. Женщины носили славянскія дѣвѣта: бѣлая платя съ синимъ корсажемъ и красныя шапочки на головахъ. Всѣ эти маскарадные костюмы, въ которыхъ преобладали мѣха—необходимая принадлежность славянскаго наряда даже въ лѣтніе жары, вызвали злую насмѣшку Гейне: «сладко не только умереть, но и потѣть за отечество». За эту выходку еврейскаго поэта, не щадившаго ни славянъ, ни нѣмцевъ, на него негодовали больше всего чешскія дамы, носившія на поясъ, подъ кацавейкой, не только маленькіе пистолеты и кинжалы, но и красныя веревки, для связыванія пойманныхъ враговъ отечества. Во главѣ недовольныхъ была баронесса Нейпергъ, носившая еще подъ своей красной бархатной кацавейкой, обшитой горностаемъ, казацкій кнутъ, а дома сидѣвшая на подушкахъ покрытыхъ медвѣжьей шкурой. Но, наряду съ этими фантастическими выходками проявлялось серьезное движеніе: въ отвѣтъ на призваніе франкфуртскаго парламента—установить единство Германіи, чешскіе вожди созвали въ Прагѣ панславистскій конгрессъ, на который собрались представители всего славянства; между ними было даже нѣсколько русскихъ эмигрантовъ съ пресловутымъ Бакунинымъ во главѣ. Но на первой же сходкѣ славянскаго конгресса въ національномъ музеѣ, сдѣлано было печальное открытіе: представители славянскихъ племенъ не понимали другъ друга. Предложили для общія мыслей международный французскій языкъ, но онъ былъ почти вовсе незнакомъ большинству славянъ, пришлось прибѣгнуть къ ненавистному нѣмецкому диалекту. Конгрессъ открылся торжественной обѣдой по греческому обряду; служилъ сербскій священникъ у подножія памятника святому Вячеславу. Оттуда блестящая процессія направилась къ музею, гдѣ открылись засѣданія конгресса. Но съ первыхъ же шаговъ обнаружилась рознь между стремленіями отдѣльныхъ племенъ и убѣдились въ невозможности согласить ихъ интересы. Поляки и мадьяры держали сторону вѣнскихъ агитаторовъ, тогда какъ хорваты и галицкіе русины были на сторонѣ австрійскаго правительства, сербы стремились къ соединенію съ своими братьями въ сербскомъ княжествѣ и турецкой Сербіи, словенцы и словаки выбивались изъ-подъ власти мадьяръ, чехи мечтали объ отдѣльномъ политическомъ существованіи. Не смотря на взаимную вражду всѣхъ племенъ, Захеръ Мавохъ считаетъ этотъ первый, хотя и неудавшійся славянскій конгрессъ важнымъ шагомъ на пути къ будущему единенію славянства. Онъ находитъ даже многія мнѣнія объ этомъ Бакунина вполне основательными. Такъ онъ былъ убѣжденъ, что для успѣха славянскаго движенія во главѣ его должна стать сильная держава, съ хорошо дисциплинированной арміей. «А у Бакунина еще не было тогда такого сильнаго аргумента въ подтвержденіе своего

мнѣнія, какъ участіе Піемонта и Пруссіи въ объединеніи Італіи и Германіи»,—прибавляетъ Захеръ Мазохъ. Разница въ нарѣчіяхъ не должна также, по мнѣнію Бакунина, мѣшать единенію: сербскій или чешскій крестьянинъ скорѣе поймутъ поляка или малоросса, чѣмъ пруссака баварца или неаполитанецъ піемонтца. Общеславянскимъ и литературнымъ языкомъ долженъ быть, конечно, русскій языкъ, что признаютъ теперь, черезъ сорокъ лѣтъ уже все южныя славяне. Бакунинъ стоялъ за славянскую федерацію, подъ гегемоніей Россіи.

— Луи Леже обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на книгу русскаго профессора о Германіи (*L'Allemagne jugée par un russe*). Когда французъ принимается описывать Россію или Германію, можно заранѣе знать, въ какомъ духѣ онъ будетъ говорить объ этихъ странахъ. Отъ нѣмца также трудно ожидать благоприятнаго отзыва о державѣ, отказавшейся идти на берлинскихъ помочахъ. Только русскій можетъ безпристрастно отнестись къ своему западному сосѣду, что и сдѣлалъ профессоръ Модестовъ въ своей книгѣ «О Германіи». Авторъ не дипломатъ и потому не благоговѣетъ передъ премудростію нѣмецкой политики, но онъ въ то же время и не самобытникъ, съ пренебреженіемъ относящійся къ гнилому западу. Онъ—ученый, близко знающій латинскій языкъ, учрежденія древняго Рима и современной Германіи, ея школьныя учрежденія и университетскій бытъ. Въ своихъ статьяхъ объ этихъ предметахъ авторъ пользуется и французскими сочиненіями: статьями Лависса, Жюля Лермина, Дронсара. Онъ различаетъ двѣ Германіи: одну—князя Бисмарка, властолюбивую, заносчивую, жадную къ захватамъ, вѣчно всею угрожающую. Но существуетъ и другая Германія, мирная, трудолюбивая, гнушающаяся насиліемъ, искренняя, хотя и не играющая теперь никакой роли. Г. Модестовъ говоритъ, что Германія Лессинга, Гёте, Канта, переживетъ двадцать Бисмарковъ, но Луи Леже находитъ, что придется ждать слишкомъ долго, чтобы уничтожить бисмарковскій девизъ: «сила выше права». Достаточно и одного Бисмарка, чтобы надолго затормозить всякій прогрессъ въ Европѣ, благосостояніе всѣхъ странъ, изнемогающихъ подъ бременемъ непосильныхъ расходовъ, чтобы имѣть возможность отклонить отъ своего отечества эту вѣчную угрозу милліонами штыковъ. Будемъ надѣяться, напротивъ, что судьба избавитъ насъ и отъ втораго Бисмарка, хотя бы преемственнаго, какъ она избавила насъ отъ одновременнаго существованія двухъ Бисмарковъ въ разныхъ странахъ. Вѣдь тогда страшное столкновеніе между такими противниками было бы неминуемо.

— Какой-то благополучный англичанинъ написалъ книгу о «грузинскомъ королевствѣ, по замѣткамъ о путешествіи въ страну женщинъ, вина и пѣсень» (*The kingdom of Georgia: notes of travel in a land of women, wine and song, by Oliver Wardrope*). Гдѣ нашель авторъ это королевство, уже почти сто лѣтъ составляющее часть Россіи? Вѣдь послѣ этого и поѣздку по Волгѣ любой туристъ можетъ назвать путешествіемъ въ казанское или астраханское царство. Природу и мѣстности Грузинъ описывали въ своихъ «путеводителяхъ» командоръ Буханъ Тельферъ и Врейсъ. Къ географическимъ и живописнымъ картинамъ Вардропъ прибавилъ исторію и литературу страны, хотя изложенныя весьма поверхностно. Въ Тифлисѣ онъ попалъ черезъ Батумъ и начинаетъ съ описанія этого города, которому суждено, въ близкомъ будущемъ, превратиться въ центръ торговли на южномъ побережьи Чернаго моря, какъ превратилась когда-то, на сѣверномъ берегу

татарская деревушка Гаджибей въ богатую Одессу. Тифлисъ авторъ признаетъ однимъ изъ очаровательныхъ уголковъ земного шара. Названіе города онъ производитъ отъ индо-европейскаго корня тепъ, Тѣфра, теплица. Сходство созвучій здѣсь, однако, совершенно случайное, какъ замѣчаетъ критикъ журнала «Academy» Морфиль, такое же, какъ въ славянской «кингѣ», китайскомъ «кингѣ» и англійскомъ king. Въ первобытныхъ жителяхъ Грузіи лазахъ, сванетахъ, мингрельцахъ нѣтъ ничего индо-европейскаго. Литературными представителями современной Грузіи авторъ называетъ князей Чавчавадзе и Мачабели, переводчика шекспировскихъ пьесъ на грузинскій языкъ. Первобытная исторія племени картвели, какъ называютъ себя грузины, баснословна. Ихъ царь Фарнабазъ, изобрѣтатель гражданскаго алфавита, долженъ быть приписанъ къ миамамъ. Достоверная исторія царства, распространявшаго свои границы гораздо далѣе нынѣшнихъ предѣловъ, начинается ровно 800 лѣтъ назадъ, съ Давида II, основателя династіи Багратидовъ, т. е. съ 1089 года. Знаменитая Тамара, оставившая въ странѣ столько преданій, царствовала съ 1184 года. Это была золотой вѣкъ политическаго развитія Грузіи, оставившій многочисленныя слѣды въ общественныхъ постройкахъ, сохранившіеся до нашего времени. Броссе перевелъ на французскій языкъ хроники грузинскихъ династій, но онъ мало достоверны, хотя Вардропъ распространяется о подвигахъ разныхъ Багратидовъ и Вахтанговъ на основаніи хроникъ. Но хроники не называютъ, напримѣръ, даже царя Фарасмана, а между тѣмъ римскій императоръ Веспасіанъ заключилъ съ нимъ союзъ, что доказываетъ и римская надпись на камнѣ, найденная близъ Мцхета. Страна страшно пострадала отъ нашествія татаръ, черкесовъ, турокъ и персіянъ. Къ опустошеніямъ, причиняемымъ вѣдшими врагами, присоединялись раздоры мелкихъ князей-феодаловъ, постоянно враждовавшихъ между собою. Но еще болѣе вреда странѣ, чѣмъ войны мингрельскихъ и имеретинскихъ царей между собою, принесли турки, всюду истреблявшіе христіанство. Лазы, народъ несомнѣнно грузинскаго племени, занимавшій берега Чернаго моря до Тривизонда, сдѣлались непримиримыми врагами своихъ прежнихъ братьевъ, принявъ исламъ. Англійскій авторъ, враждебно относящійся ко всему русскому, сожалѣетъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, но англійскій критикъ осуждаетъ его за это: безъ помощи единовѣрной Россіи, грузинское племя исчезло бы изъ числа европейскихъ народовъ. Персидскій шахъ, взявъ Тифлисъ въ 1795 году, оставилъ въ немъ однѣ развалины. Присоединеніе царства къ Россіи въ 1800 году оградило его отъ непріятельскихъ вторженій. Всѣ послѣдующія попытки турокъ, во время ихъ войнъ съ Россіею, поднять возстаніе въ Грузіи были напрасны, такъ же какъ и ожиданія англичанъ, въ родѣ Вардрона, что Грузія возвратитъ свою независимость. Книга его оканчивается интересными замѣтками о грузинской литературѣ, о поэмѣ Шота Руставели «Барсова кожа», произведеніяхъ царя Вахтанга VI, Сухана Орбелиани, Васраміани и др. Вардропъ сознается, что въ то время, когда въ Турціи строго запрещается печатаніе и продажа свѣтскихъ и историческихъ книгъ на армянскомъ языкѣ, русское правительство само издаетъ произведенія грузинской литературы.

— Къ переводамъ сочиненій Л. Н. Толстого англичане относятся гораздо строже и сдержаннѣе чѣмъ французы. Такъ, отзываясь съ похвалою и о содержаніи, и о переводѣ «Дѣтства, отрочества и юности» (Childhood, Boyhood and Youth) критикъ «Атенеума» остается недоволенъ и фабулой и

переводомъ «Ивана Ильича» и другихъ повѣстей (*Jvan Ilyitch and other stories, by count Lyof N. Tolstoi. Translated from the russian by N. H. Dole*). Критикъ находитъ, что не смотря на популярность Толстого, его тяжелый аналитическій методъ и нерѣдко темный слогъ врядъ ли найдутъ много поклонниковъ между англійскими читателями, любящими сенсационные и ясные рассказы. Странная, полная фатализма исторія Ивана Ильича еще болѣе теряетъ въ неуклюжемъ переводѣ Доля, очевидно, плохо знакомаго съ русскимъ языкомъ. Онъ не даетъ себѣ труда переводить даже такія слова, какъ *shuba*, а въ предисловіи приглашаетъ публику читать между строками, что уже совершенно не въ обычаѣ англійскихъ читателей, непонимающихъ необходимости маскировать свои мысли цензуры ради. Слогъ Толстого своеобразенъ, но нѣтъ никакой необходимости передавать его по-англійски буквально. Переводъ долженъ согласоваться съ законами того языка, на которомъ является произведеніе, а не того, съ котораго оно взято. Критикъ хвалитъ только рассказъ Толстого «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» (*Where love is, God is also*) и находитъ его лучше рассказа «Чѣмъ люди живы» (*What makes people to live*).

— Странная драма разыгравшаяся въ семействѣ австрійскаго императора и окончившаяся самоубійствомъ наслѣдника престола эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной, баронессы Маріи Вечера, напомнила и о другой «императорской драмѣ», недавно случившейся въ семействѣ Гогенцоллерновъ и о которой также «теперь говорятъ въ Берлинѣ», какъ въ Вѣнѣ о смерти Рудольфа. Въ Парижѣ вышла о берлинской драмѣ цѣлая книга: «*Drame impérial. Ce que l'on ne peut pas dire à Berlin, par Jean de Bonnefond*». Авторъ этой книги, въ высшей степени занимающей французовъ, одинъ изъ журналистовъ, высланныхъ въ послѣднее время гуртомъ изъ Берлина въ качествѣ корреспондентовъ разныхъ парижскихъ газетъ. Понятно, что въ столицѣ Германіи, какъ и въ столицѣ Австріи, не любятъ гласности (въ Вѣнѣ сначала извѣстили вѣрноподанныхъ, что принцъ скончался отъ паралича сердца), но непонятно, какъ высылая журналистовъ не сообразили, что живя въ чужомъ государствѣ они не позволяютъ себѣ сказать объ немъ ничего рѣзкаго, тогда какъ выгнанные безъ всякаго повода и раздраженные несправедливостью, они, у себя дома, не станутъ церемониться и выскажутъ гораздо больше того, о чемъ сообщали въ газеты. Такъ случилось и теперь. Вонфонъ былъ больше года серьезнымъ корреспондентомъ монархической газеты «*Le Gaulois*», но не писалъ панегириковъ Висмарку и былъ высланъ имъ за одно съ другими пятью журналистами, не только изъ столицы Германіи, но и съ территоріи имперіи. Теперь онъ рассказываетъ, что случилось въ ней въ прошломъ году, оставаясь не только на смерти двухъ императоровъ и воцареніи третьяго, но и на судьбѣ вдовы Фридриха III, которая, по его мнѣнію, несетъ тяжелую судьбу вдовы императоровъ Наполеона III и Максимилиана австрійскаго. Съ первыхъ же страницъ своей книги Вонфонъ рассказываетъ сцены, о которыхъ упоминалось въ газетахъ только намеками, подтвержденія которыхъ надо ждать отъ лицъ компетентныхъ, а не отъ репортеровъ собирающихъ всякіе слухи, особенно обильные и нелѣпые тамъ, гдѣ принимаютъ всѣ мѣры, чтобы въ публику не проникали извѣстія, непріятныя правительству. Такъ Вонфонъ увѣряетъ, что докторъ Макензи, въ отвѣтъ на разпросы императрицы Викторіи о причинѣ горловой болѣзни Фридриха III, объявилъ, что это вовсе не

ракъ, а другая, болѣе злокачественная, застарѣлая болѣзнь, которою покойный страдалъ со времени открытія Суэзскаго канала. Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ Макензи, изданной въ Лондонѣ въ прошломъ году и англійскому доктору слѣдовало бы категорически опровергнуть слова французскаго журналиста, слишкомъ довѣрчиво относящагося ко всякой сплетнѣ. Къ тому же разряду придворныхъ сплетней относятся и толки о какихъ-то важныхъ бумагахъ Фридриха, увезенныхъ въ Лондонъ и возвращенія которыхъ напрасно требуетъ прусскій дворъ. По поводу ихъ Бонфонъ приводитъ даже письмо отъ 25-го іюня, въ которомъ говорится, что документы эти не могутъ быть возвращены, потому что составляютъ силу и защиту несправедливо преслѣдуемой особы, которая безъ нихъ была бы не въ безопасности въ Германіи. Пока они хранятся въ Лондонѣ—ей нечего опасаться. Подобныхъ странныхъ извѣстій, не подтвержденныхъ другими источниками, не мало въ книгѣ Бонфона и если имъ вѣрить хоть на половину, императорская драма въ Берлинѣ также мрачна и таинственна, какъ и разыгравшаяся въ Мейерлингѣ, хотя и безъ кровавой развязки. Исторія, конечно, разъяснить со временемъ всѣ эти загадочныя событія, которыя еще не могутъ сдѣлаться достояніемъ гласности.

— Нельзя сказать, чтобы въ виду враждебныхъ отношеній къ своимъ зарейнскимъ сосѣдямъ французы издавали о нѣмцахъ только непріятныя книги. Въ Парижѣ успѣли перевести три объемистые тома извѣстнаго придворнаго паразита Шнейдера объ императорѣ Вильгельмѣ I, вышедшіе въ концѣ прошлаго года: *L'empereur Geillaume I. Souvenirs intimes revues et annotés par l'empereur sur le manuscrit original de Louis Schneider, traduit de l'allemand par Ch. Rabany*. И авторъ, и переводчикъ этого тяжеловѣснаго панегирика особенно настаиваютъ на томъ обстоятельстве, что онъ былъ пересмотрѣнъ и снабженъ примѣчаніями самимъ Вильгельмомъ I. Понятно, что въ такомъ сочиненіи не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь критическомъ отношеніи къ біографіи императора, человѣка вполне достойнаго, но имѣвшаго свои слабости и дѣлавшаго политическіе промахи. Да и авторъ книги, по своей натурѣ склонный только къ лести и подслуживанью, и не могъ быть безпристрастнымъ цѣнителемъ дѣяній историческаго лица. Происходя изъ низкаго званія, плохой актеръ въ молодости и бездарный писатель подъ старость, Шнейдеръ сумѣлъ пролѣзть въ придворныя сферы и почти сорокъ лѣтъ пользовался благосклонностью монарха, строгаго блюстителя придворнаго этикета, дворянскихъ привилегій, наслѣдственныхъ правъ и своего сана. Какимъ образомъ этотъ пролазъ, надъ которымъ сначала потѣшались придворные лакеи, втерся въ довѣренность императора и приобрѣлъ положеніе, которому завидовали генералы и министры—дѣлается понятнымъ, когда ближе знакомишься съ характеромъ самодержца, при которомъ такъ хорошо живется пронырамъ, обладающимъ усердіемъ всепревозмогающимъ и тонкою лестью, скрытою подъ неограниченною преданностью и вѣрноподданническою услужливостью. Удивленіе къ высокимъ качествамъ господина не могло конечно ограничиться нѣмымъ преклоненіемъ передъ нимъ и вылилось на бумагу въ дневникѣ о подвигахъ императора. Въ рассказѣ объ этихъ подвигахъ могли встрѣтиться недомолвки, неточности, а суровая муза исторіи не допускаетъ невѣрныхъ отзывовъ о дѣяніяхъ монарховъ—и вотъ престарѣлый Вильгельмъ беретъ на себя трудъ исправить, пополнить замѣтки своего преданнаго слуги, а слуга печатаетъ эти замѣтки,

гордясь такимъ высокимъ сотрудничествомъ. Книга Шнейдера конечно не исторія, но безъ нея не обойдется историкъ Вильгельма I. Въ ней столько интимныхъ подробностей, точныхъ данныхъ, вѣрныхъ цифръ и извѣстій, анекдотовъ, замѣтокъ о привычкахъ, занятіяхъ, взглядахъ, наклонностяхъ императора—что характеристика его какъ человека будетъ неполна безъ комментарій Шнейдера. Правда, въ цѣломъ книга его скучна, монотонна, наполнена множествомъ никому и ни къ чему не пригодныхъ мелочей, но изъ нихъ можно все-таки извлечь любопытныя черты, рисующія Вильгельма такимъ, какъ онъ хотѣлъ показаться потомству.

— Вышелъ второй томъ «Исторіи израильскаго народа» Ренана (*Histoire du peuple d'Israël par E. Renan*). Изъ тридцати томовъ изданныхъ этимъ талантливымъ писателемъ, почти во всѣхъ изученіе религіи является если не главнымъ предметомъ, то проходитъ основною красною нитью по всѣмъ изслѣдованіямъ писателя. Нить эта видна, какъ въ его подготовительныхъ трудахъ къ исторіи христіанства: «Финикійская миссія», «Исторія семитическихъ языковъ» такъ и въ «Философскихъ драмахъ» и даже въ «Воспоминаніяхъ дѣтства». Доведа исторію новой религіи до Марка Аврелія, когда она, устоявъ подъ ударами самаго страшнаго врага ея—ученія стоицизма, утвердилась прочно на основаніяхъ, продолжая вполнѣтствіи только развивать свои догматы, Ренанъ вернулся назадъ къ источникамъ религіознаго движенія и написалъ два тома исторіи народа израильскаго. Остается еще два для довершенія громаднаго труда, и тогда, говоритъ онъ въ предисловіи, я могу сказать себѣ, какъ Симеонъ: «*nunc dimittis*». Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ разсказъ отъ утвержденія царства Давида въ Иерусалимѣ до взятія Самаріи (1025—720 г.). Эти три вѣка едва ли не самыя важныя въ исторіи Палестины. Характеристики Давида и Соломона, блескъ и могущество объединеннаго царства, распаденіе его при преемникахъ Соломона, подпаденіе сѣверной части царства подъ власть Ассиріи,—таковъ историческій фонъ этой эпохи Израиля; но у этого народа историческія событія составляютъ только рамку религіознаго движенія. Избранный народъ преобразуется въ эту эпоху радикально: развитіе монотеизма, возвращеніе къ идеаламъ патриархальной жизни, появленіе великихъ пророковъ: Іліи, Елисея, Амоса, Исаи, становящихся во главѣ моральнаго возрожденія народа—вотъ главные фазисы религіозной исторіи этой эпохи. Критическій методъ, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ новомъ трудѣ—тотъ же самый какъ и въ другихъ его произведеніяхъ: Ренанъ основываетъ свои выводы и на апокрифическихъ документахъ, чаще сомнѣвается чѣмъ утверждаетъ, вездѣ употребляетъ выраженія: какъ кажется, весьма возможно и т. п. Эта нерѣшительность въ твердыхъ выводахъ и возстановляетъ противъ него нѣмецкихъ историковъ, хотя ихъ математическая точность въ рѣшеніи моральныхъ и религіозныхъ вопросовъ также нерѣдко сомнительна передъ судомъ непреложной критики. Ренанъ не уничтожаетъ народныя мненія и преданія, онъ видитъ въ нихъ историческую основу и старается очистить отъ легендъ, наросшихъ на нее въ теченіе вѣковъ. И какія мастерскія картины рисуетъ онъ нѣсколькими штрихами, какъ напримѣръ—вторую Ассирійскую монархію «съ ея милитаризмомъ, искусною поліорцетикою, варварскими правами, съ километрами барельефовъ представляющихъ счетъ отрѣзанныхъ непріятельскихъ головъ». Но не говоря о пресходномъ языкѣ Ренана, основная мысль его о постоянномъ прогрессѣ въ

человѣчествѣ проходить и въ этомъ сочиненіи. «Все, что не содѣйствуетъ развитію добра и правды — исчезаетъ какъ мыльный пузырь, какъ гнилое дерево».

— И у республиканцевъ есть льстецы. Услужливый еврей, Маврикій Дрейфусъ, написалъ исторію «Трехъ Карно» (*Les trois Carnot. Histoire de cent ans. 1789—1888*), со множествомъ гравюръ, рисунковъ, плановъ, автографовъ, снимковъ съ подлинныхъ документовъ, и проч. и проч. Изданіе роскошное, но которое и въ Парижѣ принято неодобрительно, какъ составленное явно для прославленія не двухъ первыхъ, а третьяго Карно, оказавшагося на президентскомъ мѣстѣ такою же безвѣстной ничтожностью, какою онъ былъ и до того момента, когда его выбрали главою республики, за немѣнимъ въ ней никого сколько-нибудь подходящаго для занятія этого поста, — какъ выбрали конкурентомъ Буланже какого-то радикальнаго кабатчика или кабацкаго радикала. Выборы Карно и Жака и почти всѣхъ депутатовъ да и самого Буланже, какъ главы національнаго движенія—доказали только печальную истину, что Франція вырождается и что въ ея современномъ обществѣ нѣтъ сколько-нибудь выдающихся политическихъ и гражданскихъ личностей. Это видно и изъ книги Дрейфуса, при сравненіи біографій отца, сына и внука. Лазарь Карно, членъ конвента, инженеръ математикъ, политическій писатель, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и честныхъ дѣятелей революціи. Посланный въ сѣверную армію, онъ одержалъ побѣду при Ватиньи, остановивъ успѣхи непріятели. Отозванный въ Парижъ, онъ завѣдывалъ въ комитетѣ общественаго благосостоянія устройствомъ военныхъ операцій и его искуснымъ распоряженіемъ республиканская армія обязана столько же своими побѣдами, какъ и храбрости своихъ генераловъ. Его прозвали «организаторомъ побѣдъ», а напоминаніе о его заслугахъ спасло его отъ проскрипціи послѣ 1-го преріала. Избранный членомъ директоріи, онъ въ 1797 году подвергся гоненію реакціонной партіи и осужденный въ ссылку послѣ переворота 18-го фруктидора, спасся бѣгствомъ въ Германію. Тамъ онъ написалъ мемуары, оправдывающіе всѣ его дѣянія и вернулся въ Парижъ послѣ 18-го брюмера. Наполеонъ сдѣлалъ его военнымъ министромъ, но строгій республиканецъ разгадалъ скоро честолюбивые замыслы авантюриста и вышелъ въ отставку. Его избрали въ члены трибуната и онъ всѣми силами противодействовалъ избранію Наполеона въ пожизненные консулы, потомъ въ императоры. Живя частнымъ человѣкомъ до 1813 года, когда противъ Франціи составила коалиція, онъ предложилъ свою шпагу Наполеону и тотъ поручилъ ему защиту Антверпена, который Карно сдалъ только по заключеніи парижскаго мира. Министръ внутреннихъ дѣлъ во время ста дней, онъ былъ изгнанъ Людовикомъ XVIII, жилъ нѣсколько времени въ Варшавѣ и умеръ 70-ти лѣтъ въ Магдебургѣ, оставивъ громкое, незапятнанное имя и много сочиненій по математикѣ, военному искусству и политическимъ вопросамъ. Сынъ его былъ однимъ изъ ревностныхъ послѣдователей сенсимонизма, но отдѣлился отъ него, когда Анфантенъ ввелъ въ это ученіе чувственный элементъ, «организовалъ прелюбодѣяніе», какъ выразился Карно. Оппозиціонный депутатъ во время іюльской монархіи, онъ послѣ февральской революціи сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, принесъ много пользы по устройству первоначальнаго обученія, но его крайнія демократическія и отчасти социалистическія убѣжденія принудили его оставить министерство. Во время импе-

ріи онъ былъ всегда въ оппозиціи, республика сдѣлала его несмѣняемымъ сенаторомъ. Онъ оставилъ также много серьезныхъ и дѣльныхъ сочиненій. Что же сдѣлалъ сынъ его, Сади-Карно, нынѣшній президентъ? Какъ инженеръ и членъ палаты депутатовъ, онъ занимался разработкою вопросовъ по желѣзнымъ дорогамъ, навигаціи, общественнымъ постройкамъ, былъ министромъ въ злосчастномъ кабинетѣ Жюля Ферри, перевелъ книгу Милля о революціи 1848 года, — заслуги неважныя, чтобы стать во главѣ французской республики — какъ ни старается раздуть ихъ его усердный біографъ, умалчивающій о томъ, что къ 1870 году, когда вся молодежь шла въ волонтеры и вольные стрѣлки, 33-хъ лѣтній Карно занимался только исправленіемъ географическихъ картъ да сочинилъ какую-то митральезу.

С М Ъ С Ъ.

ВАДЦАТИПЯТИЛѢТНЯЯ годовщина земскихъ учреждений. Четвертьвѣковая годовщина введенія въ Россіи земскихъ учреждений прошла почти незамѣтно и безъ всякихъ торжествъ. Москва и провинціальныя газеты посвятили болѣе или менѣе обширныя статьи и теплыя воспоминанія объ одной изъ самыхъ крупныхъ реформъ прошлаго царствованія, тогда какъ Петербургскія газеты отозвались въ весьма сухихъ и короткихъ замѣткахъ. Московскіе губернскіе гласные по крайней мѣрѣ пообѣдали въ гостинницѣ «Эрмитажъ» по случаю юбилея. На обѣдѣ присутствовали испра-

вляющій должность московскаго губернскаго предводителя дворянства кн. П. Н. Трубецкой, уѣздные предводители дворянства, председатели и члены губернской и уѣздной управъ, представители московскаго городского общественнаго управленія, земскіе и городскіе санитарные врачи и нѣкоторые представители мѣстной прессы. Всего въ обѣдѣ участвовало ровно 100 чело-вѣкъ земскихъ гласныхъ и лицъ, сочувствующихъ земскимъ учреждениямъ. Первый тостъ провозглашенъ былъ кн. П. Н. Трубецкимъ за здоровье Государя Императора и встрѣченъ громкими криками «ура». Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ тостовъ и рѣчей. Особенно выдѣлилась прекрасная рѣчь, произнесенная бывшимъ въ 60-хъ годахъ московскимъ головою, княземъ А. А. Щербатовымъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ, — началъ ораторъ, — я покинулъ земскую дѣятельность, но не отъ равнодушія къ ней: любовь моя къ земству и теперь такъ же горяча, какъ въ молодости. Это даетъ мнѣ право говорить о прошедшемъ, связать его съ настоящимъ и будущимъ. Не одни мы, но сама исторія скажетъ: «вѣчная память императору Александру II за всѣ его реформы». Часть плодовъ этихъ реформъ видимъ мы уже теперь, но въ болѣе-шей мѣрѣ увидятъ ихъ грядущія поколѣнія. Народъ русскій до времени Царя-Освободителя жилъ не общественной, но, по преимуществу, внутренней, домашней жизнью, которая всплывала наружу, была ключемъ и дѣбалась общественной только во время чрезвычайныхъ народныхъ бѣдствій, какъ наприм., при нашествіи французовъ въ 1812 г. Императоръ Александръ II,

послѣ того какъ снятъ оковы крѣпостного права, призвалъ весь народъ къ жизни гражданской, даровавши ему земскія учрежденія. Считаю себя счастливымъ, что я жилъ въ то славное время и принималъ участіе въ дѣятельности органовъ русскаго самоуправленія. Не буду говорить о фактахъ и подробностяхъ блестящей эпохи нашихъ реформъ, но скажу о томъ подъемѣ народнаго духа, о задачахъ того времени, которые казались трудно разрѣшимыми не только для народа мало подготовленнаго, но и для націй, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры. Крестьянская, земская и судебная реформы—все это было осилено въ короткое время. Въ этомъ великое доказательство дѣйствительной жизненности русскаго народа. Не буду дѣлать перечня, что совершило земство за эти 25 лѣтъ: сдѣлано много, но много и не додѣлано. Не панегиристомъ земскихъ учрежденій я выступаю: я люблю ихъ такъ много, что не въ состояніи имъ кадить и превозносить ихъ не въ мѣру. Въ самой организаціи земскихъ учрежденій могутъ и должны быть измѣненія, но не дай Богъ, чтобы, вмѣстѣ съ улучшениями, дотронулись до корня этого живого дерева. Въ настоящее время нельзя не признать, что прежній живой духъ земства нѣсколько поникъ и упалъ, но онъ не угасъ. Вліяло на это и общественное мнѣніе, не умѣвшее иногда поддерживать въ земствѣ хорошее и карать дурное. Теперь мы переживаемъ странное явленіе, когда частью общественное мнѣніе и значительное число органовъ прессы какъ бы поворачиваются спиной къ земскимъ учрежденіямъ. Эта часть печати и нѣкоторые отголоски общественнаго мнѣнія ставятъ земство въ противоположность правительству, считая первое находящимся въ оппозиціи послѣднему. Но въ дѣйствительности нѣтъ этой оппозиціи, — она не присуща русской исторіи. Есть столкновенія, недоразумѣнія между той и другой стороной; но гдѣ же ихъ нѣтъ и развѣ они не существуютъ между разными вѣдомствами и министерствами? Иное дѣло—принципіальное столкновеніе, но такого не существовало и не существуетъ между земствомъ и правительствомъ. Плохую услугу оказываютъ нашей странѣ тѣ консерваторы, которые возбуждаютъ правительство противъ земства. Они думаютъ, что правительство слабо; но это глубокая ошибка. Зачѣмъ же поддерживать вражду къ органамъ самоуправленія русскаго народа? Правительство смѣло можетъ опираться на нихъ: тогда всѣ временныя недоразумѣнія между правительствомъ и обществомъ исчезнутъ, и жизнь пойдетъ своимъ путемъ. За это желанное будущее я и провозглашаю тость.

Громкія, нѣсколько разъ возобновлявшіяся, рукоплесканія и крики «браво» сопровождали эту рѣчь. Затѣмъ, при соотвѣтствующихъ рѣчахъ, провозглашены были тосты: московскимъ городскимъ головою Н. А. Алексѣевымъ «за единеніе между земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ»; губернскимъ гласнымъ В. М. Пржевальскимъ «за процвѣтаніе земскихъ учрежденій въ тѣсной и постоянной связи русскаго земства съ русскимъ народомъ»; гласнымъ И. Н. Мамоновымъ за предсѣдателя губернской земской управы Д. А. Наумова, какъ стараго руководителя московскаго земства и одного изъ лучшихъ земскихъ людей; Д. А. Наумовымъ за руководителей земскихъ собраній московской губерніи, за предсѣдателей ихъ, за губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства; гласнымъ Г. В. Грудевымъ «за почетнаго гражданина города Москвы кн. А. А. Щербатова»; членомъ губернской управы М. В. Духовскимъ «за земскихъ учителей, врачей, за cadaго земскаго дѣятеля, съ любовію относящагося къ своимъ обязанностямъ» и др. тосты. По окончаніи обѣда, присутствовавшіе на немъ долго оставались въ колонной залѣ «Эрмитажа», бесѣдуя о прошломъ и настоящемъ земскихъ учрежденій.

Юбилей А. А. Фета. 28 января въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. А. Фета. Чествованіе юбиляра происходило въ квартирѣ поэта. Общество російской словесности черезъ специаль-

ную депутацію поднесло юбиляру, своему члену, адресъ. Затѣмъ Аванасій Аванасевичъ получилъ адреса отъ московскаго психологическаго общества, отъ русскаго литературнаго общества, отъ общества распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ, отъ Лицея Цесаревича Николая, Петербургскаго университета и много другихъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ прислало слѣдующую телеграмму:

«Въ день подувковой годовщины литературной дѣятельности своего знаменитаго члена-корреспондента, отдѣленіе русскаго языка и словесности поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе привѣтствовать въ немъ любимаго русскаго поэта, умѣвшаго сочетать съ пылкимъ лирическимъ вдохновеніемъ глубину и свѣжесть чувства, прелесть образовъ и гармонію звуковъ, поэта еще и наклоннаго дѣть сохраняющаго жаръ юности и неустанную энергію, которой литература наша обязана усвоеніемъ ей цѣлага ряда произведеній классической древности. Отдѣленіе при этомъ случаѣ пріятно вспоминаетъ, что оно имѣло возможность увѣичать одинъ изъ этихъ трудовъ премією великаго поэта, который самъ сочувственно присоединился бы къ настоящему привѣтствію нашему. Да продлитъ Провидѣніе дни неустарѣвшаго Фета.—Гротъ, Вуслаевъ, Бычковъ, Сухомлиновъ, Веселовскій».

Офицеры лейбъ-уланскаго ево величества полка, въ которомъ нѣкогда служилъ А. А., привѣтствовали его телеграмой. Кромѣ того, получены поздравительныя телеграммы отъ начальника Московской губерніи, князя В. М. Голицына, отъ графа Голенищева-Кукузова, отъ правленія елецкаго музыкально-литературно-драматическаго общества и множество другихъ. Многіе поэты прислали А. А. посвященныя ему стихотворенія, лучшее изъ нихъ принадлежитъ Я. П. Полонскому. Въ свою очередь юбиляръ всѣмъ посѣтившимъ его раздавалъ печатные экземпляры слѣдующаго своего стихотворенія:

«На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй
Мечты и сны въ груди моей росли,
И пѣсень рой во слѣдъ за первой пѣсней
Мой тайный пылъ на волю понесли.

И трепетнымъ отъ счастья и муки
Хотѣлось птичкамъ Божіимъ моимъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь ихъ налетѣли звуки
На чуткій слухъ, внимать готовый имъ.

Полвѣка ждалъ друзей я этихъ пѣсень,
Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ,
О, какъ мой день сегодняшній чудесенъ!
Со всѣхъ сторонъ тѣ пѣсни мнѣ несуть».

Тутъ пѣть чужихъ, тутъ все родной и кровный,
Тутъ пѣть враговъ, кругомъ одни друзья,
И всей душой за вашъ привѣтъ любовный
Къ своей груди васъ прижимаю я».

Въ числѣ подношеній отъ поклонниковъ таланта юбиляра обращаютъ вниманіе прекрасной работы серебряная чернильница отъ гг. Воткиныхъ, вѣнокъ отъ гр. Толстой и масса цвѣтовъ и зелени.

25-лѣтіе ученой дѣятельности О. А. Федченко. Въ январѣ 1889 года минуло 25 лѣтъ ученой дѣятельности Ольги Александровны Федченко. Дочь профессора Московскаго университета Армфельда, бывшаго также инспекторомъ николаевскаго института, Ольга Александровна съ самаго дѣтства выказывала необычайную склонность къ естествознанію, которой удалось получить надлежащее развитіе, благодаря руководству и заботамъ образованныхъ родителей. Она воспитывалась въ николаевскомъ московскомъ институтѣ, затѣмъ занималась уроками и переводами, не смотря на то, что, какъ дѣвушка

обезпеченная, не нуждалась въ заработкѣ. Между прочимъ, она принимала участіе въ переводѣ книги Перри: «Психическая жизнь животныхъ», сотрудничала въ «Журналѣ Садоводства», подъ редакцію Григорьева. За образцовые рисунки и содѣйствіе при устройствѣ этнографической выставки получила медаль. Въ 1864 году она избрана членомъ-учредителемъ «Общества любителей естествознанія». Но еще въ 1861—1862 гг. составила прекрасный гербарій флоры могайскаго уѣзда, которымъ пользовался Н. Н. Кауфманъ для своей «Московской флоры», энтомологическія и другія коллекціи. Въ 1867 г. она вышла замужъ за А. П. Федченко и вмѣстѣ съ нимъ путешествовала по Финляндіи, Швеціи и странамъ западной Европы, помогая мужу въ его ученыхъ трудахъ. Въ декабрѣ того же года она принимала участіе въ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, затѣмъ участвовала въ извѣстномъ трехлѣтнемъ путешествіи Федченко по Туркестанскому краю. За гербарій и альбомъ туркестанскихъ видовъ О. А. получила большую золотую медаль отъ «Общества любителей естествознанія», а на политехнической выставкѣ — два свидѣтельства на золотыя медали. За труды по изслѣдованію Туркестана получила золотой браслетъ, украшенный брилліантами и рубиномъ изъ кабинета его величества. Затѣмъ О. А. посѣтила съ мужемъ Германію, Англію, Францію и Швейцарію. Между прочимъ, она получила серебряную медаль отъ географическаго общества за переводъ съ англійскаго языка «Исторіи и географіи верховьевъ Аму-Дарьи». Въ 1873 г. ей пришлось испытать горькую утрату. Подробностей трагической смерти мужа она изложила въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Голосъ» въ томъ же году. Ольга Александровна Федченко дѣятельно помогала изданію результатовъ путешествія своего покойнаго мужа и, по просьбѣ Петермана, написала: «Fedchenko's Reisen in Turkestan» (Petermann's Mitth. 1874, тетрадь 6-я, съ картою). Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она была секретаремъ совѣта «Общества любителей естествознанія». Осенью 1876 г. приняла участіе въ съѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ, въ качествѣ делегата отъ этого общества. Нѣсколько ученыхъ обществъ, а также комитетъ антропологической выставки избрали ее своимъ членомъ. Затѣмъ, при сотрудничествѣ сына, О. А. пополнила гербарій флоры могайскаго уѣзда, разбирала университетскіе гербаріи и помогала въ установкѣ учебной коллекціи московскаго зоологическаго музея. «Общество любителей естествознанія» поднесло ей, 15-го октября 1887 года, особо для нея изготовленный, съ благодарственною надписью, экземпляръ 20-го выпуска «Путешествія въ Туркестанъ», какъ выраженіе глубокаго уваженія и признательности за ея почтенные, многолѣтніе труды на пользу отечественнаго знанія.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому. Вслѣдствіе предсмертнаго желанія Николая Михайловича Пржевальскаго быть похороненнымъ на берегу озера Иссыкъ-Куля, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ исполненіи завѣщанія нашего знаменитаго путешественника. Врѣнные его остатки преданы землѣ въ 12 верстахъ отъ Каракола, на живописномъ высокомъ берегу озера, при чемъ окрестное населеніе возбудило вопросъ объ обращеніи этого мѣста въ роскошный садъ. На могилѣ нашего славнаго ученаго путешественника будетъ воздвигнутъ памятникъ, проектъ котораго заслужилъ весьма лестный отзывъ Государя Императора и высочайшее утвержденіе. Рисунокъ исполненъ товарищемъ и другомъ покойнаго Николая Михайловича А. А. Бильдерлингомъ. Памятникъ изображаетъ красивую скалу, вышиною въ 4 сажени (сложеную изъ большихъ глыбъ мѣстнаго камня), на которую опустился большой бронзовый орелъ—эмблема ума, силы, безстрашія; онъ держитъ въ когтяхъ своихъ карту Азіи (изображенную на бронзовомъ листѣ)—поприще ученой дѣятельности Николая Михайловича, а въ клювѣ оливковую вѣтку—символь его мирныхъ научныхъ завоеваній. На лицевой сторонѣ скалы, наверху, прикрѣпленъ бронзовый крестъ, а подъ нимъ надпись:

«Николай Михайлович Пржевальскій, родился 29-го марта 1839 года, скончался 20-го октября 1888 года».

Внизу, въ скатѣ высѣчена изящная, витая лѣстница, надъ верхнею ступенью которой, въ ростъ человѣка, помѣщена бронзовая медаль (въ увеличенномъ видѣ) съ изображеніемъ Николая Михайловича, выбитая въ 1887 г. въ его честь Академією Наукъ. Надъ медалью сдѣлана надпись (помѣщенная на оборотной сторонѣ медали):

«Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи».

Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Въ концѣ текущаго года на Рождественскихъ каникулахъ созывается въ Петербургѣ съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и промышленному образованію въ Россіи. Въ виду важнаго значенія этого съѣзда для Россіи, желательно, чтобы успѣхъ его оправдалъ ожиданія и принесъ дѣйствительную пользу нашему отечеству; а это возможно въ томъ случаѣ, если при правильной его организациі и при содѣйствіи правительства въ немъ приметъ участіе возможно большое число лицъ какъ непосредственно стоящихъ у дѣла образованія, такъ и интересующихся его успѣхами въ нашемъ отечествѣ. Поэтому, для пользы дѣла, важно ознакомить русское общество съ задачами предполагаемаго съѣзда и его организацией. Мысль о созывѣ этого съѣзда, впервые высказана въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, во время обсужденія вопроса объ устройствѣ въ Петербургѣ международнаго конгресса по техническому образованію, согласно предложенія послѣдняго конгресса въ Бордо. Техническое Общество представило правительству мнѣніе о необходимости созвать предварительно съѣздъ русскихъ дѣятелей, имѣя въ виду съ одной стороны недостаточность свѣдѣній по распространенію технического образованія, въ нашемъ отечествѣ; съ другой стороны преимущественное для Россіи значеніе русскаго самостоятельнаго съѣзда. Положеніе о съѣздѣ удостоилось высочайшаго утвержденія. Онъ продолжится около 2—3 недѣль. Къ участію въ немъ приглашаются не только лица, завѣдующія училищами и преподаватели, но также заводчики, фабриканты, завѣдующіе работами въ мастерскихъ и вообще всѣ тѣ, кто такъ или иначе заинтересованъ въ жизни нашихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Во время съѣзда открывается выставка техническихъ школъ. Ближайшею цѣлью этой выставки поставлено слѣдующее: представить современное положеніе различныхъ видовъ промышленнаго и технического образованія въ Россіи; ознакомить съ различными методами обученія ремесламъ, со способами преподаванія и съ достигаемыми результатами по графическимъ искусствамъ; ознакомить съ программами, курсами, руководствами и письменными работами учащихся, какъ по общеобразовательнымъ, такъ и по спеціальнымъ предметамъ; ознакомить съ результатами, достигаемыми при обученіи различнымъ техническимъ знаніямъ, ремесламъ и искусствамъ. Открытіе выставки послѣдуетъ двумя недѣлями ранѣе начала занятій въ съѣздѣ, а закрытіе черезъ двѣ недѣли по окончаніи занятій съѣзда. Къ участію на выставкѣ приглашаются не только профессиональныя учебныя заведенія какъ мужскія, такъ и женскія, но также различныя общества и отдѣльныя лица. Для наиболее нагляднаго ознакомленія съ выставкой, она будетъ раздѣлена на нижеслѣдующія 6 группъ. Мужскія техническія и промышленныя учебныя заведенія. Женскія профессиональныя заведенія. Обученіе ручному труду и ремесламъ въ школахъ общеобразовательнаго характера, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, реальныхъ училищахъ, частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ и пр. Графическія искусства. Рисовальныя школы, реальные училища. Обученіе малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ въ школахъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ и т. п. Учебныя пособия, руководства и учебники, справочныя книги, періодическія изданія спе-

ціальнаго характера и проч. Награды на выставкѣ выдаваемы не будутъ. Въ настоящее время организационный комитетъ съѣзда, раздѣленный на XII секцій, занятъ собираніемъ матеріала, рассылая печатные вопросы по разнымъ учебнымъ заведеніямъ, составляетъ списокъ техническихъ и профессиональныхъ школъ и формулируетъ тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ ждетъ отъ самаго съѣзда. Перечислить всѣ эти вопросы мы не имѣемъ возможности; между прочимъ, съѣзду предложены будутъ слѣдующіе: какъ должны быть составлены учебники по различнымъ ремесламъ; ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи и за границей; выясненіе вопросовъ, относящихся къ организациі сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, къ постановкѣ въ нихъ теоретическаго и практическаго обученія; значеніе общаго образованія для цѣлей профессиональнаго образованія; на сколько можетъ способствовать распространенію техническо-промышленныхъ знаній устройство музеевъ, передвижныхъ выставокъ, экскурсій, съѣздовъ, чталенъ и чтеній по предметамъ технического характера; основанія ихъ организациі; значеніе развитія естествознанія, рисованія и черченія для промышленности и техники въ нашемъ отечествѣ и пр. Лица, которыя пожелаюи взять на себя разработку вопросовъ, приглашаются доставить свои работы по возможности не позже 1-го сентября 1889 года, адресуя ихъ въ Организационный Комитетъ высочайше утвержденного съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (Сиб., Пантелеймоновская). Рефераты на эти вопросы, признанные лучшими, будутъ напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда и авторы ихъ получатъ опредѣленный комитетомъ гонораръ. Въ Техническомъ обществѣ уже начинаютъ поступать, согласно положенія о съѣздѣ, частныя пожертвованія на расходы по устройству съѣзда: первыми въ 1888 г. поступили значительныя пожертвованія Ѳ. И. Базилевскаго и Нецаева-Мальцева.

Церковно-археологическое общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1888 году. 17-го ноября 1888 года исполнилось 16 лѣтъ со времени учрежденія церковно-археологическаго общества и музея при Кіевской духовной академіи. Общество и музей не получали и не получаютъ никакой казенной субсидіи и потому стѣснены въ своей дѣятельности и въ своемъ развитіи недостаткомъ денежныхъ средствъ, но все-таки въ теченіе 16 лѣтъ успѣли многое приобрести и сберечь для науки. Къ 1889 году всѣхъ поступленій въ церковно-археологическій музей числилось 21,184 №№, слѣдовательно среднимъ числомъ поступало въ годъ около 1,324 №№. За послѣдній 1888 годъ поступило въ церковно-археологическій музей 2,263 №№, изъ коихъ большая часть (1,715 №№) падаетъ на произведенія медальернаго искусства, медали, жетоны и монеты. Мы обратимъ вниманіе только на важнѣйшіе предметы касающіеся отечественной исторіи.

Къ древнѣйшей эпохѣ относятся находки въ такъ называемыхъ скинскихъ курганахъ, поступившія въ церковно-археологическій музей. Одинъ изъ нихъ, находившійся возлѣ села Журавки, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, разрытъ былъ кладонскателями, котрые нашли въ немъ глиняный сосудецъ съ двумя ручками (прохусь) и 23 бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, повидимому не бывшихъ въ употребленіи. Другой скинскій курганъ на Колонтаевскомъ урочищѣ, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи, вскрытъ былъ членомъ Общества В. З. Завитгевичемъ и В. И. Голшкевичемъ, которые, кромѣ костяка, нашли здѣсь бронзовое зеркальце, 2 глиняныхъ кувшинчика, глиняный прохусь, бронзовый конусъ, желѣзный наконечникъ копья и такой же ножичекъ въ костяной оправѣ; къ скинскимъ же предметамъ можно отнести бронзовую подвѣску съ ушкомъ и орнаментомъ, найденную на полѣ села Острова, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Приготовлявшееся и праздновавшееся въ прошломъ году юбилейное тор-

жество въ память 900-лѣтія крещенія Руси при св. Владимірѣ пробудило интересъ къ изученію древнѣйшей нашей исторіи, послѣдствіемъ чего было поступленіе въ церковно-археологическій музей нѣсколькихъ цѣнныхъ предметовъ, относящихся къ первому періоду нашей исторіи. Настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ, по поводу означеннаго торжества, пожертвовалъ въ церковно-археологическій музей шесть византійскихъ золотыхъ монетъ, современныхъ первому кievскому періоду нашей исторіи и относящихся къ послѣднимъ царствовавшимъ въ Византіи династіямъ, а именно: императоровъ Василія и Константина, братьевъ супруги св. Владиміра великой княгини Анны, Романа III Аргира, Константина Дуки, Алексія I Комнина, Исаака II Ангела и Михаила VIII Палеолога. Развалины византійскаго храма на русской почвѣ открыты были зимою 1886—1887 года въ области Войска Донскаго, въ юртѣ Цимлянскои станицы, на границѣ около хутора Попова, на лѣвой (дуговой) сторонѣ р. Дона. Въ нихъ найдены были двѣ мраморныя колонны, пьедесталъ отъ колонны съ изображеніемъ византійскаго креста и мѣдный складной крестикъ съ изображеніями на одной сторонѣ св. Бориса, а на другой—св. Глѣба. Изъ этихъ развалинъ доставленъ былъ г. Оздобининымъ въ церковно-археологическій музей квадратный кирпичъ съ клеймомъ, изображающимъ якорь. Такіе же строительные матеріалы встрѣчаются и въ древнихъ русскихъ церковныхъ постройкахъ въ Переяславѣ и Кіевѣ, произведенныхъ или греческими мастерами, или русскими по греческимъ образцамъ. Въ прошломъ 1888 году товарищъ предсѣдателя Общества профессоръ П. А. Лашкаревъ и членъ В. Н. Николаевъ открыли въ Переяславѣ, Полтавской губерніи, на мѣстѣ деревянной Успенской церкви, фундаментъ древняго храма изъ квадратныхъ кирпичей, относящагося къ новому періоду русской исторіи; а на площади того же города найдена была евреемъ Найдисомъ свинцовая вислая печать, съ изображеніемъ св. Давида и надписью на другой сторонѣ «Дѣнь слово», переданная въ церковно-археологическій музей. По величинѣ и формѣ, она очень похожа на извѣстную печать Ратибора, XI вѣка, и можетъ быть отнесена ко времени княженія черниговскаго князя Давида Святославича (1097—1124 г.). Квадратные кирпичи съ клеймами и мраморныя колонны сохранились и въ Кіевѣ отъ древнихъ церквей. Въ прошломъ году найдены были въ Кіево-Печерской лаврѣ и доставлены въ церковно-археологическій музей квадратный кирпичъ съ двумя клеймами, изъ коихъ на каждомъ изображена буква В; а въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ доселѣ сохраняются двѣ древнія мраморныя колонны и 4 капители отъ такихъ же колоннъ, вѣроятно бывшія въ первоначальномъ иконостасѣ или церковной преградѣ. Въ главномъ храмѣ Кіево-Михайловскаго монастыря въ прошломъ году вновь открыты были, подъ наблюденіемъ членовъ церковно-археологическаго общества, фрески, на двухъ столбахъ алтарной арки, относящіяся къ XII вѣку. Замѣчательную же особенность древнихъ церковныхъ построекъ кievскихъ составляетъ обиліе въ нихъ издѣлій изъ краснаго шифера. Въ 1888 году въ церковно-археологическій музей доставлены гробница изъ красноватаго камня и кусокъ такой же надгробной плиты съ надписями, пока еще не освобожденными изъ-подъ известковой накипи и не прочитанными, изъ Кіево-печерской лавры, и нѣсколько кусковъ шиферныхъ плитъ съ выдолбленными въ нихъ углубленіями, изъ Кіево-печерской же лавры и Кіево-Михайловскаго монастыря. На одномъ изъ этихъ кусковъ, полученномъ изъ Кіево-печерской лавры, сохранились слѣды цемента и на немъ разноцвѣтной мозаики. Наконецъ, передъ самымъ юбилейнымъ торжествомъ, члену профессору Н. И. Петрову удалось открыть въ коллекціи барона Шодуара, въ мѣстечкѣ Івницѣ, Житомирскаго уѣзда—мѣдный складной крестикъ XIII вѣка, на которомъ, изображены съ одной стороны св. Владиміръ, а съ другой св. Борисъ и Глѣбъ. Церковно-археологическое общество сдѣлало гальвано-пластическій снимокъ съ креста.

Едва ли не самым крупным приобретением церковно-археологического музея в прошлом 1888 году была коллекция иконъ, крестовъ, образковъ, медальоновъ и крестиковъ, пожертвованная музеемъ Е. П. Демидовой, княгиней Сан-Дonato. Въ этой коллекціи заключается 209 предметовъ, а именно деревянныхъ иконъ и крестовъ, мѣдныхъ крестовъ, финифтяныхъ и мѣдныхъ образковъ, серебряныхъ и мѣдныхъ крестиковъ, начиная съ XII вѣка. Коллекція эта первоначально принадлежала французу, инженеру Траншеру, который участвовалъ въ постройкѣ курско-киевской желѣзной дороги и желѣзнаго моста въ Киевѣ и, вѣроятно, въ это время собиралъ свою коллекцію, такъ какъ вся она исключительно состоитъ изъ русскихъ священныхъ предметовъ. Передъ выѣздомъ изъ Россіи, Траншеръ продалъ свою коллекцію покойному Демидову Сан-Дonato. Но истинное украшеніе коллекціи и всего церковно-археологическаго музея есть деревянный въ серебряномъ позолоченомъ окладѣ 8-миконечный крестъ, составляющій величайшую святыню русской земли. Это—тотъ самый крестъ, которымъ преподобный Сергій Радонежскій благословилъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского на битву съ Мамаемъ въ 1380 году, какъ видно изъ слѣдующей надписи, начертанной на рукояткѣ креста: «Симъ крѣмъ благослови въ предъ Сергіи игуменъ князя Дмитрія на погана ця Мамаи и рекъ: симъ побѣди врага. Въ лѣто 4711 Августа 13 дня». По величинѣ и формѣ крестъ весьма похожъ на напрестольные кресты; но, по всей вѣроятности, это былъ келейный крестъ преподобнаго Сергія, можетъ быть сдѣланный имъ самимъ, и первоначально окрашенъ былъ только желто-коричневою краскою, окочанъ же по приказанію или самого преподобнаго Сергія, передъ самымъ поднесеніемъ его великому князю, или же по приказанію князя Дмитрія Ивановича Донского. Когда и какимъ образомъ этотъ крестъ пропалъ изъ Москвы,—трудно сказать что-либо опредѣленное. Въ московскихъ описяхъ, насколько намъ извѣстно, не сохранилось никакого воспоминанія о немъ. Вѣроятно, онъ похищенъ былъ изъ Москвы еще въ смутное время самозванцевъ или поляками, или, —вѣрнѣе,—казаками, которые однако же едва ли понимали и цѣнили значеніе этого креста, такъ какъ надпись на немъ довольно замысловата и не сразу поддается чтенію даже опытныхъ лицъ. Рефератъ объ этомъ крестѣ печатается въ январской книжкѣ «Трудовъ Киевской духовной Академіи» за настоящій годъ.

Изъ предметовъ болѣе поздняго времени, поступившихъ въ церковно-археологическій музей въ прошломъ году, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ замѣчательна: бронзовая рукоятка отъ кинжала съ узорчатыми украшеніями и слѣдами эмали, изъ г. Троцьк, Виленской губерніи, литовскаго періода исторіи Сѣверо-Западнаго края; оловянный крестъ начала XVII вѣка съ начертанными изображеніями Богоявленія и распятія изъ села Овсяниковъ, Бердичевского уѣзда, Киевской губерніи; портретъ ректора киевской академіи іеромонаха Игнація Оксеновича Старушича, половины XVII вѣка; портретъ неизвѣстнаго татарина, XVII вѣка, полученный изъ Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи,—можетъ быть изображающій или союзника Богдана Хмельницкаго Тугай-бея, или одного изъ предковъ Кочубеевъ; стеклянная фляжка съ московскими серебряными кофѣечками по 1713 годъ, найденная въ Киевѣ, на горѣ Киселевкѣ; рукописное собраніе указовъ Петра I, съ 1718 по 1724 годъ, икона великомученицы Варвары 1747 года, хорошаго малороссійскаго письма, изъ села Житнаго, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи; плащаница, писанная членомъ императорской Академіи Художествъ, извѣстнымъ въ свое время художникомъ Боровиковскимъ, жившимъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Последняя особенно высоко цѣнится любителями малороссійской старины.

Въ 1888 году было 9 собраній членовъ церковно-археологическаго общества. На нихъ, кромѣ заслушанія и рѣшенія обычныхъ текущихъ дѣлъ, об-

суждаемы были вопросы, первоначально разработывавшіеся особыми комиссиями, а именно: о возобновленіи временной деревянной галлерей при храмѣ Кіевского Пустынно-Николаевскаго монастыря; о приобрѣтеніи для церковно-археологическаго музея 8-ми портретовъ гетмановъ и казацкой старшины; о возстановленіи первоначальнаго вида фрески съ изображеніемъ княжескаго семейства въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; о наблюденіи за выемкою земли въ храмѣ Кіево-Михайловскаго монастыря при устройствѣ caloriferовъ; о проектируемой постройкѣ часовни въ юго-восточномъ углу ограды Кіево-Подольской Успенской соборной церкви; о возстановленіи и освѣженіи новооткрытыхъ фресокъ и орнаментовъ въ главномъ храмѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. На тѣхъ же собраніяхъ Общества прочитаны были отчетъ церковно-археологическаго Общества за 1887 годъ и предложенія были слѣдующіе рефераты: «Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины» Н. И. Петрова; «О древне-христіанскихъ саркофагахъ въ древней Галліи» А. И. Булгакова; «О рукописныхъ замѣткахъ конца XVII вѣка на книгѣ Миръ человека съ Богомъ Иннокентія Гизеля» Н. И. Петрова; «Объ остаткахъ древней каменной церкви въ г. Переяславѣ, открытыхъ 1 августа 1888 года, на мѣстѣ бывшей деревянной Успенской, извѣстной принесенною въ ней гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ присягою на подданство Россіи» П. А. Лашкарева; «Духовное завѣщаніе Саввы Освященнаго (новооткрытый памятникъ)» А. А. Дмитріевскаго, и «О крестѣ, коимъ преподобный Сергій благословилъ князя Дмитрія Ивановича на войну съ Мамаемъ, 1380 года», В. З. Завиткевича. Кромѣ того, къ торжественному соединенному собранію Кіевской духовной академіи и Общества 14-го іюля приготовлена была членомъ и секретаремъ Общества Н. И. Петровымъ рѣчь о «Чествованіи памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ», оставшаяся произнесенною, и образована была особая выставка изображеній св. Владиміра, въ количествѣ 12-ти, съ XI по XVII вѣкѣ. Въ іюль мѣсяцѣ 1888 года секретарь Общества Н. И. Петровъ и помощникъ его В. З. Завиткевичъ командированы были Обществомъ въ м. Ивницу, Житомирскаго уѣзда, для обозрѣнія коллекцій барона Я. М. Шодуара, и представили Обществу отчетъ о своей поѣздкѣ, напечатанный въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» за прошлый годъ.

† Въ Вѣнѣ въ концѣ прошлаго года на 93-мъ году (родился 14-го ноября 1796 г.) **Павель Петровичъ Максимовичъ**. Это былъ едва ли не старѣйшій и одинъ изъ весьма почтенныхъ дѣятелей нашихъ учебныхъ вѣдомствъ. Если въ органахъ столицы не было посвящено ему воспоминаній, это происходило отъ того, что онъ провелъ послѣдніе годы жизни за границею, гдѣ жила и семья его. Онъ былъ уроженецъ Кіева, старшій изъ шести сыновей протоіерея Успенской соборной церкви. Первое образованіе Павель Петровичъ получилъ въ старой кіевской академіи. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, въ Педагогическомъ институтѣ, а съ преобразованиемъ послѣдняго въ университетъ—въ здѣшнемъ университетѣ. Въ 1822 г. онъ опредѣленъ учителемъ географіи въ главное инженерное училище. Съ учрежденіемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія должности окружныхъ инспекторовъ учебныхъ заведеній въ 1861 г., Максимовичъ переименованъ въ эту должность изъ прежняго званія инспектора казенныхъ училищъ. Въ этомъ качествѣ онъ часто предпринималъ поѣздки по губерніямъ округа, для обозрѣнія учебныхъ заведеній и производства слѣдствій по дѣламъ училищнаго вѣдомства. Въ 1866 г. исправлялъ должность попечителя петербургскаго округа. Въ 1869 г. Максимовичъ уволенъ отъ службы и состоялъ только членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Всей службѣ покойнаго было около 60 лѣтъ. Въ служебной средѣ П. П. отличался строгою правдивостью и смѣлою прямою словъ и дѣйствій. Какъ педагогъ-писатель.

Максимовичъ извѣстенъ по своей книжкѣ «Другъ дѣтей», которая издана имъ еще въ 1839 году и выдержала много изданій. Религіозное настроеніе покойнаго выразилось въ трудахъ его по переводу нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій назидательнаго содержанія. Такъ, изданы имъ въ переводѣ съ французскаго «Бесѣды на молитву Господню» и публичныя лекціи «Объ апостольскомъ преданіи», направленныя противъ извѣстныхъ сочиненій Ренана.

† Въ Москвѣ извѣстный знатокъ исторіи и теоріи церковнаго пѣнія, профессоръ московской консерваторіи протоіерей **Дмитрій Вячеславовичъ Разумовскій**. Онъ получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, по окончаніи курса которой получилъ ученую степень магистра богословія. Принявъ санъ священника, онъ не оставилъ своихъ любимыхъ занятій музыкою и обратилъ особенное вниманіе на изученіе церковнаго пѣнія. Среди профессоровъ московской консерваторіи онъ отличался особеннымъ трудолюбіемъ; имъ изданы «Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи», въ двухъ большихъ выпускахъ и «Теорія богослужебнаго пѣнія» (вышелъ только 1-й выпускъ). «Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи» — единственная и замѣчательная научно написанная книга по исторіи церковнаго пѣнія. Съ его участіемъ также были изданы сочиненія Юрія Арнольда по теоріи древнерусскаго церковнаго пѣнія. Покойный состоялъ протоіеремъ Георгіевской церкви въ Москвѣ, на Вспольѣ.

† Въ Петербургѣ членъ морского комитета и бывшій редакторъ «Морского Сборника» генераль-маіоръ **Нинандръ Ильичъ Зеленый**. Покойный воспитывался въ Морскомъ корпусѣ и произведенъ въ мичманы въ 1846 г. Окончивъ курсъ въ офицерскихъ классахъ, Н. И. занялся педагогической дѣятельностью по морскимъ наукамъ. Съ 1866 г. онъ сдѣлался редакторомъ «Морского Сборника». Въ 1871 г. въ чинѣ капитана 1-го ранга, назначенъ членомъ ученаго отдѣленія морского технического комитета, а въ 1885 г. произведенъ въ генераль-маіоры и сдалъ редакцію «Сборника» капитану 2-го ранга Купреянову. Н. И. Зеленый пользовался среди моряковъ заслуженной славой одного изъ лучшихъ специалистовъ по морскому дѣлу. Онъ читалъ также «Лекціи популярной астрономіи» и издалъ ихъ потомъ отдѣльною книгою.

† Одинъ изъ выдающихся педагоговъ, **Александръ Яковлевичъ Гердь**, 48-ми лѣтъ. Покойный родился въ Петербургѣ въ 1841 г., воспитывался въ Ларинской гимназіи. Въ 1858 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ по естественному факультету. Окончивъ въ 1863 г. университетскій курсъ со степенью кандидата, съ 1866 г. по 1870 г. былъ воспитателемъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1871 до 1874 г. директоромъ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, читалъ лекціи на Фребелевскихъ курсахъ, на Педагогическихъ курсахъ, былъ директоромъ частной гимназіи кн. Оболенской, инспекторомъ думскихъ городскихъ школъ. Въ 1878 г. Гердь былъ приглашенъ для преподаванія естественныхъ наукъ августѣйшимъ дѣтямъ Государя Императора. Гердь былъ членомъ, а въ послѣднее время предсѣдателемъ комитета высшихъ женскихъ курсовъ, издалъ много ученыхъ книгъ по естественной исторіи; онъ всегда пользовался уваженіемъ и любовью, какъ своихъ знакомыхъ, такъ и своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ. Особенно важна его дѣятельность по устройству исправительной земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Инициаторами этого дѣла для руководства имъ, приглашенъ былъ А. Я. Относаясь серьезно къ своимъ новымъ обязанностямъ, онъ въ 1870 г. уѣхалъ за границу для ознакомленія на мѣстѣ съ учрежденіями такого рода. Онъ ознакомился со всѣми западными исправительными колоніями, кромѣ французскихъ, куда помѣшались ему попасть всѣмъ извѣстныя событія 1870 года. Вернувшись въ Петербургъ на свой новый постъ, онъ чувствовалъ себя подкрѣпленнымъ новымъ

опытомъ, новыми знаніями и внесъ въ дѣло нашей колоніи все, что было примѣнимо у насъ, все, что могло привиться къ намъ, по его мнѣнію. Съ начала 1871 года по конецъ 1874 онъ работалъ неустанно день и ночь. Его не смущала ни отдаленность жизни отъ города, ни неудобства и лишения его семьи, ни холодная квартира во вновь выстроенномъ для него домикѣ, — онъ весь отдался этому новому дѣлу. Безъ преувеличенія можно сказать, что первые поселенцы колоніи напоминали какихъ-то Робинзоновъ. Кругомъ сплошное болото и лѣсъ, по окраинѣ обширнаго съ торчащими пнями плаца и грудями хвороста, два, три незатѣйливыхъ домика, сзади въ отдаленіи, тоже въ лѣсу, рабочій домикъ, гдѣ жило нѣсколько наемныхъ рабочихъ, рядомъ конюшня и больше ничего. Словомъ, А. Я. былъ среди природы, которая была еще чужда человѣческой культуры. Здѣсь нужно было каждый шагъ брать съ бою: топоръ и желѣзная лопата неразрывны были съ человѣческими руками, не брезгаль ими и самъ А. Я., ставъ въ ряды новаго дѣла.

† Въ Москвѣ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни одинъ изъ видныхъ представителей инженернаго искусства и науки, **Василій Александровичъ Кипріяновъ**. Онъ родился въ 1818 г., въ селѣ Ельнинскаго уѣзда Смоленской губерніи, воспитывался въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Поступивъ на службу въ министерство путей сообщенія, Кипріяновъ посвятилъ свою дѣятельность исполненію инженерно-техническихъ проектовъ и сооруженій, каковы: прорытіе 2-го Ладожскаго канала, постройка Московско-Нижегородской желѣзной дороги, проведеніе шоссе между Курскомъ и Фатежемъ и др. При своихъ инженерно-строительныхъ работахъ Кипріяновъ заинтересовался толщами земли, которыя приходилось прорывать, и находившимися въ нихъ остатками организмовъ; съ этихъ поръ геологія и палеонтологія сдѣлались любимыми его науками. Начиная съ 1850 г., онъ напечаталъ въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и въ мемуарахъ Академіи Наукъ цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросамъ геологіи и палеонтологіи. Такъ, имъ напечатана подробная монографія объ ископаемыхъ рыбахъ и гигантскихъ пресмыкающихся съ приложеніемъ 66 таблицъ рисунковъ (въ мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ, XXVIII, XXX и XXXI томы). Труды Кипріянова въ области геологіи и палеонтологіи получили громадную извѣстность не только среди русскихъ ученыхъ, но и за границею: многія ученые общества считали его своимъ членомъ. До послѣднихъ дней жизни онъ сохранилъ лучшія отношенія со многими представителями науки и велъ съ ними переписку. Погребенъ Кипріяновъ въ Москвѣ.

† Врачъ-художникъ **Александръ Ивановичъ Жижиленко**, Онъ родился 23-го ноября 1823 г., рано осиротѣлъ и среднее образованіе получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ; въ 1849 г. окончилъ курсъ медико-хирургической академіи, вскорѣ послѣ чего поступилъ врачомъ въ родовспомогательный институтъ при Воспитательномъ домѣ, гдѣ и служилъ до самой смерти. Съ 1870 г. онъ сдѣлался преподавателемъ и руководителемъ школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Этому учрежденію онъ посвятилъ все свои силы и не разстался съ нимъ до самой смерти. Въ 1874 г. онъ издалъ свой учебникъ акушерства, выдержавшій два изданія, и «Наставленіе для подаенія первоначальной помощи». Благодаря его стараніямъ, школа совершенно преобразовалась и стала образцовой. Его ученицы были лучшими бабками и число желающихъ попасть въ эту школу нерѣдко въ три-четыре раза превосходило число вакансій. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ не осталась безплодной. Многія изъ окончившихъ вели съ нимъ переписку, отдавая отчетъ во всѣхъ интересныхъ случаяхъ своей большею частью деревенской практики. Помимо этого покойный занимался живописью и за свои картины: «Развалины Аѳинъ», «Утро», «Вечеръ» получилъ званіе почетнаго общника отъ Академіи Художествъ и серебряную медаль. Много другихъ пейзажей

его: «Крымскій видъ», «Окрестности Холма» и другія были на выставкахъ. Изъ жанра замѣчательны: «Пляска мертвецовъ», «Ночной смотръ», «Цыганскій таборъ» и проч., для которыхъ онъ даже регистрировалъ и музыку. Однимъ словомъ, покойный былъ врачомъ-педагогомъ, композиторомъ, музыкантомъ и художникомъ. Скончался онъ на 65-мъ году отъ пѣзміи—гнояного отравленія, происшедшей отъ нарыва, вскрышагося внутрь. Человѣкъ одинокій, жившій отшельникомъ (отъ паралича поразившаго его, когда ему не было еще 30-ти лѣтъ, онъ плохо владѣлъ правой ногою) онъ, какъ слышно, оставилъ довольно значительный, нажитый честнымъ трудомъ капиталъ на устройство при заведеніи, гдѣ онъ прослужилъ сорокъ лѣтъ, нѣсколькихъ кроватей для родильницъ, чтобы не повторились, какъ было и въ прошломъ мѣсяцѣ, случаи родовъ у воротъ родовспомогательнаго заведенія, куда не пускаютъ родильницъ за неимѣніемъ мѣста.

† **Василій Богдановичъ Пассекъ**, вице-консулъ въ Рагузѣ. Покойный окончилъ свое образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, а въ здѣшнемъ выдержалъ экзаменъ на магистра по кафедрѣ международного права. Въ 1879 г. онъ поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ ревностно занимался литературою: особенный интересъ возбуждалъ въ военныхъ кружкахъ его очеркъ «Воспоминанія рядового перваго призыва», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1875 году. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ «Русской Рѣчи», гдѣ завѣдывалъ политическимъ обзорѣмъ. Тамъ же помѣщались и его беллетристическіе опыты. Но ему недолго пришлось оставаться въ Петербургѣ, вскорѣ состоялось его назначеніе въ Рагузу; на этомъ посту онъ пробылъ до своей смерти. Въ 1883 г. онъ сопровождалъ Юнина по личной его просьбѣ въ Софію и здѣсь въ качествѣ его ближайшаго сотрудника принесъ дѣлу горячее русское чувство, богато одареннаго дѣятеля, талантливаго редактора и полемиста. Пассекъ возвратился въ Рагузу, весьма охлажденный неблагоприятнымъ оборотомъ русскихъ дѣлъ въ Болгаріи. Вслѣдъ затѣмъ онъ управлялъ нѣкоторое время нашею миссіею въ Черногоріи, гдѣ пользовался благосклонностію князя Николая, съ которымъ его сближали общія свойства славянской природы и любовь къ поэзіи. В. Б. Пассекъ оставилъ послѣ себя нѣсколько стихотвореній; нѣкоторыя изъ нихъ въ юмористическомъ родѣ. Если и на этомъ пути онъ не пошелъ дальше, это случилось потому, что онъ попалъ въ глухую мѣстность, въ которой была невозможна дѣятельность политическая (съ перенесеніемъ всѣхъ миссій въ Цетинье, Рагуза потеряла свое значеніе и европейскія державы отзывали своихъ агентовъ); что же касается до дѣятельности литературной, то по характеру своего художественнаго темперамента, покойный особенно нуждался въ симпатичной средѣ, которая бы служила ему элементомъ необходимой критики и доброжелательною аудиторіею. Цѣлыхъ восемь лѣтъ провелъ В. Б. Пассекъ въ Рагузѣ. Нерѣдко навѣзжалъ онъ въ Петербургъ, но всякій разъ возвращался обратно, не получивъ надежды. Жажда дѣятельности и неудовлетворенность самолюбія — все это подавляло состояніе духа покойнаго и всекло его помыслы за предѣлы семейной жизни, въ которой онъ былъ вполнѣ счастливъ.

† Скоропостижно директоръ Псковской губернской гимназіи **Иванъ Ивановичъ Красовъ**. Онъ былъ сынъ протоіерея Вологодской губерніи, родился 28 июля 1821 г. Получивъ общее образованіе въ вологодской духовной семинаріи, Ив. Ив. поступилъ въ Спб. университетъ, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата философскаго факультета. Тяжело было для Ив. Ив. время его пребыванія въ университетѣ. Какъ сынъ бѣдныхъ родителей, онъ далеко не располагалъ необходимыми для него средствами. Изъ дружбы къ брату Ив. Ив., поэту Василію Ивановичу Красову и изъ искренняго расположенія къ самому Ив. Ив., Вѣлинскій просилъ Краевскаго доставлять Ив. Ив. работы, которыя бы, не мѣшая его занятіямъ, давали ему кое-какія средства

къ существованію. Первая работа его—переводъ съ французскаго какой-то повѣсти,—была напечатана въ «Отечеств. Записк.». Пришлось перебиваться и уроками, но занятія его были такъ успѣшны, что вскорѣ послѣ его поступленія въ университетъ онъ былъ удостоенъ императорской стипендіи. Обезпеченный этимъ, Ив. Ив. всецѣло отдался наукѣ. Работы его обратили вниманіе профессоровъ. Его ожидала, по окончаніи курса, университетская каеэдра, но обстоятельства принудили его взять должность преподавателя гимназіи. Однако въ теченіе шести лѣтъ этой дѣятельности Ив. Ив. написалъ сочиненіе «О мѣстоположеніи древняго Новгорода», сочиненіе, за которое удостоенъ былъ степени магистра русской исторіи и которое обратило на себя вниманіе нашихъ ученыхъ. Н. Ив. Костомаровъ и другіе совѣтовали ему представить свою магистерскую диссертацию для полученія Уваровской преміи, но онъ этого не сдѣлалъ. Затѣмъ онъ напечаталъ обширную историческую статью въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» и во все время своей педагогической дѣятельности не переставалъ заниматься изученіемъ исторіи, которую преподавалъ въ гимназіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Занимался онъ и изученіемъ древнихъ языковъ, которые преподавалъ въ гимназіи. Двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду началъ онъ свою педагогическую дѣятельность. Первые семь лѣтъ прослужилъ въ новгородской гимназіи. Переведенный старшимъ учителемъ исторіи въ 3-ю петербургскую гимназію, прослужилъ еще десять лѣтъ. Преподавалъ исторію въ патріотическомъ институтѣ и въ кадетскихъ корпусахъ—первомъ и павловскомъ и вездѣ являлся отличнымъ дѣятелемъ, выдающимся педагогомъ. Директоромъ гимназіи онъ былъ въ теченіе 27-ми лѣтъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Зубовскій карликъ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана статья К. А. Бороздина «Три столѣтнихъ старца», въ которой, между прочимъ, описывается жизнь карлика графа Зубова, Ивана Андреевича. Какъ очевидецъ послѣднихъ пяти лѣтъ жизни Ивана Андреевича, по фамиліи Якубовскаго, я могу прибавить къ біографіи этого миниатюрнаго человѣчка кое-какія подробности и исправить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ статью К. А. Бороздина. Оставивъ службу въ гвардіи, я въ 1860 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, переѣхалъ въ Москву къ больному отцу моему, графу Александру Николаевичу Зубову, въ нашъ домъ, на Поварской улицѣ. Здѣсь я засталъ карлика Ивана Андреевича старикомъ, лѣтъ 98-ми, но еще бодрымъ. Онъ читалъ до конца жизни безъ очковъ, только былъ глухъ, такъ что нужно было кричать, когда приходилось съ нимъ говорить, за что старикъ на всѣхъ обижался; онъ имѣлъ вѣру въ цѣлебность какого-то масла, которое ежедневно вливалъ себѣ въ уши, но никакой пользы отъ этого не было; онъ всѣмъ, кто справлялся о его глухотѣ, отвѣчалъ: «Вы сами глухіе!» Его любимымъ занятіемъ было дѣлать клѣтки для птицъ, которыхъ онъ обучалъ пѣнію на маленькой шарманкѣ, да еще онъ дѣлалъ простыя игрушки дѣтямъ дворни. Нѣкоторая часть его столярнаго инструмента находится у меня въ московскомъ домѣ. По зимамъ сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ въ бѣлицемъ халатѣ и выходилъ изъ флигеля, гдѣ онъ жилъ, только разъ въ день, чтобы поклониться отцу моему послѣ обѣда въ два часа. Лѣтомъ же онъ гулялъ по двору въ легкомъ сюртукѣ и фуражкѣ и обѣдалъ со мною почти ежедневно въ четыре часа;

всегда передъ супомъ выпивалъ рюмку водки и ѣлъ съ аппетитомъ. Любимыя блюда его были: ботвинья съ осетриною, окрошка и жареный поросенокъ съ кашею, нерѣдко продѣлывавшій съ нимъ шутки, послѣ которыхъ мой камердинеръ, Филиппъ, братъ Ивана Андреевича на руки и прямо изъ-за стола водворялъ его во флигель. Старикъ часто рассказывалъ о быломъ времени, какъ онъ отъ дѣда моего, графа Николая Александровича Зубова, перешелъ къ свѣтлѣйшему князю Платону Александровичу Зубову, гдѣ состоялъ, то швейцаромъ, доказательствомъ чему служила хранившаяся у него швейцарская перевязь краснаго сукна съ золотымъ галуномъ, то исправлялъ должность дворецкаго и, влѣзая на стулъ, своими маленькими рученками расправлялся съ прислугою. Припоминаю еще слѣдующій рассказъ старика: въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ Петербургѣ, въ которомъ мѣсяцѣ я теперь не припомню, но тогда, когда еще Нева не замерзала, былъ сильнѣйшій вѣтеръ съ дождемъ, Иванъ Андреевичъ шелъ подъ зонтикомъ по набережной; вдругъ порывомъ вѣтра подымаетъ его такъ, что ноги не касаются земли и несетъ его по направленію къ рѣкѣ. Народъ бѣжитъ за нимъ, чтобы удержать; въ это время проѣзжалъ случайно по набережной свѣтлѣйшій князь Зубовъ и увидѣлъ своего карлика летающимъ надъ толпою; онъ остановилъ карету, и, при помощи гайдуковъ, Иванъ Андреевичъ былъ пойманъ и посаженъ рядомъ съ княземъ въ карету; такъ рассказывалъ карликъ о своемъ спасеніи отъ неминуемой смерти. Еще рассказывалъ старикъ, что сопровождалъ мою бабушку графиню Наталью Александровну Зубову, рожденную свѣтлѣйшую княжну Суворову, везущую отца моего въ половинѣ марта мѣсяца 1797 года, въ возкѣ, въ Гатчину, чтобы крестить его въ дворцовой церкви, такъ какъ императоръ Павелъ Петровичъ былъ воспріемникомъ отъ купели, и при этомъ ребенокъ чуть не замерзъ при 30-ти градусахъ мороза. По смерти князя Зубова, скончавшагося въ Роенталѣ, въ Курляндіи, а не въ Шавляхъ, Ковенской губерніи, въ 1822 году, Иванъ Андреевичъ перешелъ къ моей пратеткѣ Ольгѣ Александровнѣ Жеребковой, по смерти которой поселился до конца жизни у отца моего. Жили у насъ въ домѣ, на Поварской, Авдотья Герасимовна Пояркова, бывшая камерфрау моей бабушки и сестра ея Ефросинья Герасимовна. Въ 1862 г., осенью, обѣ умерли въ продолженіе десяти дней отъ тифа; одной было 78 лѣтъ, а другой 76 лѣтъ отъ роду. Мой карликъ только головою качалъ и говорилъ: «Удивляюсь, какъ такія молодыя дѣвѣнцы умираютъ». Самъ же онъ, за годъ до своей смерти, лѣтомъ въ іюнь мѣсяцѣ 1863 года заболѣлъ воспаленіемъ въ кишкахъ и былъ въ безнадѣжномъ состояніи, но благодаря ботвиниѣ съ осетриною, которую поѣлъ съ разрѣшенія домашняго доктора, Василія Ивановича Пфеффера, махнувшего на него рукою, какъ на мертвого, поправился и прожилъ еще годъ. Въ іюль мѣсяцѣ, 12-го числа 1864 года онъ скончался на 103 году жизни, совершенно безболѣзненно, отъ старости. Иванъ Андреевичъ похороненъ въ Донскомъ монастырѣ, около нашей церкви св. Александра Свирскаго, 15-го іюля, въ день св. Равноапостольнаго князя Владиміра и святыхъ карликовъ Кирика и Гулиты, въ тотъ же день поминаемыхъ. Относительно состоянія Ивана Андреевича Якубовскаго, мнѣ кажется, мнѣніе К. А. Вороздина преувеличено; знаю, что еще до моего перѣзда въ Москву, покойный карликъ былъ обворованъ на нѣсколько тысячъ человѣкомъ при немъ находившимся, котораго въ домѣ на Поварской я уже не засталъ, и именно такимъ способомъ: Иванъ Андреевичъ имѣлъ обыкно-

веніе хранить деньги въ сахарной бумагѣ подъ подушкой своей постели и каждый вечеръ передъ сномъ ощупывалъ, цѣла ли пачка? Только разъ, нужно ему было вынуть изъ бумажнаго хранилища деньги, но вмѣсто денегъ нашель только почтовую бумагу. Такъ же не помню у него брилліантовъ и колець. По смерти Ивана Андреевича оказались три тысячи рублей, хранившіеся въ комодѣ, да движимаго имущества, оцѣненного рублей на 800—900. Явился наслѣдникъ, какъ говорили, крестьянинъ Витебской губерніи, младшій племянникъ покойнаго, чуть ли не внучатый, старикъ подъ 70 лѣтъ, но ничего не получилъ, такъ какъ Иванъ Андреевичъ былъ шляхтичъ и крестьяне не могли, по закону, ему наслѣдовать, а завѣщанія никакого онъ не оставилъ; поэтому, все имущество было взято въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, въ Витебскѣ, какъ выморочное имущество.

Графъ П. А. Зубовъ.

II.

Къ исторіи побратимства.

Въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Смѣсь» (на стр. 253) напечатано сообщеніе: «Слѣды побратимства въ русскихъ народныхъ обычаяхъ», гдѣ, между прочимъ, говорится, что: «Остатокъ этого обычая (побратимства) г. Егоровъ имѣлъ случай наблюдать нѣсколько разъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи»; и что «у насъ—русскихъ—существовалъ прежде обычай побратимства въ такомъ же полномъ видѣ, какъ существуетъ онъ и теперь у южныхъ славянъ». Я имѣю возможность сообщить, что у насъ, въ м. Дмитровкѣ Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, обычай побратимства и посестримства очень распространенъ и въ настоящее время, какъ среди малороссовъ, такъ и великороссовъ (населеніе Дмитровки состоитъ изъ двухъ равныхъ почти по количеству частей: малороссовъ и великороссовъ). Обычай этотъ обыкновенно совершается на второй день Пасхи и происходитъ между искренними друзьями, которые, чтобы больше закрѣпить дружбу, соглашаются побрататься. Побратимство бываетъ преимущественно между такими лицами, которые одиноки, не имѣютъ родныхъ братьевъ и сестеръ; одинъ случай знаю такой, что посестрились двѣ женщины потому только, что имена и отчества ихъ были одинаковы и даже у мужей имена одинаковы; но скажу положительно, чтобы обычай этотъ совершался только на второй день Пасхи, но извѣстные мнѣ случаи были именно въ этотъ день. Совершается онъ слѣдующимъ образомъ: согласившіеся побрататься или посестриться сходятся къ кому-нибудь изъ братающихся, приглашаютъ нѣсколькихъ ближайшихъ сосѣдей, въ присутствіи которыхъ снимаютъ икону (сосѣди, разумѣется, знаютъ, что приглашенные ихъ хотятъ побрататься), бьютъ поклоны, цалуютъ икону и цалуются между собою; цалуютъ икону и бьютъ поклоны только тѣ, кто братается, напримѣръ двое мужчинъ; жены ихъ поклоновъ не бьютъ, а цалуются между собою и съ мужьями, и считаются сестрами по-мужьямъ, также и наоборотъ при посестримствѣ.

По окончаніи этого обряда, просятъ присутствующихъ садиться за столъ, подаютъ изысканныя по крестьянскимъ вкусамъ закуски, нарочно приготовленныя и угощаютъ водкой; изрядно выпивъ и закусивъ, названный братъ проситъ брата со всей компаніей къ себѣ въ гости; передъ уходомъ побратавшійся даетъ брату икону, какую-нибудь изъ лучшихъ или нарочно

для этого купленную, какъ бы благословляетъ его и они опять целуются; прійдя къ брату только пьютъ и ѣдятъ; здѣсь тоже присутствуютъ сосѣди, но обряда никакого не бываетъ; когда уходятъ, то получившій икону даетъ свою взамѣнъ и тоже благословляетъ; иногда при этомъ мѣняются крестами. Съ этого времени между побратившимися устанавливаются болѣе чѣмъ родственныя отношенія: во всѣхъ семейныхъ случаяхъ—печальныхъ и радостныхъ—мужья и жены побратавшихся, или посестрившихся, принимаютъ самое близкое участіе; если заболѣетъ изъ нихъ кто-нибудь, то заботятся одинъ о другомъ; при случаяхъ сватовства сына или дочери, побратавшіеся безъ совѣстнаго совѣта и согласія сами не рѣшатся женить, или выдать.

Въ матеріальныхъ затрудненіяхъ одинъ другому помогаетъ сколько можетъ и при томъ безъ всякихъ счетовъ, хотя болѣе нуждающійся старается, чтобы не вышло съ его стороны въ этомъ отношеніи злоупотребленія.

Побратимство и посестримство считается такимъ близкимъ родствомъ, что находятъ невозможнымъ сватать дѣтей одинъ у другого; были два случая, что такіе побратимы обращались ко мнѣ за разъясненіемъ, можно ли имъ поженить дѣтей, которыхъ они никакъ не могли отговорить не вступать въ бракъ. Разумѣется, я разрѣшалъ; они хотя и женились, но остались при своемъ убѣжденіи, что это нельзя—грѣхъ. Заинтересовавшись этимъ обычаемъ, я узнавалъ могутъ ли вступать въ бракъ, по ихъ взглядамъ: вдовецъ побратимъ съ вдовой своего побратима? и мнѣ сказали, что этого не было, но думать, что это все равно, если бы хотѣлъ жениться вдовецъ на вдовѣ своего родного брата.

Не знаю, откуда заимствованъ этотъ обычай дмитровцами, принесли ли они его изъ тѣхъ мѣстъ, откуда были переведены во время заселенія Новороссійскаго края, или, можетъ быть, заимствовали его у сербовъ, которыхъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, въ Дмитровкѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ края сербомъ Иваномъ Хорватомъ, было довольно.

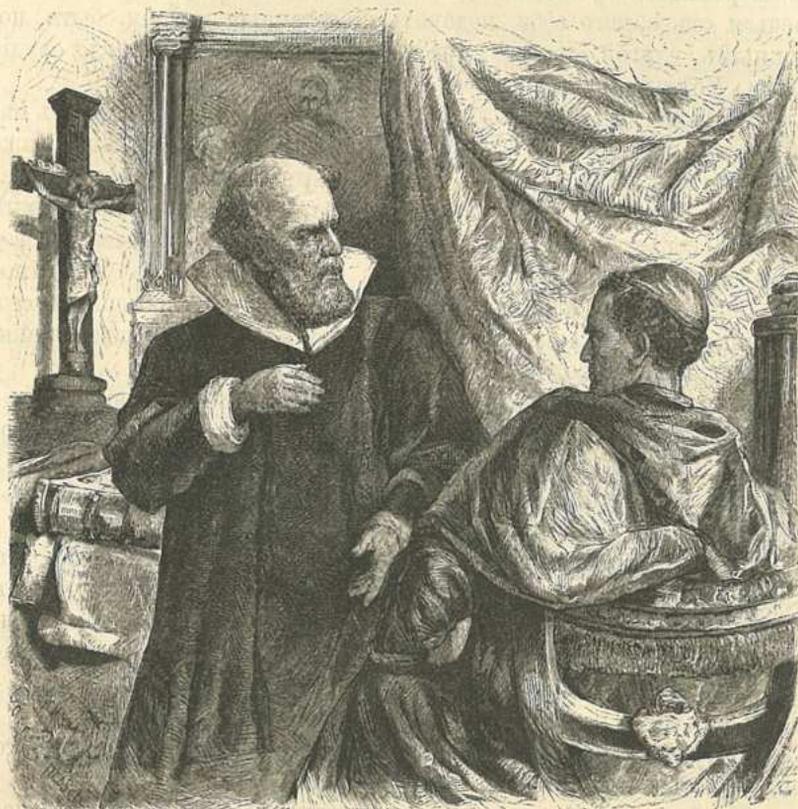
По сохранившимся ордерамъ въ церковномъ архивѣ Успенской церкви м. Дмитровкѣ видно, что въ 1754 г. Дмитровка была квартирою 17 роты гусарскаго Хорватова полка; здѣсь жилъ и онъ самъ и основалъ многія окружныя села. Дмитровка самое древнѣйшее изъ поселеній этого края, существовавшая до назначенія Хорвата; такъ, напр., извѣстно, что въ 1730 г. въ Дмитровкѣ была сожжена церковь, во имя св. князя Владиміра, татарами. Очень можетъ быть, что обычай побратимства дмитровцами заимствованъ у сербовъ, бывшихъ съ Хорватомъ.

Свящ. Г. И. Сорокинъ.

М. Дмитровка,
Александр. уѣз., Херсон. губ.

безумовної субординації, отъ которой никто изъ постригшихся не смѣлъ уклониться, подъ страхомъ тяжкаго тѣлеснаго наказанія, подъ страхомъ лишенія свободы и жизни, іезуитскій орденъ достигъ великаго могущества. Вскорѣ началась дѣятельность, распространившаяся на всѣ части свѣта, недосягаемая по своимъ результатамъ, приобрѣвшая всемірно-историческое значеніе въ исторіи борьбы католицизма съ реформаціей. Члены ордена не были

Галилей предъ кардиналомъ Белларминомъ.

заточены въ монастырь, но непременно должны были вращаться среди мірянъ, посвящая свою дѣятельность, подъ разнообразными видами, цѣлямъ папства. Іезуитскій орденъ сдѣлался могущественнымъ орудіемъ въ папскихъ рукахъ, съ другой стороны являясь въ свою очередь силой, которая властвовала надъ папствомъ. Самымъ могущественнымъ средствомъ вліянія ордена было воспитаніе юношества, которое въ большинствѣ государствъ перешло въ руки іезуитовъ. Огромныя заслуги ордена

имѣють горячихъ панегиристовъ; его заблужденія и ошибки столь же ожесточенныхъ порицателей. Стремленіе къ господству скоро вывело орденъ на совершенно свѣтскій путь; его подозрительное вліяніе какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ, вызывало оппозицію, которая при существованіи партій въ лонѣ самой церкви, пользовалась всѣми средствами, чтобы уничтожить опаснаго врага.

Беллярминъ былъ иезуитомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его кореннымъ убѣжденіемъ было то, что человѣкъ долженъ отречься отъ самого себя, подавить собственныя мнѣнія, быть послушнымъ слугой святого престола и дѣйствовать какъ орудіе церкви. Убѣдительнымъ тономъ онъ отвѣтилъ Галилею:

— Истина! Что есть истина? Для меня истина покоится въ нашей святой церкви и непогрѣшимо вѣщаетъ устами ея главы. Даже ложное мнѣніе можетъ носить образъ истины, ибо человѣкъ ограниченъ въ своихъ помыслахъ и чувствахъ. Поэтому позвольте мнѣ еще разъ серьезно допросить васъ—на чемъ вы основываете свое ученіе, противорѣчащее священному писанію? Всѣмъ извѣстное слово Божіе—вотъ наша истина, и если вы будете отвергать его, вамъ никогда не будетъ ни благословенія Божія, ни благополучія.

Эти слова, однако, не произвели своего дѣйствія.

— Я никогда не стремился къ личному благополучію,—возразилъ Галилей,— я слѣдую единственно внутреннему влеченію, которое и вывело меня на дорогу научнаго изслѣдованія.

Теперь и Беллярминъ сдѣлался неумолимымъ противникомъ. Рѣзко возразилъ онъ:

— Приготовляйтесь къ трудной битвѣ и будьте увѣрены, что вы проиграете въ ней. Вамъ извѣстно, что святой престолъ издалъ постановленіе, въ силу котораго ученіе Коперника о вращеніи земли вокругъ своей оси и вокругъ солнца не должно быть распространяемо. Вы же, пренебрегая этимъ постановленіемъ, будете вынуждены испытать на себѣ и послѣдствія такого поведенія.

— Постановленіе говорить о публичномъ распространеніи этого ученія,—возразилъ Галилей.

— На базарной ли площади, письменно или устно это происходитъ—церковь все равно никогда не потерпитъ недозволеннаго,—замѣтилъ Беллярминъ.

— Еслибы я и открыто распространялъ свое ученіе,—началь опять легко увлекающійся Галилей,—то все-таки имѣлъ бы право защищаться; а пока я вовсе не обязанъ спрашиваться—имѣю ли право на вашу защиту, которой пришелъ просить у васъ.

— Ищите суда высшей духовной власти, если думаете, что здѣсь во Флоренціи вамъ отказано въ вашихъ правахъ,—сказалъ Беллярминъ, зная, что ожидаетъ Галилея, если онъ вздумаетъ обратиться въ Римъ къ папской судебной власти.

Но Галилей въ полномъ сознаніи своего права возразилъ:

— Это я сдѣлаю, и если во Флоренціи духовное судилище медлитъ съ моею защитой, я пойду искать защиты въ Римѣ. Моя совѣсть чиста—и съ этимъ щитомъ я пойду въ битву. Если мое дѣло будетъ проиграно и въ Римѣ,—однимъ мученикомъ истины будетъ больше.

Послѣ этого Галилей раскланялся съ Бельярминомъ, поспѣшно покинувъ кардинальскіе покои и дворецъ.

Оба мужа послѣ этого разговора были въ крайне воинственномъ настроеніи, котораго не могли изгладить ни событія ближайшихъ дней, ни текуція занятія. Галилей со всѣмъ жаромъ занялся приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ въ Римъ, въ которой должна была сопровождать его и Цецилія. Это было для него очень труднымъ дѣломъ, такъ какъ при всѣхъ хлопотахъ, кромѣ того, должны были на долгое время прерваться и его лекціи.

Въ послѣдніе дни къ Галилею явился одинъ новый ученикъ. Это былъ Бернардо Спинелли, сообщившій своимъ роднымъ, что намѣревается слушать лекціи знаменитаго механика и астронома, бывшаго, какъ извѣстно, особеннымъ любимцемъ кардинала Барберини. Родители не могли ничего возразить, ибо серьезныя занятія никогда не повредятъ ихъ сыну, и сверхъ того извѣстили Бернардо, что дядя не только не истолкуетъ въ худую сторону этой, какъ будто потери времени, но, можетъ быть, даже порадуется, что племянникъ интересуется наукой.

Бернардо за послѣднее время очень сблизился съ Цециліей; но хотя они были увѣрены, что любятъ взаимно, все-таки Цецилія оставалась вѣрна своему намѣренію, разъ рѣшившись отказаться отъ своего счастья. Она не хотѣла покидать отца, хотѣла всегда оставаться вблизи его, молясь за него и прося Творца о благѣ своего единственнаго друга. Если же онъ умретъ, она пойдетъ въ самый суровый монастырь, чтобы самоотреченіемъ вымолить ему вѣчное блаженство.

Бернардо пытался неоднократно тронуть Цецилію своей любовью, но она постоянно избѣгала объясненій. Юноша вскорѣ убѣдился въ тяжелой необходимости разлуки и объявилъ Цециліи, что онъ, наконецъ, рѣшается уѣхать въ Римъ. Она почти не возражала на это; сказанное же ею не могло измѣнить его намѣреній. Такимъ образомъ, все приготовивъ для своего отъѣзда, Бернардо еще разъ пошелъ въ домъ Галилею, чтобы проститься съ его дочерью.

Цецилія встрѣтила его въ своей комнатѣ, гдѣ она сидѣла за своими любимыми занятіями. Домашній алтарь изящной рѣзной работы съ изображеніемъ св. Дѣвы Маріи предсталъ глазамъ вошедшаго. На кушеткѣ лежала лютня, а вблизи оконъ были разставлены заботливо-взросщенные цвѣты; на разноцвѣтныхъ оконныхъ стеклахъ были изображены сцены изъ житія святой Цециліи.

Различныя художественныя вещи украшали стѣны. Все вообще здѣсь дышало утонченнымъ вкусомъ и любовью къ изящному.

Когда Бернардо вошелъ, Цецилія быстро встала, встрѣтивъ его съ радостнымъ возбужденіемъ. Ея наивная душа забыла на мгновенье свою мрачную серьезность, которая порой въ нее закрадывалась.

— Милости просимъ!—сказала Цецилія, протянувъ Бернардо обѣ руки, которыя онъ жадно схватилъ, проговоривъ: «Здравствуйте!» Онъ поцѣловалъ у ней правую руку и, замѣтивъ, какъ Цецилія покраснѣла, ибо неожиданная встрѣча привела ее всмущенію, спросилъ:

— Что съ вами? Вы словно онѣмѣли?

— Извините, синьоръ Бернардо,—возразила она,—повѣрьте, что я всегда сердечно рада васъ видѣть. Могла ли я забыть, какъ вы защитили меня въ тотъ ужасный день; я никогда не устану благодарить васъ за это.

Такіе переходы въ настроеніи Цециліи повторялись все чаще, и они-то именно и дѣлали Бернардо такимъ несчастнымъ. Онъ выпустилъ ея руки изъ своихъ рукъ и болѣзненно проговорилъ:

— Какъ, однако, холодна ваша благодарность.—Потомъ умоляющимъ голосомъ онъ заговорилъ.—И вы постоянно говорите о благодарности и долгѣ, но что я для васъ сдѣлалъ? Вѣдь это же могъ для васъ сдѣлать и всякій другой. Поэтому мнѣ и горько сознаніе, что отъ васъ нечего ждать; скажите же хоть еще разъ: «добро пожаловать» такъ же нѣжно, какъ вы говорили.

Цецилія снова протянула ему обѣ руки и стыдливо повторила:

— Ну, добро пожаловать!

— Вотъ это такъ!—сказалъ Бернардо,—именно сегодня вы не должны принимать меня такъ сухо: вѣдь я пришелъ проститься съ вами; мнѣ хочется послушаться вашего прелестнаго голоса, онъ будетъ моимъ талисманомъ въ шумномъ Римѣ, живо напоминая мнѣ о Флоренціи.

— Вы скоро забудете тамъ всѣ свои молодя увлеченія,—замѣтила Цецилія.

— Но ни васъ, ни того, что я пережилъ здѣсь, во Флоренціи,—быстро заговорилъ Бернардо,—ни того часа, когда моя рука защищала васъ, ни тѣхъ сладкихъ мгновеній, когда я могъ созерцать ваши прелестныя черты и заслушиваться вашего нѣжнаго голоса.

— О, тише!—съ легкимъ трепетомъ проговорила Цецилія,—не напоминайте мнѣ, что моя душа полна заботами о благѣ отца.

— Да, я знаю, что тайно затѣвается противъ него.

— У него былъ съ кардиналомъ Беллярминомъ крупный разговоръ, и кардиналъ послалъ его къ папѣ искать правосудія.

— Да, только тамъ онъ и долженъ искать! Какъ бы я порадовался, еслибы встрѣтилъ въ Римѣ его, а, можетъ быть, и васъ.

— Имя Рима, которое всякій другой произноситъ съ священнымъ трепетомъ, пробуждаетъ во мнѣ тягостныя воспоминанія. Я никогда не могу забыть, какъ однажды отецъ, любезно приглашенный въ Римъ папой Павломъ V, совсѣмъ уже приготовился къ поѣздкѣ и вдругъ умираетъ моя мать. И теперь отецъ порѣшилъ было остаться, потому что въ Римѣ, какъ онъ самъ говорилъ, для него будетъ небезопаснѣе здѣшняго — и я могу очутиться въ чужомъ большомъ городѣ безпомощной сиротой. Вотъ почему имя Рима пробуждаетъ во мнѣ мрачныя предчувствія.

— Подавите ихъ, если источникъ этихъ предчувствій боязнъ за исходъ дѣла вашего отца въ Римѣ. Повѣрьте, что онъ гораздо болѣе выиграетъ, если будетъ самъ защищаться передъ верховнымъ судилищемъ, избѣжавъ посредничества хитраго Беллярмина, вѣрнаго слуги ордена іезуитовъ, убивающихъ въ себѣ всѣ человѣческія чувства, не признающихъ никакихъ иныхъ мнѣній, кромѣ неподвижныхъ церковныхъ догматовъ.

— Жертвовать всѣми земными привязанностями для спасенія рода человѣческаго есть величайшее самопожертвованіе. Горе отцу, если Беллярминъ уже произнесъ надъ нимъ приговоръ.

— Какъ? — возразилъ удивленный Бернардо, — неужто вы вѣрите, что вашего отца могутъ въ чемъ-нибудь подозревать?

— Я боюсь, какъ бы онъ не попался въ хитро-разставленныя сѣти; всѣ мои мольбы о томъ, чтобы избавить отца отъ опасности, грозящей со стороны темной, враждебной власти.

Бернардо ужаснулся этихъ словъ, раскрывавшихъ ему часть тѣхъ страданій, которыя столь сильно мучили Цецилію. При своихъ веселыхъ, беззаботныхъ лѣтахъ онъ не испыталъ, конечно, ничего серьезнаго: онъ ничего не зналъ о тягостной внутренней борьбѣ, онъ не могъ понять всей глубины страданій, наполнявшихъ запуганную душу дѣвушки. Поэтому онъ не нашелся чѣмъ бы дѣльнымъ утѣшить Цецилію, удовольствовавшись словами:

— Если ваша молитва будетъ услышана на небесахъ, милосердіе снизойдетъ на вашего отца: вѣдь ваша молитва должна быть столь же дѣйствительна, какъ предстательство святыхъ передъ престоломъ Всевышняго.

— О, типе, — замѣтила Цецилія, — вы кощунствуете!

Но Бернардо, забывъ кажется обо всемъ, съ увлеченіемъ продолжалъ:

— Развѣ нуженъ для добродѣтели вѣнецъ, чтобы боготворить ее? Вы для меня святая, ибо сотворили со мной чудо. Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ васъ, весь міръ просвѣтлѣлъ и преобразился для меня; раньше моимъ завѣтнымъ желаніемъ было только — жить въ Римѣ для своего искусства. Теперь я сознаю, какимъ я былъ мальчикомъ, не знавшимъ ни настоящихъ желаній, ни истиннаго

счастья, не знавшимъ той драгоцѣнности, которая показала мнѣ мѣръ въ новомъ пышномъ свѣтѣ.

Глубоко взволнованная, Цецилія прервала Бернардо словами:

— О, не говорите дальше: я не могу этого слышать. Вы сравнили меня съ святыми, но забыли что святые отрекаются отъ міра? Я должна нести свой тяжелый крестъ, жертвуя своими надеждами любви къ отцу. Уйдите! Забудьте меня: я вѣдь никогда не исполню вашихъ надеждъ. На прощанье я благословляю васъ— достигайте въ искусствѣ громкой славы, которая, я увѣрена, увѣнчаетъ ваши стремленія.

Эти слова такъ подѣйствовали на Бернардо, что онъ словно упалъ съ седьмого неба; хотя не всѣ еще надежды его были разрушены, но все-таки онъ понималъ, что теперь было неудобно вести далѣе объясненія съ Цециліей. Убитый горечью разлуки и увлеченный горячей волной своей страсти, онъ порывисто обнялъ Цецилію и затѣмъ поспѣшно удалился, не проронивъ ни одного слова.

Цецилія стояла словно оглушенная сильнымъ ударомъ. Наконецъ, очнувшись, обратилась къ домашнему алтарю, упала на колѣни и, ломая руки предъ образомъ Св. Дѣвы, отдалась обильнымъ слезамъ. Рыдая, прерывающимся голосомъ она такъ молилась изъ глубины сердца: «О, Св. Дѣва! Ты знаешь муки моего сердца, я жертвую своею первою любовью для спасенія и блага отца. Пошли мнѣ утѣшеніе и силу. Благослови юношу, котораго я люблю больше своей жизни и чье сердце также горячо любить меня. Помогни ему достичь всего, къ чему стремится его благородная и гордая душа, подай ему забвеніе — или нѣтъ, — пусть онъ съ тайной грустью вспоминаетъ обо мнѣ».

Бернардо Спинелли уѣхалъ изъ Флоренціи съ глубокой раной въ сердцѣ. Передъ отъѣздомъ онъ не видѣлся ни съ однимъ изъ своихъ друзей: онъ не вѣрилъ, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ могъ понять его страданія. Онъ не могъ и не смѣлъ своими разъясненіями накидывать хотя бы легкую тѣнь на поведеніе Цециліи. Бернардо полюбилъ ее еще искреннѣе съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о тяжелой заботѣ, тяготившей ее сердце; но онъ надѣялся на Римъ, надѣялся на своего дядю Барберини, въ рукахъ котораго теперь была не только его художественная будущность, но счастье всей его жизни. Могъ или не могъ повиситься его дядя при предстоящихъ выборахъ папы, Бернардо все-таки признавалъ за нимъ достаточно силы и вліянія, чтобы разрушить враждебные замыслы противъ Галилея и добиться правосудія для благороднаго ученаго. Разъ это будетъ достигнуто, тогда и Цецилія пойметъ, что только подлая клевета можетъ считать великія заслуги ея отца богоотступничествомъ и тяжкимъ грѣхомъ противъ церкви. Какъ бы она была счастлива, еслибы былъ восстановленъ ея сердечный покой,

еслибы разсѣялись всѣ ея опасенія! Когда бы она знала, какъ онъ старался ради этого, когда бы она увидѣла глубокое уваженіе, которое онъ питалъ къ великому ученому, она должна была бы повѣять, что съ ея стороны не нужно никакихъ жертвъ и что къ ней вернуться и жизнь, и счастье. Денно и ночью онъ былъ погруженъ въ эти мечтанія; сначала онъ только успокоивали ноющую боль его раненаго сердца, а затѣмъ онъ отдался имъ съ такимъ юношескимъ пыломъ, что по дорогѣ въ Римъ совершенно увѣрился въ чаемомъ исполненіи своихъ надеждъ.

На самомъ же дѣлѣ, его терпѣнію пришлось вынести тяжелое испытаніе. Во время его прибытія въ Римъ, тамъ случилось происшествіе, державшее уже столько недѣль въ томительномъ напряженіи весь католическій міръ, такъ какъ скончался папа Григорій. По принятому обычаю, тѣло его было поставлено на пышный кафалкъ посреди церкви Св. Петра, и въ то время какъ масса низшаго и высшаго духовенства при свѣтѣ безчисленныхъ свѣчей пѣла мессы, литіи и молитвы, народъ толпами тѣснился въ храмъ, чтобы поцѣловать обутую въ драгоценную позолоченную туфлю ногу усопшаго папы.

Между прочими здѣсь присутствовали и кардиналы изъ всѣхъ мѣстъ христіанскаго міра. Однимъ изъ первыхъ прибылъ кардиналъ Белярминъ; явился также и архіепископъ неаполитанскій, кардиналъ Филомарино. Въ теченіе избранія новаго папы кардиналы соблюдали полную замкнутость, не сообщаясь ни съ кѣмъ изъ мірскихъ людей, кромѣ тѣхъ, чьими услугами они пользовались. Поэтому для Бернардо не было никакой возможности поговорить съ своимъ дядей-защитникомъ; онъ долженъ былъ довольствоваться другими своими родными, которые однако мало интересовались сыномъ Томазо Спинелли, занятые въ это чреватое событіями время выгодами, могущими проистечь въ случаѣ избранія въ папы Барберини. Такимъ образомъ, юному живописцу было достаточно времени наблюдать надъ удивительными занятіями въ большомъ городѣ, центрѣ всей политической и церковной жизни; онъ могъ спокойно изучать руины античныхъ построекъ и наслаждаться чудными созданіями великихъ мастеровъ XV столѣтія, этой блестящей эпохи развитія итальянскаго искусства.

Въ одинъ прекрасный день онъ бродилъ по улицамъ, кипѣвшимъ теперь необычайнымъ оживленіемъ; въ городѣ наѣхало множество иностранцевъ, желавшихъ дождаться результатовъ выборовъ; сами жители также были крайне оживлены вслѣдствіе всеобщаго возбужденія, принимая такъ или иначе участіе въ текущихъ событіяхъ. Вдругъ въ пестрой толгѣ предъ нимъ мелькнуло знакомое лицо, и послѣ обоюднаго удивленія Бернардо раскланялся съ Вивіани, самымъ юнымъ и самымъ даровитымъ ученикомъ Галилея изъ одной извѣстной флорентинской фамиліи; Вивіани не остано-

вился передъ тѣмъ, чтобы послѣдовать за своимъ любимымъ учителемъ въ Римъ. Для Бернардо также пріятна была эта встрѣча, какъ радостная встрѣча съ любимымъ родственникомъ; вскорѣ молодые люди сидѣли за стаканомъ вина, бесѣдуя объ ожидаемыхъ перемѣнахъ въ судьбѣ Галилея. Бернардо Спинелли узналъ, что Галилей по совѣту великаго герцога тосканскаго, своего защитника и покровителя, поселился во дворцѣ тосканскаго посольства. Его догадки о томъ, что Цецилія съ отцомъ уже въ Римѣ, вполнѣ подтвердились. Бернардо стоило большого труда скрыть сильное біеніе своего сердца и побѣдить радостное возбужденіе всего своего существа. Мысль, что Цецилія здѣсь, вблизи,—мысль о скоромъ свиданіи съ нею, наполняла его величайшимъ блаженствомъ, но онъ скрывалъ свои чувства, разговаривая съ Вивіани совершенно серьезно и хладнокровно о предстоящемъ избраніи папы и о всемъ, что могло касаться этого избранія.

Когда молодые люди разстались, Вивіани поспѣшилъ къ Галилею, которому, по тогдашнему обычаю, онъ чувствовалъ себя обязаннымъ по доброй волѣ служить при исполненіи различныхъ порученій. Онъ встрѣтился у Галилея съ Цециліей; когда онъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ молодымъ Спинелли, который надѣялся на избраніе своего дяди въ папы, радостная увѣренность исполнила сердца отца и дочери, ибо Галилей предполагалъ, что новый папа будетъ для него такимъ же вѣрнымъ другомъ и неизмѣннымъ защитникомъ, какимъ былъ во время своего кардинальства. Цецилія на мгновеніе забыла всѣ свои тяжелыя заботы въ сладостномъ сердечномъ волненіи, почувствовавъ страстное желаніе увидѣться съ дорогимъ Бернардо, не смотря на всѣ благочестивыя намѣренія и обѣты отреченія.

Въ Ватиканѣ въ это время было совѣщаніе не только вообще близко касавшееся судьбы Галилея, но и прямо противодѣйствовавшее всѣмъ надеждамъ, которыя питалъ ученый астрономъ. Кардиналы Беллярминъ и Барберини отъ юности были на дружеской ногѣ, и между ними существовали тѣ особенныя отношенія, которыя иногда образуются между энергичными, проницательными натурами и характерами, склонными болѣе къ занятіямъ научнымъ и художественнымъ, чѣмъ къ практической дѣятельности. Люди, подобные Беллярмину, могли рассчитывать на хорошую карьеру, на достиженіе высшей ступени въ церковной іерархіи, и онъ въ этомъ былъ увѣренъ, уже теперь состоя председателемъ инквизиціоннаго трибунала и выдающимся членомъ іезуитскаго ордена, облеченнымъ высшей властью. Теперь все его желаніе состояло въ томъ, чтобы отстоять избраніе своего друга Барберини; въ такомъ случаѣ онъ могъ быть увѣренъ на несомнѣнное достиженіе всѣхъ своихъ желаній. Настойчивый и рѣшительный Беллярминъ передъ смертью Григорія повздорилъ съ нимъ, и слѣдствіемъ этого раз-

дора было его назначеніе къ архіепископу тосканскому съ пребываніемъ во Флоренціи; теперь все должно было измѣниться: Беллярминъ намѣревался при новомъ папѣ управлять всѣмъ христіанскимъ міромъ. Планы, которые онъ таилъ въ своей груди, клонились главнымъ образомъ къ искорененію раскола, къ изобрѣтенію всякихъ мѣропріятій, долженствовавшихъ служить къ подавленію свободныхъ проявленій человѣческаго духа и къ водворенію непоколебимаго авторитета и господства церкви.

Сѣздъ кардиналовъ въ Ватиканѣ былъ на этотъ разъ не болѣе, какъ пустой церемоніей. Они собрались по предписанію для совѣщанія и дебатировали относительно нѣкоторыхъ лицъ казавшихся особенно способными для избранія, но въ принципѣ почти всѣ рѣшили подать свои голоса за Барберини, что сдѣлалось, конечно, не безъ вліянія Беллярмина. Но никто изъ кардиналовъ не предугадалъ замысловъ хитраго іезуита,—онъ же былъ настолько уменъ, чтобы не выдать ихъ.

Если кардиналамъ и наскучила замкнутость во время выборовъ, все-таки они должны были высидѣть указанный срокъ; всякій старался по своему убить это время, что, конечно, было не совсѣмъ легко при существовавшихъ обстоятельствахъ. Такой человѣкъ, какъ Беллярминъ, не могъ находить удовольствія въ пустыхъ бесѣдахъ и въ рисованіи плановъ всякихъ торжествъ, онъ желалъ серьезной дѣятельности, достиженія извѣстной цѣли, и поэтому представившимися обстоятельствами онъ воспользовался для того, чтобы испытать свое вліяніе на Барберини.

Однажды они сошлись въ совѣщательной комнатѣ. Высокая фигура архіепископа Флоренціи съ умными, строгими чертами лица являла рѣзкій контрастъ съ фигурой его друга, на добродушной фізіономіи котораго отпечатлѣвалась живая веселость. Предметы для совѣщанія всѣ были обсуждены и всѣ кардиналы кое о чемъ болтали другъ съ другомъ; Барберини же, съ тяжкимъ вздохомъ обратившись къ Беллермину, началъ такъ:

— Я не знаю, какъ благодарить Бога за то, что наконецъ кончились выборы, эти выборы, которые предоставили мнѣ едва ли не самую высшую земную власть, но въ то же время едва ли и не самую тяжелую отвѣтственность. Никто лучше меня не знаетъ, что во мнѣ недостаетъ силъ для такой тяжелой должности; единственное мое умѣшеніе—это твоя близость и сознаніе, что ты будешь моей опорой.

— Ты знаешь,—возразилъ Беллярминъ успокоительнымъ тономъ,—что я буду охотно облегчать тебѣ тяжесть твоей новой должности, ты можешь быть увѣренъ, что я безъ отдыха буду заботиться о тебѣ и что никогда не устану въ своемъ рвеніи. Но прежде чѣмъ отдаваться своимъ новымъ обязанностямъ со всякаго рода заботами и тревогами, мнѣ хотѣлось сообщить тебѣ объ од-

номъ дѣлѣ величайшей важности, которое заставляло меня часто задумываться и много размышлять.

Нетерпѣливо взглянулъ на него Барберини и сказалъ:

— Что же это такое? Говори! Это любопытно.

— Это дѣло Галилея,—замѣтилъ Беллярминъ,—которое, по моему мнѣнію, не терпитъ отлагательства. Поэтому я и счелъ нужнымъ сказать тебѣ о немъ, пока ты не украсился тiarой.

— Если я не ошибаюсь,—возразилъ Барберини,—то ты говоришь уже, что Галилей прїѣдетъ въ Римъ. — Позволь же ему самому защищаться. Онъ сможетъ это сдѣлать, въ этомъ я убѣжденъ, и моя завѣтная мечта удержать его въ Римѣ. Все, что только онъ пожелаетъ, будетъ ему пожаловано: важное мѣсто, обильныя средства и всякаго рода отличія, особенно же моя постоянная дружба,—прежде же всего свобода въ научныхъ занятіяхъ.

— Если эти занятія не уживаются съ церковными догматами,—быстро проговорилъ Беллярминъ.

— Конечно,—возразилъ Барберини,—это необходимое условіе, и я не сомнѣваюсь, что онъ найдетъ правый выходъ, уничтоживъ взводимыя на него обвиненія.

— Вы хотите надѣяться на это,—возразилъ вдумчиво Беллярминъ, и вдругъ съ горячностью продолжалъ:—вѣдь тебѣ извѣстно, Павелъ V, издалъ запрещеніе Коперникова ученія, доказывавшаго, что земля вертится вокругъ своей оси и вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ солнца. Запрещеніе потому было обнародовано, что это ученіе противорѣчило священному писанію. Это ученіе пріобрѣло защитника въ лицѣ Галилея. Его новое сочиненіе, которое онъ посвятилъ тебѣ, какъ своему покровителю, переходитъ даже границы Коперникова ученія.

Барберини почувствовалъ себя непріятно уколотымъ. Онъ охотно заглядывалъ въ область научныхъ изслѣдованій и художественнаго творчества, и въ той, и въ другой области онъ былъ одинаково-горячимъ диллетантомъ, но не любилъ принимать на себя слишкомъ большихъ трудовъ или подвергать себя опасности изъза убѣжденія; какъ въ дѣлахъ церковныхъ онъ слѣпо довѣрялся Беллярмину, такъ въ вопросахъ наукъ естественныхъ онъ полагался на авторитетъ своего ученаго друга. Поэтому онъ сказалъ:

— Такъ надо будетъ указать, какъ привести въ согласіе это ученіе со словами священнаго писанія. Я убѣжденъ, что это ему удастся; я достаточно знакомъ съ его убѣжденіями и думаю, что онъ охотно измѣнитъ свой взглядъ, коль скоро увидитъ свои заблужденія.

Не теряя совсѣмъ самообладанія, Беллярминъ все-таки съ большимъ удареніемъ замѣтилъ:

— А если онъ не заблуждался,—поразмысли о послѣдствіяхъ.

— Если онъ не заблуждался?—смущенный, въ нерѣшительности переспросилъ Барберини.

— Да, если онъ не заблуждался,—убѣдительно настаивалъ Беллярминъ, и послѣ нѣкоторой паузы опять продолжалъ:—ты не размышляешь и не видишь опасности, которая намъ угрожаетъ со стороны Галилея. Позволь же мнѣ снять съ твоихъ глазъ повязку, чтобъ ты увидѣлъ почву, на которой мы стоимъ. То, о чемъ догадывался великій духъ Павла V, есть глубокая истина: въ ученіи Коперника для церкви заключается величайшая опасность. Вѣдь выходитъ, что каждая звѣзда можетъ вращаться по своимъ законамъ, если землѣ принадлежать такія же права. Наша единственная и высочайшая обязанность доказывать, что это ложь. Долженъ быть единъ пастырь, пекущійся обо всѣхъ, одна глава великаго тѣла человѣчества, и эта глава должна думать за все тѣло, устанавливая законы. Взгляни же на Германію, на это гнѣздо ереси; едва сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Лютеръ, наглый и дерзкій монахъ, попралъ законы св. церкви. Непростительное безсиліе, оставившее его безъ наказанія, между тѣмъ, какъ онъ былъ въ нашей власти, вѣчно было, есть и будетъ для насъ тяжелымъ упрекомъ, — но вѣдь Галилей гораздо опаснѣе Лютера.

Барберини было не по себѣ. Ему стало душно, и онъ ухватился за спасительное средство для всѣхъ слабыхъ характеровъ, перенося спорный вопросъ на личную почву.

— Ты просто ненавидишь его,—сказалъ онъ съ досадой,—и поэтому смотришь на всѣ вещи глазами врага.

На тонкихъ губахъ Беллярмина чуть замѣтно зашмыгалась проническая улыбка.

— Какъ плохо ты думаешь обо мнѣ!—возразилъ онъ,—я ненавижу не человѣка, а его ученіе и поступки; послѣднее я дѣйствительно ненавижу такъ же, какъ ядовитую змѣю. Ученіе Коперника заключаетъ въ себѣ смертельный ядъ; нужно поэтому всѣми силами препятствовать, чтобы оно не распространялось и не приобрѣтало характера истины.

Подавляющая энергія иезуита напугала слабого Барберини.

— Но что же можетъ случиться? — прошепталъ онъ. — Развѣ Галилей долженъ умереть?

— Нѣтъ, — возразилъ Беллярминъ,—не смерть человѣка обезопаситъ насъ, а смерть ученія, которое онъ такъ настойчиво защищаетъ. То, что онъ считаетъ истиннымъ, онъ долженъ по нашему требованію признать бездоказательнымъ и ложнымъ.

— Какъ,—сказалъ Барберини,—Галилей долженъ отказаться и признать фальшивымъ то, что онъ призналъ за истинное? Да ты его не знаешь! Никогда онъ этого не сдѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ нужно его принудить силою клятвенно

отречься отъ своего ученія, — возразилъ Беллярминъ съ ледяной холодностью.

— Силой! — вскричалъ Барберини, забывъ про мѣсто, гдѣ они находились.

— Какъ, — возразилъ съ упрекомъ Беллярминъ, — неужели я въ тебѣ дѣйствительно ошибся? Ты упрямо скрываешься отъ меня и не обращаешь вниманія на то, что для нашей св. церкви особенно дорого? Обдумай же хорошенько: скоро тебѣ придется сдѣлаться намѣстникомъ Христа, преемникомъ апостола, трижды корованнымъ властителемъ міра; твои слова будутъ выраженіемъ земной и небесной справедливости, предъ которой трепещутъ царства всего міра! Какой все окажется жалкой и пустой химерой, коль скоро земля вращается вокругъ самой себя только какъ огненный шаръ, какъ спутникъ солнца! Я говорю: если вращается земля, наша вѣра въ душеспасительную церковь поколеблена. Власть папы, право церкви наказывать и прощать здѣсь и тамъ, будетъ послѣ этого пустой болтовней и станетъ вызывать лишь насмѣшки легкомысленной черни.

Барберини не могъ ничего возразить, но все еще медлилъ.

— И такъ моя власть должна погубить его, — съ горечью замѣтилъ онъ, — вмѣсто того, чтобы возвысить и наградить. Мой первый судейскій приговоръ долженъ быть произнесенъ надъ глубоко-чтимымъ, вѣрнымъ другомъ.

Беллярминъ понялъ, что долженъ былъ употребить болѣе сильное средство, чтобы обезопасить себя послѣ состоявшихся выборовъ отъ подобныхъ выходовъ Барберини. Соболезнующимъ тономъ онъ сказалъ:

— Твое доброе сердце думаетъ о пощадѣ, не понимая, что послѣ ты самъ будешь смѣяться надъ этимъ. Новое твореніе, о которомъ мы уже говорили и которое Галилей посвятилъ тебѣ, заключаетъ такую непростительную насмѣшку надъ тобой, что я едва осмѣливаюсь обратить на это твоё вниманіе.

— Насмѣшку надо мной? — спросилъ раздраженный Барберини, — и Галилей позволилъ надо мной насмѣхаться? Нѣтъ, ты невѣрно понялъ, это невозможно.

— Чтò могло ускользнуть отъ тебя, то я при стараніи могъ замѣтить, — при томъ же стараніи, съ какимъ ты его защищаешь. Ты знакомъ съ новымъ сочиненіемъ Галилея только въ общихъ чертахъ, я же постигъ его досконально по своей обязанности председателя цензурнаго трибунала. Хочешь ли выслушать доказательство моего мнѣнія?

— Говори свободно и откровенно, — замѣтилъ Барберини.

Беллярминъ началъ такъ:

— Три лица спорятъ о запрещенномъ ученіи Коперника; двое

стоять за ученіе о вращеніи земли, а третій защищаетъ точку зрѣнія церкви; послѣдній остается побѣдителемъ.

Совершенно удивленный Барберини прервалъ:

— Говорящій въ нашемъ духѣ остается побѣдителемъ? Теперь, право, я не понимаю...

— Выслушай дальше, — прервалъ его Беллярминъ. — Первымъ двумъ онъ далъ имена двухъ друзей, Сальвиати и Сакредо, а третьему, онъ далъ имя, подходящее для его цѣлей. Вообще говорятъ, что этимъ онъ намекалъ на одного высокаго покровителя. На кого, какъ ты думаешь, могъ онъ намекать?

— О какая загадка! — возразилъ Барберини, — ради чего же онъ присоединилъ бы къ книгѣ посвященіе мнѣ, если бы не намекалъ на третье лицо, которое защищало взгляды церкви и въ концѣ концовъ будетъ побѣдителемъ?

— Ты отгадалъ и все такимъ же образомъ истолкуютъ это дѣло, — замѣтилъ Беллярминъ и, рѣзкими удареніями отчеканивая каждое слово, онъ продолжалъ, — но вѣдь послѣ этого прямо постыдно такъ играть съ тобой, потому что его побѣдитель — невѣжественный, пустой и глупый человѣкъ, все поступки котораго направлены къ тому, чтобы выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ духовное превосходство противника. Но самое худое, на что отважился въ данномъ случаѣ Галилей, это имя, которое онъ далъ своему побѣдителю, назвавъ его Симплиціо.

Беллярминъ маневрировалъ, какъ искусный витязь. Этотъ послѣдній ударъ попалъ въ цѣль и Барберини вздрогнулъ, словно ужаленный змѣей. Хотя у него и блеснула мгновенно мысль — не обманываетъ ли его іезуитъ для того, чтобы привлечь на свою сторону, — но онъ тотчасъ же оставилъ эту мысль, и чтобы только сказать, что-нибудь, онъ спросилъ еще разъ:

— И ты дѣйствительно думаешь, что онъ подразумѣвалъ меня, его защитника?

Беллярминъ же съ язвительной усмѣшкой замѣтилъ:

— Кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться? — И потомъ кротко прибавилъ: — Ты самъ принудилъ меня къ такому сообщенію, ибо ради уваженія къ этому человѣку хочешь забыть свои обязанности и единственно его щадить, между тѣмъ, какъ дѣло идетъ о правахъ церкви и о спасеніи всего человѣчества.

Барберини все еще не могъ переварить громадности нанесеннаго ему оскорбленія. Онъ вдругъ увидѣлъ себя осмѣяннымъ и опозореннымъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, человѣкомъ на дружбу котораго онъ полагался, чьимъ вниманіемъ онъ такъ гордился. Его тщеславіе, его меценатская слава были оскорблены и самъ такъ сильно былъ разстроены, что не могъ на что-нибудь рѣшиться. Совершенно разбитый, онъ воскликнулъ:

— О, я заслуживаю такого наказанія. — И затѣмъ прибавилъ:

всещѣло поручаю это дѣло тебѣ. Чтò ты найдешь нужнымъ сдѣлать съ измѣнникомъ, съ тѣмъ я и соглашусь.

Беллярминъ, наконецъ, вздохнуль свободно, достигнувъ того, чего хотѣлъ.

— Итакъ, ты соглашаешься,—переспросилъ онъ,—что я могу свободно выбирать средства, пригодныя для нашихъ цѣлей?

Барберини одобрительно кивнулъ головой.

— Галилей тосканскій подданный и любимецъ Медичи,—сказалъ онъ,—но если онъ самъ прїѣхалъ сюда, чтобы искать папскаго суда по своему дѣлу, то онъ въ нашей власти. Дѣлай то, что ты считаешь полезнымъ для своихъ цѣлей.

Достигнувъ желаемаго, Беллярминъ предоставилъ своего глубоко-оскорбленнаго друга размышленіямъ. Въ груди Барберини поднялась цѣлая буря неудовольствія. Оскорбленіе было нанесено человѣкомъ, отъ котораго меньше всего можно было этого ожидать: нѣкогда онъ легбѣялъ мысль, что имя Галилея останется связаннымъ съ его именемъ, и теперь онъ вдругъ этимъ же Галилеемъ всенародно опозоренъ. Это была очень горькая капля въ его чашѣ жизни. Ему все назойливѣе напрашивалась мысль, что отреченіе Галилея будетъ единственнымъ средствомъ, чтобы уничтожить навсегда вліяніе этой гнусной книги.

Беллярминъ не противорѣчилъ всѣмъ этимъ разсужденіямъ. Его планы давнымъ давно созрѣли, и онъ лишь спокойно выжидалъ момента, когда ему удастся потѣшить тщеславіе Барберини праздничной пышностью его восшествія на папскій престолъ, а для себя удастся снискать благосклонность народа съ помощью всякаго рода празднествъ, общественныхъ гуляній и милостей, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ помощью всѣхъ возможныхъ средствъ забрать въ свои руки и власть церковную.

На морскомъ берегу около Амальфи.

V.

Дѣтство нашего героя.

Мѣстоположеніе маленькаго городка Амальфи очень красиво. Искусство, съ какимъ построены дома въ крутой, отвѣсной долинь, сильно удивляетъ всѣхъ и cadaго; во всѣхъ садахъ отягчаютъ вѣтви золотисто-блестящія апельсины и лимоны — и на берегу шумнаго озера, подъ защитой живописно-высящихся горъ виднѣются трудолюбивые рыбаки, занятые сѣтями и лодками. Неподалеку отъ города, возлѣ самаго моря, высѣченная въ скалѣ лѣстница ведетъ къ монастырю св. Антонія, таинственное мѣстоположеніе котораго являетъ, по справедливости, картину совершенно замкнутаго, отрѣшеннаго отъ міра существованія. Монастырь похожъ на четырехстороннюю аллею стройныхъ колоннъ, подпирающихъ граціозныя мавританскія арки и охватывающихъ квадратный кусокъ земли съ пышно растущими кустами розъ и лимонными деревьями. Изъ монастырскихъ келій открывается видъ на безграничное озеро, кристально-прозрачныя волны котораго катятся до подножія красиваго города.

Неаполитанскій живописецъ Сальваторъ Роза нашель въ этомъ монастырѣ гостепріимный пріемъ, и здѣсь его взволнованный духъ до нѣкоторой степени успокоился. Казалось, что цѣлая вѣчность легла между его теперешнимъ пребываніемъ и прежними горькими

испытаніями въ родномъ городѣ. Только воспоминаніе о любви растравляло его сердечную рану, только воспоминаніе о горькомъ урокѣ передъ гордымъ дворцомъ испанскаго дворянина все еще возмущало его душу. Когда онъ отдавался этимъ воспоминаніямъ, въ немъ усиливалась страсть къ Корнелии и разгоралась ненависть къ приближенному къ ней молодому человѣку. Когда ему удастся, какъ живописцу, создать себѣ имя, его сердце въ своей любви и ненависти, пожалуй, нѣсколько успокоится. Но и геній живописи, казалось, измѣнилъ ему, ибо Сальваторъ тщетно старался найти ландшафтныя мотивы, ему недостовало творческаго порыва и настоящаго желанія работы.

Однажды, въ своихъ прогулкахъ по окрестностямъ Амальфи, онъ дошелъ до городка Атрани, также расположеннаго у самаго залива. Тамъ можно было наглядѣться на различнаго рода развалины и, между прочимъ, немного поодаль отъ берега, высилось каменное круглое зданіе, которое, вѣроятно, представляло античный амфитеатръ. Живописецъ, осмотрѣвъ все подробно, пошелъ назадъ вдоль по берегу моря, въ которомъ множество дѣтей рѣзвилось въ водѣ, весело разговаривало о находимыхъ раковинахъ и морскихъ животныхъ, порой оглашая воздухъ громкимъ радостнымъ крикомъ. Мальчики по большей части были или совсѣмъ раздѣты, или только въ одномъ короткомъ исподнемъ платѣ, которое, будучи промочено насквозь, очень быстро высыхало на тѣлѣ.

Казалось, что среди юной публики разыгрывалась какая-то бурная сцена. Мальчикъ лѣтъ десяти оживленно жестикулировалъ и спорилъ съ одной маленькой дѣвочкой, которая въ свою очередь тоже бурлила.

— Ты хочешь, Бернардина, сказать объ этомъ матери, — вскричалъ мальчикъ, — ладно, бѣги же, но пока ты приведешь ее сюда, я буду очень далеко: у меня достаточно времени, чтобы нырнуть и услыть такъ далеко, какъ мнѣ хочется.

Съ этими словами проворный мальчуганъ вбѣжалъ на обломокъ выдавшейся скалы и бросился головой внизъ въ море, между тѣмъ, какъ маленькая дѣвочка въ великомъ волненіи и съ громкой бранью побѣжала въ Амальфи.

Живописецъ глядѣлъ на море, съ любопытствомъ наблюдая — скоро ли мальчуганъ вынырнетъ. Но это длилось необычайно долго. Съ свойственной своему возрасту безпечностью дѣти продолжали на морскомъ берегу игры, совсѣмъ не беспокоясь ни о своемъ товарищѣ, ни объ его судьбѣ. Сальваторъ же началъ серьезно опасаться: прошло уже много минутъ, а слѣдовъ мальчугана все не было видно. Но вотъ его вниманіе привлекла возвращавшаяся дѣвочка, державшая за юбку молодую, очень пригожую женщину, которая подъ мышкой несла веретено. Большіе, выразительные глаза жены простого рыбака, на лицѣ и во всей фигурѣ которой

отпечатлѣлась красота, присущая всему простому народу въ той мѣстности, — озабоченно и пытливо смотрѣли на море. Повидимому, она гораздо менѣе тревожилась, чѣмъ дѣвочка, которая непрерывно болтала, обращая къ ней свое серьезное прехорошенькое дѣтское личико. Женщина почти уже подошла къ Сальватору, какъ вдругъ изъ волнъ показалась курчавая голова смѣлаго мальчугана. Громкій крикъ радостнаго изумленія вылетѣлъ изъ устъ дѣвочки и вмѣстѣ съ тѣмъ Сальватора, и когда всѣ отдѣлялись отъ страшнаго ожиданія, мать съ улыбкой взглянула на чужого молодого человѣка, принимавшаго участіе въ ея сынѣ, и при этомъ показала рядъ блестящихъ, бѣлыхъ зубовъ межъ пунцовыми губками.

— Этотъ Мазо—настоящій чертенюкъ,—сказала она, едва обращаясь къ живописцу, такъ что послѣдній если хотѣлъ, могъ поддержать разговоръ. Сальваторъ и сдѣлалъ это, проговоривъ:

— Безразсудно смѣлый мальчуганъ, онъ можетъ нырять какъ утка, если еще не лучше, потому что я никогда не видѣлъ, чтобы человѣкъ могъ такъ долго оставаться подъ водой. Я самъ страшно боялся за него.

— Да,—отвѣтила мать, и вмѣсто заботы въ ея взорахъ засвѣтилась гордость,—никто не сравнивается съ нимъ, ни мальчикъ, ни мужчина; при томъ онъ постоянно старается совершенствоваться и такъ чрезмѣрно старается, что третьяго дня, на примѣръ, цѣлый часъ лежалъ безъ памяти послѣ купанья.

— Это правда,—затораторила дѣвочка,—я сама была при этомъ, также и Нина, и Тоніо, и Эйнто. Онъ цѣлый часъ былъ мертвымъ и, конечно, раньше не уймется, пока на самомъ дѣлѣ не умретъ.

— Когда отецъ будетъ брать его на рыбную ловлю, онъ запретитъ ему эти дурачества. Этого уже не долго ждать. Тяжелая работа выбьетъ изъ его головы сумасбродныя мысли: вѣдь въ самомъ дѣлѣ только тщеславіе и всякаго рода суевѣрія влекутъ его къ этому плаванью и нырванью...

— Не общій ли обычай у всѣхъ вашихъ мальчиковъ возможно больше плавать и нырять, или вашъ Мазо составляетъ исключеніе?—спросилъ Сальваторъ, которому очень нравился разговоръ съ красивой, молодой женщиной.

— Съ Мазо я не могу никого сравнить,—затѣтила она, начавъ вертѣть въ рукахъ веретено, которое, какъ всѣ итальянскія женщины, она постоянно носила съ собой,—этотъ мальчуганъ нѣчто особенное, и если бы вамъ все рассказать про него, у васъ бы не хватило времени слушать.

— У меня времени хватитъ, а если у васъ есть охота рассказывать про вашего Мазо, мнѣ никогда не наскучитъ васъ слушать,—замѣтилъ живописецъ.

— Здѣсь это неудобно сдѣлать,—отвѣтила на это рыбацка,—но

если вы согласитесь прослѣдовать къ нашему дому, гдѣ люди могутъ видѣть и слышать, зачѣмъ мы собрались, я все расскажу вамъ съ охотой. Мы живемъ вблизи Амальфи. Около нашего дома есть каменная скамейка, на которую я могу присѣсть и крутить веретено, въ то время какъ вы будете слушать. Мазо намъ придется еще долго ждать, а Берардина опять начала играть съ другими дѣтьми. Итакъ, если желаете,—пойдемте.

Сальваторъ охотно послѣдовалъ. Чтобы о чемъ-нибудь говорить, онъ по дорогѣ спросилъ не братъ ли и сестра Мазо и Берардина, но рыбацка объяснила ему, что нѣтъ; у Мазо есть, положимъ, сестры и братья младше его, но Берардина просто сосѣдка; она постоянно играетъ съ нимъ, хотя онъ съ ней очень дурно обращается, а часто даже и бьетъ.

Не переставая вертѣть веретено, молодая женщина незамѣтно подошла съ спутникомъ къ своему дому, на видъ очень веселенькому. Сосѣдки сначала до крайности удивились; но когда рыбацка сѣла съ своимъ гостемъ на скамейкѣ у дома и громко повела съ нимъ разговоръ, онъ успокоился и перестали обращать на нихъ вниманіе. Были здѣсь и мужчины, въ числѣ которыхъ отецъ Мазо по близости отъ своего дома приводилъ въ порядокъ весла и тенета, такъ что никто не могъ подумать чего-либо худого. Маленькая Берардина осталась играть на морскомъ берегу.

— Нашъ Мазо, такъ начала рыбацка, всегда былъ умнымъ ребенкомъ; это происходило отъ того, что онъ съ раннихъ лѣтъ любилъ рассказывать и старался вникать во все, что слышалъ. До сихъ поръ въ нашей странѣ существуютъ различныя саги и легенды, ибо вѣка произвели въ Амальфи удивительные перевороты и кое-что до сихъ поръ живетъ въ памяти здѣшнихъ жителей. Нѣкогда этой страной правили морскіе короли и въ свитѣ одного изъ нихъ былъ нѣкій человѣкъ, который назывался рыбой, потому что по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ жилъ въ водѣ, проплывалъ безъ утовленія по нѣсколько миль и могъ оставаться подъ водой столько времени, сколько бы ему не пожелалось. Рассказываютъ, что одинъ изъ морскихъ королевъ, которыхъ другіе называютъ также норманнами, присватался къ одной принцессѣ изъ далекой земли, и она на великолѣпномъ кораблѣ отправилась въ свое новое отечество. Въ открытомъ морѣ вдругъ замѣтили, что какая-то водяная тварь то плаваетъ вокругъ корабля, то плыветъ слѣдомъ за нимъ; эта тварь имѣла совершенно человѣческую фигуру, но во многихъ мѣстахъ тѣла была покрыта чешуей. Стража корабля окликнула человѣка-рыбу, и такъ какъ онъ отвѣтилъ, то съ нимъ могли вступить въ бесѣду. Когда извѣстили объ этомъ удивительномъ существѣ прекрасную принцессу, она приказала принять человѣка-рыбу на корабль снабдить платьемъ и представить ей. Все это совершилось. Пловецъ былъ столь учтивъ, выглядѣлъ такимъ пре-

краснымъ юношей, что принцесса приняла его въ число своихъ слугъ и повезла съ собой въ Амальфи. Онъ долго жилъ здѣсь и всѣ удивлялись его рѣдкостной натурѣ. Принцесса оказывала ему особенное расположеніе, и это было неудивительно, такъ какъ онъ первый встрѣтилъ ее въ ея новомъ отечествѣ. Но потомъ онъ вдругъ куда-то пропалъ, когда низкіе люди стали подозрительно напештывать королю, что онъ некрещенный, не христіанъ, что принадлежитъ къ низшимъ животнымъ и можетъ околдовать. Какъ рассказываютъ, онъ бросился въ море, и никогда больше не возвращался.

— Значитъ теперь Мазо забралъ себѣ въ голову, что онъ долженъ достигъ въ ныряніи и плаваніи высшаго совершенства и сдѣлаться въ своемъ родѣ человѣкомъ-рыбой?—спросилъ Сальваторъ,— но вѣдь для этого нужна еще чешуя, а она не легко вырастаетъ, или вы уже замѣтили ее?—шутилъ онъ, смѣясь.

Прекрасная рыбацка немножко разсердилась:

— Вамъ хочется шутить со мной,—возразила она,—а между тѣмъ дѣло очень серьезно, вѣдь я вамъ еще не все рассказала. Къ этому относится еще исторія; но лучше, если мой мужъ, который кстати идетъ сюда, расскажетъ вамъ остальное, потому что онъ лучше понимаетъ это, чѣмъ я. Я должна идти стряпать, и, кромѣ того, если буду продолжать сидѣть съ вами и болтать, то могу навлечь на себя непріятныя подозрѣнія.

Она вскочила и подошедшему въ это время мужу рассказала, смѣясь, какъ она свела знакомство съ молодымъ человѣкомъ и о чемъ съ нимъ разговаривала. Рыбакъ былъ совсѣмъ некрасивъ, но въ его глазахъ было много мощной гибкости южанина; онъ приблизился и, съ поклономъ снявъ фуражку, продолжалъ прерванный его женою разговоръ.

— Если синьора интересуется,—замѣтилъ онъ,—мы можемъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ случилось происшествіе, о которомъ я хочу рассказать. У насъ будетъ передъ глазами море, мы будемъ обозрѣвать весь заливъ и тотчасъ замѣтимъ, какъ только появится нашъ фокусникъ. Онъ опять очень долго не является, нужно принять мѣры, но бѣда въ томъ, что ничего не помогаетъ, и, кажется, остается единственное средство засадить его за правильную работу. Тогда пропадутъ всѣ его шутки и увертки.

Живописецъ шелъ вмѣстѣ съ рыбакомъ; разъ онъ согласился на предложеніе прелестной женщины слушать рассказъ о забавникѣ-пловцѣ, юномъ рыбацкѣ, онъ долженъ былъ принудить себя слушать и продолженіе этого рассказа. Рыбакъ привелъ Сальватора къ какой-то возвышенности на берегу, гдѣ при одномъ поворотѣ они вдругъ очутились передъ развалинами какого-то древняго монастыря. Онъ, должно быть, былъ разрушенъ сарацинами; по одному куску земли, обнесенному стѣнами, можно было распознать

тотъ особенный стиль, который былъ употребителенъ во время господства норманновъ: это были большіе дугообразные промежутки съ широкими готическими сводами.

— Въ этой каменной стѣнѣ, — началъ рыбакъ, — живутъ духи или черти, какъ вы хотите. Я самъ этому не вѣрю, но жители Амальфи не рѣшаются ночью бывать около этого мѣста. Недавно случилось, что двоимъ амальфитянцамъ захотѣлось попытаться продѣлать это и они отыскали человѣка, который бы могъ произнести заклинанія. Около Неаполя, въ Байѣ, живетъ нѣкій мужъ, который умѣетъ врачевать и который часто является со всякими микстурами въ нашу мѣстность. Этотъ мужъ, по имени Скаратули, прикидывается знающимъ больше другихъ людей, а наши старухи крѣпко вѣрятъ, что онъ даже колдунъ. Во всякомъ случаѣ, онъ такъ умѣетъ одурчить насъ, темныхъ людей, всякими фокусъ-покусами и столько наговорить странныхъ изреченій, что голова кругомъ пойдетъ. Къ нему-то и брались оба наши амальфитянца; онъ согласился взять на себя заклинаніе, потому что жилъ раньше въ Египтѣ и изучилъ тамъ колдовство. Онъ пришелъ, и какъ-то вечеромъ они втроемъ отправились на эту руину; на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была трапеза, они хотѣли начать свои заклинанія чертей. Колдунъ одѣлся на манеръ египетскихъ волшебниковъ, начертилъ на землѣ кругъ и разныя фигуры, наблюдая при этомъ удивительныя церемоніи. Они захватили съ собой всевозможнаго ладану, какъ дорогого, такъ и рѣзко-пахнущаго и даже скверно-вонючаго.

«Когда все, наконецъ, было приготовлено, колдунъ начертилъ въ зругѣ входъ и обоимъ своимъ спутниковъ, взявъ за руки, ввелъ туда. Они должны были въ срединѣ круга поддерживать огонь, поочередно подавая ему ладанъ, колдунъ же началъ произносить все болѣе и болѣе громкимъ голосомъ свои заклинанія, длившіяся больше часу. Вслѣдъ затѣмъ показалась цѣлая масса духовъ, въ различныхъ смутныхъ очеркахъ, такъ что ими была наполнена вся трапеза. Когда колдунъ замѣтилъ эту массу чертей, онъ захотѣлъ поговорить съ ними и требовалъ, чтобы они назвали себя по имени, но черти не дали никакого отвѣта и такимъ образомъ дѣло не удалось.

«Но наши амальфитянцы не успокоились на этомъ; они хотѣли научиться болѣе страшнымъ и сильнымъ заклинаніямъ и заставить отвѣчать духовъ. Колдунъ завѣрялъ, что они должны какъ-нибудь вечеромъ повторить свои опыты и что духи только тогда имъ отвѣтятъ, когда они приведутъ съ собой невиннаго мальчика, котораго онъ самъ выберетъ. Никто бы въ Амальфи ничего и не зналъ объ этомъ дѣлѣ, если бы спустя нѣсколько дней духоиспытатели не пришли къ намъ искать одного пригоднаго для своихъ цѣлей между нашими ребятами. Едва колдунъ увидѣлъ на морскомъ берегу нашего Томазо-Аниелло, какъ тотчасъ объявилъ, что онъ са-

мый подходящій. Духоиспытатели обратились ко мнѣ, увѣряя, что съ ребенкомъ ничего худого не случится и посулили мнѣ щедрое вознагражденіе. Я счелъ за лучшее ничего не говорить объ этой исторіи моей женѣ и далъ свое согласіе.

«Колдунъ опять начертилъ кругъ, устроивъ все съ огнемъ и ладаномъ такъ же, какъ и раньше, но еще съ большимъ стараніемъ. Послѣ того какъ оба амальфитянца и нашъ мальчикъ были введены въ кругъ, колдунъ дотронулся своей палочкой до темени Томазо и началъ свои заклинанія. Онъ приказывалъ духамъ во имя и силой Присносущнаго Бога, говоря все это еврейскими или египетскими словами. Тогда опять появился сонмъ духовъ, еще больше, чѣмъ въ первый разъ, и всѣ они, какъ бы угрожая, устремились на стоящихъ въ кругѣ.

«Томазо, стоя подъ волшебной палочкой, началъ рыдать, говоря, что тысячи неприятныхъ фигуръ съ кинжалами и ножами толпятся кругомъ, дѣлая ему угрожающіе знаки. Конечно, и оба амальфитянца такъ испугались, что дрожали отъ страха; первый тихимъ и убѣдительнымъ голосомъ произносилъ свои заклинанія, въ то время какъ оба другіе безъ отдыха бросали въ огонь ладанъ. Мальчикъ же опустился на землю, спряталъ голову между колѣнъ и сказалъ: «я хочу такимъ образомъ умереть, вѣдь никто изъ насъ не спасется». Тогда колдунъ сказалъ ему: «эти фигуры существуютъ только въ твоёмъ воображеніи, ты видишь только дымъ и тѣни, подними же глаза безъ боязни». Томазо снова было взглянулъ, но опять быстро закрылъ лицо руками, закричавъ, что онъ скорѣй умретъ, а не будетъ смотрѣть. Всѣ духи обратили свои взоры на него и показывали на него пальцами. Одинъ же изъ нихъ, великанъ въ мантии, подавалъ ему корону, дѣлая знаки, чтобы онъ схватилъ ее. Томазо опять закрылъ лицо и заявилъ, что больше смотрѣть не будетъ. Колдунъ уговаривалъ амальфитянцева не мѣшкать и поскорѣй сыпать въ пламя другой ладанъ на который онъ имъ указывалъ. Оба были ни живы, ни мертвы, и дѣйствительно имъ давно было пора выйти изъ заколдованнаго круга, если они хотѣли спасти свою жизнь и здоровье.

«Послѣ того, какъ другой ладанъ подѣйствовалъ на нихъ успокоительно, колдунъ покончилъ съ своими церемоніями и Томазо, опомнившись отъ страха, взглянулъ и сказалъ, что духи постепенно удаляются.

«Я ожидалъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, ничего не видѣлъ и не слыхалъ; какъ они вернулись, на той сторонѣ въ монастырѣ уже зазвучалъ утренній колоколъ. Колдунъ опять перодѣлся въ свое обыкновенное платье; всѣ выглядели блѣдными, какъ сама смерть. Мой мальчикъ тѣснился между ними, крѣпко держась за ихъ платье. Онъ все утверждалъ, что передъ нимъ носится, держа въ рукахъ корону, человекъ въ мантии. Это, будто бы,

была корона морскихъ королей и великанъ на нее все указывалъ Томазо. Наконецъ, когда я взялъ на руки дрожащаго мальчика, думая отнести его домой—духоиспытатели между тѣмъ вручили мнѣ сполна выговоренную сумму—онъ вдругъ закричалъ, сказавъ, что великанъ въ мантии сердито посмотрѣлъ на него, затѣмъ помчался къ морской бухтѣ и бросилъ корону въ волны. Послѣ этого Томазо лишился чувствъ и словно мертвый лежалъ на моихъ рукахъ. Я слышалъ, какъ колдунъ сказалъ своимъ спутникамъ, что часто ему приходилось производить такія заклинанія, но никогда не случалось столь страннаго и удивительнаго, какъ съ этимъ мальчикомъ; его духи должны указать ему сокровища, которыми полна земля.

«Послѣ этого они удалились; я понесъ своего мальчика, все еще лежавшаго безъ памяти, домой, гдѣ насъ встрѣтила съ величайшимъ безпокойствомъ мать, всю ночь не смыкавшая глазъ отъ страха и заботы. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ все откровенно рассказать ей. Сначала она ругалась за подобную чертовщину, но когда я сказалъ, что заклинателемъ былъ Скаратули, что онъ совершалъ свои заклинанія, призывая имя Божіе, и когда, наконецъ, вручилъ ей значительную сумму денегъ, она успокоилась. Мы согласились молчать о случившемся, а Томазо сказать, что все это онъ видѣлъ во снѣ. Сказано—сдѣлано; но Томазо съ тѣхъ поръ еще усерднѣе занимается плаваньемъ и ныряньемъ, забравъ въ голову, что морской король положилъ корону въ заливъ и что ему предназначено найти ее и поднять».

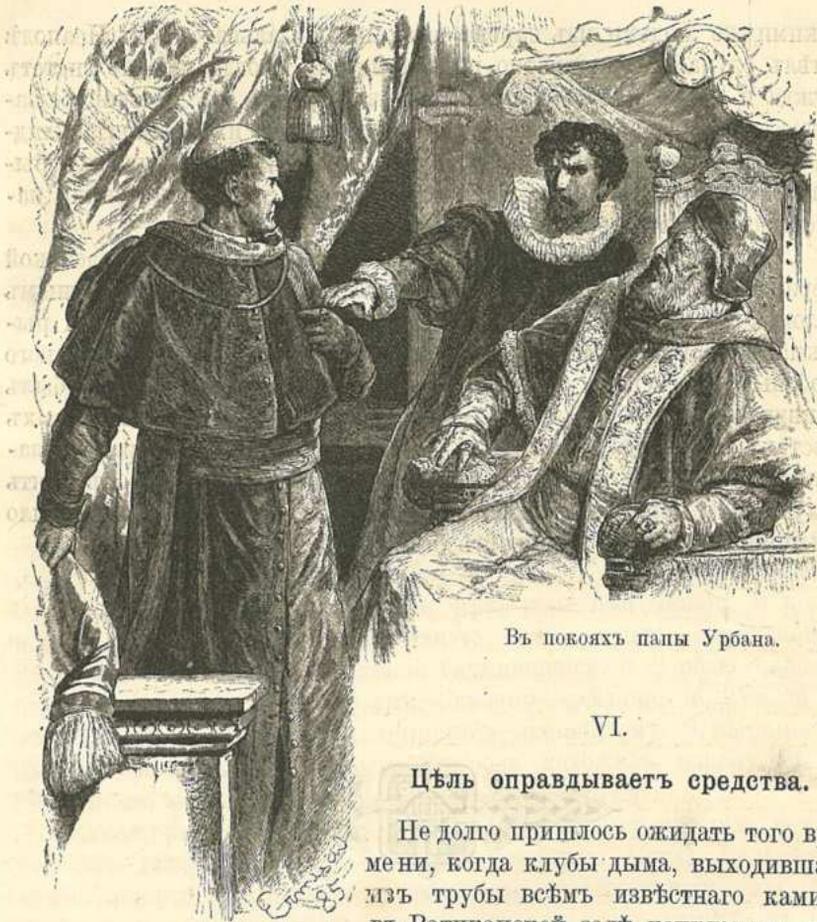
Сальваторъ съ участіемъ выслушалъ всю эту исторію, потому что она дѣйствительно была необыкновенна. Когда Сальваторъ опять пришелъ съ рыбакомъ къ его дому, они нашли тамъ вернушагося Мазо, который казалось, нисколько не усталъ отъ своихъ морскихъ походовъ, но только былъ очень голоденъ. Онъ собственно назывался Томазо-Аніелло, мать же звала его Мазо, а отецъ и товарищи соединили эти два имени въ одно и стали называть его Мазаніелло. Маленькая Берардина, проводивъ Мазаніелло до дому, побѣжала къ своимъ родителямъ.

Сальваторъ откланялся и возвратился въ свой монастырь, но исторія маленькаго Мазо не переставала по цѣлымъ часамъ занимать всѣ его помыслы. Въ скоромъ времени онъ имѣлъ случай опять увидѣть маленькаго пловца-виртуоза; едва замѣтивъ, что какой-то чужой господинъ наблюдаетъ за нимъ, Мазаніелло началъ показывать всѣ свои фокусы, чтобы вызвать улыбку одобренія. Мазаніелло удалось это, ибо онъ видѣлъ какъ Сальваторъ оживился, глядя на его отважныя выходки. Такъ какъ Сальваторъ всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчался съ прелестной женой рыбака, но никогда не былъ навязчивъ, то вскорѣ случилось, что онъ сдѣлался въ ихъ домѣ всегда желаннымъ гостемъ. Они были

такими же людьми изъ народа, съ какими Сальваторъ въ Неаполѣ имѣлъ случай неоднократно познакомиться. Когда ихъ не гнететъ нужда и когда они здоровы, ихъ жизнь течетъ съ дѣтской беззаботностью. Мазаніелло былъ самымъ старшимъ ихъ сыномъ; младшій его братъ и сестра ничѣмъ не отличались отъ другихъ рыбацкихъ дѣтей, не имѣя ни честолюбія, ни фантастическихъ наклонностей своего брата.

Сальваторъ познакомился также и съ родителями маленькой Берардины. Ея отецъ, трактирщикъ Маттео, былъ очень извѣстнымъ человѣкомъ въ Амальфи, къ которому постоянно захаживали рыбаки; въ трактирѣ Маттео юный живописецъ могъ наблюдать много любопытныхъ сценъ среди веселыхъ бражниковъ. Маттео былъ удивительный непосѣда; онъ уже пожилъ во многихъ окрестныхъ мѣстахъ и, благодаря своей наклонности къ вѣчнымъ странствованиямъ, никакъ не могъ разжиться. Носились слухи, что онъ опять задумывалъ перемѣнить мѣстожительство, и это стоило, какъ было слышно, маленькой Берардинѣ большихъ слезъ.

Въ покояхъ папы Урбана.

VI.

Цѣль оправдываетъ средства.

Не долго пришлось ожидать того времени, когда клубы дыма, выходящаго изъ трубы всѣмъ извѣстнаго камина въ Ватиканской залѣ конклавовъ, возвѣстили собравшейся на площади св. Петра толпѣ, что избирательный бюллетень преданъ пламени и слѣдовательно новый папа избранъ. Этого извѣстія было вполне достаточно для людей, во все время избранія нетерпѣливо ожидавшихъ оригинальнаго сигнала, ибо каждому хотѣлось первымъ радостно закричать «habemus» (имѣемъ), каждому хотѣлось, чтобы за нимъ это «habemus» тысячекратно повторилъ весь Римъ и чтобы оно нашло затѣмъ отголосокъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Новый папа! Дѣйствительно, въ тѣ времена избраніе новаго папы бывало великимъ, многознаменательнымъ событіемъ, ибо отъ личности «намѣстника Божія» на землѣ зависѣло безконечно-многое для тысячъ людей. Больше же всѣхъ новое избраніе, разумѣется, занимало жителей семихолмнаго града, которые поэтому съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали подтвержденія или опроверженія своихъ предположеній.

Теперь наступали великолѣпныя торжества, всегда сопровождавшія, согласно издревле вѣдущемуся обычаю, избраніе новаго

церковнаго главы. Безъ умолку гудѣли безчисленные римскіе колокола и толпы народа валили въ церкви, чтобы послушать съ благодарственной миной патеровъ, которые возносили Господу Богу благодарственныя моленія предъ богато-убранными и ярко-освѣщенными алтарями. Всѣ церковныя сокровища были выставлены толпѣ на показъ, мощи можно было ощупывать и цѣловать, грѣшники наравнѣ съ праведниками радовались всеобщей индульгенціи. Кромѣ того, по улицамъ шествовали процессіи; сельскія общества музыкантовъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ странствовали по городу и на всемъ вообще лежалъ отпечатокъ полной праздничной радости.

Ликующее чувство безпредѣльнаго восторга обуяло всѣхъ, когда вновь избранный папа, принявшійся имя Урбана VIII, окруженный кардиналами, показался на балконѣ церкви св. Петра и благословилъ въ первый разъ несмѣтную массу народа, тѣсно-толпившуюся внизу, на площади. Тотъ моментъ, когда это волнующееся море головъ пало ницъ, дабы принять благословіе, какъ для Барберини, такъ и для Беллярмина былъ первой присягой въ вѣрности и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ ихъ соединеннаго деспотичнаго господства. Но что этотъ моментъ для одной маленькой группы людей, которые съ искреннимъ чувствомъ пали на колѣна, дабы наравнѣ съ другими получить благословіе, могъ сдѣлаться источникомъ несказанныхъ бѣдствій и горя, никто изъ нихъ не почувствовалъ. Это былъ кружокъ, образовавшійся вокругъ знаменитаго флорентійскаго математика Галилея. Кромѣ нѣсколькихъ старыхъ друзей великаго ученаго, здѣсь былъ одинъ и новый ревностный, молодой послѣдователь, уже успѣвшій подружиться съ Вивіани. Это былъ Евангелиста Торичелли, занимавшійся въ Римѣ у Бенедетто Кастелли и подававшій большія надежды. Галилей былъ совершенно спокоенъ, ибо если въ своемъ новомъ твореніи онъ бичевалъ и насмѣхался надъ мнѣніями церкви, то никогда не имѣлъ въ виду личною Симплиціо намекать на своего покровителя Барберини; поэтому-то Галилей и не могъ даже почувствовать какой подвохъ ему готовить его злѣйшій врагъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ. Съ радостнымъ чувствомъ смотрѣлъ Галилей на возвышеніе своего покровителя, не подозрѣвая надвигавшейся грозовой тучи; съ гордостью и взоромъ полнымъ надеждъ, смотрѣлъ и Бернардо Спинелли на своего родственника, благословляющаго рука котораго должна была счастливо направить судьбу талантливаго живописца. Если бы юный живописецъ былъ менѣ простодушенъ и менѣ несамолобивъ, умѣлъ бы пользоваться обстоятельствами; онъ, можетъ быть, въ это мгновеніе занималъ бы уже видное положеніе, но ему больше было по душѣ общество Галилея и Цециліи. И Вивіани, вмѣстѣ съ юнымъ Торичелли, и старые римскіе друзья великаго флорентійскаго ученаго — всѣ

были такъ полны надеждъ и лучезарной ясности, что въ ихъ душахъ не было мѣста и легкой тѣни отъ надвигавшейся мрачной тучи.

Бернардо ожидалъ, что двоюродный дядя приметъ его на этихъ дняхъ, потому что онъ уже увѣдомилъ его о желаніи имѣть свиданіе. Галилей также былъ увѣренъ, что новый папа въ скоромъ времени дастъ согласіе на аудіенцію въ своихъ покояхъ. Если каждый изъ нихъ въ глубинѣ своей души взиралъ на стоящаго на балконѣ человѣка, ожидая отъ него всевозможныхъ милостей,— то было ли удивительно, если Цецилія, смотрявшая на него глубоко-вѣрующимъ взоромъ, дѣйствительно почитала въ немъ намѣтника Божія, который владѣетъ ключами отъ вратъ вѣчнаго блаженства и отъ вратъ адovýchъ? Если она видѣла въ величественной церкви св. Петра новаго папу всего въ золотѣ, въ тиарѣ на достопочтенной головѣ, несомато на позолоченныхъ носилкахъ среди благоговѣйно склонившейся толпы, если затѣмъ видѣла его совершающимъ богослуженіе на главномъ altarѣ въ облакахъ кадильнаго дыма; среди великолѣпнаго пѣнія: «Осанна», то могъ ли онъ ей не показаться чѣмъ-то въ родѣ божества, могъ ли не показаться существамъ, отъ котораго дѣйствительно зависитъ вершеніе судебъ человѣческихъ?

Дѣйствительно надежды Бернардо и Галилея, казалось, исполнились, потому что на ихъ желаніе получить аудіенцію вскорѣ пришелъ утвердительный отвѣтъ. Могли ли они предполагать, что ихъ ожидаетъ совершенно официальная встрѣча и что, какъ племянникъ, такъ и другъ не найдутъ въ новомъ папѣ неизмѣнно-благодарнаго покровителя? Они были очень пріятно поражены, когда Бернардо получилъ извѣстіе о томъ, въ какой день желаетъ его принять дядя и, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что Галилей долженъ явиться въ Ватиканъ въ тотъ же день, но только нѣсколькими часами позже юнаго живописца. Это извѣстіе еще болѣе усилило ихъ радостную увѣренность, а Цецилія увидѣла въ этомъ, какъ бы особое предопредѣленіе свыше и это предопредѣленіе въ глубинѣ своего благодарнаго сердца она приписывала Мадоннѣ, къ которой ежедневно прибѣгала съ пламенной молитвой.

Вечеромъ, на другой день послѣ полученія радостнаго извѣстія, въ Римѣ была большая иллюминація, которая, обыкновенно, заканчивала празднества по поводу избранія новаго папы. Были употреблены всѣ старанія, чтобы устроить блестящую потому времени иллюминацію и церковь св. Петра, до самаго шпица украшенная разноцвѣтными шкаликами, являлась центромъ всего блистательнаго зрѣлища. На улицахъ опять кипѣли толпы радостнаго народа, особенно же на большомъ плацу предъ церковью св. Петра и предъ ватиканомъ. Подвижная натура итальянцевъ, веселость которой особенно ярко сказывается въ этой любви къ народнымъ

увеселеніямъ, при подобномъ случаѣ развернулася совѣмъ нараспашку, и такъ какъ ожиданія всѣхъ партій съ избраніемъ Барберини удовлетворились, то никакой диссонансъ не нарушилъ гармоничнаго завершенія праздничныхъ дней. Галилей и его друзья также гуляли по иллюминаціи. Слѣдующее утро они встрѣтили въ радостной надеждѣ, ибо обѣ аудіенціи въ Ватиканѣ должны были оказать важное вліяніе на ихъ осуществленіе.

Утомленный событіями послѣднихъ дней, новый папа силѣлъ на слѣдующее утро въ своихъ жилыхъ покояхъ, ожидая посѣщенія своего племянника Бернардо Спинелли. Перенеся печальную необходимость торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ князей и пословъ, также какъ и поздравленій со стороны своихъ подчиненныхъ, Барберини страстно желалъ увидѣть около себя близкаго родственника, относительно котораго можно было бы быть увѣреннымъ, что онъ смотритъ на Барберини не только какъ на всемогущаго папу, но и какъ на всѣми уважаемаго представителя известной фамиліи. Барберини всегда съ особенной любовью относился къ своей племянницѣ Еленѣ, онъ никогда не терялъ ее изъ виду и вспоминалъ съ удовольствіемъ то время, когда еще она была прелестнымъ ребенкомъ. Его очень заинтересовало, что сынъ Елены обнаружилъ страстную склонность къ искусству; горько обманувшись въ Галилеѣ, онъ думалъ найти утѣшеніе въ своемъ племянникѣ.

Барберини очень обрадовался, увидя вошедшаго молодого чело­вѣка, произведшаго своимъ скромнымъ видомъ очень выгодное впечатлѣніе. Черты его лица имѣли поразительное сходство съ чертами лица матери, являя собой вмѣстѣ съ тѣмъ и характерныя особенности фамиліи Барберини. Глаза, ротъ, словомъ вся фигура—пробудили въ сѣдомъ папѣ почти отеческія чувства. Такимъ образомъ обстоятельства не могли быть болѣе благопріятны для молодого чело­вѣка.

Согласно обычаю Бернардо палъ ницъ, поцѣловалъ правую ногу своего дяди. Послѣдній сначала благословилъ его, а затѣмъ, приблизивъ къ себѣ голову юноши, поцѣловалъ его въ лобъ.

— Сердечно радъ видѣть тебя, сынъ моей любимой племянницы Елены,—сказалъ папа особенно нѣжнымъ тономъ и тотчасъ прибавилъ:—давно ли ты въ Римѣ?

— Случаю угодно было,—отвѣчалъ Бернардо,—чтобы я прибылъ сюда, какъ разъ къ тому, когда вашъ предшественникъ, папа Григорій, переселился въ вѣчность и когда святой соборъ кардиналовъ началъ свои засѣданія для избранія новаго папы. Я долженъ былъ обуздывать свое нетерпѣніе, дожидаясь, пока мнѣ удастся привѣтствовать ваше святѣйшество. Теперь я могу это сдѣлать съ сердцемъ, преисполненнымъ глубокимъ уваженіемъ и искренней радостью.

— Очень благодаренъ, любезный племянникъ,—возразилъ Урбанъ, расположеніе котораго къ молодому человѣку возростало съ каждой минутой.—Мнѣ очень пріятно, что мое теперешнее положеніе позволяетъ мнѣ еще больше, чѣмъ раньше, покровительствовать тебѣ. Ты мнѣ очень нравишься, и я извѣщу твоихъ родителей, что желаю принять на себя устроеніе твоего будущаго и настоящаго счастья. Ты вѣдь любишь искусство и хочешь посвятить себя занятіямъ живописью? Я, конечно, не порицаю этой любви и не буду становиться тебѣ поперекъ дороги, но какъ мой племянникъ, ты могъ бы избрать себѣ болѣе высокую цѣль жизни; вѣдь если я не хочу съ самого начала предоставить всему дому Барберини всѣ матеріальныя выгоды своего положенія, то все-таки моя обязанность возвысить достоинство и значеніе членовъ этого дома, доставивъ имъ средства для достиженія высшихъ должностей. Итакъ, не торопясь, подумай хорошенько и приучи себя къ мысли, что твое честолюбіе должно преслѣдовать самыя смѣлыя цѣли.

— О, дорогой дядя,—возразилъ взволнованный Бернардо,—какъ мнѣ благодарить васъ за ваши благожеланія. Ваша благосклонность есть драгоценнѣйшій даръ, который только могли послать мнѣ небеса и если, какъ мнѣ думается, вы встрѣтите одного человѣка, который тоже надѣется на вашу милость и котораго я еще во Флоренціи успѣлъ узнать и оцѣнить, съ уваженіемъ и благосклонностью, то моя благодарность Провидѣнію будетъ еще больше, еще горячѣе. Вы его увидите сегодня и, можетъ быть, если позволять его собственныя важныя дѣла, онъ расскажетъ вамъ въ силу какихъ обстоятельствъ я сблизился съ нимъ, выслушайте же его благосклонно, дорогой дядя, это моя первая просьба къ вамъ, будьте моимъ благодѣтелемъ, моимъ покровителемъ въ этомъ дѣлѣ, которое такъ близко моему сердцу.

Урбанъ удивленно взглянулъ на юношу и спросилъ:

— О комъ ты это говоришь?..

— Я говорю о Галилеѣ, — отвѣчалъ Бернардо, —но я вижу, что ваше чело омрачается; я очень хорошо знаю, что у него есть близости отъ васъ одинъ могущественный врагъ, и Галилей придетъ сюда отчасти для того, чтобы лично искать у васъ справедливости. Конечно, это удастся ему, потому что вы на самомъ дѣлѣ столь же великодушны, какъ я и слышалъ отъ него.

— Чего же онъ хочетъ?—рѣзко спросилъ Урбанъ.—Если онъ сдѣлаетъ, вѣдь это будетъ лицемѣріе. Не называй больше, пожалуйста, его имени: онъ навсегда потерялъ мою дружбу!

Бернардо не вѣрилъ своимъ ушамъ. Остолбенѣлый, онъ смотрѣлъ въ лицо сердитому папѣ. Урбанъ совершенно другимъ тономъ продолжалъ:

— Ты не знаешь человѣка, о которомъ просишь. Я высоко цѣнилъ его, но онъ меня, своего лучшаго друга, постыдно предалъ.

Бернардъ ничего не зналъ о случившемся.

— Конечно, дядя,—сказалъ онъ,—васъ обманули его враги. На чемъ вы основываете свои подозрѣнія?

— О,—возразилъ Урбанъ,—и мнѣ трудно было повѣрить подобной низости, но имѣющіяся налицо доказательства исключаютъ возможность всякой ошибки.

Бернардо былъ уничтоженъ. По своей юности онъ не могъ еще понять всей громадности бѣдствія, которое угрожало Галилею и вмѣстѣ ему, и его возлюбленной Цециліи. Въ это мгновеніе онъ только чувствовалъ, что его дядя, котораго онъ едва узналъ и который сначала высказалъ столько расположенія, въ чемъ-то подозрѣваетъ Галилея, сдѣлавшагося для Бернардо изъ-за Цециліи вторымъ отцомъ. Теперь рушились всѣ надежды пылкаго благороднаго юноши, осуществленіе которыхъ зависѣло отъ новаго папы. Въ его сердцѣ оставалось только одно пламенное желаніе: для него ничего не значили бы почести и богатство, если бы онъ долженъ былъ отказаться отъ исполненія этихъ желаній. Еще нѣсколько минутъ тому назадъ онъ въ порывѣ благодарности хотѣлъ открыть дядѣ сладкую тайну своей любви, но теперь его сердце судорожно сжалось и когда онъ взглянулъ на мрачную физиономію папы, въ его душѣ закипѣла злоба. Онъ долженъ былъ по мѣрѣ силъ и возможности защищать свое драгоценнѣйшее сокровище противъ враждебныхъ силъ. Боже, какая перемѣна! Онъ еще не разобрался въ причинахъ, враждебно-настроившихъ папу противъ Галилея, и и могъ снова возвратиться къ прежнему благодушному настроенію, перемѣнивъ свой гнѣвъ на страстную мольбу, если бы въ это самое мгновеніе не откинулась тяжелая дверная завѣса, показавъ высокую фигуру вошедшаго Беллярмина.

Согласно постановленію; не самъ папа, а Беллярминъ, назначенный для Рима кардиналомъ-инквизиторомъ, долженъ былъ принимать жалобу Галилея; поэтому Беллярминъ и явился къ назначенному для него часу.

Едва Бернардо увидѣлъ кардинала знакомаго ему еще по Флоренціи, какъ тотчасъ же понялъ, гдѣ нужно искать разрѣшенія загадки, и вся его злоба обратилась на вошедшаго. Не будучи въ состояніи обуздать свое возбужденіе, онъ вскричалъ:

— Что мнѣ еще спрашивать, кто оклеветалъ благороднаго Галилея? Вотъ онъ — налицо, пытавшійся еще во Флоренціи съ помощью позорныхъ подвоховъ погубить Галилея и закончивающій свое низкое дѣло здѣсь, въ Римѣ.

Эти слова, какъ Урбана, такъ и Беллярмина привели въ крайнее негодованіе. Послѣдній сказалъ:

— Неужели папа можетъ терпѣть, чтобы въ его присутствіи такъ неслыханно осмѣливались оскорблять вѣрнѣйшихъ слугъ церкви?

Урбанъ самъ былъ въ высшей степени разгнѣванъ, въ присутствіи же Беллярмина окончательно вышелъ изъ себя.

— Берегись,—закричалъ онъ Бернардо,—ты еще не знаешь, но скоро узнаешь, что значить мой гнѣвъ.

При этомъ онъ строго и сурово взглянулъ на племянника, который, не помня себя, рѣзко отвѣчалъ:

— Дядя, что это съ вами? Вы столь кроткій и благородный, исполнены ненависти и злобы противъ человѣка...

Но папа не далъ ему договорить.

— Для такого человѣка,—возразилъ онъ,—моя снисходительность не можетъ придумать пощады, потому что онъ заплатилъ за мою снисходительность измѣной.

Но эти слова только больше зажгли волненіе въ крови юноши, который былъ убѣжденъ въ благородномъ образѣ мыслей Галилея.

— Это невѣроятно,—вскричалъ онъ,—васъ обманули, желая только обвинить его. Его хотятъ погубить и поэтому, подстрекая васъ противъ него, стараются лишить самой прочной опоры.

Такой разговоръ, особенно же въ присутствіи кардинала, для Урбана былъ невыносимъ.

— Замолчи!—грозно вскричалъ папа,—я приказываю тебѣ, дерзкій мальчишка! Ты долженъ прекратить знакомство съ Галилеемъ, иначе—конецъ моему терпѣнію.

— При всемъ должномъ къ вамъ уваженіи и послушаніи, котораго вы можете ожидать отъ меня, я все-таки никогда не сдѣлаю того, за что мнѣ придется отвѣчать передъ своей совѣстью; я никогда не позволю себѣ и подумать о томъ, чтобы оскорбить столь великодушнаго человѣка и столь замѣчательнаго ученаго, какъ Галилей,—возразилъ Бернардо.

Теперь вмѣшался въ разговоръ и Беллярминъ.

— Неразумно,—сказалъ онъ,—такого молодого неопытнаго человѣка предоставлять самому себѣ. Пылкость можетъ повергнуть его въ опасность и поэтому необходимо за его поступками строго надзирать.

Если къ своему дядѣ у Бернардо все еще оставались въ душѣ слѣды нѣкотораго уваженія, то по отношенію къ кардиналу онъ чувствовалъ только глубокое презрѣніе. Смѣло онъ сдѣлалъ къ нему шагъ и сказалъ:

— Вы думаете, что я говорю объ этомъ дѣлѣ, ничего въ немъ не понимая, ибо я еще неопытенъ и мало знающъ въ наукѣ, будьте же увѣрены, что у меня достаточно способностей, чтобы оцѣнить заслуги Галилея; еще во Флоренціи, гдѣ я публично напалъ на наглаго монаха, пришлось мнѣ убѣдиться, что вы ненавидите Галилея, ибо онъ служитъ истинѣ, ибо онъ больше васъ. Поэтому только вы и стараетесь погубить его!

Затѣмъ, обращаясь къ Урбану, онъ сказалъ:

— Неужто, желая покровительствовать искусству, вы все-таки думаете, что можно побѣдить и скрыть истину? Вѣдь истина и красота неразрывно связаны одна съ другой. Неужто я могу трусливо покинуть благороднаго Галилея теперь, когда ему плетутся коварныя сѣти, когда его здѣсь въ Римѣ ожидаетъ погибель?

— Я не въ силахъ больше терпѣть,—сказалъ Урбанъ,—чтобы ты имѣлъ сношенія съ врагомъ церкви и я съумѣю прекратить это знакомство.

— Дѣлайте, что вамъ угодно,—возразилъ до крайности возбужденный Бернардо,—но будьте увѣрены, что я останусь вѣренъ своему убѣжденію и измѣнить ему заставитъ меня только насиліе!

Съ этими словами Бернардо бросился вонъ изъ покоевъ папы, поспѣшно покинулъ Ватиканъ, не глядя ни направо, ни налево, но ища только свободы, ибо, казалось, онъ готовъ былъ задохнуться отъ волненія.

Урбанъ и Беллярминъ нѣкоторое время смущенно молчали. Папа глубоко вздохнулъ, на душѣ у него было тяжело и онъ чувствовалъ необходимость принять мѣры противъ своего племянника. Беллярминъ замѣтилъ это и чтобы привести къ концу борьбу въ душѣ папы, онъ подойдя къ нему, энергично сказалъ:

— Неужто можно намъ оставаться спокойными ничего не предпринимая, послѣ такихъ заносчивыхъ рѣчей этого мальчишки? Не забывай папа Урбанъ, что такая горячая голова не задумается ни передъ чѣмъ и для спасенія человѣка можетъ поднять даже возстаніе; вѣдь Бернардо не только Галилея высоко чтитъ, какъ знаменитаго ученаго, но и страстно влюбленъ въ его дочь. Еще во Флоренціи мнѣ было извѣстно, что онъ знакомъ съ нею и рисовалъ съ нея картину. Не опускай изъ виду, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ любовь овладѣваетъ всѣмъ существомъ и что нѣтъ такого безумнаго поступка, на который бы человѣкъ не рѣшился ради блага или обладанія возлюбленной.

Урбанъ утвердительно кивнулъ головой, но угнетенное настроеніе все еще не покидало его и онъ въ полголоса проговорилъ:

— Куда влечетъ меня помимо моей воли слѣпая судьба? Долженъ ли я поступить съ нимъ насильственно, чтобы удалить его изъ Рима? Что дѣлать?

— Отдай его въ мои руки,—сказалъ Беллярминъ,—я постараюсь сдѣлать его безвреднымъ, не подвергая его опасности. Въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ будетъ арестованъ, пока мы не покончимъ съ дѣломъ Галилея.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Урбанъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Беллярминъ былъ уже готовъ кликнуть одного изъ своихъ подчиненныхъ, чтобы отдать необходимыя предписанія и приказанія,

какъ вдругъ доложили, что Галилей давно уже пришелъ и очень желаетъ видѣть его святѣйшество.

Съ явными признаками гнѣва и замѣшательства поднялся Урбанъ и сказалъ:

— Еслибы я даже захотѣлъ, то теперь я рѣшительно не могу его видѣть. Тебѣ я препоручаю все и то, что ты рѣшишь по этому дѣлу, съ тѣмъ я и соглашусь.

Съ этими словами онъ удалился, благодаря въ глубинѣ души Бога за то, что онъ послалъ ему въ лицѣ Беллярмина такую сильную опору. А Беллярминъ между тѣмъ успѣлъ уже отдать нѣсколько приказаній относительно надзора за молодымъ живописцемъ, счумѣлъ при этомъ выбрать такихъ людей, на которыхъ можно было полагаться, что они сдѣлаютъ Бернардо безвреднымъ, даже еслибы онъ рѣшился на всякія крайности.

Галилей пришелъ въ Ватиканъ въ сопровожденіи своего ученика Вивіани и долго долженъ былъ въ передней дожидаться аудіенціи. Тревога уже прокралась въ сердце ученаго во время его долгихъ ожиданій, но послѣ того, какъ Бернардо вдругъ крайне взволнованный промчался мимо, не замѣчая ни его, ни Вивіани, тревога перешла въ значительный страхъ. Ни его дочь Цецилія, ни его ученикъ Вивіани не предчувствовали, какъ въ послѣдніе дни онъ упалъ духомъ, какъ глубоко скорбѣло его сердце. Тосканскій посланникъ извѣстилъ его о назначеніи бывшаго архіепископа флорентійскаго верховнымъ инквизиторомъ, и съ другихъ сторонъ дѣлались ему предостереженія. Онъ вынужденъ былъ посѣтить нѣкоторыхъ кардиналовъ, интересовавшихся его изслѣдованіями. Въ ихъ числѣ былъ и графъ Эйтельфридрихъ Гогенцолернъ, пріятельски уговаривавшій Галилея не противорѣчить требованіямъ церкви. Между французскимъ и испанскимъ правительствомъ были жестокія несогласія. Франція покровительствовала всякимъ свободнымъ движеніямъ, чтобы ловить въ мутной водѣ рыбу; Испанія же всегда стояла за суровыя мѣры. Кардиналъ Филомарино, неаполитанскій архіепископъ, имѣлъ очень тяжелое мѣсто. Онъ зналъ, что всѣ боялись введенія въ Неаполѣ инквизиціи, ибо горючіе матеріалы были налицо и нуженъ былъ только поводъ для того, чтобы вспыхнула революція, на подобіе Толедской. Самъ кардиналъ былъ высокоуважаемъ неаполитанскимъ народомъ за его осторожный образъ дѣйствія, но перемѣны въ Римѣ внушали ему опасенія. Онъ зналъ также, что Галилей имѣлъ въ Неаполѣ большую партію приверженцевъ и что тамъ слѣдятъ за ходомъ его процесса.

Наконецъ, Галилей былъ принятъ, но онъ не начиналъ разговора, видя передъ собой не своего покровителя Урбана, а смертельнаго врага Беллярмина. Произошла пауза, во время которой оба смѣрили другъ друга ледянымъ взоромъ, затѣмъ началъ Беллярминъ:

КАТАЛОГЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- * **Анекдоты и остроумныя изреченія**, избранныя изъ сочиненій древнихъ писателей. Изд. 4-е. («Дешевая Библиотека»). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.
- Ассоновъ, К.** Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному и матеріальному праву. Тверь. 1888. Ц. 1 р.
- Астафьевъ, Н.** Опытъ исторіи Библіи въ Россіи, въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Барсуковъ, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Байе.** Византійское искусство (L'Art byzantin par C. Bayet). Спб. 1888. Ц. 2 р.
- Бобровъ, П. П.** Смерть Порошева. Этюдъ. М. 1889. Ц. 40 к.
- Богдановъ, М. Н.** Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы. Съ рисунками, портретомъ, биографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. П. Вагнера. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- * **Боровиковскій, А.** Законы гражданскіе (сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. (съ текстомъ законовъ по новому официальному изданію). Спб. 1889. Ц. 6 р.
- * **Бородинъ, Александръ Порфирьевичъ**, его жизнь, переписка и музыкальныя статьи. 1834—1887. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, В.** Огневая сушка овощей и зелени. Спб. 1888. Ц. 10 к.
- Вишневскій, С. М.** О сохраненіи здоровья. Кн. I, II и III. Казань. 1889. Ц. I и II кн. по 10 к., кн. III—12 к.
- Гамерлингъ, Р.** Атасеерь въ Римѣ. Стихотвореніе въ шести пѣсняхъ. М. Ц. 1 р. 50 к.
- Гаршинъ, Ев.** Три поэмы (А. Н. Майкова, гр. А. А. Голенищева-Кутузова и К. Р.). Критическій этюдъ. Спб. 1889. Ц. 20 к.
- Геръ, Робертъ.** Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій. Спб. 1889. Ц. 75 к.
- Говоровъ, Н.** Современные поэты. Критическіе очерки. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Голицынъ, Дм., князь (Муравлинъ).** Рубли. Спб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.
- * **Данилевскій, Г. П.** Украинскія сказки. Изд. 7-е. («Дешевая Библиотека»). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Данилевскій, Н. Я.** Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германороманскому. Изд. 4-е. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Дмитріевъ, Д. С.** Въ прошломъ вѣкѣ. Историческая повѣсть. М. 1889. Ц. 75 к.
- Дзержонъ, І., д-ръ.** О пользѣ пчеловодства. Спб. Ц. 5 к.
- Дитъпровскій, А.** Пестрая книжка рассказовъ, набросковъ и стихотвореній. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Дружининъ, В. Г.** Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Dujardin-Beaumont.** Водолеченіе, воздухолеченіе и климатолеченіе. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Ефронъ, А. А.** Письма изъ Испаніи и Бельгіи. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Желиховская, В.** Пережитые сочельники. Рассказъ. 1889. Ц. 20 к.
- Законы о евреяхъ.** Сборникъ извлеченій изъ Свода Законовъ Россійской имперіи дѣствующихъ о евреяхъ постановленій. Харьковъ. 1889. Ц. 2 р.
- Змѣевъ, Л. ѳ.** Русскіе врачи-писатели. Съ 1863 г. Спб. 1889. Ц. 4 р.
- Ивановъ, А. Л.** Пути въ Индію. Краткій очеркъ развитія торговыхъ сношеній съ отдаленнымъ Востокомъ. Съ картою. Спб. 1889. Ц. 75 к.
- Кавназскій календарь на 1889 г.** Тифлисъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Календарь и справочная книжка на**

1889 годъ для виноградарей, винодѣловъ и виноторговцевъ. Спб. Ц. 2 р.

Какъ выгодно сбывать продукты пчеловодства и что для этого нужно сдѣлать. Спб. 1888. Ц. 10 к.

Ковалевскій, Е. П. и Е. С. Марновъ. На горахъ Араратскихъ. (Изъ поѣздки студен. эксп. по Закавказью). М. 1889. Ц. 1 р. 50 к.

Колооловъ, А. Свѣдѣнія объ образованіи малолѣтнихъ рабочихъ. Спб. Ц. 20 к.

Cornille, P. I. «Le Cid». Tragédie en cinq actes et en vers.—II. «Horace». Tragédie en cinq actes et en vers. Вып. III. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. Спб. 1889. Ц. 1 р.

Краткое руководство по рецептурѣ. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. Кіевъ. 1889. Ц. 50 к.

Краткій обзоръ Всероссийской рыбо-промышленной выставки въ С.-Петербургѣ 12-го февраля 1889 года. Спб. Ц. 40 к.

Краузе, Вл. Землевѣдѣніе въ низшей и средней школахъ (съ приложеніями). Спб. 1889. Ц. 1 р.

Крыжановскій, В. А. Рѣшеніе 256 геометрическихъ задачъ А. Давидова. Изд. 3-е, исправл. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р.

Кунгурскіе акты XVII в. (1668—1699). Редакторъ А. А. Титовъ. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

К. Ш., д-ръ мед. Проказа. Популярный историко-медицинскій очеркъ. Спб. 1889. Ц. 25 к.

Леонардъ, П. Сельско-промышленный кризисъ и мѣры къ его устраненію. Значеніе низкаго курса для Россіи въ настоящее время и мѣры къ его поправленію. Парижъ. 1888. Ц. 75 к.

Лунасъ, Э. Бесѣды объ огородничествѣ. Передѣлано со 2-го нѣмецк. изд. В. Веселовскимъ. Спб. 1889. Ц. 60 к.

Лунашевичъ, Ил. Макарь. Разсказъ для младшаго возраста. Спб. 1889. Ц. 50 к.

Маналинскій, П. В. С.-петербургская присяжная адвокатура. Дѣятельность с.-петербургскаго совѣта и общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ за 22 г. (1866—1888 гг.). Спб. 1889. Ц. 3 р. 50 к.

Медоносная растенія. Указатель при выборѣ медоносныхъ растеній для ихъ разведенія. Спб. 1888. Ц. 80 к.

Модестовъ, В. П., проф. О Франціи. Спб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.

Морлей-Джонъ. Вольтеръ. Перев. съ 4-го англійскаго изданія подъ редакц. проф. А. И. Кирничникова. М. 1889. Ц. 2 р.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ пор-

третомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изд. 9-е. Спб. 1889. Ц. 2 р.

Николаевъ, Н. Рабы вражды. Романъ пѣзъ времени польскихъ заговоровъ и мятежа 1863 г. Спб. 1889. Ц. 2 р.

Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Спб. 1888. Ц. 3 р.

О промышленныхъ училищахъ. Мнѣніе Государственнаго Совѣта (Высочайше утверждено 7-го марта 1888 г.). Спб. Ц. 10 к.

Остроградскій, Ал. Руководство къ первоначальному обученію глухонѣмыхъ дѣтей по звуковому способу. Спб. 1889. Ц. 85 к.

Палеографическій снимокъ текста Русской Правды по Новгородской Кормчей Книгѣ XIII вѣка, скопированный съ подлинника подъ руковод. И. И. Срезневскаго. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Перциня. Капарейка, ея разведеніе, уходъ и леченіе болѣзней. Спб. 1888. Ц. 15 к.

Проектъ общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи. Спб. 1887. Ц. 20 к.

Процентныя бумаги, пай, акціи и облигаціи. Петрозаводскъ. 1888. Ц. 75 к.

Raleigh, T. Элементарная политика (Elementary politics). Спб. 1889. Ц. 80 к.

Repertorium по фармакологіи. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 75 к.

Савельевъ, С., д-ръ. Классификація и краткое описаніе опухолей. Спб. 1888. Ц. 35 к.

Свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ технико-промышленнаго образованія въ Россіи и за границей. Спб. 1888. Ц. 50 к.

Семеновъ, Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Т. I. Съ портретами Государя Императора Александра II и 10 членовъ комиссій. Спб. 1889. Ц. 7 р. съ подпиской на 3 тома 18 руб.

Слюнинъ, Н. В. Народныя лекарства на дальнемъ Востокѣ. Спб. 1889. Ц. 50 к.

Срезневскій, Б. О буряхъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Спб. 1889. Ц. 75 к.

Страховъ, М. А. Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Спб. 1888. Ц. 70 к.

* **Сухомлиновъ, М. И.** Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. II. (Н. Новиковъ, авторъ историч. словаря о рус. писателяхъ, съ приложеніями.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель

Имп. Александра I, съ приложеніями.— Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина.— Полемическія статьи Пушкина.— Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.— Ки. П. А. Вяземскій.— Н. А. Полевой и его журналъ «Московский Телеграфъ».— Три повѣсти Павлова.— Снятіе опалы съ славянофиловъ.— И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ). Сиб. 1889. Ц. 3 р.

Татищевъ, С. С. Императоръ Николай и иностранныя дворы. Историческія очерки. Приложение: Императоръ Вильгельмъ I о Россіи. Сиб. 1889. Ц. 3 р.

Топка печей дровами и конструкція приспособленнаго для этого топливника на основаніи наблюденій товарищества по устройству отопленія и вентиляціи зданій Лукашевича и Комп. Сиб. Ц. 75 к.

Троицкій, И. В. Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

Троицкій, Ѳ. Нагорная бесѣда Иисуса Христа, какъ божественная норма рѣшенія вопроса объ отличительныхъ свойствахъ и качествахъ Его учениковъ отъ учениковъ ветхихъ принциповъ. Казань. 1889. Ц. 30 к.

Туръ, Евгенія. Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть. М. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Тяжелыя азіатскія породы куръ. Сиб. Ц. 20 к.

Усовъ, П. Справочная книга и собраніе таблицъ и формулъ для электро-техники. Сиб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.

Успѣтскій, П. П. Содержаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е, дополнен. Сиб. 1889. Ц. 1 р.

Филипповъ, М. А. Патріархъ Никоиъ. Историческій романъ. 2 т. Сиб. 1889. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Финдейсъ, Г. Золотая рыбка, уходъ за нею, разведеніе въ аквариумахъ и прудахъ и болѣзни. Сиб. 1889. Ц. 20 к.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. II. Сиб. 1889. Ц. 2 р.

Чугуевецъ, П. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціального захолустья. Харьковъ. 1889. Ц. 30 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Курсъ торговаго права. Т. I. Право матеріальное. Вып. 3-й. Казань. 1888. Ц. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. То же. Вып. 4-й. Казань. 1888. Ц. 1 р.

Штиглиць, А. Изслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Ч. I. Сиб. 1889. Ц. 2 р.

Ш—хъ, А. и Л. и Ѳ. П—ой. Мѣсто-рожденія золота. Извлеченіе изъ книги Локка. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

Щегловъ, Ив. Господа театралы. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи. Сиб. 1889. Ц. 1 р.

Щербанъ, А. Е., д-ръ. Преступный чело-вѣкъ. Врожденный преступникъ—нравственно помѣшанный—эпилептикъ. По Lombroso. Сиб. 1889. Ц. 60 к.

* **Яковлевъ, И. (И. Я. Павловскій).** Очерки современной Испаніи. 1884—1885. Сиб. 1889. Ц. 3 р.

Японскія сказки и легенды. Вольный переводъ С. Крона. М. Ц. 70 к.

* Издаваніе А. С. Суворина.

НОВЫЯ КНИГИ:
ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА:

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ.

Л. Н. МАЙКОВА.

(Симеонъ Полоцкій.— Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени.— Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго.— В. И. Майковъ.— Литературныя мелочи Екатерининскаго времени.— Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики).

Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

ТАТЬЯНА РѢПИНА

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Изданіе 2-е. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

А. П. БОРОДИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПЕРЕПИСКА И МУЗЫКАЛЬНЫЯ СТАТЬИ

(1834—1887).

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ КРИТИКѢ

(1820—1880).

С. ТРУБАЧЕВА.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на сооруженіе въ Москвѣ памятника

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхнымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю. Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями. Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю. Это ходатайство было благоосклонно принято въ Бояѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволило разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣтную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю. Къ первому декабря 1888 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп. Пожертвованія принимаются въ конторѣ журнала «Историческій Вѣстникъ», Невскій, 38, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени». Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемесячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только, для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я, стр. 103-я (такавого одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова.

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ г. Шую, Ѳодору Гаврловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

НОВЫЯ КНИГИ СЕРГѢЯ АЛЕКС. ВЪЛЮКUROVA.

1) **Матеріалы для Русской исторіи.** (Содержаніе: бібліотека и архивъ Соловецкаго монастыря послѣ осады.—Дѣла свят. патріарха Никона, паче же рещи чудеса врачебная.—Varia.—Дѣла о лицахъ говорившихъ непристойныя слова.—Посольство Елчина и святи. Захарьева въ Дадіанскую землю въ 1639—40 годахъ.—Московский печатный дворъ въ 1649 году.—Подметныя письма Голосова, Посошкова и др.). Ц. 3 р.

2) **Адамъ Олеарій о греколатинской школѣ Арсенія Грена въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.** Рефератъ читанный въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда. Ц. 50 коп.

3) **Указатель къ чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1882—1887 годы.** Ц. 50 коп.

Получать можно въ книжныхъ магазинахъ Глазунова и Суворина и у С. А. Вѣлукорова (Садовники, д. церкви Георгія).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнечкій мостъ, домъ Широной.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

